

**МЫ ПРЕДУЧУВСТВУЕМЕ...
ПРЕДЕЧА...**

**ЛЮДМИЛА
ПОЛИКОВСКАЯ**

**ЛЮДМИЛА
ПОЛИКОВСКАЯ**

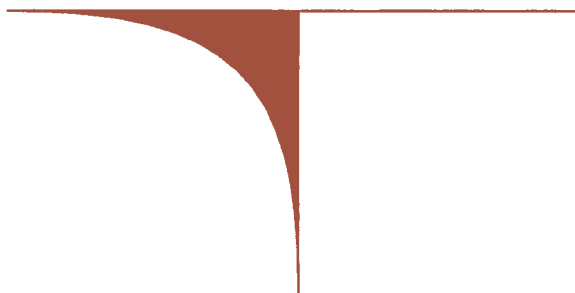
**МЫ
ПРЕДУЧУВСТВУЕМЕ...
ПРЕДЕЧА...**

ЛЮДМИЛА
ПОЛИКОВСКАЯ

**МЫ
ПРЕДЧУВСТВИЕ...
ПРЕДТЕЧА...**

ПЛОЩАДЬ МАЯКОВСКОГО
1958-1965

"ЗВЕЗДА"
МОСКВА
1997

**ББК 66.75(2)
П 50**

Редакционная коллегия
издательской программы общества «Мемориал»:
А.Ю.Даниэль, Л.С.Еремина, Т.И.Касаткина, М.М.Кораллов,
Н.Г.Охотин, Я.З.Рачинский, А.Б.Рогинский (председатель)

Редактор А.И. Добкин

ISBN 5-7870-0002-1

©НИПЦ «Мемориал», 1997 г.
©Л.В.Поликовская, 1997 г.
©Д.А.Сенчагов, оформление, 1997 г.

*Памяти первых наших
Ненапечатанных строк.
Памяти в юности павших,
Не переживших срок.
Памяти тех, кто упорно
В оттепельных годах —
Сеял золотые зерна
И презирал страх!*

*Памяти нашей плеяды
Шестидесятых годов —
Не получивших награды,
Не увидавших стихов
В той официальной печати,
Где одинаково всех
Стригли вчерашние тати,
Вылезшие из-под застрех.*

*Памяти тех, кто не вынес
Злобы родной страны.
Господи, сохрани нас!
Господи, сохрани!..
Памяти всех непризнанных
До гробовой доски.
Памяти ныне изгнанных...*

От автора

Москвичи, которым сейчас за пятьдесят, наверное, помнят, как на площади Маяковского, у памятника поэта, собиралась молодежь и читала стихи, свои и чужие, хорошо известные и «забытые». Здесь можно было услышать Цветаеву и Гумилева, Гиппиус и Клюева, когда их имена почти еще не встречались в официальной прессе. Звучащий самиздат в центре столицы социалистического государства! Это было чудом. И потому собирало толпы. Удивленные, сочувствующие, восторженные и настороженные: что-то будет. И «что-то» не заставило себя ждать: стали появляться добры молодцы, иногда с красными повязками, иногда — без, и — с переменным успехом — разгонять читающих.

В октябре 1961-го чтения прекратились. Поползли слухи: всех посадили, выслали... Мало кто знал, что же произошло в действительности, но в Москве стало скучнее — это почувствовали многие.

...Время было бурное, и вечера на площади постепенно забывались. Кого-то в самом деле посадили, кто-то ушел в частную жизнь, у большинства выступавших и слушавших появились другие интересы.

В начале 70-х о площади рассказал один из активных «маяковцев» — Владимир Осипов. В журнале «Грани»... Только кто же в России мог прочитать этот «вражеский» журнал? Позже появилась книга Владимира Буковского «И возвращается ветер...» — сначала на Западе, а в 1990 году и в России — и там глава о «Маяке».

Я тоже бывала на площади, но писать о ней... Такое почему-то не приходило в голову. Даже и в перестроечные времена, когда никакие внешние препятствия уже не мешали.

В начале 90-х я стала работать в Научно-информационном и просветительском центре «Мемориал» и занялась так называемой устной историей — брала подробные интервью у людей, так или иначе связанных с диссидентскими кругами. Мы — группа исследователей, обратившихся к истории диссидентского движения, — полагали, что для нашей темы важны не только данные о политических и правозащитных выступлениях недавнего прошлого, но и свидетельства о самых разных проявлениях инакомыслия: от прямой конфронтации с властями до устройства своей частной жизни без

оглядки на насаждаемые официальной идеологией нормы. Инакомыслие могло выражаться в исповедовании той или иной религии, нежелании вступать в комсомол, чтении запрещенных книг, посещении квартирных выставок и т.д.

Беседовать я предпочитала с людьми своего поколения и своего круга, и как-то само собой получилось, что большинство из них в какой-то степени оказались причастны к несанкционированным молодежным сходкам на площади Маяковского в 1958–1961 гг. Да и в биографиях некоторых известных диссидентов (например Юрия Галанскова, Владимира Буковского, Владимира Осипова, Эдуарда Кузнецова) «Маяковка» сыграла немаловажную роль, став отправной точкой их духовного и гражданского становления. Когда эта закономерность была замечена, возникла идея книги о «Маяке». Точнее, о поколении, пришедшем на площадь. И поэтому пусть не удивляется читатель, обнаружив здесь рассказы — иногда довольно подробные — не только о том, что происходило непосредственно у памятника, но и о детстве, и о последующей судьбе некоторых завсегдаев площади.

В книге есть некоторые сюжетные повторы — когда множество людей рассказывают об одних и тех же событиях, это неизбежно. И, думается, необходимо: историческая истина выкристаллизовывается только из сплетения множества голосов — как противоречивых, так и вторящих друг другу.

К сожалению, мне не удалось поговорить ни с членами оперотрядов, разгонявших толпу у памятника, ни с партийными и комсомольскими боссами, курировавшими площадь, ни с кагэбэшниками, отправившими лидеров «Маяковки» в лагерь. Когда эта книга выйдет в свет, возможно, кто-то заметит, что в ней не хватает еще каких-то важных свидетельств, — я буду благодарна за любую дополнительную информацию, за всякое дельное замечание.

Как ни ценны материалы «устной истории», передающие сам дух эпохи, писать историю «Маяковки» (и вообще всякую историю) невозможно, не обращаясь к источникам письменным. Поэтому в книгу естественным образом вошли и стихи, звучавшие на площади, и газетные статьи тех лет, и архивные документы. (Увы, документы из архива КГБ так и остались недоступными.)

Так что же в итоге представляет собой эта книга: мемуарный сборник или исследование? Такие атрибуты научной работы, как библиографические ссылки, обширный комментарий, биографические справки, именной указатель, — в наличии. Однако профессиональные историки вряд ли отнесут сей труд к жанру научной литературы. И будут правы. Какую роль сыграла «Маяковка» в общественной жизни тех лет? Каково ее место в истории советского

андеграунда? Что дал ее опыт — положительный и отрицательный — последующему диссидентскому движению? На эти вопросы я отвечать не берусь. Ибо — сознаю — не гожусь в беспристрастные судьи. Строго научную историю площади напишут будущие исследователи — им и карты в руки, и эта книга в помощь.

Если усталый от возраста, быта и всякой дряни мой ровесник, листая эти страницы, вспомнит «нашей юности буйную рань» и улыбнется просветленно, а человек молодой, «упакованный», как нам и не снилось, и мечтающий махнуть на Канары, пожалеет о том, что в современной Москве, с ее дискотеками и ночными барами, не читают стихи на улицах и Садово-Триумфальная площадь давно уже не «Маяк», — я достигла своей цели. Другой у меня не было.

* * *

Все интервью, кроме особо оговоренных случаев, и все литературные записи (родившиеся также из интервью) сделаны мною в 1993–1995 годах. Мною же даны все эпиграфы и почти все заголовки. В качестве посвящения взято стихотворение М.Юппа.

Архивные документы найдены и переданы мне сотрудником НИПЦ «Мемориал» Геннадием Кузовкиным, за что приношу ему глубокую и искреннюю благодарность. Благодарю также Михаила Каплана, безотказно консультировавшего меня по всем вопросам, — его уникальная память сохранила множество имен, фактов, деталей.

Моя искренняя признательность Наталье Кравченко и Арсению Рогинскому, помогавшим замечаниями и советами на всех этапах создания этой книги.

Людмила Поликовская

Владимир Буковский

ГАЙД-ПАРК ПО-СОВЕТСКИ

Мемуары Владимира Буковского — вольная контаминация из его автобиографической книги «И возвращается ветер » (Париж, 1979, Москва, 1990) и беседы, которую по нашей просьбе провела с ним его старый друг Вера Иосифовна Лашкова в Кембридже в 1994 году Мы намеренно помещаем этот текст до раздела «Экспозиция» Воспоминания Владимира Константиновича дают панораму «Маяковки», и на этом фоне более фрагментарные рассказы других ее участников становятся понятнее, вписываются в некую общую картину Если угодно, это еще одно предисловие к книге — от действующего лица

Почему все так вышло? И будет ложью
На характер свалить или Волю Божью.
Разве должно было быть иначе?

Мы платили за всех, и не нужно сдачи.

И.Бродский

Летом 1958 года открыли памятник Маяковскому. На официальной церемонии открытия памятника официальные советские поэты читали свои стихи, а по окончании церемонии стали читать стихи желающие из публики. Такой неожиданный, незапланированный поворот событий всем понравился, и договорились встречаться здесь регулярно. Поначалу власти не видели в том особой опасности, в одной московской газете даже была опубликована статья об этих сходках с указанием времени их и приглашением приходиться всем поклонникам поэзии. Стали собираться чуть не каждый вечер, в основном — студенты, читали стихи забытых и репрессированных поэтов, свои собственные, иногда возникали дискуссии об искусстве, о литературе. Создавалось что-то наподобие клуба под открытым небом, вроде Гайд-парка. Такой опасной самодеятельности власти не могли терпеть дольше и довольно скоро прикрыли собрания.

«Прикрыли» довольно вежливо: не избивали, не хватали, не сажали на пятнадцать суток — вызывали по месту учебы, в комитеты комсомола и т.д. и просили (а может, требовали — не знаю) прекратить. Они и прекратили. Потому что они, в отличие от нас, вовсе не были бунтарями и настроены были вполне конформистски. Из тех людей могу назвать только Игоря Волгина, от него-то я и знаю об этом, самом первом периоде «Маяка». (Сам я тогда не бывал на площади.) Он потом пришел к нам и сказал: «Как интересно! Вы возобновили чтения!», и потом он приходил и читал что-то свое, но он был ужасно советский. Я помню, как после чтений мы с ним

гуляли по ночной Москве и спорили про советскую власть. Я тогда уже был вполне законченный антикоммунист, а он вполне советский человек, который просто в упор ничего не понимал про «коммунизм» и «капитализм».

В сентябре 60-го, я тогда уже поступил в университет, мы с моими друзьями Сережей Гражданкиным и Севой Абдуловым решили возобновить чтения.

Тогда было довольно много оппозиционно настроенной молодежи, которая не могла найти друг друга, просто не было такого места, где бы они могли встретиться. И я решил, что «Маяк» — самое подходящее для этого место. Я считал, что чтения на площади станут своеобразным сигналом: будут сходиться, знакомиться. Придут и те, кто бывал здесь раньше, и какие-то новые люди. Площадь не тайная сходка, не конспиративная квартира, здесь все будет происходить открыто, без всякого криминала, никто не «засветится».

И я не ошибся. На «Маяке» стало собираться множество — самого разного — народа. Даже из других городов, из других республик приезжали: кто-то побывал в Москве, услышал, рассказал. Везде была молодежь, интересующаяся неофициальной и полуофициальной поэзией.

Чтение стихов прямо на площади, посреди города, создавало совершенно необычную атмосферу. Многие чтецы были отличными актерами-профессионалами, другие — незаурядными и самобытными поэтами: Щукин, Ковшин, Михаил Каплан, Виктор Калугин, Александровский, Шухт и другие. На каждое чтение стекались сотни людей.

Происходило это обычно по вечерам в субботу и воскресенье. На меня — кажется, и на всех — особенно сильное впечатление производил Анатолий Щукин. Свои талантливые и необычные стихи он еще и читал прекрасно, а это было важно: никакой техники, никаких микрофонов у нас не было. Он буквально завораживал слушателей. Он произносил:

А на Аравийском узком полуострове
Не осталось, Господи,
Места для погоста...¹ —

и в первую минуту покорял чистым звучанием, звуковая волна захватывала тебя и подчиняла, но в тот момент, когда ты уже готов был стряхнуть с себя это наваждение чистой стихотворной формы, — вторая волна на тебя накатывала — и уже не отпускало подводное смысловое течение.

Одним из наиболее часто читаемых на «Маяке» произведений был «Человеческий манифест» Юрия Галанскова. Читал его и сам автор, и ребята-актеры. До сих пор не знаю, действительно ли это хорошие стихи, и не могу оценить: слишком кровно они связаны со

всей памятью о тех временах, мы воспринимали «Человеческий манифест» как симфонию бунта, призыв к непокорности.

Выйду на площадь
и городу в ухо
втисну отчаянья крик!.. —

звучало над площадью Маяковского, словно здесь и сейчас найденное слово. В Юркиных стихах было то, что мы ощущали, чем мы жили:

Это — я,
призывающий к правде и бунту,
не желающий больше служить,
рву ваши черные путы,
сотканые из лжи.

Как и он, мы чувствовали: из этого отчаяния, бунта произрастает, возрождается свободная и независимая личность:

Не нужно мне вашего хлеба,
замешанного на слезах.
И падаю, и взлетаю
в полубреду,
в полусне...
И чувствую, как расцветает
человеческое
во мне.

Действительно, это был человеческий, а не узкополитический манифест.

Это было время, когда свобода творчества, проблемы искусства и литературы стали центральными в жизни общества, и самыми большими революционерами оказались художники-нонконформисты, поэты-«формалисты» и т.д.

Около ста лет назад наши сверстники читали взахлеб социалистические брошюры, обсуждали на сходках социалистические утопии, и кто в то время не знал Фурье или Прудона, считался невеждой. У нас паролем было знание стихов Гумилева, Пастернака, Мандельштама, и если сыщики царской России учили социалистические трактаты, чтобы проникнуть в среду молодежи, то агенты КГБ поневоле становились знатоками поэзии.

Поэты, прямо или косвенно загубленные большевиками, были нашими тогдашними кумирами. А что касается современной фрондирующей поэзии... Евтушенко уже тогда считался человеком чем-то скомпрометированным, по крайней мере, своими связями с властью, так или иначе, но он шел на контакт с официозом и печатался в официальных советских изданиях. Уже одно это делало его в наших глазах лицом малоприятным и малопримлемым.

Ребята-«маяковцы» не только читали, но и распространяли стихи: Заболоцкий, Кедрин, Цветаева... — все это перепечатывалось и отдельными стихами и целыми сборниками. (Правда, лично я этим не занимался, в России у меня никогда в жизни не было машинки.) Передавалось друг другу, раздавалось.

Народ подбирался у нас самый разношерстный. Были и такие, как, например, Анатолий Иванов, по прозвищу Рахметов, кого интересовало только чистое искусство, и они отчаянно боролись за право искусства быть чистым. Это приводило таких людей, во все времена считавшихся самыми аполитичными, прямо в гущу политической борьбы, на ее передние рубежи. Были такие, как я, для которых право искусства на независимость являлось лишь поводом, одним из пунктов несогласия, — и мы были здесь именно потому, что это оказалось центром политических страстей. Были и такие, как автор запомнившихся мне с той поры стихов:

Нет, не нам разряжать пистолеты
В середину зеленых колонн!
Мы для этого слишком поэты,
А противник наш слишком силен.

Нет, не в нас возродится Вандея
В тот гудящий, решительный час!
Мы ведь больше по части идеи,
А дубина — она не для нас.

Нет, не нам поднимать пистолеты!
Но для самых торжественных дат
Создавала эпоха поэтов,
А они создавали солдат².

Боролись мы за конкретную свободу творчества, и не случайно потом многие из нас влились в движение за права человека: Галансков, Хаустов, Осипов, Эдик Кузнецов и многие другие — все мы перезнакомились на «Маяке».

Конечно, люди как-то группировались, но это были не политические, а литературные группы, в основном вокруг самиздатских журналов, которые составлялись из авторов, регулярно посещающих площадь. Юра Галансков делал «Феникс», и мои друзья печатались в основном в «Фениксе». А был еще «Коктейль» (аннотированный в «Фениксе») — его сделал Алик Скуратовский со своими друзьями. (Они все, по-моему, тогда учились в МИФИ.) Валера Качанов, студент юридического факультета, принес на площадь «Альянс» — журнал, в котором участвовали какие-то его приятели. Я их не знал... Был еще такой мальчик Александровский, писал публицистические стихи в духе XX съезда.

Много еще было на площади всякого рода неомарксистов и неокommунистов, однако они уже не делали погоды. Возможно, тут имеет место некий эгоцентрический момент: лично я не верил ни в какой социализм, ни в каких лениных лет с шестнадцати, если не раньше.

...И все время шли споры, и на постаменте — стихами, и на самой площади. Антисталинистами были практически все. Странники социализма с человеческим лицом пытались звать назад, к Ленину, а мы смотрели на Запад. И те и другие были достаточно критически настроены по отношению к настоящему и в выражениях не стеснялись. И все это говорилось в самом центре Москвы, где еще семь-восемь лет назад за такие слова, сказанные шепотом, вlepили бы десять лет без всяких разговоров.

А тут — первое время — ничего. Даже разгонять не пытались. По-моему, власти просто не знали, что с этим делать. А может быть, не понимали, что «Маяк» собирает и связывает друг с другом оппозиционно настроенных людей, инакомыслящих (хотя тогда это слово еще не было в ходу).

Правда, опомнились они довольно быстро. Начались всякие инсинуации, провоцировались драки, пытались нас разгонять, не подпускали к памятнику, оцепляли его. Против нас использовали не милицию и не дружинников, а так называемые «комсюки» — комсомольские оперативные отряды. Формально карательными мероприятиями против нас руководили горком комсомола и комсомольский оперативный штаб³. Фактически за ними, конечно же, не мог не стоять КГБ.

На нас постоянно устраивали облавы, а иногда и задерживали на несколько часов. Часто, задержав кого-нибудь, оперативники сдавали нас в милицию вместе с фиктивными протоколами о нашем плохом поведении. Иногда милиция наказывала нас, чаще же просто отпускала: не любили они этих добровольных полицейских, а с КГБ у них и вовсе не утихала межведомственная вражда. Пошли обыски: сначала на улице — отбирали и обыскивали портфели, а потом и по домам.

Одновременно против нас началась кампания клеветы в партийной печати. Чего только не писали про нас — чаще всего, что мы паразиты, бездельники, нигде не работаем. Последнее иногда формально соответствовало действительности, так как по распоряжению КГБ нас выгоняли из институтов и никуда не давали устроиться на работу.

Мы, конечно, старались не попадаться в лапы «комсюков». Нужно было организовывать не только чтения, но и безопасный уход чтецов с площади. Пока они читали, толпа, естественно, охраняла их, но когда чтения подходили к концу, нужно было осторожно, по одному выводить читавших из толпы и незаметно для оперативников отправлять домой или в безопасное место. Иногда их прихо-

дилось в толпе переодеть, поменять шапку, подогнать машины или даже прямо задержать оперативников, отвлечь их внимание. Каждый раз это требовало много изобретательности. Все кончалось тем, что толпа еще стояла, а читать было уже некому — люди недоуменно расходились.

Тут-то и наступала самая трудная минута — исчезнуть нам самим. Иногда дело доходило до прямой погони, и вряд ли нам удавалось бы уйти, если б не рос я в этом районе и не знал все проходные дворы в окрестностях. (Сам я стихов не писал и никогда не выступал на «Маяке», моя функция была чисто организаторской.)

В апреле 1961 года на площади произошло целое побоище. 12-го полетел в космос Гагарин. По этому поводу на 14-е были объявлены торжества, народные гулянья — и толпы полупьяного народа запрудили улицы. У нас же на 14 апреля было намечено чтение, посвященное очередной годовщине гибели Маяковского. В условленный час народу на площади было полным-полно. Многие празднующиеся подходили просто потому, что видели толпу и не знали, что должно произойти. У нас мнения разошлись: одни считали, что чтения нужно отменить, другие — что отменять поздно. В конце концов решили читать. Обстановка была накалена до предела, оперативники в любую секунду были готовы броситься на нас. Наконец, когда стал читать Щукин, они взвыли и кинулись через толпу к памятнику.

Обычно мы старались окружить чтецов кольцом своих, чтобы не допустить провокаций, да и публика всегда вступалась за нас. Было так и на этот раз, но уж очень разъярились оперативники, в толпе же было много людей совершенно случайных, а то и пьяных. Завязался настоящий рукопашный бой, причем многим было непонятно, кто с кем дерется, и ввязывались в драку ради забавы. В мгновение ока вся площадь кипела: дрались, толкались локтями, протискивались к дерущимся. Оперативникам круто досталось, но они все-таки ухитрились засунуть Щукина и Осипова в милицейскую машину. Милиция и вообще-то непопулярна в народе, а тут и подавно ее появление вызвало злбу. Одно мгновение я боялся, что милицейскую машину перевернут и разобьют вдребезги. Кое-как она выбралась из толпы. Щукин получил пятнадцать суток «за чтение антисоветских стихов», Осипов — десять суток «за нарушение порядка и нецензурную брань». Последнее было особенно забавно, так как Осипов был всем известен как противник нецензурной брани и всегда возмущался, когда слышал ее.

Было понятно, что под открытым небом мы вечно существовать не сможем — рано или поздно прикроют. А тут как раз к нам подошли какие-то люди из горкома комсомола и сказали что-то примерно такое: зачем вам читать на площади? Давайте лучше мы

вам клуб дадим. («Комсюки», как я уже сказал, тоже подчинялись горкому — они были репрессивной стороной, «кнутом», но — параллельно некоторые комсомольские боссы действовали и «пряником».) Я им, конечно, сказал: «Отчего же нет. Очень хорошо, давайте клуб. Но уж только никаких указаний — мы сами будем решать, что делать». — «Нет, нет, — заверили меня, — об этом и речи быть не может, просто мы хотим, чтобы все происходило в каких-то более цивилизованных рамках».

Я был не лыком шит, ни в какой партийный либерализм, никаким партийным либералам я никогда не верил... Да и кто их знает, либералы они или агенты. Они были молодые ребята, а насколько искренни были их комсомольские идеи, насколько искренне они нам симпатизировали — не знаю, да и думаю, что они и сами не понимали этого до конца.

Отчасти они, видимо, чувствовали, что теряют молодежь, и хотели как-то ее удержать, приручить.

Я им сразу предложил устроить выставку художников-нонконформистов. В Москве было много художников, презревших единственно дозволенный тогда метод — социалистический реализм: абстракционисты, беспредметники, сюрреалисты, экспрессионисты, ташисты... — всякие были направления. Я про себя думал так: во всяком деле надо идти на уступки с двух сторон. Если мы устроим даже умеренно нонконформистскую выставку, это будет событием. Вот эти картины не возьмут, а вот на эти согласятся — и то хорошо. Будет висеть хоть одна картина Рабина — уже неплохо. И ребята-художники были на это согласны — хотелось хоть что-нибудь выставить.

Свои работы принесли Титов, Рабин, Кропивницкий, Харитонов, Плавинский — и сразу началось: это нельзя, то тоже нельзя. Они, может быть, и хотели бы что-то разрешить, поиграть в либерализм, но партия им не давала. Даже одну выставку — для затравки — они не смогли провести. (Они, правда, были очень недовольны своим партийным руководством. Или говорили, что недовольны, — их разве разберешь, темное племя.)

Так или иначе, выставка была запрещена (правда, мы ее два дня все-таки показывали, несмотря на запрет, неофициально).

С некоторыми комсомольскими деятелями я как бы задружился. Особенно с Талицким. Он, надо сказать, зашел очень далеко: через него и его друзей мы узнали о предстоящих облавах на «Маяке». Так что, честно говоря, весь этот роман с комсомольскими боссами имел для меня еще и разведывательный смысл. Это была очень сложная игра, но она давала мне возможность узнать, какие решения принимаются по поводу «Маяка». (Когда потом ЦК партии твердо решил покончить с нами, мне это передали.)

Этот же Талицкий однажды попросил меня объяснить, почему мы не хотим сотрудничать с комсомолом. Я ему начал на пальцах объяснять, а он говорит: «Слушай, может, ты мне это напишешь? Мы отпечатаем на машинке и распространим эту критику среди комсомольских работников». «Ладно», — говорю. Написал, отдал ему, он, действительно, отпечатал, дал мне копию. Свой рукописный экземпляр я выбросил. Не потому, что чего-то боялся, — я не считал, что написал что-то крамольное, — просто раз уж напечатано, зачем нужна рукопись?

Сидим мы как-то с ребятами на какой-то квартире, кажется, у Галанскова, и Эдик Кузнецов говорит мне: «Дай-ка мне почитать, что ты этим райкомовцам написал о комсомоле». — «Ну, пожалуйста». И, конечно, никому из нас и в голову не пришло, что эту несчастную бумажку окрестят «Тезисами о развале комсомола», объявят антисоветским документом и вменят в вину не мне, а Кузнецову⁴. (Я вовсе не собирался разваливать комсомол. По той простой причине, что считал эту организацию совершенно мертвой).

Талицкий потом мне рассказывал, что в КГБ «засекли»: «Тезисы» напечатаны на райкомовской машинке — и «вычислили» его. У него были большие неприятности, он получил выговор, едва-едва не выгнали из комсомола. Правда, в конце концов не выгнали, но с комсомольской работы он ушел и больше никогда к ней не возвращался. Он никогда не был ни подсадной уткой, ни гбэшником — это я знаю точно. Он, действительно, верил, что можно найти какие-то здоровые силы в комсомоле.

В райкоме, через Талицкого и других, я пытался как-то выйти на типографию. Машинописные журналы — это замечательно, но у них очень ограниченный тираж. Сколько копий можно сделать? Да и труд это адский, и выглядят такие журналы как-то несерьезно. В общем, я решил, что нам нужна типография. Но в райкоме это не получилось. (Должен сказать, они меня в КГБ ни по этому, ни по какому другому поводу не «сдали». Все, о чем мы с ними разговаривали, в КГБ не протекало. Так что я их ни в чем не виню, ничего плохого они не сделали.)

Не получилось в райкоме — я стал искать пути другие. Нашел человека, который работал в типографии, стал у него выяснять, может ли он на типографских машинах в нерабочее время печатать наши материалы, если нет — может ли он добыть шрифт, краску, сколько это может занять времени и т.д. Ничего из этого не получилось, но прошел слух: Буковский хочет организовать типографию.

До весны 1961 года КГБ мной не интересовался (хоть меня и не раз задерживали на «Маяке»). Но затея с клубом и мой быстрый отказ от него не могли не вызвать подозрений. Как так, я никогда не

был комсомольцем, имею обширные связи среди комсомольских боссов, а в райкоме просто днюю и ночью, присутствую чуть ли не на всех заседаниях. А тут еще до них, очевидно, дошли слухи, что я затеваю типографию.

Ко мне домой пришел чекист, без всякой повестки, и сказал: «Пошли!» — «А в чем дело?» — «Побеседовать». — «Ну, пошли».

Привели меня в какую-то квартиру на Арбате. Обыкновенная квартира: клеенчатая дверь с кнопкой — районный отдел КГБ. Сидит какой-то капитан. (Он назвал фамилию, но я сейчас точно не помню, кажется, Никифоров.) Он сказал, что им известно о моих попытках создать типографию.

Никакого дела у них заведено не было, и я мог просто с ними не разговаривать. К сожалению, моя подготовка к допросам была более психологической, чем юридической, я совсем не знал тогда своих законных прав. Поэтому вместо того, чтобы просто отказаться говорить с ними, я крутился, изворачивался, разыгрывал из себя советского патриота. «Да что вы, ребята, я ничего, мы же только стихи читаем, а разве нельзя?» Вел себя с ними очень дружелюбно, очень открыто, никакой вражды не показывал. Думал: начну задираться — они за мной слежку установят. А у меня была масса других планов. И никакого опыта.

Конечно, я не мог не задуматься: а откуда в КГБ стало известно о том, что я хочу иметь «свою» типографию. Ведь я не афишировал эти планы. Сказал двум-трем людям и занялся поисками. Но я не искал стукачей. Я понимал, с какой публикой я имею дело: молодые поэты, богема, подпили — кому-то рассказали, пошел треп. Я понял, что в этой среде ничего не спрячешь: что-нибудь сказал — считай, что может узнать кто угодно.

Неудивительно, что слухи о якобы готовящемся покушении на Хрущева тоже распространились довольно быстро.

С чего, мне кажется, все началось? Я не думаю, что эта идея возникла по чьей-то злой воле, что это было провокацией КГБ. У нас часто шли дебаты: приемлем террор или неприемлем (и даже семинары на эту тему мы проводили). Но это были чисто теоретические споры. Я для себя тогда в общем виде этого вопроса еще не решил, но я совершенно точно понимал: убивать советских вождей не имеет ни малейшего смысла.

Убьешь какого-нибудь Никиту, а вместо него придет Петя; вместо Пети — какой-нибудь Иван, и не будет от этого абсолютно никакого толка, советская система держится не лидером — это машина, и дело не в том, кто у руля. А вот последствия террористического акта будут самые ужасные: режим рассвирепеет, пострадает много народа. И, главное, пострадает совершенно зря, нерационально.

Так думал я, а кто-то, может быть, иначе: если террор оправдан в какой-то исторический момент, то почему бы и не сейчас. Я не знаю, в чьей голове зародилась эта идиотская идея, но думаю, что зародилась она именно под влиянием этих дебатов... И если я сказал, что считаю террор неприемлемым, а два-три человека мне возразили: отчего же? в какой-то ситуации можно прибегнуть и к террору, — то, естественно, все дальнейшие свои действия они уже обсуждали между собой, не посвящая меня. Я так до сих пор не знаю до конца, кто был вовлечен в эту авантюру, кто — нет, кто слышал об этом, кто не слышал.

Но слухи, как я уже говорил, поползли. Создана, мол, организация, ее члены те-то и те-то, у них есть какие-то планы. Осипов вроде бы что-то задумал, люди переполошились, некоторые даже запаниковали, и понятно почему: кто бы ни покушался — мы все пойдем по делу. Галансков спросил меня, можно ли выяснить, насколько эти шепотки соответствуют действительности. Я сказал, что в принципе это можно сделать под гипнозом. (Я немного занимался гипнозом у Мирзы⁵ и в какой-то степени владел этим методом.) «Давай попробуем», — сказал Юрка. «Давай, — говорю, — но я не уверен, что выйдет».

Приехали мы на какую-то дачу, и конечно же началась пьянка. Осипов нахрюкался очень сильно. И я сказал Юрке, что ничего не получится.

Тем не менее мы его расспрашивали, но он говорил какие-то малосвязанные вещи. Он как бы и не отрицал, но было понятно, что он многое просто фантазирует и несет какую-то чушь. Например: «Когда мы придем к власти, мы переименуем проспект Ленина в проспект Дага Хаммаршельда». Я запомнил эту деталь, потому что она меня очень поразила, — самая маленькая забота у меня тогда была как переименовать проспект Ленина.

Потом мы стали обсуждать (кажется, на квартире у Галанскова), ну хорошо, съездили мы на дачу, потратили время, выпили много водки, а каков результат? Как считать, действительно ребята задумали убить Никиту или нет? Насколько все это серьезно?

Все реагировали по-разному: кто считал, что это все чушь, а кто говорил: нет, дело серьезное. Все знали (или не знали) одни и те же факты, и отношение к осиповской исповеди по пьяной лавочке зависело исключительно от интуиции каждого.

Я лично думаю так: если что-то и было задумано, то все равно дальше разговоров дело не пошло. Им же потом не дали 66-ю, они же все пошли по 70-й⁶ — это само по себе говорит о том, что ничего сколько-нибудь серьезного не было. Ничего они не предпринимали — только трепались.

Единственный человек, который относился к этой затее всерьез, был Виталий Ременцов. Но самое удивительное, что ни я, ни, по-моему, никто другой его в то время не знали. И даже не слышали такой фамилии. Он никогда не бывал на площади. Я встретил его в 63-м году в Ленинградской психушке⁷ и с удивлением услышал, что он здесь по делу о «Маяке». Он мне рассказал много интересного о той стороне «Маяковки», которую я совсем не знал. Он был какой-то знакомый друга Осипова, Анатолия Иванова-Новогоднего (у нас было два Анатолия Иванова, один, как я уже сказал, имел кличку Рахметов, другой — Новогодний), верил ему абсолютно и был вполне готов осуществить убийство советского лидера. За что и поплатился жестоко — просидел в психушке чуть не пять лет. (Он был вполне нормален, просто не любил советскую власть.)

Его «сдал» на следствии Новогодний. (Много лет спустя, году, наверное, в 67-м, я как-то случайно в Москве встретил его на улице и сказал ему: «Толя, я сидел с Ременцовым, он на тебя сильно обижен!» На что Новогодний, не смутившись, ответил: «Ну, а чего, подумаешь, он же сумасшедший». Для меня в ту пору это было удивительно — это по нынешним временам никто уже ничему не удивляется, а тогда все-таки еще задумывались о морали и такое бесстыдство было уникальным.)

...В августе арестовали Илью Бокштейна. Вот он-то уж точно не имел никакого отношения к «заговору». И даже не слышал о нем. Не писал стихов и, следовательно, не читал на площади. Правда, выступать любил и делал это очень красноречиво. Горбатый человек, с горящими глазами. Все, что он говорил, воспринималось с добродушной иронией. Он был очень болен, из-за туберкулеза позвоночника почти все детство провел в больнице. Выбрав для ареста самого неприспособленного, беспомощного человека, имевшего меньше всего отношения к чтениям, власти наглядно продемонстрировали, кто они есть...

Словно сорвавшись с цепи, КГБ больше ни перед чем не останавливался. На площадь к моменту наших собраний пригоняли снегоуборочные машины и пускали их на толпу. Машины носились вокруг памятника, никого не подпуская к нему. Нас вызывали и грозили расправой.

Однажды поздно ночью, после окончания очередного чтения, я возвращался домой. Вдруг меня догнала машина. Несколько парней втолкнули меня внутрь и увезли. Ехали мы довольно долго, более получаса. Завезли в какой-то двор, где в подвальном помещении было что-то наподобие конторы. Нас и до этого часто задерживали, так что я не слишком удивился сначала. Однако кроме моих сопровождающих в помещении никого не было.

Меня провели в большую комнату без окон и без всякой мебели. Не успели мы войти, как шедший справа оперативник внезапно ударил меня в лицо. Тут же другой попытался ударить в солнечное сплетение и сбить с ног, но я был уже настороже и увернулся. Быстро отскочив в угол, я прижался к стенке спиной, а руками старался прикрыть лицо и солнечное сплетение.

Они били меня долго, часа четыре. Один, схватив за волосы, сильно дергал вниз, норовя коленкой с размаха разбить лицо. Другой в это время со всей силы бил по спине, там, где почки. Я думал только о том, как бы не упасть, — тогда они ногами искалечили бы меня. Я уже плохо соображал, голова кружилась, трудно было дышать. Устав, они делали короткую передышку, при этом один из них наклонялся ко мне и гладил по щеке с какой-то сладострастной улыбочкой. И снова начинали бить.

Было уже четыре часа утра, когда меня вытолкнули на улицу. «Больше не появляйся на «Маяковке», а то вообще уьем», — сказали мне только. Транспорт еще не ходил, и я с трудом добрел до дому.

Наступал последний этап «Маяка». Все более или менее случайные люди как-то отсеялись, исчезли. Но тем больше близости возникало между оставшимися. Все труднее и труднее становилось устраивать чтения, и даже моя разведка часто оказывалась бессильна. А если чтение все-таки удавалось, то еще сложнее, чем прежде, было благополучно и незаметно по одному увести с площади читавших, многие из них не жили дома, прятались по знакомым. И все равно мы считали своим долгом отстоять «Маяк».

Каждое выступление оставляло невыразимое ощущение свободы, праздника, и было что-то мистическое в этом чтении стихов ночному городу с редкими огнями в окнах, запоздавшим троллейбусам. Не могло это пройти бесследно, тем более теперь, когда переставало быть безобидной забавой. И даже сейчас, много лет спустя, я испытываю чувство особой родственной близости к людям, с которыми вместе отстаивали мы «Маяк» до конца.

Утром 6 октября 1961 года, за три дня до XXII съезда⁸, я проснулся внезапно — с таким чувством, будто кто-то пристально смотрит на меня. Действительно, у меня в ногах на постели сидел тот самый капитан КГБ, который уже вызывал меня весной. Как уж он вошел в квартиру — не знаю. Внизу у подъезда ждала машина, в которой меня повезли на Малую Лубянку.

Кабинеты, коридоры, лестницы, и всюду снующие взад-вперед люди с бумагами, папками, портфелями. В одном кабинете — перекрестный допрос, в другом — запугивают, намекают на последствия, в третьем — и не кагэбисты вовсе, а отцы родные, закадычные

приятели. Травят анекдоты, угощают чаем. Вновь крик, кулаком по столу: «Хватит запираться, мы все знаем!» Бить не бьют. Попыток нет. Наверное, это еще впереди. Переводят из кабинета одного начальника к другому — и всюду тьма народа.

Главное — терпение и выдержка: что они знают? чего хотят?

— Вот вам лист бумаги и ручка. Напишите все, что знаете.

Ишь ты, шустрый какой. Все, что я знаю, на этом листочке не уместится.

Постепенно из уговоров, криков и угроз выясняется: их интересуют, во-первых, что я знаю о готовящемся покушении на Хрущева, и, во-вторых, та злосчастная бумага, где я писал о комсомоле.

Упорство КГБ в расспросах об обстоятельствах наших встреч и разговоров насторожило меня, я не сказал даже, кто печатал эти самые «Тезисы», чтобы не называть новых имен. Даже об очевидных фактах своего знакомства со многими из «маяковцев» стал отвечать уклончиво, ссылаясь на плохую память.

Больше всего их интересовал план террористического акта. Об этом спрашивали очень много. Но я отвечал, что слышал какие-то разговоры на эти темы, но кто и что говорил — убей, не помню... И это, действительно, было почти так. Во всяком случае, мне не было известно, чья это идея — ни тогда, ни сейчас. Все началось как-то спонтанно. А о том, что мы на даче «допрашивали» Осипова, они ничего не знали — никто из там присутствовавших на эту тему показаний не дал.

Не узнав от меня ничего о «терроре», стали спрашивать о самиздате, художниках-нонконформистах, в конце концов все свелось к тем злополучным «Тезисам».

Это был единственный конкретный эпизод, который привязывал меня к делу.

Весь день продержали меня на Лубянке, непрерывно допрашивая в разных кабинетах. К вечеру повезли на обыск. Естественно, эти самые «Тезисы» лежали у меня в ящике стола. Мне и в голову не приходило их прятать. Больше ничего существенного не нашли. Забрали еще какие-то стихи да мои собственные рассказы. Обыск кончился поздно, часу в двенадцатом, но арестован я не был и остался дома.

Со следующего дня потянулись регулярные допросы в КГБ.

Все мы, допрашиваемые в качестве свидетелей по делу Осипова, Кузнецова, Иванова и Бокштейна, — Галансков, Хаустов, я и еще человек двадцать — встречались после допросов, обсуждали ситуацию, советовались, как лучше отвечать. Я не помню никого из нашего круга, кто бы вел себя недостойно. Люди мы, конечно, были малоопытные, кто-то мог сказать что-нибудь, не понимая последст-

вий, — но явной подлости не было. После допросов мы все, кого вызывали, собирались, рассказывали, кого о чем спрашивали, обсуждали, правильно ли себя вел допрашиваемый, и тут, конечно, разгорались споры. Например, я сказал, что так называемые «Тезисы» написал я, а Эдик только взял у меня почитать. Я считал, что поступил правильно, а Галансков говорил, что я должен забрать эти показания.

«Им нельзя *ничего* говорить». С уголовно-правовой точки зрения нас консультировал Александр Сергеевич Вольпин. Он прочитал нам целую лекцию о правовом положении свидетелей, и это принесло большую практическую пользу. Всех свидетелей выгнали из института. Кроме меня. Меня выгнали раньше.

Я поначалу не знал, что поводом к арестам послужили показания Вячеслава С.⁹ Когда уже шли допросы, мы случайно столкнулись с ним где-то рядом с Лубянской, и он мне прямо сказал: «А что было делать? Ведь готовилось покушение». Никакого сожаления о содеянном он не выражал; он не был ни провокатором, ни стукачом. Он сделал то, что он сделал, не по шкурным соображениям, не потому, что за себя испугался, — а по соображениям абсолютно идейным, потому что считал, что покушение на Хрущева — это катастрофа, которую ни в коем случае нельзя допустить. Он принял всю эту затею очень всерьез. На самом же деле, если такие намерения и были (что само по себе сомнительно), никто из наших ребят не был в состоянии их осуществить — это, по-моему, несложно было сообразить.

Во всяком случае я считал, что, как бы кто ни думал, — идти в КГБ нельзя. А он был другой человек, с другими идеалами. Странник социализма с человеческим лицом (тогда это называлось как-то иначе), он никогда не был мне близок, но он не заслуживает того, чтобы о нем говорили как о предателе.

Кроме того, мы понимали, что где-то и подслушки стояли, какие-то телефонные переговоры, несомненно, прослушивались — за нами же очень плотно следили. Так что в КГБ была какая-то информация и помимо С. Думаю, что они знали больше, чем он.

...После арестов народ, конечно, стал рассеиваться, но я был одним из немногих, кто настаивал на продолжении чтений. Я говорил: «Если мы сейчас разойдемся, получится, что именно арестованные и были организаторами, мы должны доказать, что это не так». (Мы же не знали, в чем их обвиняют.)

«Маяк» был заблокирован наглухо, прорваться сквозь оцепления было уже невозможно. И мы — 9 октября, в день открытия XXII съезда КПСС¹⁰ — провели чтения в других местах: у памятника первопечатнику Ивану Федорову, у памятника Пушкину и у Библиотеки им. Ленина.

Последнее место мы считали самым важным, а остальные — скорее отвлекающим маневром. Вечером из кремлевских ворот стали выходить подвыпившие в кулуарах делегаты XXII съезда. Видя толпу у библиотеки, они подходили, слушали стихи (мы специально подобрали что-то связанное со Сталиным), аплодировали, а когда нас попытались разогнать, даже вступились за нас. Один такой делегат, сильно под мухой, отвел нескольких из нас в сторону и горячо благодарил, уверяя, что мы делаем очень большое и нужное дело. (Они же из провинции, темные люди.) «Мы сейчас слушали про Сталина такие ужасы¹¹. Правильно, нужно развивать демократию!» — «Правильно, а нас за это сажают, бьют». — «Кто? Где? Назовите имена». Кое-кто обещал похлопотать, чтобы нас больше не трогали.

Не думаю, однако, чтобы они что-нибудь сделали, так как это оказалось последним нашим выступлением. Чтения были официально запрещены¹², и всякий, кто осмелился бы их продолжить, оказался бы за решеткой.

Судьба наших арестованных ребят решилась через четыре месяца самым жестоким образом. Горбатый Илюша Бокштейн был осужден на пять, а Кузнецов и Осипов — на семь лет лагерей каждый. В частном определении суда указывалось, что против меня тоже следует возбудить уголовное дело.

Суд был, разумеется, закрытый. Даже на зачтение приговора пытались никого не пустить.

...Кончался поэтический этап в медленном пробуждении нашего общества.

Но «Маяк» дал начало всему последующему диссидентству. Практически всем его ветвям. Что лично до меня, то именно с «Маяка» началась моя дорога в тюрьмы, лагеря, психушки.

ЭКСПОЗИЦИЯ

Нам не дано предугадать...

Ф.Тютчев

28 июля 1958 года на площади, давно уже носившей имя поэта, был наконец-то воздвигнут давно уже обещанный властями и страстно ожидаемый читателями и почитателями памятник Владимиру Маяковскому, чье имя (редкий, если не единственный случай) было священным и для правительства и для молодежи, даже и фрондирующей первое видело в нем «агитатора, горлана-главаря», вторые — лирика, бунтаря, готового искренне и беззаветно служить делу, но не лицам, воспевать, но не подпевать

В этот день все шло по плану торжественные речи, заранее заготовленные стихи, газетные отчеты

КАК ЖИВОЙ С ЖИВЫМИ ГОВОРЯ...

Открытие памятника Владимиру Маяковскому

Вчера на залитой ярким июльским солнцем площади Маяковского собрались тысячи трудящихся столицы. Они пришли сюда на торжественное открытие памятника великому русскому поэту, бойцу, новатору, трибуну пролетарской революции — Владимиру Маяковскому.

На трибуну поднимаются представители московской общественности, писатели, деятели искусств. Здесь председатель исполкома Московского Совета Н.Н.Бобровников, секретари МГК КПСС И.Т.Марченко, С.Д.Орлов, министр культуры СССР Н.А.Михайлов, секретари правления Союза писателей СССР А.А.Сурков, Н.С.Тихонов, заведующий отделом ЦК КПСС Д.А.Поликарпов, писатели А.Т.Твардовский, С.И.Кирсанов, сестра поэта Л.В.Маяковская¹, автор памятника — скульптор А.П.Кибальников² и другие.

По поручению правительства Советского Союза памятник Владимиру Маяковскому открывает Николай Тихонов.

Величаво звучит над площадью Гимн Советского Союза. Спадает шелковое покрывало. И вот, отлитая из бронзы, в полный рост шестиметровая фигура Маяковского предстает перед москвичами, запрудившими площадь. Смелый взгляд поэта-агитатора, поэта-борца устремлен в сторону вос-

ходящего солнца. В руке — записная книжка.

Образ В.Маяковского вдохновил скульптора А.П.Кибальникова на создание замечательного памятника.

Горячо звучит взволнованная речь Н.Тихонова.

— Маяковский, — говорит он, — является первым поэтом нашего времени, первым поэтом мирового пролетариата, он сильнее всех других поэтов сумел рассказать миру о пролетарской революции и первом пролетарском государстве, сумел свой стих перенести далеко за пределы Советского Союза. Голос его стал слышен во всех уголках мира.

— Но Маяковский, — продолжает Н.Тихонов, — не занял бы такого места, какое он занимает, если бы так полно, так естественно и глубоко не слил свою борьбу бойца, новатора, трибуны с борьбой за коммунизм, если бы сами эти поиски новых форм стиха не имели своим источником стремление полней, мощней, как можно свободнее воспеть борьбу за коммунизм.

— Маяковский любил Москву глубоко и искренне. И сегодня Москва празднует торжественный, большой праздник поэзии, отвечая славному поэту пролетарской революции самой сердечной признательностью. И каждый из нас, — говорит в заключение

Н.Тихонов, — может воскликнуть вместе с поэтом:

И я,
как весну человечества,
рожденную
в трудах и в бою,
пою
мое отечество,
республику мою!

Эти строки высечены на постаменте.

Слово предоставляется министру культуры СССР Н.А.Михайлову. Он говорит о творчестве Маяковского, его коммунистической идейности, воинствующей партийности, беспредельной любви к человеку труда и ненависти к врагам революции.

— Владимир Маяковский твердо верил в силы рабочего класса, в величие и разум Коммунистической партии, в победу бессмертных идей коммунизма.

Смело и остро разоблачал поэт реакционные силы Соединенных Штатов Америки. Можете представить себе, с какой страстью обрушился бы Маяковский на нынешнее вторжение американских империалистов в Ливан³, на тех, кто все еще пытается любой ценой спасти безнадежное, обреченное на слом и уничтожение здание колониализма!

Мы открываем памятник Владимиру Маяковскому в дни, когда великое коммунистическое дело, которому он отдал весь свой замечательный талант, одерживает новые и новые успехи. Вместе с нами Маяковский борется за

победу коммунизма, за победу великого ленинского дела...

Могучими всплесками волн прокатываются по площади аплодисменты.

Учительница 110-й школы столицы Т.С.Зепалова говорит об огромном воспитательном значении поэзии Маяковского. Стихи поэта, который знал «силу слов», раскрывают перед юношеством красоту высоких нравственных принципов советского человека, зовут вперед. Владимир Маяковский всегда для нас — современник и соратник.

На трибуне — кузнец Московского автозавода имени Лихачева С.Л.Сустретов.

— Сегодня, — говорит он, — мы открываем памятник замечательному советскому поэту Владимиру Владимировичу Маяковскому, вся жизнь которого, вся кипучая деятельность были посвящены борьбе за дело революции, за дело рабочего класса.

Мы, советские люди, строим светлое ленинское здание коммунизма — подлинную «весну человечества». И Маяковский идет с нами в «коммунистическое далеко», как «живой с живыми говоря»...

Митинг заканчивается. Делегации трудящихся Москвы возлагают к подножию монумента цветы. С букетами цветов пришли на площадь школьники. Они отдают Владимиру Маяковскому пионерский салют.

В этот день у памятника Владимиру Маяковскому побывали десятки тысяч москвичей.

Стихи, звучавшие на площади

Николай Новиков

НА ПЕРЕКРЕСТКЕ ГЛАВНЫХ МАГИСТРАЛЕЙ

Это стихотворение опубликовано в газете «Московская правда» рядом с сообщением об открытии памятника. Можно предположить, что оно звучало на площади 28 июля 1958 года. Наряду с «китами» советской

поэзии дать слово непрофессиональному поэту-рабочему — это было в духе тех лет.

Ты навсегда
Сроднил себя с Москвой,
Твои стихи
ее наследством стали.
И сам стоишь,
Как и тогда, живой —
На перекрестке
главных
магистралей.

Другого места
Ты б и не желал,
Поэт борьбы,
недюжинной породы,

Поэзия твоя
живет в делах,
В кипенье дум
И в помыслах народа.
Ты с пьедестала
устремлен
вперед.

Поэт-трибун,
Певец советской жизни,
Чей стих трудом
Громаду лет прорвет
И будет жить
По праву
в коммунизме.

Н.Зацепина

В ГОСТИ К МАЯКОВСКОМУ

Памятник Маяковскому в Москве конца 1950-х естественным образом стал местом притяжения любителей поэзии, всех, кто после XX съезда мечтал о возвращении к «ленинским нормам» и «вольнице» 20-х, когда существовали различные школы и литературные объединения (из которых «Левый фронт искусств», унаследовавший не признававшую никаких канонов эстетику футуризма, казался особенно привлекательным). Спонтанные собрания и чтения у памятника начались практически сразу после его открытия... И сразу же власти пытаются взять «Маяковку» под контроль. Уже через полтора месяца в «Московском комсомольце» появилась заметка, призывающая собираться на площади только раз в месяц и в строго определенное время.

В конце июля на площади Маяковского около недавно открытого памятника собралось много любителей творчества поэта. Завязался разговор. Кто-то предложил почитать его стихи. Желающих нашлось много.

Десятиклассник Володя Аркинд, выпускники средней школы Элеонора Бондаренко и Валерий Карпухин, педагог Бахревский, техник Юрий Ковалев, конструктор Владимир Литвинов и пенсионер В.М.Кутузов по очере-

ди читали стихи поэта, отрывки из его поэм.

В толпе ребята заметили сестру Маяковского¹. По их просьбе она рассказала о детстве поэта, о первых пробах его пера.

Собравшиеся решили обратиться через газету ко всем молодым москвичам — любителям творчества поэта — с предложением: встречаться у памятника 19 числа каждого месяца в 19 часов.

О «КЛУБЕ» НА ПЛОЩАДИ И КЛУБАХ, КОТОРЫХ НЕТ

Заметки писателя

Статья К.Лапина по сути единственный источник наших сведений о самом первом периоде «Маяка», июле–сентябре 1958 года. Здесь уже более явно и более настойчиво, чем в заметке Н.Зацепиной, звучит: чтения на площади нельзя пускать на самотек, их должны взять под контроль официальные инстанции и прежде всего Союз писателей... В статье появляется и идея, подхваченная комсомольской прессой последующих лет: нужны молодежные клубы...

Пока они предлагаются не вместо «Маяковки», а как бы в дополнение к ней, но (эта мысль не высказана прямо, однако легко угадывается в подтексте) когда таких клубов станет много, отпадет надобность в клубе на площади.

Нам неизвестно, написана ли статья «по велению сердца» или по заданию сверху. Так или иначе, она была *напечатана* в органе Московского горкома комсомола.

К самым невероятным и путаным адресам привыкла многоопытная московская почта. Но недавно и ее поставила в тупик телеграмма, адресованная так: «Город Москва площадь Маяковского директору клуба Маяковского Жму руку всем маяковцам прошу принять члены клуба Геннадий Стерник».

Между тем адрес при всей его кажущейся необычности довольно точен: в газетных заметках уже сообщалось о том, что у памятника Маяковскому по вечерам собирается своеобразный «клуб» любителей поэзии. Порою до глубокой ночи под открытым небом звучат стихи, идут жаркие дебаты. И так как я живу рядом с площадью, то, возвращаясь по вечерам домой, частенько задерживаюсь у памятника послушать, что читает, из-за чего спорит и волнуется молодежь.

Один за другим, в порядке живой очереди, поднимаются на каменную ступеньку цоколя памятника юноши и девушки — учащиеся, студенты, рабочие, служащие. И кто бы ни читал Маяковского, как бы ни читал — громко или тихо, по-актерски поставлен-

ным голосом или пуская молодого «петуха», — стихи, как говорится, звучат, доходят, их слышно далеко вокруг, несмотря на уличный шум.

Кроме чтецов и слушателей, здесь еще встретишь постоянную категорию «спорщиков». Я видел, как от группы к группе переходил человек средних лет, предлагая незнакомым людям: «Давайте полемизировать!». Похоже было на то, что ему все равно, о чем «полемизировать», лишь бы полемизировать! Но возникают и серьезные споры по самым различным вопросам: состояние современной поэзии, стиль и мода, проблема завоевания космоса, абстрактная живопись, вопросы любви и дружбы.

Приятно отметить, что общее настроение молодежи (если можно так сказать, моральное здоровье) — отличное. Не потому ли вытирает потный лоб весьма эрудированный юноша в очках, защищающий «абстрактников»? На него навалились все разом, дружно разбивая по пунктам все его аргументы. Не потому ли порозовел, а потом стал красным, как рак, паренек, громо-

гласно объявивший любовь «простым животным влечением», а девичью честь, ухаживание, цветы и прочее — «мещанскими предрассудками»? Обоих окончательно сражают Маяковским: первому напомнили стихи о «сезонном» увлечении Сезаннами и Ван Гогоми¹, второму — порхающих с цветка на цветок «стрекозлов»². Отточенные строки поэта у молодежи всегда под рукой, их охотно и умело пускают в ход как «оружия любимейшего род»³.

Пришлось мне понаблюдать здесь, как полетели пух и перья от весьма симпатичного, хотя и несколько самонадеянного юноши. Он неосторожно заявил вслух, что Маяковский-де и не поэт вовсе и что стихи у него дубовые. Рискованные слова эти предназначались трем десятиклассницам, замершим от такой смелости, но юношу услышал проходивший мимо пожилой человек в берете, из-под которого виднелась седая грива. Он не совсем чисто говорил по-русски — однако очень понятно объяснил засмущавшемуся вдруг юнощу, что genialность Маяковского — объективно существующая реальность, ее признал весь мир, что нужно раньше научиться понимать стихи, как учатся понимать, скажем, музыку <...>. А когда разволновавшийся старик вырвался из круга, «критикана» долго и упорно отчитывали свои.

...У грани памятника, обращенной к кинотеатру «Москва», слышны стихи Блока, Есенина, современных поэтов. <...> А встречаются и декадентские стихи, подражание «фабрикантам паточки», высмеянным еще Маяковским, или явно чуждое нам словотворчество.

Немало еще забавных, трогательных, поучительных сценок и подслушанных разговоров можно было бы здесь привести. Не просто открытие памятника Маяковскому, а какое-то новое «открытие» Маяковского и поэзии вообще происходит в эти вечера. Но стихийные диспуты, настоящие де-

монстрации народной любви к поэзии, показывающие хозяйскую заинтересованность в ней, вызывают и другие мысли. И первая из них: КАК МОЖЕТ ВСЕ ЭТО ПРОХОДИТЬ МИМО СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ, МИМО НАШИХ ПОЭТОВ? Я не говорю об организации каких-то специальных «мероприятий», я имею в виду другое. <...>

Во время специально устроенного «Дня поэзии» поэты становились за прилавки, продавали свои книжки, читали стихи⁴. Но почему же в эти дни, в эти подлинно «вечера поэзии» не слышно голосов московских поэтов на самой поэтической площади Москвы? Насколько известно, один лишь Безыменский читал здесь как-то августовским вечером свои новые стихи, посвященные 40-летию комсомола. Да и то инициатива его приглашения принадлежит Московской студии телевидения, которая в этот вечер готовила свою передачу. А другие?

Кому, как не поэтам, здесь же, на месте, дать бой графоманам и критикам — одиночкам, поносящим современную советскую литературу, поддержать живые голоса, объяснить заблуждающимся, «что такое хорошо и что такое плохо». А может быть, и подкрепить свои слова собственными хорошими стихами. Таими, которые не стыдно читать людям! <...>

На площадь к молодежи пришли работники музея имени В.В.Маяковского⁵, куда, к слову сказать, почтовики принесли, в конце концов, телеграмму, с которой начинаются эти заметки. Они пригласили всех желающих к себе в дом. В лекционном зале музея уже состоялись два многолюдных собрания любителей Маяковского. На одном из них, названном «Вечер вопросов и ответов», лектор музея отвечала на самые разнообразные вопросы, касавшиеся жизни и творчества Маяковского. Причем отвечала с таким знанием дела, что самые испытанные

«авторитеты» с площади призадумались: а достаточно ли я знаю поэта? И так ли я читаю его стихи? И как вообще в наши дни заниматься пропагандой Маяковского, когда его книги переведены на все языки мира и издаются миллионными тиражами, когда его стихи ежедневно звучат по радио, призывают к действию с плакатов и газетных страниц?

Руководство музея не только предложило молодежи помещение для собраний, для работы кружков. Богатые архивы и фильмо- и фонотеки помогут им лучше ознакомиться с творчеством поэта, научные сотрудники музея будут руководить творческими семинарами. Горячо поддержана инициатива актива «клуба» организовать к 40-летнему юбилею комсомола большой вечер Маяковского, на котором лучшие молодые чтецы выступят с исполнением его произведений⁶.

Молодежный клуб Маяковского при музее его имени — неплохая штука. Но почему только при музее? <...>

Не скрою, мне по душе ежевечерние сборы молодежи на площади Маяковского. Но плохо, если они превратятся в простое «сотрясение воздуха», в «горластый спорт», над которыми издевался поэт. Очень хорошо, если будет жить стихийно возникший «молодежный клуб Маяковского». Но разве нельзя создать такие клубы при любом предприятии и общечитии? Для этого нужно только, чтобы молодежь, не ожидая специальных указаний или ассигнований, взяла дело в свои руки. И пусть сюда — в клубы и красные уголки — чаще ездят поэты и писатели отчитываться в своей работе, как это постоянно делал Маяковский. Тогда не придется Геннадию Стернику присылать из-под Астрахани телеграмму с просьбой хотя бы заочно принять его в члены столичного «клуба Маяковского».

РАЗВИТИЕ ДЕЙСТВИЯ

Дерзновенны ваши речи,
Но на смерть обречены —
Слишком ранние предтечи
Слишком медленной весны.

Д. Мережковский

Памятник открыт На площадь потянулись любители творчества Маяковского, любители поэзии, те, кто поверил на обломках культа личности взойдет заря пленительной свободы и справедливости, кто был готов собственными усилиями это будущее приблизить

Пройдет совсем немного времени, и никто уже не сможет толком сказать, что же именно происходило в центре столицы социалистического государства поэтические вечера или политические сходки Уже в первый год своего существования «Маяковка» становится центром распространения самиздата И не только с голоса Здесь постоянно из рук в руки переходят какие-то листки, тетради, самодельные книжечки А еще через некоторое время наиболее активные завсегдатаи площади и сами начинают издавать журналы По всем правилам издательского искусства в обложке, с иллюстрациями И пусть тираж их невелик, содержание порой наивно, а художественная форма по большей части далека от совершенства, их зачитывают до дыр Ибо было в них то, чего не было и не могло быть даже в самых либеральных «оттепельных» изданиях, — правда, сказанная открытым текстом Без звфемизмов

Стихи и проза (ее было значительно меньше) этих журналов призывали к действию И кое-кто стал готовиться к действию Но это уже тема следующей главы

Игорь Волгин

НА ПЛОЩАДИ МАЯКОВСКОГО МАТЕРИАЛИЗОВАЛОСЬ ВРЕМЯ

Игорь Волгин — сегодня известный поэт, руководитель поэтической студии «Луч», откуда вышла едва ли не вся современная поэзия, доктор наук, один из самых крупных наших специалистов по Достоевскому Он пришел на площадь осенью 1958 года, когда там еще не звучали призывы с помощью «черных бомб» доломать «гнилую тюрьму государства», не бесчинствовали дружинники, поэты не издавали самиздатских журналов, а постоянные посетители не искали соратников по политической борьбе Будущие лидеры «Маяка» в это время либо еще не проторили дорожку на площадь (Буковский, Галансков), либо пока не играли там заметной роли (Осипов, Новогодный)

Но и в этот, первый, период на площади царил дух бунтарства Правда, то был бунт «детей двадцатого съезда» (Не случайно многие из них очень скоро вписались в официальную советскую культуру, в «либеральное» ее крыло) Поэтому воспоминания Волгина не только по фактам, но и по тональности заметно отличаются от воспоминаний других участников этой книги, которые рассказывают главным образом о дальнейших событиях

Л.П. Слова Сент-Экзюпери «все мы родом из детства» стали расхожей цитатой. Но, наверное, прописные истины и есть самые правильные. И потому — расскажите о своем детстве. Оно, насколько мне известно, пришлось на войну и первые послевоенные годы.

И.В. Саму войну я практически не помню (хотя отчетливы в памяти два момента: когда снимали с окон затемнение и ликование по случаю Победы). Об этом ощущении конца войны я написал позднее:

Воспряну ото сна.
Откину одеяло.
Окончилась война,
а мне и дела мало!
И только об одном
жалею в те минуты —
что смолкли за окном
победные салюты.

И, выровняв штыки,
идут без остановки
геройские полки
по улице Ольховке.
— Ах, мама, ордена
какие у танкиста!
Ну почему война
закончилась так быстро?..¹

Вот эпоха (вернее, ее декоративная сторона) в восприятии ребенка. В трехлетнем возрасте я впервые увидел конфету (в фантике) и не знал, как с нею поступить.

Мои первые детские впечатления связаны с играми в войну — уже в послевоенные годы. В проходных дворах (а едва ли не все тогдашние дворы были проходными) к великому соблазну мальчишек стояли снеготаялки — неуклюжие деревянные сооружения с железной печью посередине. Они переходили из рук в руки — в зависимости от того, кому из сражавшихся сопутствовало в этот день военное счастье.

В школе каждую весну устраивали утренник, посвященный не столь еще отдаленному Дню Победы... О детстве, о своей 626-й московской школе я тоже уже писал:

...Школа располагалась (да и теперь располагается — правда, под другим номером) на набережной Канавы, за Балчугом, в самом начале Замоскворечья. Тихими летними ночами в распахнутые окна наших коммуналок, на секунду отстав от радиотрансляции, долетал бой курантов на Спасской башне Кремля, а по утрам нас будили звонки трамваев и зазывные крики точильщиков.

Мы обитали в самом центре государства — как бы осененные его державной мощью, но нимало не сознавали этого обстоятельства, ибо оно было бытом.

Мы жили в старых каменных замоскворецких домах, в больших перенаселенных квартирах. По субботам вместе с отцами (у кого они были) мы ходили в Устьинские или Овчинников-

ские бани. Тайственный МОГЭС (позднее уподобленный одним хорошим поэтом пятирубному крейсеру) круглосуточно дымил своими — действительно напоминающими корабельные — трубами.

Недавно воздвигнутая на Котельнической набережной «высота» искушала воображение. Всеми правдами и неправдами мы тщились проникнуть в ее гранитно-мраморные сени — покататься на скоростных лифтах. Другой точкой притяжения был «Ударник»²: его магнетическая мощь победительно соперничала с заданными на дом образами «лишних людей» и алгебраическими уравнениями³.

Л.П. Эпоха была для всех одна. А вот семьи — разными.

И.В. И мама, и мой отец (они, слава Богу, живы, — им обоим за восемьдесят), как пишут в школьных учебниках, — типичные продукты эпохи. Отец, как почти каждый журналист в те времена (он работал сначала в «Гудке», потом в Совинформбюро и АПН), был членом партии. Маме, газетному корректору, это было необязательно. Но оба они были людьми советской ментальности...

У отца была библиотека, состоящая почти исключительно из собраний сочинений. С конца 40-х годов он подписывался практически на все (благо у него на работе была такая возможность). Все детство я читал собрания сочинений. Том за томом: Гюго, Бальзак, Гоголь, Жюль Верн, Чехов, Джек Лондон и т.д. Все подряд. Запойно. Никто не управлял моим чтением. Мне порой нравились странные книги (вернее, странно нравились). Помню, я долго ходил под впечатлением «Порт-Артура» Степанова. Вроде бы книга как книга. Но меня она почему-то тогда сильно поразила. Я даже одно время называл себя Сережей, по имени героя этой книги Сергея Звонарева.

Вообще, все мое воспитание — это преимущественно самовоспитание. Никто специально мною не занимался. Другое дело — сама атмосфера семьи. Все время обсуждались текущие политические события, книжные новинки, какие-то газетные статьи. Я безумно любил слушать политические разговоры взрослых — знакомых отца (хотя, как я теперь догадываюсь, уровень этих разговоров был не очень высок). И весьма рано сам стал читать газеты, чуть ли не с того момента, как вообще научился читать. Читал — от корки до корки — все, что выписывали родители. Читал речи Вышинского (к счастью, не на процессах, а в ООН). Они мне нравились чрезвычайно, особенно те места, где Андрей Януарьевич тонко иронизировал по адресу наших врагов: Я полагал, что бедные американцы пребывают в полном расстройстве от этих речей.

Л.П. При обсуждении политических событий ваши родители всегда придерживались официальной точки зрения? Вы не слышали от них какой-то критики режима?

И.В. Во всяком случае при мне они старались не затрагивать острых тем. До 1956 года я не подозревал о массовых репрессиях... Единственное исключение — так называемое «дело врачей». Помню, в те дни собрались у нас какие-то родственники, среди них были и медики, все были очень взволнованны. Кто-то спросил: «Неужели Сталин ничего об этом не знает?» (Имелось в виду, конечно, не само «дело», а связанные с ним увольнения евреев с работы.) На говорившего тут же зашикали: тихо, тихо, как можно...

Л.П. В вашей семье поверили, что обвиняемые врачи действительно злодеи-отравители?

И.В. Я не думаю, что родители полностью верили в это. Но маховик репрессий, столь знакомых им по тридцатым годам, грозил раскрутиться с новой силой. Шли упорные разговоры о тотальной высылке евреев в Биробиджан. Я хорошо помню гнетущую атмосферу последних месяцев перед смертью Сталина.

Л.П. Родители сумели передать Вам свое отношение к существующему строю?

И.В. Дело, наверное, не столько в родителях, сколько в эпохе. Ребенком я понимал: у нас в стране много недостатков. Но был совершенно убежден в легкости их исправления. Я был уверен, что все это частности, а существенно другое: мы первыми в истории человечества построили социалистическое общество — самое справедливое, самое гуманное.

У наших соседей по коммунальной квартире жила старушканиня, приехавшая в Москву из какой-то разоренной деревни. Она рассказывала о раскулачивании, об ужасах коллективизации, о голоде, — а я, юный пионер, спорил с ней до хрипоты, защищал колхозный строй... Конечно, возможно, в отдельных местах, отдельные товарищи допускали отдельные ошибки, но, главное, — идея-то правильная...

Я гордился своей страной и был уверен, что рано или поздно весь мир пойдет по нашему пути. Наше дело правое — это было аксиомой. Система — и это ощущение сохранилось на многие десятилетия — казалась абсолютно незыблемой.

Л.П. Смерть Сталина помните?

И.В. Со всеми подробностями. Он умер 5 марта, а 6-го мне исполнилось одиннадцать лет. Для меня это было первое в жизни потрясение. Я плакал.

На следующий день я пошел к товарищу, а по улице гуляла парочка и — о, ужас! — смеялась. Я поразился: как можно в такой день чему-то радоваться? Понять, что существует частная жизнь, которая развивается независимо от внешних событий, я тогда не был способен. Думалось, что смерть Сталина — это глобальная катастро-

фа, конец всему. Я читал его речь на XIX съезде партии, и он казался мне воплощением мудрости⁴.

Л.П. В десять лет вы уже читали материалы партийных съездов?

И.В. Да. Я читал все речи партийных вождей, знал всех членов Политбюро, кто какой пост занимал. Был политически очень подкованным мальчиком.

Л.П. И, конечно, разоблачение Берии не прошло мимо вас?

И.В. Конечно. Все радовались. Все репрессии списывали на Берию, думали, что он главный злодей. Но я уже понимал, что он — кто угодно, но только не английский шпион, что в этой спасительной формулировке из процессов 30-х годов что-то не сходится.

Каким-то образом стало известно, что он сидит в штабе Московского военного округа, недалеко от нашей школы. Там (видимо, на всякий случай) стояли бронетранспортеры. Проходя мимо, мы всегда толковали о Берии. В детстве особенно притягательна тайна власти...

Л.П. А потом был XX съезд и разоблачение вашего кумира Сталина.

И.В. К этому времени он уже не был моим кумиром. Разговоры о массовых репрессиях уже ходили... Вообще XX съезд для меня и для людей моего поколения не был таким потрясением, как для тех, кого называют шестидесятниками, кому было за двадцать, кто успел сформироваться как личность. (Мне все-таки было четырнадцать.) Мы преодолели шок довольно быстро, без особой душевной драмы. То, что для других было избавлением от кошмара, нам представлялось, как это и было публично объявлено, исправлением ошибок. Привычная школьная терминология действовала успокаивающе. Да, Сталин плохой, он во всем виноват, он бандит, но идеалы социализма оставались незыблемыми. Разоблачение вождя воспринималось как самоощущение коммунистической идеи. Думалось, что на этом фундаменте можно построить совершенно новое, демократическое, либеральное (как сейчас сказали бы) общество. Чистыми руками.

...Впрочем, я был большим католиком, чем Папа римский. Считал, что признание парламентского пути к социализму — это ошибка XX съезда, что возможен только революционный путь⁵. (Штурм Зимнего и т.д.) Он казался мне более привлекательным в чисто эстетическом плане.

Вообще, эстетика (например, магическое звучание слова «пролетариат») оказывала очень сильное воздействие на идейные убеждения.

Л.П. В том же 56-м году восстала Венгрия. Как вы воспринимали венгерские события на фоне XX съезда?

И.В. У меня было двойственное ощущение. С одной стороны — как ни странно — искреннее сочувствие к восставшим. Я желал им победы. При отсутствии какой-либо альтернативной информации, я

инстинктивно ощущал: наши танки в Будапеште — это зло, во всем этом присутствует какая-то чудовищная ложь. Но, с другой стороны, я вовсе не хотел, чтобы социалистический лагерь был ослаблен или, не приведи Господи, вообще развалился. Я понимал, что повстанцы сражаются за справедливое дело, за свободу, но сам факт вооруженной борьбы не одобрял. Говорили, что они вырезают коммунистов.

Когда восстание было подавлено, остался очень горький осадок. Но вместе с тем было и отрадно, что мы не подкачали и сумели восстановить европейский статус-кво.

Почти в те же дни были суэцкие события⁶, и я радовался, что Советский Союз сумел справиться с такой сложной международной ситуацией: с одной стороны — Венгрия, с другой — Порт-Саид⁷. За событиями я следил очень внимательно.

Л.П. В 58-м году началась травля Пастернака.

И.В. Да, но до этого — летом 57-го — в моей жизни произошло важнейшее событие, которое предопределило мое отношение и к исключению Пастернака из СП и ко многому другому, происходящему в нашем обществе. Я впервые прочитал Маркса. Вернее, «Избранное» Маркса и Энгельса, двухтомник. От корки до корки. «Манифест» знал наизусть. Прошли годы — и теперь я понимаю, почему это учение сумело «овладеть миром». Полная иллюзия, что найден волшебный ключ ко всем явлениям общественной жизни. Все становится поразительно ясным и простым. Все перипетии политики и экономики сводятся к борьбе классов. Вся история человечества — к смене одних формаций другими. Моего образования — восемь классов советской школы — вполне хватило, чтобы все это понять. (Ни Гегеля, ни Канта, ни Владимира Соловьева я тогда, конечно, просто не осилил бы.) Марксизм — это соблазн «простых» и «элементарных» решений, одновременно льстящий тому, кто его пытается постигнуть, универсальной мудростью «диалектического подхода». Это красиво. Вообще, в марксизме скрыт мощный эстетический потенциал.

Но при сопоставлении этого великого, ошеломляющего учения с окружающей действительностью становилось ясно, что оно затоптано, искажено, девальвировано. Идеальная общественно-политическая система (я не устал поражаться, — как это не все до сих пор понимают ее неоспоримые достоинства: все настолько самоочевидно, непротиворечиво, доступно, благородно!) разительно не похожа на то, что я видел вокруг.

К десятому классу я уже не оболщался ни по поводу «власти тьмы», ни по поводу «тьмы власти». Никакого уважения к реально существующей системе я уже не испытывал. Но полностью сохранилось уважение к ее идеалам. Задача заключалась в том, чтобы восстановить красоту замечательного учения, очистить его от невин-

ной крови, придать социализму человеческое лицо (хотя это выражение появилось десятилетием позже). Возродить ленинские нормы (что тогда мы знали о них!), — я был готов посвятить этому свою молодую жизнь. Ради этого у меня даже являлась мысль поступить на философский факультет.

История с Пастернаком и была в моих глазах наглядным примером того, как наша бесчувственная государственная практика гробит великолепную и человеколюбивую теорию.

Я случайно включил радио и попал на речь главного комсомольца страны Семичастного⁸. Он сравнивал Пастернака со свиньей, которая ест народный хлеб и одновременно пакостит этому народу. Меня эта хамская метафора сильно возмутила. Я прекрасно понимал, что все, в чем обвиняют поэта, — неправда, что идет самая настоящая расправа. Но тем не менее полагал, что эта травля — рецидив, связанный с малограмотностью нашего импульсивного и кукурузолюбивого вождя.

«Живаго» я тогда, конечно, не читал. Имя Пастернака мне было известно прежде всего в связи с Маяковским.

Если Маркс был для меня идеальным философом и политиком, то Маяковский — идеальным поэтом. Дома стояли его еще довоенные издания, и я читал все подряд. Меня привлекал дух бунта, дух отрицания — политического, эстетического, — какого угодно.

Один против всех — он был моим кумиром, и в то же время я ощущал его как близкого человека. Я знал не только его стихи, но и статьи, письма, остроты. Прочитал все воспоминания о нем. В 10-м классе учительница литературы предлагала мне провести урок по Маяковскому. И все мои стихи той поры были в той или иной мере подражанием «агитатору, горлану, гларварю».

Л.П. А что вы тогда читали, кроме Маяковского?

И.В. Да все. Был абсолютно всеяден... Очень любил исторические документы: например, переписку Сталина с Рузвельтом и Черчиллем...⁹ Вообще мое чтение было достаточно традиционным, ничего запретного. Я ходил в юношеский зал «Ленинки», но и там оставался совершенно невинным. О существовании спецхрана я тогда даже не догадывался.

Л.П. С поэзией «серебряного века» познакомились?

И.В. Практически нет. Кроме разве что Блока. Цветаеву я впервые прочитал... в «Крокодиле». В каком-то фельетоне цитировались ее строки¹⁰. Но меня они поразили — я их запомнил навсегда. Привожу по памяти:

А может — лучшая потеха
Перстом Севастиана Баха
Органного не тронуть эха?

Распасться, не оставив праха
На урну...
Взять? Выписаться из широт?¹¹

«Выписаться из широт» — каково!? У советских — известных мне — поэтов я такого не встречал.

О Гумилеве и Ахматовой я слышал только в связи с Маяковским.

Л.П. У вас не было чувства, что какая-то часть русской культуры от вас закрыта?

И.В. Нет. Я считал, что настоящая литература — это Маяковский, Горький, ну, Пастернак. А эмигранты-декаденты — это все нечто маргинальное, обочинное, малозначительное. Я читал поэтов кроме Маяковского — Асеева, Кирсанова, Багрицкого... Не случайно я послал свои первые стихи Кирсанову. Не Ахматовой же было их посылать!

Еще в школе у меня были публикации в «Московском комсомольце»¹². Потом, уже позже — в «Известиях»¹³. Но слава пришла на площади Маяковского.

Л.П. Как вы там появились?

И.В. Не помню. Но зато я замечательно помню то ощущение свободы, которое там возникало. Гайд-парк в столице социалистического государства! Интеллектуальный и политический котел. Единственное место в стране, где реально существовала свобода слова. Казалось, он только начинается — этот вечный полуночный российский спор — о главном. Дух площади Маяковского — это дух обновления и надежды, уверенности, что можно все перестроить. Дух исторического оптимизма, который, увы, скоро сошел на нет. Там материализовалось время.

Я отпраплялся туда каждый субботний вечер. Ни одного свидания в жизни я не ждал с таким сердечным нетерпением. Для меня, кроме всего прочего, это была еще и аудитория, которая живо и сочувственно отзывалась на мои наивные стихотворные опыты. На площади я чувствовал себя знаменитостью. Читал новые стихи, — меня просили почитать старые. То есть как бы уже имелись поклонники. Хлопали. Это было опьяняющее чувство. Я тогда, натурально, ждал эстрадного успеха.

Л.П. Какие стихи вы там читали?

И.В. Разные. Но адресованные в основном сверстникам, моему поколению (одно так и начиналось: «Мы с вами родились в сырых бомбоубежищах...»¹⁴). В них в соответствии с духом времени господствовал исторический оптимизм. Прямого политического протеста не было, но был протест гражданский, направленный на «пережитки» недавнего советского прошлого и совпадавший с общим духом шестидесятых годов. Некоторые из этих стихотворений вошли в мою первую книгу¹⁵.

...Я и сегодня не отрекся бы ни от одной строчки — разумеется, не в эстетическом, а опять же в гражданском смысле.

Л.П. Вы могли бы подняться на постамент в любой момент и прочитать все что угодно?

И.В. Конечно. Помню там читали неопубликованный «сталинский» цикл Слуцкого:

Мы все ходили под богом,
Под самым его под боком... и т.д.¹⁶

Мог выступить какой-нибудь жуткий графоман, а мог и сам Евгений Евтушенко, который, конечно, был поэтическим символом эпохи. (Он выступал, помнится, на «Маяковке» в один из «Дней поэзии», когда там собиралась громадная толпа, — впрочем, это было мероприятие вполне официальное.) Не помню, что конкретно он читал, но он вполне мог прочитать «Товарища мы потеряли в борьбе за советскую власть...»¹⁷, и это было бы встречено аплодисментами. Потому что борьба за советскую власть предполагала борьбу против всего плохого: против партийной лжи, коррупции и т.д. Мы тогда верили, что можно изменить эту систему, не разрушая ее до основания.

Как-то на площадь пришел Женя Урбанский. Проходил мимо — подошел и замечательно прочитал раннего Маяковского. Появлялся и Антокольский. Я рассказывал об этом в своих воспоминаниях о нем:

Однажды, когда я уже начинал поглядывать на башенные часы гостиницы «Пекин», дабы не пропустить последнего поезда метро, к нашему полуночному форуму приблизилась еще одна поздняя компания. Несколько весьма солидных мужчин (в одном из которых был немедленно узнан известный грузинский поэт) громко смеялись и переговаривались — с той чуть подчеркнутой непринужденностью, которая свидетельствует о принадлежности к известному кругу. Компанией предводительствовал артистического, почти богемного вида человек невысокого роста — с трубкой в руках и большой бабочкой вместо галстука. Его чрезвычайно подвижное, даже гримасничающее лицо выражало живейшее любопытство.

— Это Антокольский, — шепнул мне приятель. <...>

Между тем на гранитную ступень возле памятника поднялся невысокий молодой человек и начал читать блоковскую «Незнакомку». Подошедшие замолчали и слушали внимательно.

«Незнакомка» в исполнении бледного юноши звучала так, как будто ее сочинил не Александр Блок, а Александр Вертинский. Чтец нежно грассировал, старательно растягивал слова и делал томный акцент на реалиях и аксессуарах. «Упругие шелка» он пропел, зажмурившись от удовольствия и как бы приглася присутствующих разделить его вещественный восторг.

Он окончил под общий рокот одобрения. Вдруг раздался хриплый, словно задушенный голос: «Нет, нет, это невозможно! Это кто угодно, но только не Блок!».

Я оглянулся. «Нет, нет и никогда!» — грозно восклицал Антокольский, отделяясь от своих спутников и решительно занимая место, только что оставленное изысканным интерпретатором Блока.

Он сердито огляделся, сжал в кулаке свою короткую коричневую трубку и, топнув обувью в щегольской лакированный башмак ногой, принялся читать «Скифов».

Признаться, ни до, ни после я больше не слышал подобного чтения. Оно было не то чтобы слишком темпераментным, а, скорее, выражало какое-то сугубо личное, кровно заинтересованное отношение к тому, что произносилось. Казалось, судьба чтеца, да и всех нас, безмолвно внимавших взлетам и затуханиям его хриплого, яростно клокочущего голоса, висит на волоске и ее ужасное или, наоборот, счастливое разрешение зависит от того, к чему же наконец придет оратор, какой выход укажет он из совершающейся на наших глазах сшибки мировых стихий.

Милions — вас. Нас — тьмы, и тьмы, и тьмы.

Попробуйте, сразитесь с нами!

Да, скифы — мы! Да, азиаты — мы,

С раскосыми и жадными очами!

Когда речь дошла до «острого галльского смысла» и «дымных громад Кёльна», он произнес эти строки *как имеющий право*; не оставалось ни малейшего сомнения, что это именно ему лично «внятно» то, о чем говорит Блок.

Наши нешумные, но искренние аплодисменты были приняты как должное. Вокруг стали просить прочесть «Санкюлота»¹⁸ или что-нибудь другое — свое. Антокольский досадливо отмахнулся, кликнул своих спутников — и вся компания величественно удалилась по направлению к площади Пушкина¹⁹.

Л.П. На «Маяковке» были свои праздники, вроде выступления Антокольского. Там мог прочесть стихи любой проходящий мимо — большой поэт или графоман. Но там был и, если так можно выразиться, «актив» — непечатающиеся поэты, которые выступали регулярно, и постоянные слушатели. Эти люди очень быстро пере-знакомились друг с другом.

И.В. Кажется, именно там я познакомился с поэтом-переводчиком Мишей Курганцевым, поэтами Алешей Заурихом и Мишей Шлаиным. (Нет, последних я знал еще по литературным объединениям²⁰, но они тоже бывали на «Маяковке».) Все они умерли сравнительно молодыми. Приходили на площадь какие-то ребята — бригада Маяковского, кажется, из музея Маяковского²¹. Был какой-то старый человек, который пропагандировал Маяковского еще в 30-е годы...

Л.П. Гринберг?

И.В. Кажется, так. Я не помню точно его фамилию. Ни с кем из тех, кто фигурирует в книге Буковского, я не был знаком... (В лицо кого-то наверняка знал, но по фамилиям — нет.)

...Впрочем, с одним человеком у меня однажды был продолжительный и серьезный разговор.

Поздно ночью мы ушли с площади, гуляли по Москве и спорили на вечную тему: что делать? Я считал, что система нуждается в обновлении, что нужно действовать изнутри, а мой спутник говорил: «Нет, ничего из этого не выйдет», — и был настроен весьма радикально: «На баррикады!» Он был очень собран, у него была четкая программа: «До основанья, а затем...», и никаких отступлений. Я был поражен его сокрушительным нигилизмом, его «отрицательной» цельностью. У него не было иллюзий — тех, которыми жили большинство из нас. Мы с ним дико спорили. Он хотел и меня обратить в свою веру, но это было совершенно невозможно, — я тогда был «оппозиция Его Величества».

У меня нет стопроцентной уверенности (все-таки прошло более тридцати лет!), но мне почему-то кажется, что моим ночным собеседником был Владимир Буковский. Во всяком случае, это был первый встреченный мною убежденный противник режима.

Л.П. Ребята с «Маяковки» издавали самиздатские журналы, и Буковский об этом хорошо знал. Он не предлагал вам в них участвовать?

И.В. Я этого напрочь не помню. И даже никогда не видел этих журналов. Вообще, о том, что на площади была мощная целенаправленная деятельность я узнал много лет спустя из книги Буковского. Все это прошло мимо меня... Какие-то отдельные стихи, напечатанные на машинке, там ходили, передавались из рук в руки.

Я тогда сам подобрал свой машинописный сборничек «Спутник и Пегас» (по названию одного стихотворения, которое потом было напечатано в «Юности») ²² и написал на обложке «Самиздат». Я тогда не подозревал, что это слово имеет некий криминальный оттенок, думал — просто чья-то остроумная шутка ²³.

Л.П. «Маяковка» запомнилась вам как Гайд-парк. А ведь там были «стукачи», дружинники, милиционеры, попытки помешать чтениям, приводы в милицию, аресты «за хулиганство» и прочие прелести, плохо ассоциирующиеся с Гайд-парком.

И.В. Сначала все было спокойно — никто не вмешивался, никого не хватали. Первые признаки гонений появились, кажется, весной 60-го. Дружинники... Нас стали таскать в метро, там была специальная комната, где переписывали фамилии. (Меня тоже пару раз забирали.) Впрочем, обращались довольно вежливо, говорили даже, что поэзия — дело хорошее, но кто-то где-то может попытаться использовать наши собрания в своих неблагоприятных целях. И т.д. Вызывали в МК комсомола в Колпачный переулок... Что «Маяковку» разогнали окончательно, я узнал уже после того, как перестал туда ходить.

Л.П. Как вы отнеслись к этому известию?

И.В. Я тогда уже учился в университете (поступил не на философский — на исторический факультет). Первый год был очень тяжелый, надо было учиться и работать. С 1962 года я начал довольно часто печататься (меня напутствовал в «Литературной газете» Павел Антокольский²⁴) и много выступал. Но «Маяковка», конечно, осталась как первая любовь.

Л.П. А где вы начали печататься?

И.В. В «Юности» и в «Литературной газете». И — в «Октябре»²⁵.

Л.П. Кочетовском?

И.В. Да. Самое интересное, что я тогда совершенно не понимал разницы между «Октябрем» и «Новым миром»²⁶. Принес подборку и в «Новый мир», и в «Октябрь». Приняли и там, и там. Но «Октябрь» набрал месяца на три раньше — стихи в «Новом мире», естественно, полетели. Только через несколько лет Твардовский напечатал мою подборку²⁷. Впрочем, у меня в «Октябре» не было ни строки с «кочетовским» акцентом.

...На выставке в Манеже²⁸ шли бесконечные споры в духе «оттепели». Диссидентства в позднейшем виде там не было. Все еще верилось, что все переменится, наступит новая жизнь. Это ощущение длилось до середины 60-х.

Л.П. А разгром, который в Манеже учинил Хрущев²⁹? Его поведение по отношению к творческой интеллигенции? Я помню, в Москве висели огромные фотографии: Хрущев с кулаком, занесенным над Вознесенским³⁰.

И.В. Конечно, к этому было вполне однозначное отношение: мракобесие. Но казалось, что все это накладки, издержки процесса обновления. Ведь, не забудьте, разгром Манежа происходил почти одновременно с публикацией «Ивана Денисовича»³¹. Можно было предполагать, что вокруг Хрущева происходит борьба клик, что кто-то его накачал, настропалил, но все это — преходяще. России свойственно верить в просвещенных монархов.

Л.П. А какие настроения были среди студентов исторического факультета?

И.В. Все наше поколение было антисталинским. Никто не мыслил возможности возрождения сталинизма. Но и никто не связывал свое будущее с борьбой против советской власти. Сейчас много охотников задним числом переоценивать степень своей оппозиционности. Мы видели пороки системы, но не считали болезнь летальной. Наше дело — ускорить процесс выздоровления, действовать, так сказать, изнутри, ибо мы часть этого организма. К такого рода духовной «внутренней» оппозиции принадлежала значительная часть творческой, да, пожалуй, и научно-технической интеллигенции.

Л.П. В 60-е годы я тоже училась в МГУ. Я помню Вознесенского в переполненной Коммунистической аудитории³², но помню и другое: огромное количество самиздата. Говорили, что на единицу университетской площади самиздата приходится гораздо больше, чем учебников.

И.В. Про начало 60-х я бы так не сказал... Хотя кое-что, конечно, и тогда попадалось. Самое сильное впечатление произвело на меня письмо Бухарина к будущим руководителям партии³³. То ли машинопись, то ли пересъемка. Отец увидел — страшно испугался (Бухарин тогда еще не был реабилитирован), отобрал и спрятал так, что до сих пор не найти. А я не боялся, держал совершенно открыто, верил, что с беззакониями покончено.

Помню «Автобиографию» Евтушенко из «Пари-матч». (Кажется, в обратном переводе на русский.) Тогда с этими воспоминаниями вышел большой скандал...³⁴ А в основном — стихи. Ходило, помню, по рукам мандельштамовское «Мы живем, под собою не чуя страны...»

Л.П. С русской религиозной философией не познакомились?

И.В. Я в те годы даже не знал таких имен, как Бердяев, Франк³⁵. Я читал в основном журналы — те, что выходили тогда и в 20-е, 30-е годы. И старые дореволюционные издания, преимущественно «Голос минувшего», «Былое». Мне хватало чтения и без самиздата.

Л.П. Арест Бродского и суд над ним помните?

И.В. Прекрасно помню. Как-то в ресторане ВТО (его посещала не только артистическая, но и литературная публика) подсаживается ко мне Евтушенко и с возмущением говорит, что в Ленинграде арестовали замечательного поэта Иосифа Бродского и что надо его спасать. Я не знал тогда ни одной его строчки.

Вскоре некоторые писатели выступили в его защиту³⁶. Потом я прочитал протокол процесса — он производил сильное впечатление: не оставалось и тени сомнения, что все обвинения шиты белыми нитками³⁷. Это вызывало глухой и бессильный гнев. Вот тогда — это было уже начало 65-го — мое понимание жизни стало меняться. (Мы еще шутили: «У меня такое ощущение, что сменилось мироощущение»). Надежд на эволюцию системы, во всяком случае быструю, сильно поубавилось.

Л.П. А в конце 65-го посадили Синявского и Даниэля.

И.В. Посадили за художественное слово — и это было ужасно. Это выглядело как предупреждение всем нам.

В перестроечные времена в «Юности» я напечатал статью «Возвращение с прогулки (К урокам одного политического процесса)». Там я писал о том, как мое поколение откликнулось на этот процесс.

«Цели мы не знаем, — говорил восточный философ. — Позаботьтесь о средствах, цель же позаботится о себе сама». <...>

Нельзя сказать, будто мы и раньше не догадывались, что средства нехороши. Но дело Синявского и Даниэля развеяло последние иллюзии шестидесятых годов. Эпоха завершилась, оставив в душе растерянность, недоумение, горечь. <...>

Что было делать? Не тем смелейшим из нас, которые и раньше не обольщались относительно происхождения видов и не принимали Левиафана за золотую рыбку, у которой было трудное детство и которая поэтому вечно обуреваема страхом попасться на удочку врага. Они-то знали, что исчезнут во чреве. Но большинство — и об этом надо сказать — не было готово к такой судьбе. То, что было избрано, на первый взгляд, казалось вполне пристойным и в то же время не престающим опасных границ. Рецепт поведения был прост: не участвовать в начальственных играх, не умножать объема зла, быть профессионалом и честно заниматься своим трудом. А там — как Бог даст.

Ибо казалось: царству кесаря не будет конца. И надо было попытаться проникнуть его иным, еще не угашенным духом, дабы придать ему человеческий облик и хоть в малой степени смягчить его солдафонский нрав³⁸.

Мы научились работать на уровне подтекста, интонации, намека. Иносказание иногда давало больший художественный эффект, чем отважное лобовое высказывание. У меня была внутренняя установка: я принимаю условия игры. И никогда не напишу: «Долой советскую власть!», не пойду за это в лагерь, но я ни за что не скажу того, чего не думаю, никогда не воспользуюсь официальным казенным слогом, «их» идеологическими клише (замечательно шутил по этому поводу критик Лев Аннинский: «Слова ваши, порядок слов мой...»). Пожалуй, сформулировать это так, как я вам сейчас излагаю, я смог бы только через несколько лет после процесса Синявского—Даниэля, уже в 70-е годы. Во второй половине 60-х это ощущалось скорее инстинктивно.

В 1968 году в МГУ я основал (употреблю именно это высокосторженное слово) литературную студию «Луч» и с тех пор я ею руковожу. Из этой студии вышла воистину блестящая плеяда: покойный Саша Сопровский, Алеша Цветков, Женя Бунимович, Сережа Гандлевский, Женя Витковский, Алла Шарапова, Бахыт Кенжеев, позднее — Дима Быков (он еще школьником к нам ходил). Саша Казинцев — тоже наш. Паша Нерлер, Лера Нарбикова, Оля Петрова, Инна Кабыш³⁹. Всех не перечислить... Все завязывалось на нашей студии... Чанышев, профессор философского факультета, «тихий диссидент», до сих пор к нам заглядывает — ему уже за 60.

У нас выступали и Окуджава, и Коржавин, и Битов, и Вознесенский, и Юнна Мориц, и Лев Аннинский, и Вадим Кожинов... Очень высокий был уровень разговора — именно в 70-е годы. Это было как бы возрождением духа «Маяковки». Я старался, по мере сил, под-

держивать на занятиях полнейшую духовную (в том числе эстетическую) свободу — разумеется, формально соблюдая все те же правила игры.

Степень духовной раскрепощенности, градус правды у нас были, я думаю, выше, чем на любом семинаре любого гуманитарного факультета. Хотя больше упирали на эстетику, — мы старались не допускать явных политических акцентов. (Как заметил А.Синявский, у него с советской властью были главным образом расхождения стилистические.) Но всем все было ясно. Верноподданнические поэзы (они редко, но еще писались) вызывали дружный смех.

В 1977 году мы издали сборник поэтов МГУ, — полагаю, что это одна из лучших книг 70-х годов⁴⁰. (Кстати, там я напечатал и большой цикл стихов Юрия Кублановского, первую и едва ли не единственную в России его публикацию⁴¹. Так что напрасно иные критики утверждают, будто печататься Кублановский начал только в эмиграции.)

Л.П. Однажды вам удалось кое-что опубликовать, но многие студийцы, и вправду очень талантливые ребята, в те годы не печатались вовсе или печатались крайне редко и, как правило, не с самыми лучшими, не с самыми характерными своими вещами.

И.В. Это могло стать их драмой. Я понимал, что они очень талантливы, но понимал также и то, что напечатать их стихи практически невозможно. Там не было ничего явно диссидентского, но по тональности, по ценностным категориям, по внутреннему достоинству это была совершенно другая поэзия, которая до перестройки не могла быть напечатана. Не вписывалась.

Это было замечательное поколение. Они всё понимали. И их совершенно не волновало, что это общество их не признает. Некоторые из них были, очевидно, как-то связаны с диссидентством, но — вне студии. Сопровский, Гандлевский, Кенжеев подарили мне самиздатский альманах «Московское время» (кажется, в конце 70-х) с такой надписью:

Покуда не чекистский китель
Листает этот фолиант,
Наш уважаемый учитель,
Да оцените наш талант!

Много раз студию пытались закрыть, и приходилось писать хитроумные объяснительные записки (чисто советский жанр!), дабы избежать грозившей кары. Это была цена за высокое пиршество духа...

Студия — это целая эпоха. Это была легальная форма духовного сопротивления. Четверть века продолжалась аккумуляция каких-то духовных сил.

Л.П. Студия, как я понимаю, не была вашим главным делом. Во всем мире известны ваши книги о Достоевском. О писателе, который не пользовался большой симпатией большевиков. Могли ли вы в застойные времена в своих работах о Федоре Михайловиче сказать все, что вы думали?

И.В. Так или иначе — мог. Кандидатская диссертация у меня была по «Дневнику писателя». Ни одной серьезной работы о Достоевском-публицисте тогда не существовало ни у нас, ни за рубежом. Мой научный руководитель — историк, умный и осторожный человек профессор Сергей Сергеевич Дмитриев⁴² сказал мне: «Сформулируйте тему по истории издания «Дневника», а не по его идеологии». Я так и сделал, но из истории издания попытался вывести и идеологическую модель⁴³. Это было очень конструктивно.

В 86-м у меня вышла большая книга «Последний год Достоевского». Она писалась еще в доперестроечные времена и проходила в печать очень трудно. Когда эта книга переиздавалась в 90-м и 91-м годах, у меня не было необходимости ее перерабатывать, менять оценки. Все, что я хотел сказать, я сказал уже тогда, в первом издании.

Конечно, без идиотизма не обходилось. Что-то пытались снять, — я с трудом восстанавливал, и все же самое главное удалось отстоять.

Я утверждаю: была возможность, не вступая в глобальный конфликт с властью (хотя подспудно этот конфликт, конечно, существовал), делать свое дело, размягчая тем самым систему, побуждая ее к эволюции. Но это была, так сказать, попутная задача.

Занимаясь Достоевским, я стал читать религиозных философов. Начал с работ о Достоевском, а потом — и все остальное. Покупал самиздатские копии (в основном пересъемки), переплетал их, — мне находили «своих» переплетчиков, которые «не закладывали».

У меня собралась большая библиотека философского самиздата. (Отец меня все время за это ругал: придут с обыском, найдут... Хотя ничего криминального там, конечно, не было: Бердяев, Шестов⁴⁴, Мережковский...) Работы русских философов окончательно помогли понять, что такое тоталитаризм и почему глупо питать какие-то надежды на его перерождение.

С конца 70-х годов на факультете журналистики МГУ я читаю курс по истории русской журналистики XIX столетия. И до сих пор придерживаюсь той концепции курса, которую выработал тогда. Правда, теперь я впрямую цитирую, например, авторов «Вех». Впрочем, я приводил их и раньше — просто эти цитаты носили скрытый характер. (Очень смешно наблюдать тех, кто всю жизнь молился на Ленина и Чернышевского, а ныне с криками «Катков! Суворин! Розанов! Флоренский!»⁴⁵ бодро спешают впереди прогресса.)

Хотя мой лекционный курс посвящен истории журналистики, я старался выходить и на современные проблемы, конечно, не преступая академических рамок. Привлекал некоторые сахаровские идеи, разумеется, тоже не указывая источник.

Я никогда не ощущал себя диссидентом. Я бесконечно уважал тех подвижников, которые выходили на площадь и писали какие-то открытые письма. Как можно не уважать, допустим, Буковского? Поразительно цельный характер: «Карфаген должен быть разрушен!» Но вот Карфаген пал, и то, что пышным цветом взошло на его руинах, — разве за это готовы были отдать свою жизнь его сокрушители? Я считал, что реально диссиденты мало что могут изменить. (Кстати, так и вышло: реформы начались сверху.) Конечно, диссиденты собой «удобрили почву». Если же иметь в виду часть оппозиционной, но не диссидентской интеллигенции, то она занималась тем же делом — правда, с несравненно меньшей долей риска. Каждый отвечал за себя, за свой текст — и это тоже, если угодно, был выбор.

Был довольно высокий уровень гуманитарных научных исследований. Журналы «Новый мир», «Вопросы философии», «Вопросы литературы» и другие печатали умные, глубокие, не имеющие никакого отношения к официальной идеологии статьи. Несмотря на цензуру, духовная жизнь была очень интенсивной, — диапазон возможностей был чрезвычайно широк.

Л.П. Ваша молодость пришлась на 60-е годы. Насколько это обстоятельство предопределило вашу дальнейшую судьбу?

И.В. Все главное пришло тогда, все оттуда. Что тогда случилось, то и осталось... может быть, кроме некоторой политической наивности. И, конечно, без тех самообольщений.

Но ведь и большинство диссидентов вышли из 60-х годов. Поэтому вряд ли целесообразно противопоставлять диссидентство другим, менее политически выраженным фактам духовного сопротивления. Ибо истоки у них едины.

Стихи, звучавшие на площади

Игорь Волгин

КАНУНЫ

Майоров пишет грустные стихи:
«Мы были высоки, русоволосы...»¹
Фашисты в Праге.

Скорбны и легки,
Горят, как свечи, польские березы.

А над Москвой простерта тишина.
Шумят деревья влажною листвою.
Идет весна.
За ней идет война.
Она еще не стала мировойю.
Она еще не сгорбила их плеч,
Еще ни бомб,
Ни затемненных окон.
«Нам лечь, где лечь,
И там не встать, где лечь», —
В последний раз
Прочтет ифлийцам Коган².
Им ведомо, что ждет их на веку.
Не жертвенность. Не поза. Не бравада.
Поэзия,
За каждую строку
Пришел твой срок платить у Сталинграда.

Поэзия, провидящий солдат,
Тебе одной вручается повестка,
Когда еще предательски молчат
Германские орудия у Бреста.
Когда сирень
Кипит со всех сторон,
И белый дым, как дым беды грядущей.
И, как идущий к фронту эшелон,
Ночной трамвай, в Сокольники идущий.

ГОРИТ ЯН ГУС

Горит Ян Гус.
Он руки распростер.
Чернеет небо, как печная выюшка.
И
сердобольно
хворост на костер
Подбрасывает, охая, старушка.
Но пламя, обнимая города,
От той вязанки маленькой взметнулось.
Горит рейхстаг...
«Святая простота»,
Как горько ты Европе обернулась!
Мы стали не наивны.
Не просты.
Но иногда
вдруг чувствую я глухо:

Горит Ян Гус.
Чадят еще костры.
Жива еще та самая старуха...

Елена Заславская

ГЛОТОК СВОБОДЫ

Елена Заславская — одна из той текучей, заинтересованной и благодарной толпы, которая всегда была на площади. Она не писала и не читала стихов — она, как сотни (тысячи) других, приходила на площадь послушать.

Родители мои¹, недавно вернувшиеся из ГУЛАГа, жили тогда на Тверской-Ямской, рядом с площадью Маяковского. Когда начались чтения? Как-то все у меня в памяти слилось. Почему-то помню: зима, сумерки, падают снежинки. Откуда и куда бы я ни шла, ноги сами несли меня к памятнику. Подземных переходов тогда не было, и подойти к нему было очень легко.

...Как сейчас помню молодые, прекрасные лица, манеру читать — задорно, темпераментно, с полной отдачей.

Люди спорили стихами. Например, кто-то выходил, читал Маяковского. (Он тогда был свой, никому бы и в голову не пришло назвать его фашистом, было очень естественно, что люди собираются около его памятника.)

Потом другой читал стихи, совершенно противоположного содержания. Потом — третий... Это были настоящие стихотворные поединки, которые длились часами.

До сих пор помню ощущение глотка свободы. Площадь напоминала то, чего я никогда в жизни не видела, о чем рассказывали родители: «Дискуссионный листок»², выступления Маяковского, диспуты Луначарского...³ Это чувство, только еще более сильное, я испытывала много лет спустя, в годы перестройки — на демонстрациях.

Стояла «оттепель», и эти люди были заодно со временем. Мальчики протестовали против того, что сломало жизнь моим отцу и матери (а рикошетом и мне), о чем говорилось на XX съезде. Тем не менее помимо радости всегда было ощущение какой-то тревоги — кругом сновали некие серые личности, которых я, с моим жизненным опытом, легко отличала. Это было ужасно.

Поначалу они ни во что не вмешивались — только шныряли в толпе. А потом стали срывать чтения. Провоцировали драки, снимали с постамента, хватали...

Честно говоря, когда все это начиналось, я уходила.

В какой-то момент все кончилось. Площадь опустела. Осиротело это место. Было очень грустно.

...Летом 1973 года я отдыхала в Малеевке⁴. За мой стол сел человек лет тридцати, кандидат наук, специалист по Достоевскому. Представился — «Игорь Волгин». Смотрю и думаю: где-то я с ним встречалась. «Скажите, Игорь, я не могла видеть вас на площади Маяковского?» Улыбнулся — «Могли»... Он тогда был совсем молоденький, такой хорошенький, задиристый... очень одухотворенное лицо, прекрасно читал...

Наверное, и других узнала бы, да как-то не привелось встретить.

Всеволод Абдулов

ЗАМЕЧАТЕЛЬНОЕ БЫЛО ВРЕМЯ!

На площади звучали стихи и Пастернака, и Цветаевой, и Гумилева, и Кедрина, и Самойлова, и других «забытых» или малопечатающихся поэтов. Чаще всего их читали два человека — Сергей Гражданкин и Всеволод Абдулов — студенты Школы-студии МХАТ

Как все меняется! Что раньше было птицей,
Теперь лежит исписанной страницей.

Н. Заболоцкий

Как я попал на площадь Маяковского, совершенно не помню. Иду, смотрю: стихи читают — остановился... А может, прошел какой-то слух, что на площади собирается молодежь, но, так или иначе, я стал ходить туда достаточно регулярно, вместе со своим однокурсником Сережей Гражданкиным.

В хорошие дни — вся площадь была заполнена народом. Кто хотел — выходил к постаменту, читал стихи. Свои или чужие. Я там много чего читал: Цветаеву, Пастернака (особенно «Август»¹ любил читать), Давида Самойлова — у него тогда много ненапечатанных стихов было. Я старался читать то, что не напечатано, что мало знали... Другие читали Маяковского, еще кого-то. Галансков, Ковшин — свое. Я с ними и с другими ребятами, которые постоянно были на площади, быстро познакомился.

Нас то и дело хватали, арестовывали, сажали на пятнадцать суток. Ну и что? Хватают — значит бояться, значит слабы, ничтожны. Не страшно — весело все это было. Мы были молоды, мы были сильны, мы любили жизнь, и, главное, мы верили: «Наше дело правое — мы победим». Замечательное было время!

Поначалу все шло как-то нормально. Подходит кто-нибудь в форме или не в форме, предъявляет какой-нибудь документ. Либо дружина, либо милиция, но не КГБ. «Давай-ка пройдем» — «Пройдем — так пройдем». Обычно нас отводили в отделение милиции при метро (была там маленькая комнатка). Я лично никогда не сопротивлялся, любил с ними пройти.

Помню, однажды на «Маяке» был какой-то невероятный аншлаг: вся площадь запружена народом и — против обыкновения — читают со всех четырех углов. Я тоже что-то прочел. Ко мне подходят — «Пройдемте!». Не потому, что я прочел что-то особенно крамольное, а просто так: пришла пора и меня взять. Привели меня в комнату милиции, в метро — сидят какие-то явные кагэбэшники. «Почему вы на площади читаете? Почитайте что-нибудь нам». Я стал им читать. Как раз в этот момент втащили каких-то пьяных и начали их избивать ногами, — а я на этом фоне с пафосом читал: «И жизнь хороша, и жить хорошо!» Не знаю, что было бы дальше, но тут какой-то человек на площади выскочил на постамент: «Сейчас здесь мальчик в лыжной шапочке читал, его забрали», — и вся толпа рванулась меня освобождать... Вообще, мы очень внимательно следили друг за другом и — чуть что — бросались на помощь. Создавали неразбериху, пытались вырвать...

Вначале власти не позволяли себе беспредела: избить, да еще при свидетелях — в 60-м году такое было еще невозможно.

Нас вызывали в горком комсомола, да и в комнате милиции с нами часто вполне доброжелательно беседовали какие-то люди не в милицейской форме (может быть, это тоже были горкомовцы — не знаю). Говорили, что наши чтения мешают уличному движению, собирается толпа, бывает и воровство — нехорошо все это. Москва все-таки, дескать, город-герой. Предлагали нам какой-то клуб — возьмитесь, отремонтируйте и, пожалуйста, собирайтесь, читайте стихи.

Лично мне эта идея не нравилась. Площадь тем и дорога, что сюда может прийти любой. Придет десять человек — хорошо, тысяча — еще лучше. А что клуб? Пропуска, зал на определенное количество мест — нам это было не нужно. Мы не считали, что делаем что-то плохое.

Даже и кагэбэшники вначале старались играть в либералов. Однажды — редкий случай — привезли нас на Малую Лубянку, и один, помоложе, начал на нас дико орать. Я сказал: «Вы хотели с нами переговорить — мы готовы. Но пока вы не уберете этого типа, никакого разговора не будет». И они ему сразу же — «Выйди!». А нам: «Не обращайтесь внимания, это сталинист, пережиток...». Обругали его.

Были и очень смешные истории. Однажды прихожу на площадь — никого нет. Ну нет, так нет. Пошел позвонить домой. Выхожу из будки, перед телефоном стоит один из начальников агаджановского отряда². (Мы их всех в лицо знали.) Надо сказать, что среди «агаджановцев» были вполне нормальные ребята, которым вовсе не хотелось торчать на площади и заниматься тем, чем они занимались, — им бы поскорее домой, к семье. Этот оказался как раз из таких, нормальных — никогда не хамил. «Ты куда звонишь?» — «Непорядок, — говорю, — никого нет на площади. Через полчаса будут». И забыл об этой шуточке. Но народ постепенно стал подходить, и через какое-то время собралась огромная толпа. Друзинники решили, что это я организовал и, стало быть, я один из самых главных.

Постепенно власти распоясывались и нагтели все больше и больше. Однажды — меня при этом не было — всех силком посадили в машины и выкинули за пятьдесят километров от Москвы. Стали исключать из институтов. И вот тут-то я порадовался, что я не комсомолец. Ведь как делалось? В первый день исключали из комсомола, на второй приходил полковник с военной кафедры и говорил: «Офицером Советской Армии человек, выгнанный из комсомола, быть не может». На третий — исключение из института.

...Я пытался привлечь к «Маяковке» внимание прессы. В чем, собственно, дело? Какие законы мы нарушаем? Помню, я по этому поводу прибежал в «Московский комсомолец». Разговор зашел о «Теркине на том свете». Они стали мне говорить: «Вы читаете это на площади, а это подделка, фальсификация, это не Твардовский написал»... Пользовались и запрещенными приемами.

Я, конечно, понимал: наши действия не нравятся дерьму, которого полно и в КГБ, и в ЦК, и всюду, — но мы все делаем правильно, и мы все равно доберемся до душ людей, только мы не должны совершать ничего противозаконного, не нарушать Уголовный кодекс.

...Я очень рано женился, и сразу же у меня родилась дочь. Я жил на даче-развалюхе и ночами часто сидел с ребенком, утром вставал, носил воду, брал пеленки и вез в Москву. Занимался в институте. У нас было много очень серьезных предметов. А стипендия двадцать два рубля, так что надо было еще и деньги зарабатывать — я почти не спал. Приезжаю на дачу измотанный, усталый — а там ночные сходки. (У меня тогда часто жили Буковский, Ковшин...) Революционеры обсуждают какие-то революционные проекты.

Однажды у меня был серьезный разговор с Володей Буковским, я сказал ему: «Я не революционер. Это не мой путь. Я не делаю подлостей, по мере сил помогаю хорошим людям. Я могу прийти на площадь, почитать мои любимые стихи, и мне плевать, что кто-то

запретил их печатать. Но заниматься революционной деятельностью — это не мое призвание».

Я всегда говорил, что я противник террора, и не потому, что боюсь, а потому что история доказывает: ни к чему хорошему это не приводит... Да мне и не казалось, что кто-то из моих друзей и вправду способен «поднимать пистолеты»³.

Я не ожидал, что все кончится 70-й статьей. Я тогда еще был романтик, и даже после арестов жутко хотелось думать, что и это опять-таки рецидив прошлого... Но, конечно, постепенно приходило понимание, что тучи сгущаются. Гайки закручивались все сильнее и сильнее, исчезали «оттепельные» иллюзии... Мне кажется, вначале и Владимир Константинович⁴ не думал, что все завертится еще более круто. Я, конечно, читал его воспоминания, они абсолютно верные, но у каждого была своя «Маяковка». Этим-то она и была хороша, поэтому-то, может быть, я так люблю это время. Для меня, несмотря ни на что, оно было радостным и веселым — жизнь, действие. И я очень любил людей, с которыми мне посчастливилось тогда познакомиться.

...Я продолжал дружить с Вадиком Делоне, Володей Буковским. Несмотря на то, что у нас с Володей жизнь складывалась одинаково только вначале, а потом он прошел всю свою Голгофу, я же, худо-бедно, прожил совсем другую жизнь, — это не отдалило нас. В 1978 году мы встретились в Париже — была очень хорошая, очень радостная встреча. Я мог честно смотреть ему в глаза — я никогда никого не продал, не предал. Встречались мы и позже, уже здесь, в России — и всегда как хорошие друзья. Кошка никогда не пробегала. Просто судьбы складывались по-разному.

Аполлон Шухт

ЭТИ ЧТЕНИЯ БЫЛИ ОЧЕНЬ ПОЛЕЗНЫ И ОЧЕНЬ ВАЖНЫ

Читать стихи на площади мог и Евгений Евтушенко, и случайный прохожий-графоман, и Юрий Галансков, рассматривающий свою поэзию как часть политической борьбы. Но были на «Маяке» четверо «главных» поэтов. Не «политиков», а именно поэтов — Аполлон Шухт, Михаил Каплан, Анатолий Щукин, Владимир Вишняков (Ковшин) — АМАВЪ (Аполлон, Михаил, Анатолий, Владимир).

Когда эта книга еще не была задумана, я, интервьюируя министра культуры Евгения Сидорова, спросила: «Что вы помните из неофициальной поэзии начала 60-х годов?» — «Мы приправа к правде, которую уродуют», — незамедлительно ответил Евгений Юрьевич. Далее выяс-

нилось, что на площади Маяковского он в свое время бывал раз или два — не больше. И вот помнит...

Автор этих стихов — Аполлон Шухт, мой одноклассник.

Л.П. Мы с тобой познакомились в седьмом классе. Когда слили мужские и женские школы. Насколько я помню, ты тогда жил с мамой. Отец у тебя погиб на войне?

А.Ш. Нет. Он в 46-м вернулся с войны, но уже в 52-м ушел от нас и уехал в Питер. Его уход я воспринял с большой радостью — он постоянно хотел меня воспитывать, что, естественно, вызывало во мне неприязнь, да и вообще он был мне совершенно не нужен.

Л.П. Кем была твоя мама по профессии?

А.Ш. В молодости — журналисткой. Ездил по командировкам. Но во время войны у нее была сложная операция, после которой надо было вести более оседлый образ жизни. Поэтому в последние годы она преподавала бухгалтерский учет на курсах для бойцов-инвалидов. Сначала — в госпитале, потом — заочникам. Имела дело только с тетрадами... Я помогал ей, какие-то работы проверял по трафарету.

Л.П. Ты учился в нашей 122-й школе с первого класса?

А.Ш. Да, маме очень хотелось, чтобы я учился в 135-й школе, она считала, что там хорошие преподаватели. На самом же деле, то была скорее школа для избранных. Она пыталась меня туда устроить — но не удалось. Ничем особенным наша семья не отличалась.

...Несмотря на то, что рядом была привилегированная 135-я школа, все-таки некоторые обитатели окружающих домов (а мы ведь жили у Пушкинской площади, где при Сталине строились дома для советского истеблишмента) полагали, что надо учить своих детей в обычной школе. Тем более, что 122-я была хорошей школой. Как я потом узнал, здесь работали люди, чьи родственники пострадали от репрессий. Наш директор Трофим Полищук, которого я тогда в принципе не любил, их пожалел и пригрел. Этот внешне непривлекательный, суровый и как будто бы не очень интеллигентный человек, как оказалось, был способен на весьма смелые поступки.

Короче говоря, школа была любопытна именно таким набором: дети элиты и в то же время дети трущоб, подвалов.

Поначалу школа произвела на меня странное впечатление: там надо было себя вести... несколько военизированно, что ли. Ставили перед входом в несколько рядов, в затылок друг другу. Потом была команда заходить... Помню, что, когда строили стену вокруг школы, мальчишки бегали, надев на палки черепа.

Л.П. ???

А.Ш. Ты разве не знаешь: раньше на этом месте была церковь и кладбище вокруг нее. При строительстве могилы, естественно, разрыли.

Л.П. Я в свое время была очень идейной пионеркой. А ты? Верили ты официальным лозунгам, бравурным песням о вожде, о счастливом детстве, о том, что «с каждым днем все радостнее жить»?

А.Ш. Меня убеждали, что надо верить взрослым. Во всяком случае хорошим. К их числу относятся и учителя. Я стремился быть отличным и был им. И поэтому старался соблюдать то, что являлось... ну, правильным, что ли — так скажем. На самом деле Сталин плохой, а надо говорить, что он хороший — таких проблем у меня не возникало. Я с детства помню рассказы о том, как Сталин во время ссылки должен был приехать в одну из деревень — надо было добираться по льду, и он упал в прорубь. Это было мне очень интересно.

С официальной идеологией у меня не возникало видимых противоречий, но у нас в семье события 1937 года не то чтобы обсуждались, но иногда как-то возникали в каких-то разговорах. То, что тогда произошло, понималось как определенные перегибы. Кто-то был уничтожен, может быть, и без вины, но, что делать, — так устроен мир.

Я помню рассказы о том, как незаслуженно пострадал мой дядя Игнатий Иосифович, кагэбэшник. Когда в преддверии 37-го начались гонения на латышей и поляков¹ (у них с мамой была польская кровь), его уволили из органов. Правда, потом, после исчезновения Ежова², вернули, но понизив на два-три чина... Это все мне в той или иной степени было известно.

...В 48-м году в Москве было что-то подобное «ленинградскому делу»³, только в меньших масштабах (об этом почему-то никто не вспоминает). Ожидалось, что репрессии пойдут по нарастающей. К тому были основания — убрали Попова⁴. Все это у нас в семье обсуждалось, и обсуждалось с тревогой. При мне, конечно, впрямую о политике не говорили, но я кое-что выхватывал из разговоров. Я рос книжным мальчиком, крутился около взрослых, слушал и запоминал.

Л.П. А как ты увязывал ту нищую жизнь, которой жили вы и почти все окружающие, с лозунгом «все для человека»?

А.Ш. Но мы же жили на волне восстановления. Все-таки на нашей памяти и приход людей с войны, и отмена карточек (а люди знали, что было, когда карточки терялись), и ежегодное снижение цен⁵. Очереди за мукой и прочим воспринимались как последствия войны.

Л.П. 52-й год и «дело врачей» помнишь?

А.Ш. Очень хорошо. Помню волну бытового антисемитизма, по сути, поощряемого властями. У нас в школе бегала... иначе как банда не могу назвать — мальчишек, которая била евреев. Самое для меня противное было то, что ими командовал Гуревич. Боря Гуревич... Они на меня напали...

Л.П. Приняли за еврея?

А.Ш. Шухт и отличник — конечно же... Что значит «еврей»? Жид. Евреев не было. Надо было бить жидов.

Они принялись меня избивать. Я в принципе достаточно спокойный, но когда на меня накатывает... Я вцепился в этого Борю Гуревича... хорошо, что меня оттащили, потому что я просто душил его.

Надо отдать должное учителям, все-таки они сумели не растравлять все это, а как-то прекратить.

Самого факта злодейских намерений каких-то людей я не мог отрицать, думал: все-таки пишут серьезные газеты... наверное, что-то было. Но накатывающаяся волна антисемитизма была мне противна. Дело было не в том, что меня бьют, — было чувство, что вообще происходит что-то неправильное. Причем эта неправильность выводилась именно из марксизма-ленинизма. Антисемитизм противоречил тому, что утверждалось официально. Защита от этого явления была внутри царствующей идеологии.

Л.П. А среди взрослых что происходило в эти дни? Помнишь что-нибудь?

А.Ш. Я помню то, что было немножко раньше. «Дело врачей» в некотором смысле не явилось для меня неожиданностью. И обвинение евреев в злодействе тоже. Однажды, еще до «дела врачей», мы с Игнатием Иосифовичем пошли к моим отцовским тетушкам (у меня бабка со стороны отца еврейка), и он по профессиональной кагэбэшной привычке: завести всякий разговор о том, о чем люди не хотят говорить, — как бы невзначай спросил: «А ваша мама-то, кстати, кто была?» (хотя он прекрасно знал историю нашей семьи). Тетушки ответили: «Она с Украины». Быть евреем было плохо... Я это на всю жизнь запомнил.

...В какой-то момент было плохо быть немцем. (У меня основная кровь немецкая.) Когда началась война с Германией, то один из первых поступков этих же тетушек — уничтожение или попытка уничтожения генеалогического древа... Просто разорвали все, что было нарисовано об их предках, веточку за веточкой.

Л.П. Как ты и твои окружающие реагировали на смерть Сталина?

А.Ш. После того как объявили о болезни Сталина, занятия в школе шли уже не совсем нормальным образом. Отсутствие каких-то учеников, которые дежурили у радио, слушая последние новости, воспринималось более-менее нормально. За это не наказывали... Ну, а когда узнали про смерть Сталина, то мама, например, плакала. Все теневые стороны сталинской машины ей были хорошо известны. Репрессии коснулись и нашей семьи — по польской линии, по латышской линии... и по кагэбэшной линии. Но тем не менее ... Это было понятно. Рушился мир, а каким он будет?.. При том, что весь механизм власти был достаточно жестким, трудно было предполо-

жить, что будет лучше. Когда происходит крушение парохода, слезы — вполне нормальная реакция, несмотря на то, что можно не любить капитана, не любить этот корабль, считать, что он плохо построен, и т.д.

Л.П. И сразу после смерти Сталина что-то изменилось в атмосфере?

А.Ш. Для меня изменения начались в июне 1953 года, после разоблачения Берии. Мама тогда работала в школе повышения квалификации председателей колхозов, в селе Желябино... Гуляем мы с мамой и с моим двоюродным братишкой, яркий солнечный день — и по радио идет громкая передача о том, что марксизм-ленинизм не сочетается с возвышением отдельной личности, что культ личности — это плохо. Имен не называется никаких. Но произносит это диктор, который обычно читает важные сообщения, текст сопровождается какой-то соответствующий музыкой...

Эта передача повторялась несколько раз — в воздухе разливалась тревога...

Мы едем в Москву — по улице идут танки. В Москве танки ходили только во время парада — в праздники, а танки на улицах будний день... это означало, что они пришли сюда не зря... Так я задолго до августа 1991 года видел танки на московских улицах.

...Началось какое-то раздвоение. С одной стороны, как будто бы все по-прежнему: те же самые стандартные предисловия ко всем научным трудам, ссылки на Сталина и т.д. С другой — попытки верхов что-то изменить. Я следил за тем, как много раз собиралось Политбюро, как они меняли на ходу свои решения... Кто-то наверху хотел аккуратно убрать Сталина. Это было видно. Что-то уже висело в воздухе, иное. Это шло сверху. Не снизу.

Л.П. Твоя мама умерла, когда ты был в каком классе?

А.Ш. В седьмом. В декабре 1954 года. Отец ничем мне не помогал. Были люди, в том числе и в нашей школе, которые хотели отдать меня в детдом. Но Игнатий Иосифович проявил все свое умение, всю свою силу, чтобы этого не произошло. Потому что кроме сложностей, которые возникли бы при жизни в детдоме, это означало бы потерю площади — именно эта проблема в первую очередь обсуждалась тогда в нашей семье. Сохранить площадь для ребенка — это было самое главное... Пытались оформить опеку. Может быть, даже на кого-то из учителей.

В конце концов, несмотря на то, что Игнатий Иосифович жил в Симферополе, удалось оформить опеку на него. Он приезжал примерно раз в три месяца. Высылал регулярно деньги. Приезжали ко мне мои тетушки...

Л.П. Но все равно: с четырнадцати лет ты жил один.

А.Ш. Да. И очень быстро умерли все тетки. Остался один дядюшка. Если первый год я был все-таки под достаточно хорошим присмотром, то остальное время жил сам по себе.

До смерти мамы я был домашний ребенок, мне не разрешалось гулять во дворе — только на Тверском бульваре, только в своей компании, а с 1955 года я узнал двор. В четырнадцать лет стал ездить на подножках трамвая. (Этим обычно балуются значительно раньше.) В общем стал узнавать какую-то другую сторону жизни...

Дядюшка в течение учебного года был со мной в общей сложности... ну, может быть, два месяца. Это, конечно, наложило отпечаток на мой образ жизни. У меня ведь можно было свободно собираться, разговаривать о чем угодно. Ко мне, по-моему, никому не возбранялось приходить — я был отличник (хотя в последних классах стал плохо себя вести).

Л.П. В 56-м году ты жил один и был самостоятельным человеком. Как ты воспринял XX съезд?

А.Ш. Когда мне сказали, что мой двоюродный брат, сын Грамши⁶, после XX съезда плакал, говорил, что его обманывали, и т.д., меня это удивило. У меня не было такого ощущения. Мне все было уже по сути известно. Конечно, открылись какие-то подробности, наверху, наконец, признали «ошибки», стало возможно об этом говорить. Но изменения в идеологии и борьба за власть для меня не были неожиданностью.

Л.П. Венгерские события помнишь?

А.Ш. Очень хорошо. У меня сразу возникло сочувствие к венграм, и я не боялся его высказывать, потому что я воспринимал эти события не как попытку реставрировать капитализм, а как неизбежную реакцию на то, что у власти задержался Матяш Ракоши⁷, который должен был уйти раньше, вслед за Сталиным. Совершенно однозначно я был на стороне восставших, но социалистические идеалы оставались для меня незыблемыми: я был уверен, что социализм для человечества лучше, чем капитализм. Но в то же время считал, что к хорошей цели надо идти хорошими путями, ни в коем случае нельзя следовать сталинскому лозунгу «цель оправдывает средства» и венгерский бунт связан как раз с тем, что такие средства имели место, — идет очищение.

Тогда мне уже было пятнадцать лет, и политика и какие-то свои предложения по поводу тех или иных политических вопросов — все это уже крутилось в голове.

Л.П. Какие события нашей школьной жизни тебе особенно запомнились?

А.Ш. Драмкружок. Им руководила некая Майя, фамилии не помню. Она каким-то образом — уж не помню, каким — была

связана с движением по созданию «Современника»⁸. В ее рассказах постоянно присутствовали актеры «Современника»... Взрослый, другой мир. И политически и этически. Все борения по устройению нового театра через нее доходили и до нас... Это было некое раскрепощающее начало... Вообще в то время жизнь страны, судьбы каких-то неизвестных тебе людей — все это было предметом личным, входило в личные переживания наряду с любовью к девушке. Мы как-то все время в этом варились.

...Я стал регулярно получать анонимные письма, в которых меня всячески предостерегали от знакомства с Майей. Говорилось, что это нехорошее буржуазное влияние и т.д.

В драмкружке я познакомился с девочкой Мусей⁹, а у нее — с неким мальчиком Макаевым. Он очень нравился девочкам, поэтому мне было неприятно, что он стал часто бывать у Муси. Однажды он предложил мне побеседовать с одним из его друзей, который собирает талантливых людей, и он, дескать, знает, что я в седьмом классе получил первую премию на олимпиаде при МГУ. Помню, как я ходил на свидание с этим человеком, который в то время, видимо, был студентом второго-третьего курса, и он стал мне рассказывать, что есть люди, которые должны помогать друг другу, что надо действовать вместе, что нужно создавать специальные ситуации, помогающие человеку пройти определенные жизненные препятствия.

В тот момент — это было в 57-м году — я такие предложения воспринимал отрицательно. Мне не понравилось, что меня втягивают в какую-то организацию. И он это почувствовал — разговор свелся к совету почитать Куранта...¹⁰ Но в моей памяти осталось: есть люди, сознательно вербующие своих. Может быть, это было что-то вроде масонского движения, не вышедшего на поверхность. Но, безусловно, тогда были какие-то группы, которые не вылезали в прямую революционную деятельность, не были затронуты арестами, но которые действовали. Когда я недавно читал книжку Буковского, мне показалось, что он был знаком с этим студентом. По-моему, мы с ним, сами того не зная, пересеклись на этом человеке¹¹.

Л.П. Теперь давай вспомним с тобой десятый класс и наш школьный журнал. Как зародилась эта идея?

А.Ш. Время было такое, что люди хотели говорить, обсуждать... У нас была учительница литературы... Тамара...

Л.П. Татьяна. Татьяна Федоровна Мигачева.

А.Ш. Да. Она сама, может быть, не была очень умной и далекой женщиной, — достаточно средний, по-моему, педагог, — но она все-таки была молодая, а в воздухе уже носилось: с детьми надо говорить откровенно, что-то обсуждать, они должны быть самостоятельны. Она не была так скованна, как учителя старшего поколения. На ее

уроках мы начали говорить. Я думаю, что даже, к примеру, обсуждение «Грозы» Островского было связано с нашим временем... На уроках литературы происходило и обсуждение романа Дудинцева. У всех было желание высказаться и выслушать других.

...Журнал родился скорее всего из разговоров, из обсуждения каких-то литературно-политических событий... сборников «Литературная Москва», «Гарусские страницы»...¹²

Л.П. И ты стал главным редактором?

А.Ш. Не могу сказать, был ли я главным редактором. Я входил в руководство журнала... Там был и Павлик Захаров, который претендовал на роль главного редактора. По-моему, у нас сохранялось какое-то двоевластие. Мы долго спорили о названии. Наконец нашли — «Наша мысль». Оно точно соответствовало идее журнала — творчество, не связанное с заранее существующей установкой.

Я написал редакционную статью, в которой разъяснялось, почему «Наша мысль». Там была такая, может быть, несколько цветистая фраза: «лучше своя неправильная мысль, чем чужая правильная, записанная на пластинку памяти, которую потом прокручиваешь». Я предлагал все свои опыты — вне зависимости от их художественных достоинств — отдавать в журнал. Единственный критерий — независимость.

Текст не очень понравился редакции — поэтому журнал вышел с двумя редакционными статьями: моей и Захарова. Он написал, по-моему, достаточно дежурный опус, который вполне можно было бы послать в «Пионерскую правду».

Л.П. А что было в журнале?

А.Ш. К сожалению, ни одного экземпляра не осталось. Помню повесть Вишнякова...

Л.П. Я помню его статью о Дудинцеве. Сюжет, характеры героев — все было разобрано достаточно лихо. И, по-моему, неплохо. На уровне «Литературной газеты», «прогрессивно».

А.Ш. Была еще и повесть (или большой рассказ) о том, как охотник, возвратившись с успешной охоты на волков, застаёт жену с другим и убивает его топором. Повесть мне больше понравилась, чем статья о Дудинцеве. Представление о том, как должен поступать настоящий мужчина, романтика приключений...

Л.П. Что еще было в журнале?

А.Ш. Рассказ Трошкина — был такой мальчик — о пионерлагере... А в основном — стихи: мои, Эмиля Когана, кого-то еще... Журнал-то был небольшой, максимум страниц пятьдесят.

...Мне кажется, нам все-таки удалось дать срез жизни девяти-, десятиклассников того времени. Среди авторов были самые разные, не соглашающиеся друг с другом люди. (Потом это проявилось и в

ближайших событиях, и во всей дальнейшей жизни.) Но всем нравилось, что никто ничего не подправляет, не вычеркивает, не ставит запятые. Может быть, что-то было даже и неграмотно. Но мы работали по своей инициативе и по-своему — и это было самое важное.

Л.П. Журнал был сделан, и что дальше?

А.Ш. Мы понимали, что наша затея не всем понравится. И действовали не то чтобы в тайне — специально что-то скрывать мы не стремились, но все-таки никому из взрослых ничего не рассказывали. Поэтому перед тем, как выпустить журнал в свет, мы собрали редколлективу. (Мне кажется, что все авторы и были редколлективой.)

И мы пришли к выводу, что прежде чем распространять журнал, надо дать его нашей учительнице литературы Татьяне Федоровне. Во-первых, мы надеялись привлечь ее в союзники. Во-вторых, не хотелось, чтобы появление журнала было для нее неожиданностью — мы все-таки думали о том, чтобы не поставить ее в неудобное положение.

...Дали ей почитать, на следующий день она, всклокоченная, позвала нас и попросила, чтобы мы принесли ей все экземпляры.

...Тут тоже был совет, что делать, как поступить. Решили отдать все пять экземпляров... Немедленно был созван педсовет, пригласили всех авторов, присутствовали там и деятели из райкома партии.

Журнал был признан идейно невыдержанным. Особенно — моя статья. Все крутилось вокруг названия «Наша мысль», которое я, как мог, объяснил на педсовете.

Трошкину задали очень простой вопрос: если верная мысль принадлежит Марксу, ее тоже нельзя и не надо повторять? Нужно иметь по этому поводу какую-то свою? Он сказал: «Да». Этот простодушный ответ был расценен как доказательство злых устремлений авторов.

...Надо сказать, что так, как ответил Трошкин, остальные не отвечали, старались все-таки строить какие-то фигуры...

Л.П. Умолчания.

А.Ш. Да. У нас уже появилась установка на не совсем искреннее поведение. Учителям «шили» какие-то не только политические, но и морально-этические ошибки в воспитательной работе: у учеников обсуждаются такие проблемы, как убийство любовницы! Ставились на вид и мои, не самые лучшие строчки: «Сначала о папиросы рот ослюнявя, а потом о девичьи губы, мы проходили, не замечая, насколько мы грубы». Эти стихи были приняты за мой идеал, хотя я написал их именно чтобы подчеркнуть мое неприятие такого стиля поведения.

...Короче говоря, нас обвинили во всевозможных отступлениях от политики и идеологии партии, учителям прочли нотацию, но, по-

моему, никто не получил никаких выговоров (только Татьяне Федоровне, кажется, поставили на вид).

Мы все-таки правильно поступили, что до последнего дня никому не говорили о журнале, это дало возможность учителям заявить о своей непричастности к этим безобразиям.

Журнал конфисковали. Бороться за него мы не стали. Мы просто не стали уже ничего делать в рамках школы. Этот путь был закрыт — и Бог с ним. Каждый решил пойти своей дорогой. Изменились и отношения. Мы перестали собираться вместе, потому что обсуждение на педсовете: кто с кем согласен и кто с кем не согласен, попытка судить, кто лучше, кто хуже, черные овцы, белые овцы — все это развело людей, коллектив распался.

Л.П. После школы ты поступил в Физтех?

А.Ш. Да. Мне хорошо давалась математика. Кроме того, в Физтехе была наиболее высокая стипендия, что для меня было немаловажно. Эти два обстоятельства и решили дело.

Когда я написал письменную математику (это был первый экзамен), я был уверен, что у меня все в порядке. Приехал домой, еще раз разобрал все задачки: все правильно. А когда явился на устный экзамен, выяснилось, что я получил двойку.

Я часа полтора доказывал преподавателю, что у меня все решено верно, — и доказал. Уникальный случай — он вынужден был поставить мне «пять». Остальные экзамены я сдал хорошо, набрал проходной балл и был в полной уверенности, что я поступил. Поехал смотреть себя в списке зачисленных — там меня не оказалось. Тут я вспомнил, что я не выполнил указания Игнатия Иосифовича. Когда я шел подавать документы, он написал мне автобиографию и велел ее переписать, ничего не меняя. Там очень подробно рассказывалось о моей семье, о ее революционном прошлом и больше всего о моем деде, который дружил с Лениным. Но мне казалось неправильным писать такую исповедь, это, на мой взгляд, было бы неуместным хвастовством. Я написал самую простую, дежурную автобиографию. Но в ней надо было указать, где родился отец, — а он родился в Женеве.

Мой многоопытный дядюшка совершенно верно вычислил причины моего непоступления в этот закрытый вуз, готовящий кадры для «ящиков». Он поехал в приемную комиссию, провел там переговоры, где все им разъяснил. Меня приняли, но кандидатом.

Дядька взялся меня кормить до конца первого семестра. Но вся эта история на меня очень сильно повлияла — мне уже был неприятен институт. И это определило мое дальнейшее к нему отношение. Я сдал сессию, был переведен в студенты, но занимался я нерегулярно, «авралом» — у меня были в то время какие-то любовные истории, я уже пробовал писать...

Короче говоря, у меня были другие интересы. Я ушел в «академку» и больше не вернулся в институт.

...А дальше пошли события, связанные с жизнью того времени — не только моей личной. На «Маяковке» появились люди, читающие стихи...

Первый раз я попал туда — я ведь жил рядом — совершенно случайно. Подошел — смотрю народ стоит и читает стихи. Это, кажется, был 59-й год, что-нибудь ноябрь—декабрь. Я тогда уже бросил Физтех. Был голодный, холодный, ходил в тапочках («чешках»).

Выступления официальных поэтов меня мало привлекали, а вот неофициальная часть, когда выступают просто люди... хотят почитать стихи — выходят и читают — вот это было мне по сердцу. Это было как раз то, что еще со школы волновало, — свободное выражение мыслей.

...Я тоже полез читать свои стихи. Никого еще не зная. Потом я познакомился с Игорем Волгиным, он был очень красив, изящен... Я как-то не видел себя в облике поэта, а он уже вылепил свой внешний облик под Блока. Потом пошла целая серия знакомств. Назову прежде всего Володю Осипова и Славу С. — они были организаторами «Маяковки».

Л.П. Там были организаторы?

А.Ш. Спонтанность, конечно, тоже была. Но «Маяковка» стала тем кристалликом, который, будучи брошенным в раствор, вызывает процесс кристаллизации. Люди там знакомились, находили друг друга, создавалось какое-то ядро. Для некоторых это было не очень важно: сегодня пошел — завтра не пошел, сегодня познакомился — завтра перестал общаться, а для некоторых самым главным в жизни стало ходить туда, слушать, выбирать определенных людей, знакомить их друг с другом.

«Маяковка» объединила многих поэтов. (Хотя там было много и графоманов.) Но не надо думать, что стихи, звучавшие на площади, действовали на всех, кто там присутствовал, именно так, как хотели бы авторы. (Я уж не говорю о том, что в толпе было множество кагэбэшников.)

Помню: 14 апреля 1961 года, 31-я годовщина со дня смерти Маяковского. И в этот же день Москва встречала Гагарина. Народу — куча. Начались чтения. Поэтов стали хватать. (Меня самого утащили, отвели в милицию, продержали несколько суток). Я увидел отношение толпы: любопытно, ну и что...

Осипов и С. прежде всего обращали внимание на тех, чьи стихи имели выраженную политическую окраску. У них был слух и к поэтическому началу, но в первую очередь их интересовало общественно-политическое звучание.

У них была программа каких-то общественных дел. Осипов, по-моему, все время имел в виду опыт Венгрии 1956 года — клуб Петефи¹³ и т. д. То есть он видел в литературе одно из тех организующих начал, которое может вызвать большой обвал.

...Когда поэтов сводили вместе, начиналось сотворчество, обмен какой-то энергией, — и это благотворно действовало на авторов.

Именно из людей, объединившихся на «Маяке» (или в основном из этих людей), Осипов выбирал авторов «Бумеранга» — одного из первых самиздатских журналов.

Л.П. Это был художественный журнал?

А.Ш. Да. Осипов все-таки в тот момент считал, что создавать общественно-политические журналы еще рано — пока политика должна носить одежды искусства. Не случайно он пытался войти во все салоны того времени (мадам Фриде и пр.), находить там сторонников, как-то влиять на них...

Следующий журнал был «Феникс». Он делался уже большим кругом лиц. Основным мотором здесь уже был Галансков, хотя и Осипов тоже принимал участие. В отличие от «Бумеранга» это был толстый журнал большого формата. В зеленом, хорошо сделанном, очень приятном переплете.

С «Фениксом» у меня был интересный эпизод. В какой-то момент машинка, на которой он печатался, находилась у меня дома. (Ее взял напрокат Вадим Помещиков — мы считали: он не так «светит», как все мы.) И вот на этой машинке печатается журнал... приходят разные девочки-машинистки, Люся Ковшина и другие (некоторых я даже не знал), лежат уже напечатанные экземпляры... В это время появляются... не знаю кто: милиционеры, дружинники, кагэбэшники.

Л.П. В штатском?

А.Ш. Да. Я каким-то движением сделал так, что в машинке ничего не оказалось. А кто-то из ребят незаметно через черный ход вынес уже отпечатанные листы. Они сказали: «У нас есть сведения, что здесь ворованная машинка» и изъяли ее, потом пришлось Помещикову объясняться: взял напрокат, не ворованная... Какая-то странная, неаккуратная была работа. Может быть, они, действительно, прислали дружинников — не знаю. Не было впрямую обыска, и не было разрешения на обыск. Мы тоже вели себя неквалифицированно: зачем-то отдали машинку, у них ведь не было разрешения на ее изъятие — какой-то детский сад с обеих сторон... Машинку потом, конечно, вернули.

Году в шестидесятом-шестидесятом первом у меня дома была выставка Кропивницкого. Я его тогда воспринимал как учителя, которого надо слушать, которому надо поклоняться. На меня влиял и его внешний облик: бритая голова, красивый череп — он как-то связы-

вался у меня с Востоком. Что, собственно, значит «выставка»? Все стены завешаны картинами, кто хочет может приходиться.

...Однажды — среди прочих — пришли какие-то фотографы, сфотографировали, а потом... в одно из приглашений в горком комсомола мне показывали эти фотографии. И утверждали, что я встречаюсь с иностранцами. Я объяснил, что с иностранцами не встречаюсь, и был уверен, что говорю правду. Иностранцы приходили ко мне смотреть картины, но я не воспринимал это как общение с иностранцами. На квартирах тогда проходили не только выставки, но и то, что условно можно назвать семинарами.

Л.П. Что еще за семинары?

А.Ш. Как я уже говорил, Осипов и С. видели в авторах не только поэтов, писателей, но и политическую силу. И поэтому считали, что нужно их определенным образом просвещать. В частности, собирались на квартирах и там обсуждались политические события и философские проблемы. Помню чей-то доклад о финской войне, помню семинар по экономическим вопросам...¹⁴

Я не мыслил себя только пишущим стихи. Я считал, что я способен заниматься и философией, и экономикой, и политикой. В тот момент я увлекался индийской философией. Сидел в «Историчке», читал на эту тему всевозможные работы. (Очень важным, поворотным моментом, и сейчас влияющим на мою жизненную позицию, стала книжка Неру «Мое открытие Индии» и его письма к дочери.)

...На один из семинаров мы пришли в чей-то дом, сели, поговорили, а когда стали расходиться, выяснилось, что одного из присутствовавших не знает никто: ни хозяин, ни кто-либо из гостей. Скорее всего он с кем-то из наших вышел из лифта и вошел в квартиру вместе с приглашенными. Воспользовался общей неумелостью (мы конспирацией тогда и не думали заниматься)... То есть, я хочу сказать, мы тогда уже привлекали очень большое внимание соответствующих органов.

Л.П. Какие идеи возникали на этих семинарах?

А.Ш. Разные. Потому что люди, которые там собирались, мыслили идти разными дорогами. У Галанскова, например, была очень интересная идея партии мира. (Не знаю, ему она принадлежала или нет.) Во всяком случае, он одним из первых понял, что движение за мир можно сделать политическим движением и на этом строить борьбу с властью¹⁵.

Вообще-то мне трудно говорить о Галанскове, а тем более как-то оценивать его идеи и поступки — у меня к нему очень личное отношение.

Л.П. Увы, Юра уже не может рассказать о себе сам. Приходится расспрашивать его друзей. Что все-таки скажешь?

А.Ш. Это был живой пример того, как искусство делает человека. Я бы сравнил его с Павлом Власовым. Параллелей можно провести много: именно искусство, книги, общение с определенными людьми формировали его личность. Созданный им самим собственный образ его подымал. (Рядом с ним, опять же как у Павла Власова, была мама¹⁶, которая принимала всех его друзей, кормила несчастных «тунеядцев» обедами, если было надо, что-то прятала, что-то укрывала — словом, помогала сыну во всем, вопреки тому, чему учила официальная пропаганда.)

Почти все его стихи всегда были политического характера, но, когда он занялся политикой всерьез, это сказалось на его творчестве... Была у него попытка войти в официальную поэзию, но официальные стихи у него не получались, он не был поэтом-универсалом. Не мог писать стихи-по заказу.

Л.П. Его идеи как-то пересекались с идеями Буковского и Осипова?

А.Ш. Буковский был одним из тех, кто считал возможным использовать комсомол как общественную организацию для изменения судеб страны... Я сошелся с ним наиболее близко не на «Маяковке», а когда он в райкоме комсомола собирал компанию и обсуждал какие-то легальные действия, которыми можно заниматься с помощью комсомола. Предлагалось внедрение в комсомол, изменение его лица. Это была одна из его программ. (А КГБ использовало комсомол для своих целей. Я помню, как нас всех возили в горком комсомола беседовать о творчестве Вейсберга.)

Л.П. Разве Буковский в те годы не был «боевиком»? Если не по действиям, то, по крайней мере, по убеждениям.

А.Ш. В его книге «И возвращается ветер...» есть эпизод, где он с удовольствием бьет человека. Известная жестокость в нем всегда была. Но я не взялся бы утверждать, что он «боевик». Он всегда был политиком. И не брезговал — мне лично это претит — вести себя с человеком именно так, как этому человеку может понравиться. Это, на мой взгляд, нечистая игра. Если для кого-то надо было заявить себя боевиком, он мог себя заявить и боевиком.

Л.П. А Осипов?

А.Ш. Осипов к тому времени имел уже некий политический опыт. Когда он в первый раз остался у меня ночевать, то, будучи порядочным человеком (как он это понимал), предупредил: «Знакомство со мной может быть опасным. Поддерживая со мной отношения, ты можешь попасть под очи КГБ». Осипов, по-моему, был наиболее скрытным из всех. Больше всех заботился о конспирации, умел использовать людей для своих целей, так что люди думали, что делали одно, а на самом деле делали другое... Он тоже был политик чистой воды. И остается им.

Л.П. При аресте Осипову инкриминировали подготовку теракта. Ты в свое время слышал что-нибудь подобное?

А.Ш. Впервые об этом я услышал весной 1961 года. У нас тогда шли всевозможные собрания, семинары, встречи в кафе, в подвале МГУ, попытки создать поэтическое общество — я предлагал название «Кокон» (не пошло это название). Одна из знакомых Галанскова (мама какого-то его приятеля) по-своему хотела уберечь «детей» от той машины, которая обязательно отомстит им. Она попыталась отвлечь молодую энергию на какую-то полезную деятельность, как она это понимала, — решила в одном из домов организовать театр и пригласила Галанскова и других — всю революционную братию — помочь ей построить сцену. Она думала, что таким образом мы будем собираться в этом доме, что-то обсуждать, не сталкиваясь впрямую с властью. Мы считали, что это иллюзия, но не стали ее разубеждать, хотели помочь хорошему человеку.

Сидим мы, подгоняем доски одну к другой, мастерим сцену — революционеры занялись созидательной деятельностью. Вдруг какой-то юноша говорит мне, что у него есть знакомый, у которого окно выходит на Ленинский проспект (а там часто проезжал Хрущев), и что он знает, где можно достать автомат.

Л.П. Ты не поинтересовался, кто этот человек?

А.Ш. Нет. Я себя чувствовал в то время так, как, может быть, чувствуют себя известные актеры, когда к ним кто-то подходит и начинает разговаривать, как со знакомым. Если человек здесь вместе с нами что-то делает и претендует на то, что он может поговорить со мной, — то и Бог с ним. Зачем входить в более подробные отношения?

Короче говоря, уже тогда в нашу среду напихали кучу провокаторов. Я вообще думаю, что большинство движений, которые создавались в нашей стране, создавались агентами КГБ. Во всяком случае, они внедрялись на очень ранней стадии. Если они и не были сами организаторами, то всегда находились близко к организаторам.

...Вся эпопея с покушением на Хрущева, конечно же, была инициативой КГБ¹⁷. И, к сожалению, по-моему, не всеми была с ходу отвергнута, потому что мы все были воспитаны на идее насильственных методов. Социализм, в который многие верили и, может быть, сейчас верят, был связан с признанием активного начала. Октябрьская революция почиталась благом, а революционные методы в принципе не отвергались. Так что убийство Хрущева кем-то в принципе могло считаться возможным, приемлемым решением проблемы. Но что эта идея была внедрена кагэбэшниками, — в этом, повторяю, у меня никаких сомнений.

Л.П. А как ты относился к планам такого рода?

А.Ш. Только отрицательно. Я всегда испытывал большую симпатию к ненасилию. Я ведь недаром читал индийскую и вообще восточную философию, мне очень нравился принцип «неделание — высшая благодать». Я не считал нужным бежать доносить, но разубеждать я был готов и делал это.

Л.П. А другие?

А.Ш. Многие не признавали таких методов. Более того, пытались остановить какие-то действия, которые привели бы к покушению. Мне сложно говорить на эту тему, потому что все, что я об этом знаю, я знаю по рассказам — в мае 1961 года я уехал в экспедицию. Когда я вернулся — «Маяка» уже не было.

Л.П. Вернувшись в Москву, ты узнал об арестах?

А.Ш. Для этого не надо было возвращаться в Москву. Я узнал об этом еще в экспедиции. Из газет¹⁸. Кроме того, меня однажды вызвали в милицию (я тогда жил на Каме) и обвинили в том, что я обокрал или хотел обокрасть магазин. Часа через два отпустили, сказав, что вызовут еще, но не вызвали. Я понял: нужно было выяснить, где я. Я потом сопоставил даты и понял, что это происходило одновременно с московскими арестами.

Когда я вернулся, было страшно. Не за себя — за то, что произошло. Я стал расспрашивать: что и как? Все осуждали Славу С. Я с ним встретился. (Он был очень рад, что я согласился с ним увидеться.) Он показался мне похожим на согрешившую женщину, которая мучается проблемами: как же это произошло, любит—не любит, можно ли ее теперь уважать. Все эти вопросы в нем были. Но в общем-то он считал, что ничего плохого не сделал. Конечно, он переживал за ребят: не ожидал таких суровых наказаний. Но в какой-то степени он считал себя правым... Он потом прошел тот путь, который наметил себе в юности: стать членом правительства и менять систему сверху.

Л.П. Когда ты вернулся из экспедиции...

А.Ш. Я почти перестал писать стихи... Стихи, может быть, иногда еще и приходили. Но от всяких политических действий я отошел навсегда. Я и раньше не был партийным человеком, всегда исповедовал принцип хуторянина: был одновременно и с ними, и отдельно. Если в 65-м году я и пришел на Пушкинскую площадь, на демонстрацию в защиту Синявского и Даниэля, то не потому, что был с кем-то связан, а просто потому, что ситуация меня по-человечески возмутила.

...Когда в 1972 году погиб Галансков и все мы, его друзья, написали соответствующее письмо¹⁹, я тоже был одним из его авторов, но я действовал не как участник группы, а как отдельный человек, знавший Юру и осуждающий его убийство. (На мой взгляд, это было убийство.)

Я старался жить отдельно от войны между государством и некоторыми его гражданами. Но я никогда не жалел о своей молодости. «Маяковка» была первым опытом публичного использования гражданами своих конституционных прав — в стране, где власти десятилетиями приучали своих подданных жить не по закону, а по тоталитарным традициям. И «Маяковка» очень точно попала в свое время. Были же попытки ее возродить²⁰ — ничего не получилось... А тогда это было для нас так же важно, как всякое свободное слово, как песни Окуджавы, например. Все мы были тогда, как сказано в одном из моих стихотворений, «иными» — «предтечей, предчувствием» гражданского правосознания.

Стихи, звучавшие на площади

Аполлон Шухт

ЗВУКИ

I

Не тяни
За эти нити
Тени тонут в пустоте
Небо в нимбах
Небо мнимо
Мы не эти
и не те
Мы оттенок
Мы иные
Мы предчувствие,
предтеча
К вам немые
К вам земные
Наши мысли
Наши речи

II

Да человек. Его лечат
Ночь и вонь
.....
Кинг — книг
Факты выткав
Убери репу

III

Вопль догоним
Хлоп в ладони
А огонь в агонии
Кони в пене

пенье
пони

Какофония

IV

Миру рифм
Мера свинца
Венок к лире
Мертвеца
От детей и от Отца
Лац-ца дриц-ца
Ла-ца-ца

Ца

Ца

Ца

Ца

V

Поднимайтесь. Поднимите.
Все на митинг.

Всех на митинг

.....
Довольно из торгов

историю делать

Восторгом сомнительным

землю обув

Мы призваны переделат

записки главбуха

Мы равноправные правнуки

Семнадцатого года

Мы приправа к правде

Которую уродуют

Конь страсти

В контрасты

Брось свободный разум века

А я кричу
Да здравствуют крайности!
Плановое
Плавное
Не по мне
Для вас
чувства
 чушь
Для меня
 средство
Бросить сердце
В топку времени

Я ненавижу
Вашу трезвость
Не знающую
сомнений

* * *

Бей
Брешь
Рушь
Режь
К черту
Легкие лодки надежд
Прочь ночь
День
Двинь
Снова рабочий
Рычаг
Рви
Нет! Страх
Да! Страсть
Нам нужна
Своя власть
Хватит
Вату
Тыкать в дыры
Хватит
Дурманной сладости дыма
Хватит
Хвастать
Хапать

Хватать
Хватит

По хатам
Отдыхать
Встань сталь
Строй в строй
Новь строй
Это есть
Последний
И решительный
Бой

Владимир Вишняков

ВСЕ МЫ В МОЛОДОСТИ СМОТРИМ РЕВОЛЮЦИОНЕРАМИ

Известно: актеры и поэты читают стихи по-разному. На «Маяковке» были прекрасные чтецы (В.Абдулов, С.Гражданкин, Н.Котрелев, другие), читавшие чужие стихи, как и положено актерам, с актерскими интонациями. Поэты — все, как один, — по счастью, обладали зычным, сильным голосом, способным заглушить шум города, — читали, подчеркивая ритм, аллитерации. Володя Вишняков (тогда больше известный как Ковшин) был и поэтом и актером. Читал и свое и чужое. В его исполнении — редкий случай — органически соединялись достоинства авторского и сценического чтения.

Л.П. Ты, Володя, насколько я знаю, вырос в Воронеже?

В.В. Да. И первое воспоминание детства — чудовищное зрелище развалин. Воронеж в войну дважды переходил из рук в руки, там были жуткие бои. Город состоял целиком из развалин. Некоторые из них кое-как приспособливали для жилья. Мне показывали остатки дома, в котором мы жили до эвакуации, и даже говорили (может быть, это было и не совсем так), что искореженная детская колясочка на вершине — моя коляска. Все ранние воспоминания детства — игры среди развалин.

Само по себе такое зрелище, его привычность — психологически очень опасно. В выработке какого-то индивидуального менталитета такие детские воспоминания, конечно, очень важны.

После возвращения из эвакуации мы жили в театре. Театр — как бы пупок города Воронежа. Он стоит в самом центре. Это приземистое здание (ему около трехсот лет) старой провинциальной архитектуры. Сейчас, когда я туда приезжаю, он мне кажется крошечным, а тогда казался огромным дворцом. Внизу сцена, зрительный зал. Рядом — гримерные комнаты. На втором этаже — какие-то театральные цеха. А на третьем, в крохотной комнатке, с похожими на

бойницы окошечками, жили мы. Из окна — роскошная развалина. Вся жизнь, по сути дела, проходила в театре.

В 40-е — 50-е годы там в основном ставилась классика. Островский, Шекспир, Шиллер... Прикосновение к культуре происходило естественнейшим образом: нужно было только из простого детского любопытства спуститься вниз. У меня было свое заветное место на бельэтаже. Там я иногда садился (стульчик какой-нибудь давали) и все это наблюдал. Оттуда и мое первое воспитание и образование — как все «театральные дети», я знал пьесы наизусть.

Не помню, чтобы школа дала мне что-то сравнимое с тем, что дал мне театр. Родители мои¹ разошлись, когда мне было восемь лет. Они оба продолжали работать в театре, просто разъехались по разным комнатам. Я остался с матерью. Мы жили втроем: я, мама и бабушка — в одной комнате. Не сказал бы, что у нас были очень нежные отношения. (С отцом я сблизился уже позже, в Москве.)

Л.П. Слышал ли ты между родителями какие-нибудь разговоры, которые противоречили бы тому, что говорилось в школе, что писалось в газетах?

В.В. Нет. Хотя моя семья тоже была затронута сталинскими репрессиями. Дед по матери в 38-м году был арестован. Получил пять лет. Он был адвокат. Федоров Владимир Рафаилович (из татар, наверное). Один из известнейших адвокатов Воронежа².

Л.П. Его «дело» никак не сказалось на карьере твоей мамы?

В.В. Нет. Хотя кроме репрессированного отца у нее мать из дворян. Моя мама была способной, спортивной, раскованной девочкой. Легко поступила в Воронежское театральное училище. Окончив его, стала актрисой — там же, в Воронеже. И актрисой очень популярной. Городской звездой. Все у нее было благополучно.

А отец мой из вятских краев. Сын крестьянки, которая работала в школе уборщицей. Моим дедом по отцу был кто-то из приезжих учителей. Какой-то Илья. Ничего другого о нем не было известно. Мой отец его не знал.

Л.П. Твои родители были членами партии?

В.В. Отец... Он, конечно, не был крутым болваном, но он был вполне советский человек. Он родился в 1911 году. Его отрочество пришлось на самую краснознаменную эпоху. Победоносно краснознаменную. В подростковом возрасте впитал в себя все «синезубые идеи»³.

Он поступил сначала в художественное училище в Вятке, а потом в ГИТИС (тогда он назывался как-то иначе) в Москве. Он был очень способным человеком. Поступил без всяких проблем. Учился у довольно известных людей, мхатовцев.

Поэтому он впитывал все чистыми легкими. У него не было никакой двойственности. Он довольно часто играл в советских

пьесах. Многие его роли мне запомнились. Например, Олега Кошевого. Попутно с театром он еще в Воронеже начал заниматься чтецкими программами, и тут у него был почти сплошь советский репертуар. Даже после переезда в Москву, когда он был в «обойме» таких чтецов, как Журавлев, Кочарян⁴, он, в отличие от них, читавших в основном классику, «сидел» на советском репертуаре. И это было очень искренне. Хотя, конечно, в последние годы все уже были надтреснутые, и он тоже покачивал головой и многое критиковал, но все-таки продолжал оставаться «правильным».

Л.П. А ты, Володя, в детстве думал, как отец?

В.В. Нет, я никогда не был таким идейным. Прекрасно помню 1953 год. Смерть Сталина. В этот день нас освободили от занятий, и мы поехали за подснежниками. Эта поездка запомнилась намного больше, чем траурные церемонии... С утра были коллективные слезы в школьном зале, но я не плакал. Мне было даже забавно. Говорю без всякой рисовки — совершенно честно. Я даже себя за это упрекал. Как будто я назло кому-то не переживаю. Но совершенно не переживал.

Я к советской власти всерьез никогда не относился, всегда знал, что она как будто понарошку. Хотя я тоже в школе читал стихи о Сталине. Я тогда очень много занимался самодеятельностью, много выступал — в основном с чтением. И стихи были самые что ни на есть верноподданнические.

Л.П. Ты чувствовал фальшь этих стихов?

В.В. Да... Вернее, я чувствовал, что нет здесь чего-то главного и существенного, что это все не по-настоящему говорится. Люди, быть может, в это даже верят, но в этом нет истины... Так условились — и так себя и ведут. А могли бы и иначе условиться. Ни в коем случае не было чувства, что за то, о чем говорится в этих стихах, надо класть живот свой... Да и жизнь не склоняла к восхищению ею. Город был бедный, огромное количество нищих. Нищенские заработки....

Кроме того, в городе была жутко криминальная ситуация. Я помню свой шестой класс в одной из лучших школ города, в здании старой гимназии (из немногих сохранившихся зданий, до сих пор стоит, до сих пор крепкое) — в классе учились настоящие уголовники, которые ходили с ножами, с заточками, постоянно резались. Страшная была среда. На меня она сильно повлияла. Когда на этом фоне появился фильм «Бродяга»⁵, я определил свое будущее: я должен стать вором. Когда сейчас показывают «Место встречи изменить нельзя»⁶, я сразу вспоминаю Воронеж. Там было время, когда просто невозможно было выйти из дому после девяти вечера.

Л.П. Но в театр ходили? Зал был полон?

В.В. Да. Мне трудно сказать, как это сочеталось, но правда и то и другое... Конечно, «Бродяга» не мог надолго заслонить Шиллера и

Шекспира. Я знал, что я пойду в театральный институт, — в этом у меня не было никаких сомнений.

Л.П. Когда ты переехал в Москву?

В.В. В 1955 году. Мать пригласили в Театр им. Пушкина, а через год приехал и отец. Они тогда уже не жили вместе, но оба оказались в Москве.

Мы поменяли недавно полученную отличную (по тем временам) двухкомнатную квартиру в Воронеже на комнату в коммуналке. Отличие Москвы от провинции было колоссальным. Большие, широкие улицы, множество машин. (В Воронеже их тогда почти не было.) Иллюминация. Совершенно другая внешняя среда и совершенно другие люди. Гораздо более замкнутые. Каждый сам по себе... Я сначала очень тосковал. По друзьям, по какой-то утраченной гармонии...

У отца и матери в Воронеже был свой круг. К ним ходили не только актеры — вообще тамошняя интеллигенция. А здесь — никого. Это ощущение брошенности в какую-то чужую среду было и у меня и у родителей. В школе сначала все складывалось плохо. Меня сразу начал угнетать математик. Мать единственный раз в жизни вынуждена была пригласить ко мне репетитора. Что касается других предметов, все было более-менее благополучно...

Л.П. 56-й год. XX съезд. Что ты об этом помнишь?

В.В. Отец, который тогда приходил к нам в гости, таскал мне какие-то газетные статьи — с новыми веяниями. С новым отношением к Сталину. Я был довольно аполитичен, но меня все это совершенно не удивляло. Я знал про своего деда. Были и другие — еще воронежские — впечатления. У директора театра посадили сына. (Посадили, надо сказать, «за что». Он входил в какую-то известную сейчас студенческую группу⁷.) Его фамилия была, по-моему, Стиро. Вернувшись, он покончил с собой. Молодой парень.

И еще — женщина, которая до этого работала в театре, из технического персонала, сошла с ума, тоже на почве арестов, у нее, по-моему, тоже сын был арестован. Она постоянно вопила, орала, кричала про какие-то казни, тюрьмы, погреба... Так что XX съезд не произвел во мне никакого переворота. Ничего особенно нового я для себя не открыл, если не считать, конечно, статистики. Единственное, что меня удивляло: почему об этом вдруг сказали.

Л.П. Что стало с твоей идеей поступления в театральный вуз?

В.В. Идея вдруг сменилась другой, какой-то руссоистской тенденцией: тягой к природе, к натуре. У меня появился друг, с которым мы постоянно ездили на природу, на охоту... И после школы мы с ним сразу поступили в университет. На геологический факультет.

Как ни странно, поступив на естественный факультет, я очень скоро развернул свои интересы в гуманитарную сторону — совер-

шенно не зная, как я их реализую. С актерством все улеглось, время было упущено. Именно в эти годы я стал много читать. Но гораздо больше, чем художественную литературу, читал книги по истории. Особенно увлекался народниками. Доставал старые издания. Старался читать первоисточники, а не популярные изложения. Хорошо знал разные течения внутри народничества, биографии участников движения. Относился к этим занятиям весьма заинтересованно и страстно.

В моем духовном формировании в те годы большую роль сыграл мой отчим, Александр Михайлович Пудалов⁸ (двоюродный брат известного в те годы писателя Федора Пудалова), человек старого воспитания, интеллигент, фрондер. По специальности театровед. У него всегда было много самиздата (в основном мемуарно-политического характера), очень много книг и статей о Сталине.

Я продолжал заниматься охотой, часто ездил в глубинку, знал крестьянскую жизнь... Помню, какие-то события, связанные с хрущевскими реформами, наложились на мои народнические идеи, и я даже прокламации сочинил — не для широкого употребления, скорее просто для того, чтобы излить всю желчь и всю досаду.

Вокруг меня и не было людей, которым я мог бы это показать. Особой дружбы на факультете я ни с кем не завел.

Учеба была довольно сложной. Высшая математика, химический анализ — а я ведь пошел учиться под влиянием романтических идей. В первые годы все-таки было довольно интересно — в геологии есть дисциплины, близкие к философии. Но потом общеобразовательные предметы кончились, началась «густая» профессионализация, и я понял, что геология не для меня.

...Впрочем, дело было не только в этом. Летом 60-го я познакомился с Феликсом Белелюбским и через него вошел в круг людей, ранее мне совершенно неизвестных — не фрондирующей, а подпольной богемы. Саша Васильев...

Л.П. Сын «братьев Васильевых⁹»?

В.В. Да, Georgia.

Л.П. Книжный спекулянт?

В.В. Но спекулянт высокого полета. Покровитель искусств. У него постоянно толклись художники¹⁰, висели картины, которые сейчас по музеям висят.

Л.П. Он покупал их?

В.В. Тогда было такое выражение «на повисание». Но кое-что и покупал. Цены были вполне доступные, а он, по сравнению с нами, был очень богат. Поил большие компании...

Гена Айги. Выгнанный из Литинститута... Там все были откуда-то выгнаны. И все пили по-черному — что для меня тоже было внове.

...Они были какие-то не такие, как все, знали то, чего другие не знали, — и мне очень хотелось как можно скорее сделаться своим в той среде избранных. Ведь это так романтично — чувствовать себя отверженным. Общение с этими людьми подхлестнуло мои собственные поэтические опыты, и я стал — на полную катушку — читать «самиздат». В этом кругу было все, и отсюда я питался. (Тогда уже начинали ходить фотокопии, стал появляться и «тамиздат».)

Говорить о том, что меня привлекли какие-то свободолобивые идеи, если и можно, то только во вторую или третью очередь. Это был чисто психологический юношеский комплекс — стремление найти себе какое-то достойное проявление.

Многие видные диссиденты стали видными не потому, что они такие уж правдолюбцы, а просто потому, что последовательно делали себе карьеру именно на этой стезе. Примеры есть, и достаточно убедительные.

Л.П. Ты ушел из университета и решил никуда не поступать?

В.В. Да. В духе этой компании я тоже решил надеть гарольдов плащ (перекроенный по мерке XX века) и погрузиться на это блистательное дно... Но это сейчас я понимаю, какие мной двигали мотивы. Тогда все казалось прекрасным... Для того чтобы погрузиться на дно, надо стать нищим, оборвать все связи с миром легальным... и я пошел — на дно.

Л.П. «Пусть и вправду я буду безумным, / Лишь бы на вас я не стал похож!»¹¹ — Видишь, как я помню твои стихи!

В.В. Точно. Это в общем-то не новый комплекс. Он достаточно известен, но каждый его переживает по-своему.

...Дальше уже все само собой покатило по этой дорожке и определило всю последующую жизнь.

Осенью того же — 60-го года — началась «Маяковка». (Вообще-то она началась раньше, но для меня — этой осенью.)

Л.П. Как тебя занесло туда?

В.В. Как-то случайно встретил нашего одноклассника Аполлона Шухта. Разговорились. «Я слышал, ты стихи пишешь. Давай встретимся». Встретились. В большой, довольно богатой по тем временам квартире, где жил Слава С. Вот у него на квартире (там кроме Аполлона и Славы были Мишка Каплан и Щукин, который дружил с С. еще со школы) и возникла идея журнала. Именно там я и придумал себе псевдоним, который потом стал по сути моей второй фамилией, — Ковшин... По-моему, я даже принес какие-то стихи в журнал. Он назывался «Бумеранг».

Л.П. Помнишь его содержание?

В.В. Стихи. Политические, задорные, евтушенковского разлива, но более крутые. И немного лирики — довольно кокетливой, уже по

эстетике не укладывающейся в лоно официальной литературы. Каких-то очень хороших стихов, которые поразили бы меня своими поэтическими достоинствами, я не помню, таких, по-моему, не было...

Л.П. Ты говоришь с высоты своих сегодняшних вкусов или и тогда эти стихи тебе не особенно нравились?

В.В. Сейчас-то — безусловно. Когда я сейчас смотрю свои старые записные книжки — я в ужас прихожу. От прямолинейности, деланной публицистичности. Это юношеская поэзия не очень высокого класса (я говорю о своих стихах).

...А тогда у меня вызывала глубокое почтение странная лирика Аполлона — «Я выдолбил узкую щель в холоде долгого камня»¹².

Л.П. Но это же явно под Хлебникова.

В.В. Какая разница? Это же не списано, это почувствовано, и очень точно почувствовано.

...Посидели мы, поговорили о журнале — и поехали на площадь Маяковского, стихи читать. Поначалу коленки подрагивали от волнения — публично выступать! Да и страшновато — а что будет? Начали читать. Человек двадцать пять прохожих остановились, рты раскрыли: что такое? Потом народу было уже гораздо больше... Мы научились каким-то хитростям: вот сейчас кончится сеанс в кинотеатре «Москва», надо что-нибудь особенно громкое начать — привлечь людей. Какие-то лозунги крикнуть. Впрочем, достаточно безобидные. В духе того времени. Что-то про политических заключенных, про Сталина, про справедливость... Потом — стихи...

Я ушел из дома. Стремительно погружаясь на дно. Несколько месяцев жил у Аполлона. У него была настоящая богемная хата. Холостяцкая, неприбранная.

Пили мы тогда мало. Это позднее пьянство всех захлестнуло и чуть не потопило — на смерть. Сидели, кейфовали, покуривали... Правда, баловались таблеточками, кодеинчиком. Он тогда свободно лежал в аптеках, был очень дешевый и продавался без рецепта. Возьмем, немножко наглотаемся — начинается общение.

...Там появлялись люди, которых называли «философами». Они были такими же философами, как китайскими императорами. «Не поэт — значит философ»... Морозов, который позже стал писателем, Володя Осипов. (Впрочем, Осипов был все-таки настоящий философ.) Потом — Эдик Кузнецов. И какие-то странные, малоразговорчивые темные личности, хотя, может быть, я их просто мало знал. Я к ним относился со смесью почтения и недоверия. Мне почему-то казалось, что они думают одно, а сделать могут что-то другое. И это было не случайное ощущение — они были не люди духа. Они что-то другое все время имели в виду. И так оно потом и получилось, вышло на поверхность.

...Самыми заметными фигурами, самыми известными из тех людей, с которыми я познакомился на «Маяке» и больше, чем с другими, сошелся, были Буковский и Галансков. Галансков производил впечатление бесконечно покоряющее.

Л.П. Да. Помню юношу с лицом библейского пророка.

В.В. Он был человек идеи. Рыцарь. Все, что он делал, он делал не ради самоутверждения и не ради карьеры (сделав, может быть, одну из самых блестящих), а исключительно по зову своего пророческого сердца. И этим покорял.

Помню встречу с ним в кафе «Марс». (Сейчас оно стало труднодоступным, а тогда было довольно дешевым.) На втором этаже обычно было мало народу, и когда надо было что-то решать, мы там устраивали свои сборища. Все мы выросли в СССР и поэтому хотели организовывать все, к чему мы относились серьезно, чуть ли не президиум избирать... Брали кофе, какую-то водичку, спорили, обсуждали, выступали, читали стихи. Я помню, как однажды Юра читал свой «Манифест»¹³. Там есть такая строчка: «Чтоб вырезать язвы войны священным ножом мятежа». В это время он брал со стола нож и делал жест, словно показывая, как надо вырезать язвы войны.

...На площади он бывал не так уж часто — за ним охотились. Его хотели спровоцировать и на чем-нибудь взять. Судя по всему, он занимался не только «Маяковкой».

Л.П. Ты знал о какой-то другой его деятельности?

В.В. Понаслышке. Слышал, что он как-то связан с какими-то зарубежными деятелями на предмет приобретения типографского оборудования для подпольного печатания политических воззваний¹⁴. Я в этих делах не участвовал. Но по площади его хорошо помню — как он читал, как его пытались забрать... Сошел он с постамента — к нему идут.

Л.П. Кто?

В.В. Не знаешь? При горкоме комсомола был отряд, которому поручили «курировать» «Маяковку» и вылавливать постоянных, наиболее злостных участников. Руководителем отряда был некто Агаджанов, жуткий тип, типичный боевик, очень грубый и хитрый. Вот агаджановцы и шли к Юре. Тогда мы — Буковский, Шухт, Щукин и я — взяли Юру в кольцо и так довели до троллейбуса. Они хватили нас за руки, за шеи, пробовали всячески разорвать кольцо — не получилось. Галансков сел в троллейбус и уехал.

...Как-то я сам чуть не погорел. Я очень любил читать «Манифест». Однажды начал читать (Юры на площади не было, и я читал не по его просьбе) — вижу, идут, голубчики... Я рванул в метро, они побежали за мной, но я опередил — они не поняли, в какую сторону я поехал.

Л.П. Буковский, насколько я знаю, стихов не писал и не читал. Какова была его роль на «Маяке»?

В.В. Буковский активно участвовал в охране выступавших. А идеи его в основном сводились к следующему: «Эту поганую власть нужно кулаком раздробить на куски».

Л.П. А где взять «кулак»?

В.В. Это конкретно не обсуждалось, но имелось в виду, что его необходимо создать. Володя никогда не скрывал этого намерения и всячески подчеркивал, что он боевик. Я знал, что Буковский, как и Галансков, кроме «Маяковки» занят еще чем-то. Но они не трепались. Ни со мной, ни с другими моими друзьями они ни о чем таком речи не вели. Все ограничивалось в основном личными отношениями, стихами... что-то послушали, поговорили, а о политической «чернухе», НТС¹⁵ и прочем — не принято было болтать.

Л.П. Но о том, что Галансков — главный редактор «Феникса», ты, конечно, знал?

В.В. Юра был инициатором «Феникса», но официального главного редактора там, по-моему, вообще не было¹⁶. Я, честно говоря, не знаю, ни кто был организатором, ни кто — исполнителем. Я отдал туда свои стихи — и все.

Л.П. Как ты думаешь, КГБ знал о «Фениксе»?

В.В. Без сомнения. Когда журнал вышел (если можно так сказать), я — первый раз в жизни — заметил «наружку». Утром выглянул в окно — стоят «топтуны». Потом они за мной ходили.

Л.П. И за всеми другими участниками «Феникса» тоже?

В.В. Вряд ли. Скорее всего, за теми, кто был связан с главарями-организаторами. Отслеживали их связи.

...Весною 1961 года я побывал и в «психушке». Но это не имело репрессивного характера. Я стал слишком усердно попивать таблеточки. Начались бессонницы, бредовые состояния, галлюциноз. Мать определила меня к Ганнушкину¹⁷.

В «психушках» тогда носили телогрейки ниже колен, ушанки без «ушников», ботинки огромного размера — вид совершенно каторжный. Профессор Снежневский в этом наряде водил меня на какую-то конференцию, показывал ученой публике в качестве экспоната. Врачи там очень любили со мной толковать. «Что читаете?» А читал я там литературу по буддизму и Ленина. Этот набор, конечно же, свидетельствовал о шизофрении и подтверждал диагноз. (Лет через десять диагноз был снят, меня признали нормальным.)

...А осенью того же 61-го кончилась «Маяковка». Дело не только в агаджановских молодчиках, а в том, что «Маяковка» (во всяком случае, для меня) была уже изжита. Внутренне. В выходе на площадь есть что-то бесконечно наивное. И постепенно это стало

пониматься — то ли с возрастом, то ли в связи с какими-то событиями в стране. Прозрение наступило довольно быстро. «Маяковка» уже не соответствовала степени моей зрелости. В том числе и гражданской зрелости.

Л.П. Когда арестовали твоих друзей, «пепел Клааса» не застучал в твоём сердце?

В.В. В отличие от Уленшпигеля, который мог уйти к гезам и начать сражаться с испанской короной, я был подобной возможности лишен... Ничто такое даже не приходило в голову.

Л.П. А озлобление на власть было?

В.В. Нет. Я всегда презирал эту власть и никогда не относился к ней всерьёз — поэтому и не было озлобления... Но, с другой стороны, я прекрасно понимал, что моих друзей взяли не просто так. Ждать какого-то другого исхода было невозможно — они и не ждали. Они не были невинными агнцами. Воин, вышедший с оружием на поле боя, не может сетовать на то, что его ранили.

Мы с Аполлоном всегда были в другом амплуа. Если бы взяли нас, — взяли бы за то, что мы думали, а этих брали за то, что они делали.

Л.П. Положим, вы не только думали, но и читали на площади антисоветские стихи.

В.В. Ну и что? Ни Осипов, ни Кузнецов как раз стихов не писали и не читали. Их действия точно попадали под определенные статьи Уголовного кодекса. Другое дело, как относиться к законам того времени. Бежать и кричать, что их схватили ни за что, не имело смысла... Это была суровая реальность, которую приходилось принимать как данность. (С Синявским и Даниэлем было иначе — их взяли за слово, за мысль, за творчество.)

...В каком-то ином, высшем смысле было даже хорошо, что их арестовали, посадили, — иначе не сложилось бы все так, как должно было сложиться. Если Буковского, например, не посадили бы, что было бы? А так он принял свою долю мучений, прошел очень суровые испытания и в итоге стал тем, кем он стал... Власть в какой-то степени сыграла на него.

Л.П. А Галанскову нужно было умереть?

В.В. Галансков — мученик. Но у него и склад был такой — он был к этому и предназначен.

Л.П. Арест твоих друзей — рикошетом — не ударил по тебе?

В.В. Была своя мудрость в том, что я ушел из университета — я сразу сделался недоступным для властей. Кого-то откуда-то выгоняли, увольняли — а меня неоткуда было выгонять. Я работал натурщиком в Суриковском институте. (Надо сказать, пользовался большой популярностью и по тем временам очень прилично за-

рабатывал.) Однажды меня вызвали в какой-то ректорат, деканат... Это было после выхода очередного фельетона, им откуда-то позволили, сообщили, что у них работает один из «героев»¹⁸, и они имели наглость говорить мне какие-то слова. Я пожал плечами, сказал: «А вам-то какое дело до этого? Я что — на идеологической работе у вас, что ли? Хотите, чтобы я уволился? Со мной только что начал работать дипломник. Пожалуйста, я уйду — и завалю ему диплом». На этом все кончилось.

...А у других было много всяких драм. У моей жены¹⁹, например. Ее выгнали с факультета журналистики.

Л.П. Она же не читала стихи на «Маяковке».

В.В. Стихов не читала, но все время ходила туда, что-то выкрикивала, была заметной... Ее, по-моему, даже несколько раз забирали... Формально ее просто «завалили». Уж не помню, по какому предмету, — она была на первом курсе и поэтому не могла восстановиться.

Л.П. Как пошла твоя жизнь после 1961 года?

В.В. Совсем в другую сторону. Осталось очень мало прежних друзей. Кого-то посадили, кто-то уехал. Прежние друзья как-то рассеялись... Точнее, просто разошлись дороги. Шукина²⁰ взяли в армию, Каплан женился, куда-то исчез, женился и Аполлон, вернулся в институт, закончил его, занялся делом. Я с тех пор его и не видел. В первые годы еще были какие-то нечастые встречи, а потом — совсем разошлись.

Началось бытие богемно-разгульное. Никаких подпольных журналов, их время, наверное, просто миновало — во всяком случае, для меня²¹. Я продолжал дружить с Айги, Сашкой Васильевым и всем их кругом, но наше общение было сугубо частным. Картины, знакомства, поэты, художники — но это все уже из другой оперы.

Сам я пошел, как ты знаешь, в журналистику. Сначала внештатный. Но довольно быстро — осенью 62-го — я уже был в штате «Московской правды».

Л.П. КГБ тебе не мешал?

В.В. Когда арестовали Буковского²², меня вызвали. Позвонил следователь, по-моему, по фамилии Михайлов, пригласил меня в московское отделение КГБ. Жена собрала, как говорится, узелок. Отправился я туда со смешанным чувством: с одной стороны, какая-то тревога, но, с другой — жутко интересно. Заведение на пл.Дзержинского, красивый особняк, здоровенный автоматчик. Никаких пропусков на руки не дают... Проходите, такая-то комната...

Не меньше трех часов продолжался разговор, в ходе которого выяснялись разные вещи, связанные с Буковским: давно ли знаете, где видели, кто при этом присутствовал, о чем разговоры разговаривали. Я вел себя, как мне казалось, очень правильно. Ничего

конкретного не говорил, никакой информации не давал. Только то, что им, безусловно, известно и не представляет никакой ценности. «О чем вы разговаривали с Буковским?» — «О чем угодно. О биологии, например»²³. Потом мне показали огромный список фамилий — отметьте, кого знаете. Ну я, конечно, отметил только тех, с кем общался очень тесно, техника простая.

Кончилась эта беседа тем, что от располагающего, дружеского тона они перешли к угрожающему. Как в кино, вошел какой-то убеленный сединами человек. По-моему, даже в форме (те, что беседовали со мной раньше, были в штатском), что-то очень строго начал мне говорить. Помню какую-то фразу про кишки, типа: «Я из тебя кишки вытащу и на шею намотаю». На этой обнадеживающей ноте мы и расстались.

Надо сказать, что меня все это ничуть не испугало — только повеселило. Я почувствовал: чекисты нервничают, плохо владеют собой, горячатся.

Других прямых контактов с этой службой у меня не было. Но много лет спустя, когда мое диссидентство стало уже историей, на дне рождения моего отца какой-то человек спросил у него: «У вас нет сына Владимира?.. У нас на него большая папка лежит». Этот человек оказался кагэбэшником, причастным к отделу, который занимался диссидентами.

Л.П. И в отдел кадров «Московской правды» из этой большой папки ничего не попало?

В.В. Видимо, нет. «Аукнулось» позже, в 63-м году. (Я тогда уже ушел из газеты и работал на радио — Главная редакция пропаганды на зарубежные страны. Отдел жизни СССР.)

Работал я довольно успешно, стал зарабатывать приличные деньги. Там была хорошая публика: Визбор, Сережа Есин...²⁴

Л.П. Но занимались вы махровой пропагандой?

В.В. Не совсем. Задача была не в том, чтобы пропагандировать марксизм-ленинизм или реальный социализм, а в том, чтобы развеять путающую легенду, которая сложилась о нашей стране на Западе... Не могу сказать, что мне там было вовсе безынтересно работать.

Л.П. Ты не мог не сталкиваться с какой-то фальшью.

В.В. Я к этой работе, как и к власти, относился не всерьез, мог на пари, за бутылку коньяка за десять минут написать передачу, не отходя от стола. На любую заданную тему. Так что все это имело для меня — в значительной степени — спортивный характер, душевных страданий не причиняло.

Но кончилось все не так уж благополучно. В 64-м году летом — я приехал с какой-то собачьей выставки (тоже, кстати, показательная тема для нашего иновещания) — вдруг меня вызывают к заведующе-

му (Мельниченко²⁵), и он с каменным лицом (до этого у нас были милые, хорошие, неформальные отношения) говорит мне: «Владимир Петрович, вам надо подать заявление об уходе». — «В чем дело, что случилось?» И он мне полушепотом, полужаками объясняет: был звонок из Комитета, вы замешаны в каких-то антисоветских делах, вы не можете у нас работать.

Я это связываю, во-первых, с тем, что незадолго до этого на Западе вышел «Феникс»²⁶. А во-вторых, примерно месяцем раньше я ходил по делу, с удостоверением сотрудника радио, в КМО²⁷, где лицом к лицу столкнулся с одним из бывших горкомовцев, который меня в свое время «обрабатывал» по поводу «Маяковки». Он хорошо знал меня в лицо. И когда я появился здесь, очень удивился — «Вы на радио? Где?..» А поскольку КМО непосредственно связан с КГБ, то я думаю, что без него не обошлось.

...Меня вышибли, и целый год я ходил без работы. Жил только за счет того, что у меня была комната и каждый день приходили гости, приносили с собой что-то... Потом попал на Мосфильм, в многотиражку. Потом, в 70-м поступил во ВГИК. На сценарный факультет. «С ходу» и без всяких «блатов».

...Надо сказать, что по части преподавания гуманитарных дисциплин ВГИК был очень сильным вузом. Учиться было интересно. Я был старостой группы. Получал повышенную стипендию, по тем временам достаточно большую — рублей семьдесят. Кроме того, занимался литконсультацией в «Пионере» — это давало какой-то заработок...

Л.П. Какая атмосфера была во ВГИКе?

В.В. Все понимали, что болтать не надо. Но и страха перед какими-то репрессиями тоже уже не было. Не могу сказать, что нужно было изворачиваться, кривить душой, ночью плакать в подушку... ничего этого не было.

Мне кажется, что если бы с этой властью не идти на компромиссы, это как раз и было бы каким-то содействием ей. Нужно было использовать — и практически все это делали — приемы восточных единоборств, то есть обращать силу противника против него же. Люди так и поступали — в основном.

...Время учения во ВГИКе связано с моей христианизацией. В 72-м году я крестился у о. Дмитрия Дудко²⁸. В его маленькой комнатухе, сплошь увешанной иконами, — настоящей келье. Все происходило при свете свечей — очень выразительно... Я рассказал ему, как несколькими годами раньше я сам себя крестил — в экспедиции, на берегу Каспийского моря. Был момент озарения. Я узнал о существовании Бога и Его присутствии на Земле. С этого момента я себя считаю не просто верующим, а посвященным... Я

купил крестик, надел его и считал себя крещеным. Но в церкви я чувствовал себя немного чужим, посторонним. Когда я все это рассказал о Дмитрию, он тут же предложил мне креститься.

Л.П. Это было тайное крещение?

В.В. Разумеется.

Л.П. Неприятностей ты не боялся?

В.В. Побояивался, конечно. Если бы во ВГИКе узнали, меня бы, безусловно, турнули, но «страха ради иудейска» изменить Христу я не мог. Одновременно присутствовал и авантурный момент.

Мы с о. Дмитрием очень сблизились, подружились. Даже больше, чем подружились. Я у него и дома бывал, и в храме, подслуживал, выходил в стихаре...

Весной 72-го, одновременно с дипломом, на той же машинке, я делал первую книгу Дудко «О нашем уповании» (она вскоре вышла на Западе). Редактирование, комментирование, предисловие — все делалось мной или при моем участии. (Редактировать приходилось много — ведь это были записи устных проповедей...)

Л.П. Как ты отнесся к его раскаянию?

В.В. С полным пониманием. Как он сам позднее рассказывал, он оговорил условием своего появления на ТВ, что ни в коем случае не будет отказываться от веры... Когда на одну чашу весов кладется судьба твоих близких, а на другую — фрондерское упорство, многое приходится взвешивать...

Л.П. Что ты делал после ВГИКа?

В.В. Сначала помыкался, но потом, наконец, попал в «Строительную газету». Жуткая была газета, замухрышечная. Но я был счастлив: у меня была зарплата, я мог ездить в командировки...

Л.П. И окончательно вписался в советскую журналистику?

В.В. В какой-то степени — да. Ну а куда деваться? Жить-то надо...

Когда главным редактором пришел Кравченко²⁹ (тот, который потом возглавлял телевидение), он сделал меня своим заместителем и главным редактором приложения «Архитектура». Таким образом я стал начальником, руководителем, и тут нельзя было не вступить в партию.

Я никогда, разумеется, не был сторонником коммунистической идеологии (хотя сейчас начинаю понимать, что в этой идее, не в реальной политике, а в самом социалистическом учении — очень много здравого). Меня позвали, сказали: «Ты хочешь работать?» — «Хочу». — «Тогда вступай в партию»... Я к этому отнесся как к покупке трамвайного билета, когдаходишь в трамвай, в котором надо ехать. Ведь все, кто кончил институт, сдавали историю партии, научный коммунизм...

Я работал в достаточно нейтральных изданиях. «Строительная газета», «Архитектура» — какая уж тут особенная идеология? Даже и в «Труде», когда возглавлял отдел искусств (ведь там этот отдел не профильный, не ведущий), писал, что хотел.

Конечно, если бы я захотел напечатать, скажем, Леню Губанова, я бы не мог это сделать. Но когда мне захотелось превознести «Чучело», я это сделал. Мне захотелось разругать Рязанова за «Жестокий романс»³⁰ — никто мне не помешал. Никто меня за руку не хватал.

На какие-то страшные компромиссы я не шел. Нежелательных для моей совести случаев, когда я знал, что пишу на потребу заказчику, могу припомнить один-два. А ведь я работаю в журналистике много лет.

...Меня всегда спасало ощущение некоторой «кукольности» всей этой жизни.

Л.П. А что ты считал жизнью подлинной?

В.В. С момента моего крещения — безусловно веру. А до этого — трудно сказать что, но что-то было. Я всегда ощущал внутри себя какую-то область, в которой я абсолютно свободен.

Когда сейчас говорят: мы позволили себя обмануть, — я с трудом в это верю. Я всегда все знал. Начиная со школьных лет. Может, я от этого больше виноват — это другой вопрос...

Л.П. Стихи ты перестал писать?

В.В. Стоит мне уйти от дел на две-три недели, например в отпуск, начинают писаться стихи. Где-то, к сожалению, уже к концу отпуска. Работа у меня, конечно, жуткая. Требуется очень много сил, нервов, души. Чисто физически я живу в такой вибрации, которая не позволяет заниматься поэзией.

Я не стал Поэтом, властителем дум. Хотя, наверное, сборник мог бы издать и он бы нашел своего читателя. Но нет сил этим заниматься.

Сказать, что произошла какая-то измена прежним идеалам — это, по-моему, смешно. Никакой измены не было. Просто люди меняются, меняется отношение к жизни. Как Гегель говорил: «Все мы в молодости смотрим революционерами, но рано или поздно субъект ломает себе рога». По отношению ко мне это даже слишком сильно сказано — не могу пожаловаться, что я сломал себе рога. Наверное, потому что так уж отчаянно я с дубом и не бодался — не считал его достойным противником. Мои взгляды соответствуют той «тайной свободе», о которой говорил Пушкин. Я никогда не мыслил себе свободу как свободу от каких-то чисто внешних установок. Я их принимал как неизбежное условие жизни...

Владимир Вишняков

* * *

Мне говорили «не надо»,
Не надо много пить,
Мне говорили — мне надо
Кого-то еще полюбить.

Кого же вы кинете мне в любовь,
Кем успокоите вы меня?
Может, вот эту — изломана бровь,
Странная дрожь в имени.

Мне надоело чувство мять,
Осточертели трюфельки.
Хочу вот так вот просто обнять
Чьи-то потертые туфельки.

Тошнит меня от похоти Мопассана,
Не для меня флоберовский порок.
Потому и плюнул я так рано
На ваш поучительный урок.

Пусть мне ноги собьет мостовая булыжная,
И с моста тело я кину рано.
Зато буду знать, что все сам выпил я,
Что в нерве своя, а не чужая рана.

Обрадован я хохотом оглушительно умным,
В кельи ваши я больше не вхож.
Лучше вправду я буду безумным,
Только б на вас я не стал похож.

Наскребывают люди счастье,
Люди живут надеждой.
Так нищий в рваной одежде
Просит участия.

Наскребывается квартирка,
Наскребываются деньжата,
Страхом горло зажато
В веселье вашего пира.

И, посмеявшись немного,
Мы снова ищем и ходим,
Пока не проляжет дорога
К самым последним сходим.

Но у последнего трапа
Не надо ничьих рыданий,
Иначе косматая лапа
Наши глотки раздавит,

Раздавит еще в дороге,
Не пожалеет обмана,
Повиснут тяжелые ноги
Где-то в горле нагана.

И одуревшие люди
Станут стрелять и пить,
Если мы плакать будем,
Если устанем жить.

* * *

Мы с тобою почти калеки,
Мы с тобою почти друзья.
Ледоходные мутные реки
Не заманят, не соблазнят.

Мы с тобою почти еще дети,
И вот снова нас за нос ведут,
В этой страшной слепой вендетте
Люди нам ничего не дадут.

Да и сам я совсем несмелый,
Все брожу по кошмару дней
В этой снежной пустыне белой;
А бродить-то все больше больней.

Я ищу — кто бы робко и нежно
Мне бы снова струну натянул
И в будущей драке бешеной
Мне руку назад оттянул.

Не хочу, не хочу я безумия,
Не хочу я о крови кричать.
Недаром шепнула мне мумия:
«Человеки! Лучше молчать!»

Анатолий Щукин

В именном указателе к этой книге, кажется, самый длинный ряд цифр — за его фамилией. Практически каждый «воспоминатель» — в том или ином контексте — говорит о Толе Щукине. Его помнят даже те, кто однажды случайно забрел на площадь. Чему немало способствовала и его внешность — он был удивительно похож на молодого Маяковского (разумеется, не в изображении Кибальникова).

Стихи — с голоса — казались изумительно музыкальными, вдохновенными. Увы, тридцать пять лет спустя, на бумаге, они не производят такого впечатления. Он никогда и не пытался их печатать — ни при советской власти, ни в перестроечные времена, ни сейчас. И — после «Маяковки» — никогда не читал публично. Но нерв того времени ощущается в них и сейчас — через промежуток в жизнь.

НАДО ПОНИМАТЬ

Невыносимо, так невыносимо
все видеть, слышать, вспоминать,
я снова о тебе, — Россия,
мне это надо понимать.

Я помню, в детстве, было в детстве,
мне с молоком давала мать,
и попадало прямо в сердце
и только сердцем, только сердцем
все это надо понимать.

— А это кто? — скажи, сыночек,
и я — мальчишка пяти лет,
стряхнув с ладонь своих песочек:
— Иосиф Сталин, — ей в ответ.

И с каждым годом, год за годом
входило в наше бытие,
что он такой вот, из народа,
и должен думать за него.

И где бы я ни прочитал,
и где бы я его ни видел,
его усов с щетинкой никель, —
я весь сиял и трепетал.

Еще я помню: помню школу,
куда-то класс в тумане скачет,
и я толкаю друга Вову,
и за столом учительница плачет.

Но я же молчу, терплю
(терпеливые, вам воздастся).

Я
в зеркало плюю,
а не в лицо государства.

РЕПОРТАЖ С КРАСНОЙ ПЛОЩАДИ

(Поэма)

I

Люди, слушайте!
Люди, слушайте!
Это говорю вам я.
Люди, слушайте!
Говорит Москва,
говорит Москва.

Со Спасской точно
удары сочные,
и площадь темная
стоит объемная,
стоит Красная
площадь темная,
с названием красным
площадь Красная.

Я думал раньше:
«А где же краска?»,
я думал раньше:
«А где же кровь?»
«Сапожная вакса», —
я думал раньше,
смешала краску,
втоптала кровь.

Нету краски,
нету крови,
не слушайте, Люди!
Не слушайте, Люди!
На площади маска,
сапожная вакса —
всеvyšнего ласка,
всеобщая таска.

II

Мы самые полнокровные,
мы самые краснокровные,
потому мы коровные,
потому мы погромные!

Нам цари горло резали,
горло резали, не дорезали.

Перелезли мы во седой во Кремль.
И издали указ обо всех земель.
Стали править мы
да покрикивать.
Стали строить мы
да побрякивать.
Сказки новые
стали сказывать,
песни новые
распевать.

Но осталось то ж,
что и было ти.
Что ж, что сыто-ти?
Что обуто-ти?
Где сейчас не так,
там бунт,
аль народ
дурак.

В небо спутнички запускаючи,
по коровам Америку догоняючи,
ты сиди на печи,
ты мычи-молчи.
Самогонки свари да помалкивай,
да похваливай,
да помалкивай.

Все ж мужик при том,
он все ж русский брат.
В соцьализме живет,
в коммунизм попрет,
да пошаливай,
да похваливай.
Эх, скоро сама пойдет.

Эх, Расеюшка, ты голубушка,
В коммунизм попрешь
да с дубинушкой,
Эх, еще разик,
еще раз.

Довольно! Хватит!
Товарищи в Советах,
вспомните семнадцатый,
забыли, что ль?

Сегодня сплошь
она в Поэтах,
шестидесятая Россия!

III

Спит Красная,
снег выпал,
первый снег,
а люди-то спят.
Спит Спасская,
раздался выстрел, —
один человек,
сто пятьдесят...
Может, разбудить?
— Смотрите, слушайте,
снег выпал и человек...
— Люди, слушайте,
— Люди, слушайте,
— Нет, нет, нет!!!

Знаю, не хотите,
знаю, тошно,
— Довольно! Хватит!
Прекрати, ты!

Знаю, — не хотите,
Знаю, — тошно.
Но надо, — поймите.
Иначе и ты...

Спит Красная,
снег выпал,
первый снег,
а люди-то
спят.

Снег-то красный,
в России красной,
на площади Красной
снег выпал красный,
и люди видят, не спят.

Люди, слушайте!
Люди, слушайте!
Говорит Москва.
Говорит Москва.

Площадь Маяковского конца 50-х—начала 60-х годов

Алена Басилова

Владимир Буковский

День поэзии. Начало 60-х годов

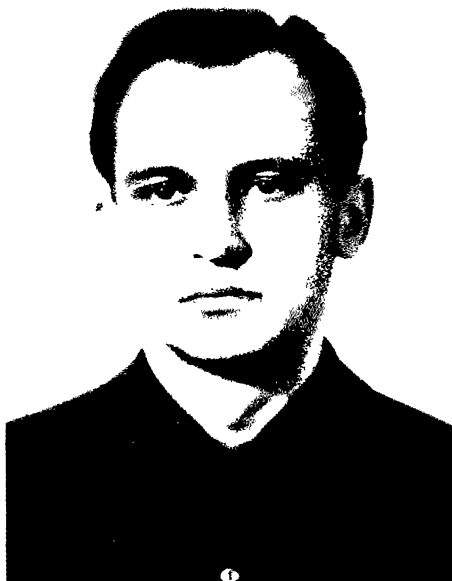

Николай Котрелев

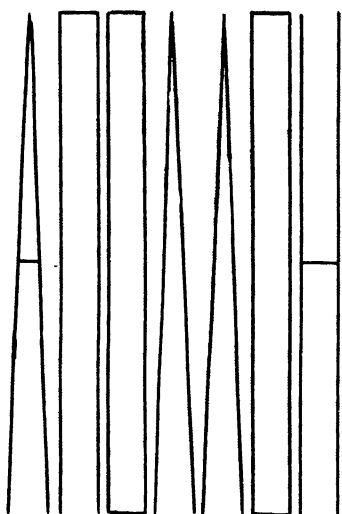

Выставка А.Кропивницкого в комнате А.Шухта

Аполлон Шухт

Аполлон Шухт и Вадим Помещиков

ЭТЮД № 1

Осторожно, чтобы не повредить ничего,
я отрезаю голову
У меня всё готово: кошелка,
■ в которой я воню на дачу желтого кота,
рядом.

Интересно, будут на срезе расти волосы?

Плохо, что я воню и душаю головой.

Надо сделать в кошелке окошко.

Да, я забыл посмотреть на себя.

Кладу голову на холодную клеенку
и смотрю.

Надо пойти к Ней и пригласить в театр.

Теперь меня будут любить.

Скоро рассвет
и город увидит
меня.

Необходимо побриться

Хотя теперь нужно говорить: побрить.

Завтра,
все завтра.

Кладу голову рядом с собой на подушку.

Она закрывает глаза.

Надо спать.

Спать.

Михаил Каплан

Алиса Гадасина

Анатолий Шукин

Игорь Волгин

Илья Бокштейн. 90-е годы

Анатолий Иванов (Рахметов)

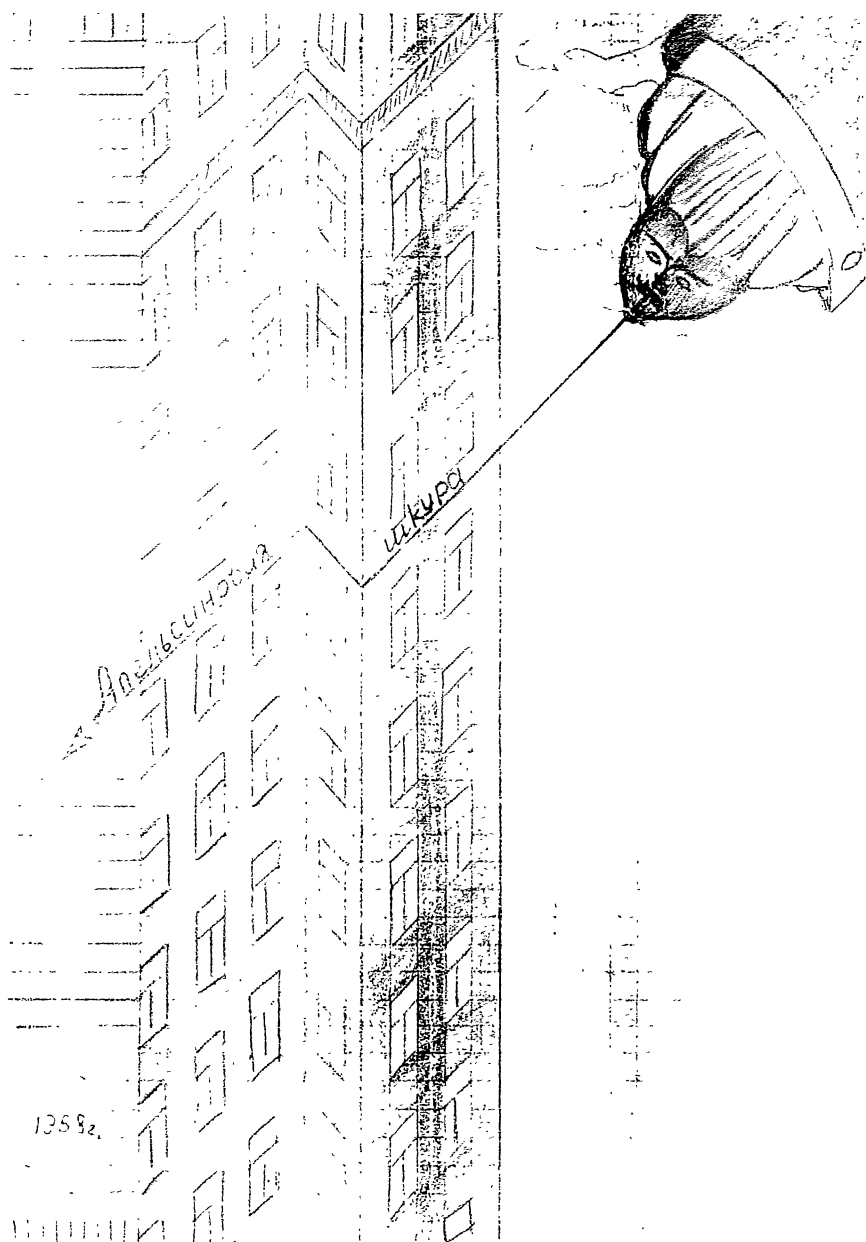

Владимир Осипов

Владимир Вишняков (Ковшин)

Юра Галансков с женой Галей

Титульный лист поэмы Ю. Галанскова «Апельсиновая шкура»

Вместо пролога.

Б - поэт.

Мне восемнадцать лет.

Возможно, поэтом
хочется

в тело Земли вцепиться

и обхватить рук и ног,

и в себя разлить утраченные

и все еще живых блок.

И в тот момент ступил,

лучше бы больших жен.

И в стужу бы не был бы

весь до волос погружен.

И когда

кто-нибудь из вас

не верит в мой творческий роет, \star

и) прикуриваю,

бы гордых глаз

или бы краем веки звезд. \neq

Все упираюсь в даль,

что, вроде, я глуп

и пытаюсь в себе

- и упираюсь в себя \neq

и пытаюсь

ландшафт плыть. \neq

и) Питание

Блок разрезал чашку поэзии;

и чашка на кухне в руке,

и вдруг,

на кухне

сделался игрой \neq

у жизни в железной клетке. \neq

Юрий Галансков

Юрий Галансков

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ МАНИФЕСТ

Поэма

Высокий, худощавый брюнет, с порывистыми движениями и глазами библейского пророка. Когда он поднимался на постамент, площадь — свидетельствую — замирала. Не потому, что стихи были гениальны — потому, что это были именно те — дерзкие — слова, которых ждала, с которыми была заодно молодая, не желающая повторять ошибки отцов аудитория.

«Человеческий манифест» Юрия Галанскова был знаменем и паролем «Маяковки».

1

Все чаще и чаще в ночной тиши
вдруг начинаю рыдать.
Ведь даже крупицу богатств души
уже невозможно отдать.
Никому не нужно:
в поисках Идиота
так намотаешься за день!
А люди идут, отработав,
туда, где деньги и бляди.
И пусть.
Сквозь людскую лавину
я пройду, непохожий, один,
как будто кусок рубина,
сверкающий между льдин.
Не-бо!
Хочу сиять я;
ночью мне разреши
на бархате черного платья
рассыпать алмазы души.

2

Министрам, вождям и газетам — не верьте!
Вставайте, лежащие ниц!
Видите, шарики атомной смерти
у мира в могилах глазниц.
Вставайте!
Вставайте!
Вставайте!
О, алая кровь бунтарства!
Идите и доломайте
гнилую тюрьму государства!

Идите по трупам пугливых
тащить для голодных людей
черные бомбы, как сливы,
на блюдаща площадей.

3

Где они —
те, кто нужны,
чтобы горло пушек зажать,
чтобы вырезать язвы войны
священным ножом мятежа.
Где они?
Где они?
Где они?
Или их вовсе нет? —
Вон у станков их тени
прикованы горстью монет.

4

Человек исчез.
Ничтожный, как муха,
он еле шевелится в строчках книг.
Выйду на площадь
и городу в ухо
втисну отчаянья крик!
А потом, пистолет достав,
прижму его крепко к виску...
Не дам никому растоптать
души белоснежный лоскут.
Люди!
уйдите, не надо...
Бросьте меня утешать.

Все равно среди вашего ада
мне уже нечем дышать!
Приветствуйте Подлость и Голод!
А я, поваленный наземь,
плюю в ваш железный город,
набитый деньгами и грязью.

5

Небо! Не знаю, что делаю...
Мне бы карающий нож!
Видишь, как кто-то на белое
выплеснул черную ложь.
Видишь, как вечера тьма

жует окровавленный стяг...
И жизнь страшна, как тюрьма,
воздвигнутая на костях!
Падаю!
Падаю!
Падаю!
Вам оставляю лысеть.
Не стану питаться падалью —
как все.
Не стану кишкам на потребу
плоды на могилах срезать.
Не нужно мне вашего хлеба,
замешанного на слезах.
И падаю, и взлетаю
в полубреду,
в полусне.
И чувствую, как расцветает
человеческое
во мне.

6

Привыкли видеть,
расхаживая
вдоль улиц в свободный час,
лица, жизнью изгаженные,
такие же, как и у вас.
И вдруг, —
словно грома раскаты
и словно явление Миру Христа,
восстала
растоптанная и распятая
человеческая красота!
Это — я,
призывающий к правде и бунту,
не желающий больше служить,
рву ваши черные путы,
сотканые из лжи!
Это — я,
законом закованный,
кричу Человеческий манифест, —
И пусть мне ворон выклевывает
на мраморе тела
крест.

«МАЯКОВКА» ДАЛА НАМ ВНУТРЕННЮЮ СВОБОДУ

Стихи Алисы Гадасиной, как и стихи Анатолия Щукина, никогда не были напечатаны ни в советской, ни в постсоветской, ни в западной печати (кроме «Феникса»). А между тем среди девочек «Маяковки» она была, безусловно, «звездой». И отсутствие гражданских мотивов в ее стихах принималось как должное — ей это было дозволено.

Мое вхождение в мир неофициальной культуры началось еще в школе. На одной из выставок — то ли Рериха, то ли Тышлера¹, — помню только, что за билетами стояли часами, днями, ночами, — подходит ко мне, девочке в школьной форме и с портфелем, взрослый щеголеватый господин (таким он, по крайней мере, мне тогда показался) и спрашивает: «А ты, девочка, что здесь делаешь?» Я, хихикая, ответила: «Смотрю художника имярек». — «А откуда ты знаешь о художнике имярек?» — «Я знаю еще такого-то и такого-то и даже стихи Кандинского²». После этого ответа я получила приглашение прийти к нему домой на какую-то выставку.

Свой первый визит к Андрею Волконскому (это был именно он) я помню очень хорошо, потому что все, что я там увидела, было для меня потрясением. Начиная с канделябров, и с отдельной, с изыском обставленной квартиры, картин на стенах... Но главное потрясение — люди! Изысканные, всезнающие, свободные. Я уже писала тогда стихи, знала и Цветаеву, и Ахматову, и даже Варвару Бутягину³ (у одной из подруг моей мамы сохранилась хорошая старая библиотека, которой я пользовалась), но разве я могла сравниться, скажем, с Евгением Кропивницким!

С тех пор у меня появилось много интересных знакомств. И со многими я стала общаться гораздо чаще и ближе, чем с Волконским. Например, с Аликом Гинзбургом. И скоро я стала не просто гостьей, постоянной «прихожанкой» (у Алика был открытый дом), но и отчасти помощницей, печатала материалы для «Синтаксиса». У меня была старая дореволюционная машинка. Огромная. Предыдущий владелец вынул из шрифта букву «ять», но название «Стовер рекорд» было написано с ятями. Я научилась стучать на ней еще в школе и очень гордилась этим обстоятельством. Печатала часами, днями, ночами. Разумеется, я печатала бесплатно. И потому вполне могла сказать: «Что ты мне даешь? Неужто это тебе нравится?». И мы начинали спорить. Другое дело, что споры эти быстро затухали, я все-таки смотрела на Гинзбурга снизу вверх (он ведь старше меня на семь лет), и если он меня просил, я делала, не пытаясь отстоять свое мнение.

Он принимал стихи, руководствуясь не только художественными достоинствами. Это, конечно, не значит, что «Синтаксис» — прямой политический протест, но стилистически стихи не должны были походить на официальную поэзию. Можно было подражать Андрею Белому, Хлебникову, Аполлинеру⁴, но не Твардовскому, не Исаковскому.

...О том, что Гинзбурга арестовали, я узнала только после того, как меня вызвали на допрос... Это была интересная история... Я с подругой готовилась к экзаменам на аттестат зрелости, «предки» жили на даче, а мы засиживались допоздна, вставали поздно. И вот как-то часов в 12 дня мы еще не одеты, лежим, покуриваем, раздаются три звонка (наши три звонка). Мы быстренько накрыли пепельницу газетами — ведь никто не должен знать, что я курю, — и тут раздается стук уже в нашу дверь (открыли соседи). Входит молодой, красивый мужчина, голубоглазый, хорошо одетый: «Мне нужно видеть Гадасину». — «Это я». Я лежу в разобранном виде, сквозь газеты просачивается дым, лает собака, а наш неожиданный гость говорит: «Я такой-то, из Комитета государственной безопасности, хотел бы с вами поговорить», — и, обращаясь к подруге: «Вы пока пойдите погуляйте». Разговор был коротким: «Оденьтесь. Внизу стоит «Волга», сейчас мы с вами поедем».

Всей серьезности ситуации я не поняла и начала кокетничать. «Хи-хи-хи... А зачем? Ха-ха-ха... Может, не надо?» Мне была предъявлена какая-то бумажка, которую я даже плохо прочитала, мы сели в «Волгу», и меня привезли на Лубянку... И началась фантазмагория. Мне не было сказано, что меня вызывают по делу Гинзбурга, и я решила, что их интересуют англичане, с которыми я познакомилась в Музее изобразительных искусств и подружилась. (Я немножко знала английский и взяла на себя роль гида.)

«Что вы можете сказать?» — спрашивают меня гэбэшники. — «Я с ними случайно познакомилась в Музее им. Пушкина...» Они (тот, кто меня привез, и еще один) смотрят на меня широко раскрытыми глазами: «Вы познакомились не в музее». — «Как?! Именно там, на какой-то выставке». — «Нет»... Эта комедия *qui pro quo** длилась довольно долго. (Потом я в ужасе подумала, зачем же я, идиотка, выболтала то, о чем они не знали.)

Когда недоразумение наконец-то разрешилось, я на все вопросы говорила: «Не помню, не знаю». Много раз спрашивали, печатала ли я «Синтаксис», но я отвечала «нет», и в конце концов они от меня отстали. В качестве свидетельницы на суде я им не понадобилась — ничего интересного для них они от меня не получили. Не могу сказать, чтобы эта история меня очень напугала, они обращались со

* Один вместо другого, путаница (лат.)

мной, как с ребенком, играючи (хотя были и неприятные моменты). Я дала подписку о неразглашении, но, конечно, многим все рассказала.

По-моему, этот молодой следователь мне явно симпатизировал. Потом я его часто встречала в самых неожиданных местах. В том числе и на площади Маяковского.

...Как я впервые попала на площадь Маяковского, не помню. Может, в доме Гинзбурга что-то услышала, может, Володя Могилевский позвал (я знала его еще до «Маяка»), может, в «Ленинке» кто-то что-то сказал (там в «курилке» тоже собиралась очень своеобразная публика), а может, и случайно — жила недалеко, на Колхозной площади, могла и невзначай набрести...

Очень хорошо помню толпы на «Маяковке». На разных ступеньках стояли разные люди, и каждый читал свое, у каждого была своя аудитория, свои поклонники. В целом на площади было много народа, но если поделить на число выступающих, то получалось, что вокруг каждого стояла не такая уж большая толпа. Мне, например, больше всех нравился Володя Ковшин, мне казалось, что это гениальная поэзия. До сих пор помню:

Неуклонно и томно оратор,
Не повертывая головы,
Опускает, хрипя, модератор
На коричневый вечер Москвы⁵.

У меня тоже были свои слушатели. Я читала Цветаеву, Ахматову — «Поэму горы», «Поэму без героя» — все это тогда еще не было у нас напечатано (не помню уж, откуда я сама знала эти вещи). Мой репертуар был уже известен — ко мне могли подойти и попросить: «Почитайте такое-то стихотворение Цветаевой». Я читала. Когда удавалось достать что-то новое (я, конечно, имею в виду не новые книги, а новый самиздат), я выходила и громким голосом объявляла: «У меня есть стихи такого-то, которые вы не знаете. Сейчас прочту».

Но не любой забытый поэт мог звучать на площади. Например ту же Бутягину, с ее религиозной символикой, было бы бессмысленно читать на «Маяке», и я это понимала. То, что читалось на «Маяковке», было рассчитано на эпатаж.

Читала я и свои стихи, и тоже понимала, на какую публику я работаю. Хотя гражданских стихов у меня не было — только лирика, но лирика «под декаданс». Все мы пытались как-то зацепить тех обывателей, которые проходили мимо и останавливались, разинув рты. Старались что-то им втолковать, в чем-то убедить, задеть, может быть, даже оскорбить — только бы они не оставались равнодушными.

Стыдно сказать: отслужив, отработав,
Серые лица вдоль улиц наляпав,
Смиренно бредет толпа идиотов
В черных и белых шляпах⁶ —

уж не помню, чьи это стихи. «Маяковка» была трибуной, где слушателя пытались переделать.

...Нас то и дело разгоняли. Вот типичная картина: я что-то читаю, Володя Могилевский ходит вокруг, вдруг кто-то крикнул... уж не помню, какое слово, ну, допустим, «менты» — все кинулись в разные стороны. И Володя Могилевский хватает меня — за руку и бегом через проходные дворы: он жил рядом с Тверской и знал там все подворотни. Убежать нужно было обязательно — ведь у меня был кастет (мне кто-то его подарил, он лежал у меня в сумочке, самый настоящий кастет), если бы его нашли, это могло бы обернуться большими неприятностями... Впрочем, все это, конечно, было детство. Как я теперь понимаю, в КГБ нас всех хорошо знали, и если бы было нужно, легко могли бы «достать» каждого. Сколько было нас, активистов? Сто человек? Думаю, что даже меньше.

...А если не разгоняли, расходились поздно. Мы и начинали-то поздно — часов в девять, часам к одиннадцати-двенадцати толпа постепенно рассасывалась. Обыватели шли домой, оставалась же горстка людей (в основном одни и те же), которая не расходилась... Стоишь, в полемическом задоре что-то читаешь, перед тобой — человек пятнадцать, потом десять, потом пять, потом два — и тут из трибуна, который витийствует перед толпой, превращаешься в человека, разговаривающего с единомышленниками, начинается другой уровень общения — со своими. Надо ли говорить, что мы все очень быстро перезнакомились. Мы были молоды, у нас были общие интересы, наверное, даже и общие вкусы, во всяком случае, мы все нравились друг другу. Помню, как Юра Виленский, с криком «Гениально!» стащил меня с постамента, — так мы познакомились и подружились на всю жизнь.

Как показала моя последующая жизнь, я не честолюбивый человек, и тем не менее «Маяк» притягивал неудержимо. Чем? Трудно сказать... Ощущение, что совершается что-то прекрасно-недозволенное и ты активный участник этого, — наверное, для какого-то юношеского самоутверждения это немаловажно. Ты как бы принадлежишь к избранному кругу. И неважно, кем избранному. Пусть хоть самим собой, себе подобными.

У «Маяка» определено была слава — уж не знаю, дурная или добрая. Во всяком случае, многие, прослышав про странные чтения и странных чтецов, специально приезжали посмотреть: что же там такое. Да и, к слову сказать, тот же Волконский, тот же Евгений

Кропивницкий туда, по-моему, никогда не ходили, но знали, интересовались...

Но вот чего у меня никогда не было, так это желания публиковаться. И стихи мои оказались в «Фениксе» совершенно случайно. Я ведь печатала не только Гинзбургу, ко мне все приходили и просили что-то напечатать. В том числе, конечно, и ребята с «Маяковки». Если то были близкие друзья, как, например, Юра Виленский, Володя Могилевский, я печатала им все, что они приносили, а остальным — то, что мне нравилось. Приносили, кстати сказать, не обязательно свое, а, допустим, самиздатский перевод «Лысой певички»⁷ — печатала...

Так вот, приходит один раз Юра Виленский и говорит: «Есть такой журнал “Феникс”. Напечатай для него то-то и то-то, а потом напечатай свои стихи, и их там тоже поместят». — «Нет. То-то и то-то напечатаю, а свое не буду». Но в конце концов он меня все-таки уговорил.

Юра, как я уже сказала, очень любил мои стихи, а я — его. На этой почве мы с ним одно время даже поиграли в жениха и невесту, но по-серьезному он не был в меня влюблен. По-моему, в меня был влюблен Володя Осипов. У нас с Володей были очень теплые отношения. Помню, как я лежала с высокой температурой, а он приходил, приносил лекарства, помогал бабушке за мной ухаживать. Он тогда уже был человеком с определенными политическими установками, очень цельный, а я была — инфантильная девочка, без каких-либо серьезных политических убеждений (они пришли гораздо позже), я жила стихами, искусством — другое дело, что круг близких мне людей был оппозиционен, и я в этом плане из него не выделялась. Володя это понимал и ни во что меня не посвящал. Его арест для меня был полной неожиданностью. А когда я узнала, что ему инкриминируется планирование террористического акта, я восприняла это как гэбэшные козни — он мне казался напрочь не способным к подобным поступкам. Тем не менее про себя я думала: а если все-таки правда — молодец Володя. Сама я не была склонна к экстремизму, но он казался мне героем, и я не могла его осудить.

Меня тогда то и дело спрашивали: «А ты знаешь такого-то? (Имелся в виду кто-то из приятелей Осипова.) А он не приводил тебя туда-то?» И я отвечала чистую правду: «Нет, не знаю. Не приводил. У нас были совсем другие отношения». Предупреждали от общения с какими-то людьми: дескать, это стукач, а тот дает показания на процессе, но я не придавала этому особого значения. Может быть, потому что история с Гинзбургом меня не напугала и я не очень боялась вызова в ГБ (а на этот раз меня и не вызвали).

...После ареста Володи «Маяковка» практически кончилась. Но мы продолжали встречаться: и у меня дома, и у Алены Башиловой, у Аполлона Шухта и особенно часто у мадам Фриде. Все «маяковцы» у нее перебивали: и Аполлон, и Володя Ковшин, и Гарик Суперфин, и Володя Буковский, и — до ареста — Володя Осипов, всех не перечислишь. Здесь тоже все бурлило, кипело, но я бы не сказала, что у Фриде был некий филиал площади. Все-таки это было нечто другое. На «Маяке» мы пытались достучаться до обывателя, а тут собирались единомышленники. Не надо было ничего провозглашать, никого переделывать, и потому не было необходимости лезть на рожон. Разговоры о политике, если и велись, то достаточно аккуратно. Все понимали, что в открытом доме (а у Фриде был именно такой дом, то бишь такая комната в коммунальной квартире) всегда могут быть стукачи (и они, конечно, были). И сама хозяйка — Екатерина Сергеевна — нас часто останавливала.

Здесь тоже, конечно, собирались неофициальные, непризнанные поэты и художники, читались стихи — но вовсе не обязательно с вызовом. И здесь шли споры — но больше эстетические. Давались оценки — тот-то интересный поэт, а тот-то прямо гениальный. У Екатерины Сергеевны был хороший вкус — ее одобрением гордились.

Вообще, насколько я понимаю, она была человеком незаурядным. Держать салон в Москве 50-х–60-х годов, да еще живя в коммунальной квартире, — для этого надо было иметь немалое мужество.

А это был именно салон или, во всяком случае, попытка его создания. Мы шли не просто к тете Мане или подруге Люсе, мальчику Пете или Алисе, а именно к *мадам* Фриде. Человеку старой культуры, в том числе и бытовой. Она ставила на стол какие-то чашки, что-то в них наливала... Нам казалось, что мы — на великосветском рауте, где можно поговорить о философии, почитать стихи... Конечно, имели место интрижки и маленькие склоки — но ведь и в классических салонах было не без этого. Кое-кто мог и подвыпивши прийти, и под кодеинчиком, как, например, Гарик Суперфин, который и мне однажды дал попробовать, — но все равно уровень общения здесь был выше, чем на «Маяке».

...Наверное, это было очень важно, что нашлось двадцать пять трибунов, которые в центре Москвы вставали в позу и разглагольствовали перед толпой, но нам самим было, пожалуй, интереснее у Фриде... Впрочем, и для нас площадь много значила, но по-другому.

«Маяк» дал нам внутреннюю свободу. Я никогда не вступала в комсомол, никогда не напечатала своих стихов, не ездила за границу, не работала в «престижных» местах — и это меня вполне устраивало. И сейчас я несколько не жалею о том, что в молодости сама создала

себе такое досье, с которым нельзя было вписаться в систему, «бесцельно прожитые годы» меня не тяготят — ибо я знаю, что цель была. И достойная.

Стихи, звучавшие на площади

Алиса Гадасина

КТО-ТО

Тихо-тихо льет в бокалы
Кто-то белое вино,
Кто-то ходит вдрызг усталый,
А кому-то все равно,

Кто-то любит и страдает,
Кто-то хочет обмануть,
И никто нигде не знает
К новой жизни новый путь...

* * *

То ли горе, то ли скука,
То ли песня, то ли дрожь,
И в глазах зеленых — мука,
И в окне — зеленый дождь...

Сон зеленый — песня стонет,
Губы плачут и поют...
Вечер волны ветра тронет,
Тучи в небо заплывут.

Заплывут и закачают,
Одиночеством меня.
Месяц милую встречает,
Перегнувшись у плетня...

То ли горе, то ли скука,
То ли песня, то ли дрожь
И в глазах зеленых мука,
И в руке — зеленый нож.

Аида Топешкина

МОСКОВСКОЕ ЗОЛОТО

Аида Топешкина — одна из тех, для кого «Маяковка» оказалась лишь первым этапом на долгом пути диссидентства. Уже в начале 60-х она была знакома со многими иностранцами, в том числе и с членами НТС, и через них передавала на Запад диссидентскую литературу. Именно ее усилиями в Германии был напечатан «Феникс». (Через несколько лет она же вручила представителям НТС первые номера «Хроники текущих событий.»)

Близкий друг и соратница Ю.Галанскова, она участвовала во многих его начинаниях, в том числе и в организации первой правозащитной демонстрации 5 декабря 1965 года. Хранящиеся в архиве Ю.Галанскова письма к Аиде из лагеря свидетельствуют о том, что этих двух людей связывали нежная дружба, безусловное взаимопонимание, глубокое взаимное уважение.

Не будучи богатой, она стала одним из первых коллекционеров авангардной живописи. В ее доме неоднократно устраивались выставки (М.Шемякина, еврейских художников и др.). В ее загородном доме хранился архив «Вече» — журнала, издаваемого ее, к этому времени уже бывшим, мужем Владимиром Осиповым. В подпольной поэзии конца 50-х—начала 60-х стихи Аиды Топешкиной — из самых ярких, злых, обличающих.

Золотые разводы боли
В черной кромешной тьме,
Золотые мысли в неволе,
Золотые люди в тюрьме.
Всюду ценности: золото хлеба,
Золотые кисти знамен,
И в навозном золоте хлева
Золотая роспись имен,
Прославивших этот город,
Эту землю и этот мир.
Среди них, сияющих гордо,
В золотых похвалах кумир,
Самый новый и самый яркий,
Осчастлививший свой народ,
Золотые сыплет подарки
Простакам умиленным в рот.
Золотые зубы на челюстях,
Золотые посулы в статьях —
Все прекрасно в моем отечестве,
Построенном на костях.

Юлий Головатенко

ЭХ, РОМАНТИКА, СИНИЙ ДЫМ...

О Юлии Головатенко мы знаем немного. Он умер молодым, не напечатав ни одного своего стихотворения. Как долго он писал стихи? Если вскоре после разгрома «Маяковки» навсегда бросил поэзию, то как относился к «грехам» своей молодости? Видел ли вышедший на Западе «Феникс»? Неизвестно. Достоверно одно: в истории русской подпольной поэзии XX века он останется навсегда. По крайней мере одним стихотворением.

Эх, романтика, синий дым,
Обгоревшее сердце Данки...
Сколько крови, сколько воды
Утекло в подземелье
Лубянки.

Эх, романтика, синий дым...
В Будапеште — советские танки.
Сколько крови, сколько воды
Утекло в подземелье
Лубянки.

Эх, романтика, синий дым...
Наши души пошли на портянки.
Сколько крови, сколько воды
Утекло в подземелье
Лубянки.

Виталий Скуратовский

КОКТЕЙЛЬ «МАЯКОВКИ»

Галансков, Шухт, Ковшин, Щукин, Гадасина, Топешкина — все это поэты «Феникса». Но были на «Маяке» и другие объединения (или просто компании), издававшие другие журналы. Площадь никогда не принадлежала одной какой-то группе, и — к их чести — ни одна из групп к этому не стремилась. Все знали друг друга и в той или иной степени дружили между собой. Название воспоминаний Виталия Скуратовского, на наш взгляд, очень точно выражает суть происходившего на «Маяке».

Память человеческая несовершенна. Что-то с течением времени видится мне чрезвычайно ярко, как будто это произошло вчера, а что-то, может быть, более значимое и решающее для судеб людских, уже неразличимо и скрывается за плотной завесой времени.

«Маяковка», то есть то, что происходило на площади Маяковского в Москве в самом начале 60-х годов и позже, ощущение относительной свободы самовыражения, умноженное на энергию и порывы молодости, — все это, по-моему, имеет своими истоками события, происходившие чуть раньше и напрямую связанные с состоянием советского общества после смерти Сталина в 1953 году. Умный, циничный и многоопытный Илья Эренбург, обладавший тонким политическим чутьем, очень точно назвал это время, как и свою повесть о нем, «оттепелью»¹.

Из оцепенения сталинской зимы и шока, вызванного докладом Н.С.Хрущева на XX съезде КПСС, столичное общество вывел Всемирный фестиваль молодежи и студентов в Москве² — мероприятие, устраивавшееся советскими властями в различных странах в пропагандистских целях и для консолидации прокоммунистических сил. Но... прогнило что-то в советском королевстве. Результатом московского фестиваля явилась не победа «сил мира и социализма», а взаимное знакомство свободного Запада и освобождающейся от пут сталинизма советской Евразии. Мрачное, тяжелое сознание квазикоммунистически мыслящих советских властителей и культивируемая ими ненависть к инакомыслящим, да и вообще ненависть, готовая в любой момент обернуться против чего угодно; ненависть, являющаяся производной от ужаса советской подсталинской жизни и чуть смягчаемая иногда добротой и открытостью русской души, — столкнулись в Москве 1957 года со свободным и раскованным мышлением, которое привезла с собой молодежь западных стран. Эта молодежь почти не испытала тягот второй мировой войны и в большинстве своем совершенно не знала условий жизни в стране — хозяйке фестиваля. Мышление многих «зарубежных гостей столицы» немного отдавало (и я в этом лично убеждался при фестивальных встречах) неопытностью и наивностью, но кого, кроме специалистов, волновали тогда на послевоенном Западе истинные истоки и смысл чужих забот?

Но некоторые участники фестиваля понимали почти все. Врезалась в память немая сцена, увиденная мною на Тверской (тогда ул. Горького) и наглядно, почти картинно, выражавшая разницу менталитетов: молча стоящие друг против друга молодой рафинированный западный интеллигент времен увлечения творчеством Ионеско и Беккета³ и крепко сложенный, явно гэбистского вида мужчина с обыденной шеей и сжатыми пудовыми кулаками, который свою реакцию на Ионеско и Беккета, ни на секунду не задумавшись, мог выразить только одним словом: «Пройдетте!». Холодные, смягченные любопытством и привычной вежливостью гадливость и презрение с одной стороны, а с другой — ненависть к этому существу, пришедше-

му с «вражеского Запада», а главное — скептическому и независимому (ах, разбить бы ему рожу только за одно это, согнуть бы его в бараний рог!). И еще — глухое отчаяние гэбиста от невозможности осуществить свое желание немедленно, здесь и сейчас.

Но свобода, как и чума, вещь заразная и распространяется она, опять-таки как и чума, при тесных контактах. И еще по радиоволнам, ибо многие, в том числе и я, слушали временно разрешенную тогда (кроме периода так называемых венгерских событий 1956 года) радиостанцию Би-Би-Си и еле прорывающуюся сквозь глушилки запрещенную «Свободу». Западные радиостанции на русском языке сделали, вообще говоря, очень много для прорыва информационной блокады и для прививки трезвого политического мышления и идей настоящей свободы. Многие, особенно из среды студенческой молодежи, восприняли эти идеи и заразились ими. В Московском инженерно-физическом институте, где я впоследствии учился, «оттепельные» веяния были достаточно сильны. Мы выступали на институтских вечерах с капустниками, наподобие КВНа⁴, в которых делали прозрачные и, как нам тогда по молодости лет казалось, очень впечатляющие намеки на несовершенство политических и хозяйственных явлений нашей тогдашней жизни. Все это воспринималось смотревшим капустники институтским начальством с легкой улыбкой — детям дозволялось немножко (но только немножко!) пошалить.

Но это в столице. А уже в бывшей колыбели революции, городе Ленинграде, мой двоюродный брат Борис Эдельштейн был мгновенно исключен из вуза только за то, что на очередном капустнике он во времена повального и повсеместного внедрения кукурузы Хрущевым вывесил лозунг «Кукуруза — наш bread!»⁵

Вот в этой обстановке мы с моим институтским другом Григорием Якобсоном познакомились где-то на Арбате с поэтессой Айдой Ясколкой, которая и привела нас на самое первое выступление поэтов на площади Маяковского. С тех пор мы стали бывать там постоянно и познакомились через «Маяковку» со многими из тех, кто стал известен потом в правозащитных и литературных кругах: Юрием Галансковым, Ильей Бокштейном, Владимиром Осиповым, Эдуардом Кузнецовым, Владимиром Буковским, Александром Гинзбургом, Михаилом Капланом, Владимиром Вишняковым, Габриэлем Суперфином, Аполлоном Шухтом, Аленой Басиловой, Анатолием Щукиным, Юрием Виленским, Виктором Калугиным, Анатолием Ивановым и многими, многими другими...

Некоторые из наших новых приятелей выступали со своими стихами с пьедестала памятника Маяковскому и распространяли свою поэзию в списках. Тогда же стали появляться и неведомые ранее

литературные подпольные журналы, среди них качеством, представительностью и популярностью выделялся, конечно, «Синтаксис».

В конце 1960 года мы с Якобсоном решили тоже выпустить свой поэтический журнал. Авторы нашлись сразу же — он и я. Мы, как и многие молодые в те времена, писали стихи, а я еще и прозу. Но решили ограничиться стихами. А так как нам была присуща склонность к игре и мистификации, то мы придумали выступить под несколькими псевдонимами одновременно, что могло придать нашему сборнику вид печатного органа новой группы еще не известных поэтов. Не последнюю роль играли и соображения конспирации — мы учились в МИФИ, режимном высшем учебном заведении, где пресловутый первый отдел играл большую роль, чем ректорат или успехи в учебе. Мы решили также не давать произведения других авторов — в противном случае мистификация была бы быстро раскрыта и не удалось бы сохранить наше инкогнито, — почти у всех, посещавших регулярно «Маяковку», была привычка шумно и открыто делиться литературными, да и вообще всякими новостями со всеми окружающими. А окружали нас не только друзья...

Гриша принес стихи, которые у него уже были, а я написал специально для сборника несколько коротких блоков стихотворений, имитирующих различных по стилю поэтов. В какой степени это удалось, не мне, конечно, судить, но практически никто из окружающих не заподозрил, что это написано одним человеком.

Название сборника — «Коктейль» — было выбрано по теме одного из моих стихотворений, подписанных звучным и — по моему тогдашнему разумению — очень французским псевдонимом Шарль. (Я тогда довольно хорошо знал французский язык и увлекался французской литературой.)

Печатал сборник я сам, на собственной машинке, применяя черную — для текстов — и красную — для названий — ленты. Моя «полиграфическая база» определяла и величину тиража — четыре экземпляра! Переплетал весь тираж тоже я — с помощью обыкновенных скрепок. Форзацы я сделал из полупрозрачной зеленой бумаги, а обложки — из бархатистой, темно-коричневого цвета. Теперь это выглядит, наверное, очень смешно, но по тем временам издание наше казалось роскошным. Мой личный экземпляр «Коктейля» дожил до сегодняшнего дня и находится сейчас на хранении в архиве Бременского института Восточной Европы в Германии, а куда делись остальные три — я уж, за давностью лет, и не припомню.

В коротком предисловии к сборнику, названному нами по-академически благородно и лаконично «От составителя», говорилось: «Эта небольшая антология объединяет группу московских поэтов. Все они молоды, их средний возраст не достигает и двадцати лет.

Наша общая поэтическая платформа: цвет — мысль — пластичность». И все это, в принципе, было сущей правдой, ибо двое — это уже группа, даже по УК РСФСР.

Цвета, или о цвете, или просто цветов в сборнике было, действительно, много. Вот что писал в своем стихотворении «Символ» один из авторов Михаил С. (он же — Григорий Якобсон) :

Мир стоит на соцветье
вот уж много веков,
семицветном созвездье
самоцветных цветов.

А другой автор — С.К. (Виталий Скуратовский), завершая стихотворение «Этюд № 7. Озеро», расцветчивал мир так:

Фиолетово и зеленово,
жарколетово, синекленово...

А вот сугубо городская гамма из «Этюда № 11. Город» того же С.К.:

Серое бездонное,
красное вагонное,
желтое стенное,
темное ночное.

Отзвуки красивых изломов Серебряного века русской поэзии можно уловить в стихотворении, подписанном М.Гог..., (Григорий Якобсон) и носящем эпохальное название «Гаити. Гибель цивилизации»:

Пальмы мягко качались.
Задевали о небо.
И царапали небо.
Умирала в печали
золотистая нега.
Предзакатная нега.

А вот как небесно-космическую тему разрабатывает Борис Лидин (В.Скуратовский) в стихотворении «Видение»:

Бледно-зеленые
лунные блики
черные листья
на черных стволах,
страшно далекие
звездные брызги
огненной кистью
взметнувшие прах...

И как бы предвосхищая идеи еще неопубликованного в те времена платоновского «Котлована»⁶, Яша Синий (Якобсон) с горечью восклицает в своей «Цыганской песне», в которой тяжелому и плохо оплачиваемому труду противопоставлено естественное человеческое стремление к вольной жизни:

Эх!
за что себя мы губим,
роясь в котловане!..

А вот гимн вину того же автора:

О! В вине тревога,
дальняя дорога,
призрачные ночи,
сказочный успех...
Пейте вина, пейте!
Рюмки об пол бейте!
Счастье — для немногих,
а вино — для всех!

Музыкальные жанры, причем полярно противоположные, представлены в сборнике Игорем М. (Скуратовский) в поэтических этюдах «Колокольный звон» и «Джазовая мелодия». В стихотворном ритме последнего и впрямь чувствуется ритм модного тогда джаза, ударных инструментов и импровизационные завихрения мелодии. В отличие от известного среднеазиатского акына той поры, бесхитростно сказавшего как-то: пою, что вижу⁷, Игорь М. действовал здесь по принципу «что слышу, то и пишу!»

И завершается сборник стихами Шарля (В.Скуратовский). Вот стихотворение, давшее, как уже говорилось, название сборнику:

Все, что вокруг —
это грустный коктейль
из истины, лжи,
снов и желаний,
каких-то лозунгов,
чьих-то радостей,
святости, подлости,
снов и желаний...

Очевидно, сборник читали, потому что многие мои приятели и даже незнакомые мне люди его хорошо знали. «Коктейль» упомянут в вышедшей в восьмидесятых годах на Западе монографии Мальцева о самиздатской литературе того времени⁸. Упоминается он и в некоторых облаивательно-критических статьях о «Маяковке», появившихся в те времена в советской прессе и напоминавших по духу статьи 30-х годов о «врагах народа»⁹. Но даже и этот словесный лай льстил тогда нашему авторскому самолюбию и звучал для нас, как фанфары хоть и маленькой, но все-таки победы.

...Фотографировали участников выступлений на площади Маяковского, я думаю, неоднократно. Фотоархив КГБ (папка «Маяков-ка»), если он еще, конечно, сохранился, должен быть всеобъемлющим и очень впечатляющим. Однажды, когда мы с Якобсоном возвращались с площади после очередного чтения стихов, нас догнал

высокий спортивного вида молодой человек и, перегородив дорогу, попросил закурить. При этом он почти демонстративно повернулся грудью сначала к одному, а потом к другому из нас. Так, я думаю, на Лубянке появились личные, касающиеся меня и Якобсона, фотоматериалы.

Общения «Маяковцев» не ограничивались встречами на самой площади. Мы собирались на квартирах приятелей, ездили на литературные, да и просто увеселительные пикники на природу и ходили сообща на различные культурные мероприятия, например, на вечера поэзии. В это время мы с Якобсоном задумали выпустить в нашем институте литературную стенгазету, в первом номере которой решили дать стихи Булата Окуджавы и тексты некоторых его песен. Стихи мы без труда обнаружили в «Ленинке»¹⁰, а с песнями было хуже — магнитофонные записи при несовершенстве тогдашней техники были плохими и не все слова удавалось разобрать. Составив, как смогли, тексты по записям, мы понесли их Окуджаве. Он отнесся к нашей затее очень благожелательно и собственноручно поправил слова песен. Газета вышла, но комсомольское начальство института стало смотреть на нас косо. «Неофициальных» и их приверженцев в режимном институте не любили...

Как написал, если я правильно цитирую по памяти, один из поэтов «Маяковки»: «Поэты стихи создавали, а стихи создавали солдат!»¹¹ И создали. Появились люди, которые рассматривали поэзию как нечто вспомогательное, а основной своей задачей полагали создание политических движений различного толка. Волнами тогдашней жизни меня занесло на несколько собраний, где говорилось о демократизации политической жизни советского общества и даже создании легальных антикоммунистических партий, что тогда было сверхутопично. И, как всегда, на периферии этих движений появились люди экстремистского толка, для которых эволюция общества была слишком медленным процессом. Они жаждали революции, и немедленно. Возникла группа, составившая (пользуюсь здесь позднейшими слухами) план убийства Хрущева и приобретшая даже оружие для осуществления этого плана. Сведения об этом дошли и до КГБ. Имея на руках такой козырь, как организация вооруженного выступления, КГБ начал действовать. Наряду с арестом участников заговора власти решили закрыть и «Маяковку».

Разгон любителей свободной изящной словесности осуществлялся в основном силами дружинников — тогдашних добровольных помощников милиции. Действовали они довольно грубо и растаскивали участников — и выступавших и слушателей — по различным отделениям милиции и опорным пунктам. В память врезалась сцена:

водоворот арестовывавших и арестовываемых и на фоне этого — полное стоической муки бородатое (он в те времена еще носил бороду) лицо поэта Аполлона Шухта. Мое сравнение было, наверное, слишком несоразмерным, но в тот момент я вспомнил изображения распинаемого Христа. Только роль деревянного креста играли два дружинника, заломившие Шухту руки за спину.

Последствия для арестованных были стандартными: выговоры и неприятности по службе, а то и увольнение с работы, а для студентов исключение из института.

Не обошло все это стороной и меня. 15 декабря 1961 года, непосредственно перед зимней зачетной сессией четвертого курса, меня вызвал к себе Гусев, проректор по учебной работе нашего института. Этот обычно очень строгий и не дававший малейшего спуска студентам преподаватель, потупив глаза (он был, очевидно, совестливый человек и действовал только под давлением всесильного в МИФИ первого отдела), каким-то несвойственным ему сдавленным голосом сказал мне, что, по сведениям из достоверных источников, я связался с преступной группой, а это несовместимо с моим дальнейшим пребыванием в таком институте, как МИФИ. Все было предельно ясно. Тут же, в предбаннике его кабинета, я написал заявление с просьбой отчислить меня из института по собственному желанию. Соответствующий приказ был уже, очевидно, заготовлен заранее — не успели еще высохнуть чернила на моем заявлении, как я уже перестал быть студентом.

...Через некоторое время пошли допросы в КГБ, где от меня требовали доказательств антисоветской деятельности организаторов и участников поэтических вечеров и других наших сходок. Так как я отмалчивался или говорил стандартные фразы: ничего не знаю или не помню, мне угрожали самыми страшными карами. И хотя я тогда (как, впрочем, и сейчас) политикой и интересовался, но активно не занимался (меня влекла прежде всего поэзия, да и вообще искусство, а также все, связанное с возможностью познания смысла человеческого бытия), я все равно был для КГБ «чуждым элементом» и интуитивно чувствовал, что они не просто пугают. Российская карательная метла тогда (да, думаю, и сейчас тоже) мела, не разбирая, где правые, где виноватые, где малопричастные. Спасло меня только пребывание в психиатрической больнице — как я тогда шутил, в пивной имени Ганнушкина. Но КГБ поставил окончательный жирный крест на моей научной карьере, и вообще путь в очные учебные заведения и в мало-мальски приличные научные организации был для меня наглухо закрыт.

Зато «Маяковка» и «Коктейль» проложили мне путь в подпольный, изломанный, быть может юридический и даже «бесовский»,

но все-таки невероятно живой и интересный мир неофициальных литераторов и художников. В мир знаменитого в подпольных кругах того времени салона Юрия Витальевича Мамлеева в Южинском переулке, где закуской к водке служили проблемы бытия божьего и человеческого. Нежный и благородный мир замечательного художника-самоучки Александра Харитонова, бывшего к тому же и удивительно проникновенным рассказчиком выдумываемых им самим волшебных историй и сказок. Мир нелегальных и скандально-легальных художественных выставок, на которых тупые власти, не умея делать свое прямое дело — разумно управлять страной, с невероятным упорством и энергией боролись с живописью, не укладывавшейся в прокрустово ложе их убогого соцреализма, причем боролись всеми доступными им средствами, в том числе и техническими — от подслушивающих устройств до бульдозеров¹². Мир неофициального, собиравшегося раз в месяц литобъединения, так называемого «Лито», которое с высоким профессионализмом вел Эдмунд Иодковский и которое непосредственно занималось качеством литературы, создаваемой участниками «Лито». Мир, в котором, пусть и не всегда в житейских, но уж в художественных-то делах постоянно царили искренность самовыражения и стремление к Истине.

Конечно, почти все «художественные подпольщики» обладали довольно высоким самомнением, но кому из молодых авторов во все времена и эпохи можно поставить это в упрек?! Жители этого подпольного мира не стремились тогда к должностям и наградам. Это официальные художественные круги на каждом шагу лгали, приспосабливались к прихотям советских чиновников и затейливо изворачивались, только чтобы угодить власть имущим.'

...Несмотря на крушение из-за «лирики» моих стремлений стать «физиком», я вспоминаю эпоху «Маяковки» с удовольствием и нежностью. И не только потому, что она совпала с моей молодостью (хотя и это немаловажно). Именно тогда, в годы вялотекущей политической оттепели, бурно и ярко проявляла себя другая оттепель — художественная и духовная, людские души раскрывались навстречу самым разным свежим и свободным веяниям. Это было время, которое Яша Синий в стихотворении «Сладкая жизнь» пусть с некоторым пижонством (оно частично оправдывалось тогдашней модой) определил так:

Среди разнузданного б...ства —
заслуга чья-то иль вина? —
цвело восторженное братство
любви, поэзии, вина...

Вадим Помещиков

АПОЛЛОН И ЮРА

Вадим Помещиков рассказывает об Аполлоне Шухте и Юрии Галанкове. Во времена «Маяковки» это были фигуры практически равнозначные. Оба — поэты. Оба — трибуны. Оба — парии общества и его судьи. Но если Аполлон был поэтом политической темы, то Галанков — политическим деятелем (в терминологии «маяковцев» — «политиком»), для которого Слово — прежде всего — призыв к Делу.

...Аполлона я знал с детства. Он рос без родителей, был у него только дядя — бывший чекист. Очень жесткий человек, который рассказывал о том, как во время войны он служил в заградительном отряде¹. Учился Аполлон хорошо, был очень рассудительным и, пожалуй, дисциплинированным мальчиком.

Но сразу же после школы он совершил поступок, который был вызовом нормальному течению событий: взял деньги, оставленные ему матерью по завещанию, и уехал в Среднюю Азию. Я провожал его и с вокзала — он просил меня об этом — отправил телеграмму его дяде: «Я уехал, если можете, простите».

Когда в 60-м году он пришел на «Маяковку», он уже был внутренне готов принять все там происходящее. И у него уже был запас стихов, с которыми можно было выйти на постамент. Он писал постоянно. За короткий период «Маяковки» — года полтора, не больше — он, в отличие от Галанкова, написал много стихов.

Аполлон был самой заметной фигурой «Маяковки». И его импозантный внешний вид: борода, густая шевелюра, и голос, способный заглушить шум города, и стихи, которые он бросал в толпу:

Я ненавижу
Вашу трезвость,
Не знающую сомнений², —

все это как нельзя лучше подходило именно для площади. Его слушали как замороженные.

Стихи Аполлона читали и другие. Особенно часто — Володя Вишняков. Он тоже читал замечательно, но по-другому, протягивая согласные, — так потом читал Высоцкий.

Надо сказать, что аполлоновские стихи, при всем их эстетическом эпатаже, были протестом в рамках системы:

Мы равноправные правнуки
Семнадцатого года,
Мы приправа
К правде,
Которую уродуют³.

А Галансков предлагал то, на что даже мы, восемнадцати-девятнадцатилетние экстремисты, были неспособны:

Идите по трупам пугливых
Тащить для голодных людей
Черные бомбы, как сливы,
На блюдаща площадей⁴.

Конечно, это метафора, но у Аполлона и метафоры были другими.

После Юркиных стихов казалось, что нельзя ни просто разойтись, ни продолжать слушать что-то другое — надо вот сейчас, немедленно, идти и брать эти «черные бомбы» — именно такого эффекта он и хотел добиться.

Не случайно в стихах Шухта в «Фениксе» были забавные искажения. Аполлон написал: «Без картинных искусных рыданий», а в «Фениксе» — «Без партийных искусных рыданий»⁵.

Когда появились Галансков и Щукин, Аполлон назвал их «бешеными мальчиками». Они казались ему экстремистами. Одно из его стихотворений было посвящено «бешеным мальчикам»⁶.

Помню, как 14 апреля 1961 года — в день торжества по поводу первого полета человека в Космос — Щукин читал стихи, и только он произнес «В небо спутнички запускаючи...»⁷ — тут же через толпу кинулись дружинники, отбросили рядом с ним стоявших и отвели Толю в отделение милиции, в метро.

...У Аполлона дома тоже часто бывала милиция. Он ведь жил в коммунальной квартире, а в его комнате толкалась вся «Маяковка» — десятки, а может быть, и сотни людей. Приходили-уходили в любое время, но особенно часто поздним вечером, когда заканчивались чтения, — тут-то и шли к нему продолжать. (Благо, он жил неподалеку.)

Это был настоящий вертеп! Но веселый, талантливый вертеп. Бесконечные споры о философии, поэзии... стол, усыпанный пеплом и окурками. Сигарет всегда не хватало. В час ночи начинали собирать «бычки». Бутылка вина — как правило, одна на весь вечер. В этой же комнате, при ярком свете, при громких разговорах кто-то спал — хорошее все-таки было у всех здоровье! Приходили и девушки, но отношения всегда были вполне целомудренными.

...Весной 1961 года Аполлон уехал в экспедицию, а когда вернулся, со свойственным ему радикализмом заявил: «Хочу стать бюргером». Это было поразительно.

...После отъезда Аполлона образовался какой-то вакуум, и я стал чаще встречаться с Юрой. Мы познакомились несколькими месяцами раньше, когда он делал «Феникс». Он тогда уже жил у жены⁸ на Ленинском проспекте, но «Фениксом» занимался в Голутвинском переулке, у родителей⁹ — из конспиративных соображений, ведь он не был здесь прописан.

Жили Юрины родители не просто в коммунальной квартире — это была настоящая пещера — темная, мрачная, гнилые половицы ходуном ходили... Рядом с домом — огромное краснокирпичное здание завода:

Вон у станков их тени
прикованы горстью монет¹⁰ —

все это было рядом, не придумано, реально.

Название «Феникс» принадлежит Галанскову. Незадолго до этого был арестован его друг Алик Гинзбург, за издание «Синтаксиса». Юра как бы «воскрешал из пепла» подпольный журнал — это был вызов властям, системе...

Редактором он был довольно жестким, ни с кем не советовался, все решал самостоятельно. В «Фениксе» напечатаны стихи Станислава Красовицкого¹¹, и с художественной точки зрения, это, безусловно, лучшее, что там было. Юра, конечно, понимал, что Красовицкий на голову выше всех остальных авторов. (Галансков не был эрудитом, его речь не пестрила цитатами, как у Вишнякова или Щукина, но поэзию он чувствовал, и вкус у него был.) Сам Красовицкий, однако, не давал своих стихов в «Феникс» и был недоволен, что они там появились.

...В августе 61-го, поссорившись с родителями, я переехал к Юре на Ленинский проспект. Там тоже бывало довольно много народа, хотя и не столько, сколько у Аполлона. Помню приходил поэт Валентин Хромов и его подруга Минна¹². Полагаю, что стихи Хромова в «Фениксе» — из ее рукописной тетради, там были стихи и Красовицкого, и Гриценко...¹³ кого-то еще... Валя Хромов был обаятельный человек, прекрасный рассказчик. А Красовицкий — гениальный импровизатор. Мог проснуться утром и тут же записать стихотворение... Приезжали поэты из Ленинграда. Ентин?.. Еще кто-то.

Приходила Аида Осипова. Она была увлечена Галансковым и посвятила ему замечательное стихотворение. Пророческое.

Галактики скованных чувств,
Лакомые куски ласк —
Скользкое скерцо причуд
В лабиринте глаз.

Запутались в запустении
Запавшие орбиты
В одной постели с теми,
Кто будут убиты.

Иль сами повесятся
На вязе шершавом.

Ведет перламутровая лестница
На Голгофу — в Варшаву.

Шарит ступени с грохотом,
Перила — стихами Рильке.
В муках рождает крохотное
Подобие большого риска.

Розгами выметет пагоду
Душную души дешевой
И уйдет по утру по ягоды
С плетеной кошелкой.

Не скажет: «Пронеси сию чашу»,
Не спросит: «С кем ты?»
Настроит зеленую чашу,
Сыграет хвойное скерцо.

В косматую косность мха
Кости опрокинет горячие,
В лабиринте запутанного стиха
Истину спрячет.

...Будучи экстремистом в стихах, в своей деятельности Галансков всегда был очень осторожен. Старался не держать дома никаких компрометирующих материалов — не случайно при обысках у него ничего «криминального» не находили¹⁴. Он не страдал манией стукачества, не был склонен в каждом новом человеке видеть непременно провокатора, но даже с самыми близкими людьми не был абсолютно откровенен. Мы с ним могли спать, укрывшись одним одеялом, но рассказывал он мне далеко не все. 'Я думаю, что даже Галя¹⁵ скорее догадывалась о чем-то, чем знала.

И он хорошо понимал границы возможного. Уже после разгона «Маяковки», в 1962 году, когда была сделана водородная бомба, я предложил Юре выйти на Красную площадь с протестом против этого кошмара. Мне было ясно, что, если просто встать и развернуть лозунги, их удастся удержать каких-нибудь нескольких секунд, не больше — никто и не увидит. (Именно так и произошло 25 августа 1968 года, когда восемь смельчаков выступили против вторжения советских войск в Чехословакию¹⁶.) И я придумал пойти на Красную площадь 1 мая с большим количеством воздушных шаров и на них поднять транспаранты из легкой ткани — они развернулись бы в воздухе и таким образом продержались бы хоть какое-то время.

Мы обсуждали этот проект. Но в конце концов Юра сказал: «Нет, нельзя, — это будет расценено как действия, направленные на подрыв обороноспособности СССР, и ответные меры будут очень жестокими». Думаю, что по тем же соображениям он и не поддержал

Осипова в его планах убийства Хрущева, хотя теоретически и не отрицал террора. Он всегда помнил о существовании КГБ и в своей деятельности всегда учитывал наличие этой организации, всегда продумывал последствия каждого своего шага. Он жил в состоянии постоянного внутреннего диалога с Комитетом, всегда был готов ответить на любой вопрос, который ему там зададут.

...Все касающееся ЧК—ГПУ—НКВД—КГБ: структура, методы, кадровый состав, — все интересовало его чрезвычайно. У него была знакомая, которая во время войны работала в нашей разведке за рубежом. От нее он узнал, как КГБ (НКВД) планирует многоходовые комбинации, как манипулирует своими агентами, а в случае необходимости — и предает их. Он не раз пересказывал мне ее воспоминания — заинтересованно и увлеченно.

Он считал, что в КГБ сидят умные люди, не похожие на тех идиотов, которые хватили ребят на площади Маяковского. Поэтому он и мог написать письмо в Комитет — предложить аналитикам свой анализ ситуации¹⁷. Но, конечно, здесь имел место и некий тактический ход: стремление показать себя не экстремистом. Ему было важно продлить свою деятельность, не сесть слишком рано.

В том, что когда-нибудь непременно сядет, он не сомневался. Была в нем какая-то обреченность, которая угадывалась во всем: в стихах, в поступках, во все учащающихся приступах язвы. Отпущено ему было очень мало — и он это знал.

Евгений Штеренфельд

Я ВЫПОЛНЯЛ ФУНКЦИИ ОХРАННИКА

Женя Штеренфельд и Юра Галансков — ровесники. Тем не менее в их отношениях Галансков всегда был старшим. И то сказать: в двадцать лет Юра уже успел жениться, слыл прекрасным организатором, вокруг него витал флер некой таинственности, загадочности, недосказанности. Главное же — Юра был поэтом, а Женя всегда считал себя обыкновенным человеком. Но он хорошо знал цену своему необычному другу и искренне, преданно любил его.

...Как-то Юра сказал мне, что на площади Маяковского читают стихи, и мы с ним туда поехали. Приезжаем — действительно читают... Сашу Черного, какие-то стихи об отношении к девушкам... Один из выступающих нам особенно понравился — красивый, энергичный, с хорошо поставленным голосом. Потом мы узнали, что это Анатолий Щукин.

...Народу сначала было немного, но все время подходили и подходили, так что к концу вечера собралась довольно большая

толпа. Тогда все еще было спокойно: никаких дружинников, никто не мешал читать.

В этот первый раз Юра не выступал, он еще никого не знал и, видимо, стеснялся. Но мы стали бывать там довольно часто и довольно быстро со всеми перезнакомились.

...Общались мы не только на площади. Однажды, помню, огромной компанией поехали в какое-то кафе на Ленинском проспекте — там продолжались те же разговоры, что и на «Маяковке»: не столько о поэзии, сколько о культе личности, по сути о том же, о чем писали в газетах, о том, что стало известно после XX съезда. Критика режима как такового началась уже позже.

Несколько раз собирались в каком-то другом кафе, по-моему, в «Артистическом»¹. А чаще всего дома у Аполлона Шухта — туда набивалась вся «Маяковка», и, как и на «Маяковке», читали стихи, обсуждали... Мне очень нравились стихи самого Аполлона, некоторые я до сих пор помню наизусть. И, конечно, Юркины.

Он тогда уже читал их всюду: и на квартирах и на площади. Если на площади — два человека делали руками «корзиночку», сажали его, и он читал стихи сидя — так было лучше видно: постамент-то там невысокий. И другие тоже часто читали на «корзиночке».

...Становилось все более и более беспокойно: появились дружинники, которые во что бы то ни стало хотели сорвать чтения, — надо было охранять выступающих. Вокруг каждого чтеца мы устраивали живую цепь. (Гарик Суперфин показал мне, как надо держать руки, чтобы их не сломали и не разорвали цепочку.) В этой цепи стояли и свои ребята, и кто-то подходил прямо из толпы. Мы никому не отказывали, никого не проверяли — отдела кадров у нас не было. После конца чтения та же цепь вела выступившего — в метро, на троллейбус, не давая дружинникам его схватить.

...Один раз при мне Юрку все-таки забрали. Отвели в опорный пункт на 2-й Тверской-Ямской. Агаджанов меня предупредил: «Если кто-то будет ходить под окнами, ноги перебеью». Что было делать? У Галансковых телефона не было, и я позвонил своей маме² — «Юрку забрали». — «Сейчас приеду», — сказала она, не раздумывая. Суперфин не хотел, чтобы дружинники знали, что она сейчас приедет, — «Не надо им ни о чем говорить, не надо их предупреждать, нужно действовать неожиданно». Но я боялся, что Юрку изобьют, и сказал. Я оказался прав: его и пальцем не тронули. С нами, мальчишками, они могли вести себя как угодно, но других побаивались. Они тогда все-таки считались с общественным мнением.

...Как-то летом, большой компанией, — и «поэты», и «политики» — поехали в Подрезково. Там, на природе, читали стихи. Осипов сделал доклад о «рабочей оппозиции», о Шляпникове, о Преобра-

женском³. Потом Юра шепнул мне, что он, Осипов, Новогодний и Кузнецов должны остаться, а остальных попросил меня увезти. Я не стал спрашивать зачем. Я прекрасно понимал, что Юра мне рассказывает не все, и это меня вполне устраивало: я не хотел много знать, чтобы в случае чего не сказать лишнего, не подставить ненароком кого-нибудь. Я только сказал: «Они не уедут без тебя. Давай сядем в электричку вместе, а в последний момент ты прыгнешь». Так и сделали.

...Когда после арестов Осипова и Кузнецова пришел ко мне Витя Хаустов (мы с ним очень были дружны) и сказал, что его вызывали в Большой Дом и там сразу, в лоб, спросили: «Как Вы собирались убить Хрущева?» — я был поражен. Не то чтобы я не ожидал арестов — я не идеализировал «оттепель», раз забирают дружинники, забирает милиция, идут обыски (у Галанскова первый обыск был еще весной, после того как вышел «Феникс»), значит и посадить могут. Но о намерениях убить Хрущева я никогда ничего не слышал. Хотя я и был на собрании в Измайловском парке, где, как я потом узнал, была создана организация.

Я погал туда случайно. Должен был прийти Галансков, но он почему-то не смог и послал меня. (За что потом и получил выговор от ребят.) При мне говорили только о том, как *в принципе* должна создаваться организация, но о какой-то *своей* организации и *своих* планах — ни слова.

...Я очень испугался за Юрку, как бы и его не посадили. Несмотря на то, что ни на первом, ни на втором обыске — 6 октября 1961 года — ничего не нашли. Зная Юру, я понимал, что хотя он в силу своих человеческих качеств не может одобрять террористических намерений, но — опять-таки по человеческим же своим свойствам — вполне способен поддержать товарищей, просто ради того, чтобы разделить с ними ответственность. (Я тогда не знал о его письме в КГБ.)

...Я понимал, что и меня, наверное, вызовут, и решил проконсультироваться с Юрой. Он тогда встречался со всеми, кого вызывали, расспрашивал, передавал эти сведения другим — старался делать все возможное, чтобы не было противоречивых показаний. С утра до вечера только этим и занимался.

Мне он сказал, что меня скорее всего будут спрашивать о том, что было в Подрезково. «Говори: стихи читали. Про Осипова тоже можешь сказать. О том, что я просил увезти “поэтов” не говори». Я и сам это понимал, и когда меня действительно вызвали, полностью следовал его советам. Больше меня ни о чем не спрашивали.

...Юра рассказал мне, что всех выдал Вячеслав С. Хотя, может быть, и невольно — пошел с кем-то посоветоваться, а тот «стукнул». Ребята решили объясниться с С. Встреча состоялась в каком-то переходе на улице Горького. Кроме С. приехали Щукин, Аида⁴ и мы

с Галансковым. Они разговаривали, а я отошел в сторону. Меня совершенно не интересовало, о чем они говорят. Мне надо было, чтобы не «замели» Юрку или, в крайнем случае, чтобы он не исчез бесследно. Я, собственно говоря, выполнял функции охранника. И не только в этот раз. Когда Юра считал ситуацию опасной, он брал меня с собой. Я понимал: Галансков — поэт, его надо беречь.

...Так было до декабря 1961 года, когда меня забрали в армию. А после армии у меня началась уже совсем другая жизнь, и я очень редко виделся с Юрой.

Алена Басилова

КАК ОНИ СМЕЮТ БИТЬ ПОЭТА!

Как уже известно читателю, «Маяковка» продолжалась — разветвляясь — на квартирах. (Точнее, в комнатах в коммуналках.) Все эти дома были расположены не слишком далеко от площади, в пределах получаса ходьбы. Хозяин (хозяйка) такого жилья обычно жил(а) без родителей. Единственное, пожалуй, исключение — дом Алены Басиловой. Ее имя в истории советского андеграунда связано не с площадью Маяковского, а с зародившимся несколькими годами позднее СМОГОм. На «Маяковке» она не читала — ее стихи не для площади. Но старинный особняк на Садовом кольце, где она жила с матерью — известной певицей и поэтессой Аллой Рустайкис и бабушкой — Алисой Хвас, в юности дружившей с Маяковским, не случайно называли «Маяковкой-2» — там регулярно собирались поэты площади. И мать, и бабушка, сами долгие годы принимавшие у себя московскую богему, относились к образу жизни дочери и внуки с пониманием, а к ее друзьям — с симпатией.

Мы жили на Садово-Каретной, недалеко от площади Маяковского, и я ходила туда кормить голубей. Скармливала им весь хлеб, который оставался у нас дома... Вокруг памятника кишмя кишели люди, кучковались, говорили о литературе, о политике, о том, что вся страна сидела, а вот сейчас всех выпустили и все вывалились на улицы в надежде найти друг друга, сообщить о себе...

Кто-то постоянно выходил к постаменту и читал стихи — собственные или чужие. Больше всех мне нравилось то, что читал какой-то очень темпераментный мальчик, с огромными черными глазами. Он, в отличие от других, никому не подражал, и, главное, его стихи были очень музыкальны, с собственными, ни на кого не похожими интонациями. Читая, он подчеркивал ритм.

Однажды кто-то вышел к памятнику и прочитал стихотворение под названием «Человеческий манифест». Это была политическая поэзия, немножко наивная; и содержание и, особенно, форма стихо-

творения напоминали раннего Маяковского... Вдруг сразу несколько милиционеров (или дружинников — не помню) бросились к нему. Он, однако, сумел скрыться в толпе. У постаменты появился другой юноша и тоже стал читать «Человеческий манифест» (я потом узнала, что это был Володя Ковшин), его сменил еще кто-то, но стражи порядка не обращали на них никакого внимания — они искали того, первого. Спрашивали всех: «Где Галансков? Не видели, в какую сторону ушел Галансков?» Но люди не хотели говорить: все симпатизировали этому мальчику, а не тем, кто его искал.

Его все-таки нашли — дали по физиономии, скрутили руки. Я не выдержала и бросилась выяснять отношения с этими подонками. Как они смеют бить поэта!

Разговаривать со мной не стали, скрутили руки и мне и запихнули меня в ту же машину, в которую они только что бросили Галанскова. Привезли нас в какой-то штаб оперативного отряда. И тут, на моих глазах Юру стали избивать. Зверски. Били головой о стену, ногами в живот, приговаривая: «Будешь писать стихи?» И он каждый раз отвечал: «Буду!»

Со мной сделалась истерика. Я потом долго не могла прийти в себя.

После этого я очень быстро познакомилась и с другими завсегда-таями площади — Буковским, Ковшиным, Котрелевым, Мишей Капланом, Толей Щукиным — это его стихи мне нравились больше всех. И с тех пор все они стали регулярно бывать у меня дома. Все-таки благословенные были времена! Познакомиться с человеком на улице, тут же привести его в дом — это казалось в порядке вещей и никого не удивляло. Мама¹ не только не имела ничего против моих новых друзей, но и очень полюбила этих ребят, а они ее. Помню, когда Володя Ковшин получил повестку, что он должен явиться в милицию, он с ней советовался — идти или нет. Решили, что в покое все равно не оставят — надо идти. «А что ты там будешь говорить?» — спросила его мама. И он, уже в дверях, накинув плащ, гордо ответил: «Я буду читать им стихи!»

...После площади шли ко мне, торчали у меня часто и до утра. Кофе, сигареты, и стихи, стихи, стихи... Разговоры шли те же самые, что и на площади, — о литературе, искусстве, философии. Самый большой эрудит был Коля Котрелев. Ему можно было задать любой вопрос и всегда получить ответ. Но если кто-то чего-то не знал, это никогда не было предметом каких-то насмешек, сарказма. Тем и хороша была наша компания, что все было откровенно, начистоту — никаких задних мыслей.

Конечно, говорили и о жизни, и о политике, но меня больше интересовало искусство, и они это понимали. Даже Володя Буков-

ский в моем доме редко рассуждал о политике. Он читал свои рассказы — по-моему, очень неплохие. Вообще, он был трогательный интеллигентный мальчик, с которым можно было обо всем, на свете поговорить. Помню, как он нам электричество починил...

Так длилось года два-три, а потом в моей жизни появился Леня², начался смогизм, и ребята с «Маяковки» как-то постепенно рассеялись. Кое с кем, конечно, и потом встречалась, но уже гораздо реже.

Зинаида Эскина

ЭТО БЫЛА ОБЫЧНАЯ, КАЖДОДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ...

«Салоны», в которые шли после площади, были самые разные. В некоторые из них приходили люди и старшего поколения (салон «мадам Фриде»). Были «салоны» элитарные, куда не каждому открывался вход, — салон Ю.Мамлеева (его постоянные посетители — с большой долей иронии — назывались сексуальными мистиками). Но в большинстве случаев хозяин придерживался известного цветаевского принципа: «Взглянул — так и знакомый, зашел — так и живи...»

Одним из таких — открытых всем — «салонов» была комната Зины Эскиной на Петровке... Впрочем, сама она считает, что по отношению к ее дому уместнее слово «явка».

Никто мне не рассказывал о «Маяковке», никто не звал туда, просто как-то шатались мы с Ковшиным по Москве и забрели на площадь, а там стихи читают. Я не очень удивилась. Наше поколение жило стихами: стихами вырабатывалось мировоззрение, росли души, стихами мы находили друг друга, стихами объяснялись.

В Москве тогда то и дело проходили вечера официальной, вернее, дозволенной поэзии: Евтушенко, Вознесенский, Ахмадулина собирали огромные аудитории. Конечно, они не затмевали в наших глазах подлинно великих поэтов: Пастернака, Ахматову (которые, к слову сказать, тогда еще здорововали), но в том, *что* они читали, был нерв времени — поиск, бунт, новизна. (Евтушенко, кажется, и на площади читал.)

Но, честно говоря, площадь мне запомнилась не стихами, а какой-то непрерывной бузой. Стихи были не столько хороши, сколько дерзки, завораживали эмоциональным напором, врезывались в память призывом, лозунгом, повелительной интонацией (как, например, «Человеческий манифест» Галанскова). Большинству же выступавших надо было просто что-то прокричать, заявить о себе. Отсюда и соответствующая атмосфера. Постоянно кого-то окружали, держали, отбивали, удирали от дружинников, отвязывались от «хвостов» — и все это весело, с выдумкой.

Настоящие чтения стихов бывали как раз в других местах. Соберемся с теми же ребятами, что были на площади, поедem за город — и на какой-нибудь поляне читаем. Без дружинников и драк. Или у кого-то на квартире. Часто и у меня. У меня иногда собиралась масса народа — человек до пятидесяти. Из комнаты выносили мебель, сидели на полу, впритирку. И читали, читали, читали — свое, чужое, классику. Помню Галанскова, Шухта, Ковшина... Из Ленинграда приезжал Бродский, тоже читал.

Это не были специально организованные поэтические вечера — это была обычная, каждодневная жизнь. Выпивали, разговаривали. И, конечно, не только о литературе, — интересы простирались довольно широко — история, философия, экономика. Несмотря на молодость (всем было по восемнадцать-двадцать лет) народ был хорошо образованный, эрудированный. Иногда до изумления, как, например, Гарик Суперфин, который (впрочем, как и многие другие) большую часть жизни проводил в библиотеках.

А вот быт не имел никакого значения: ели мало и что придется, одежду и обувь мальчишки покупали на Преображенском рынке за два-три рубля, девочки изворачивались кто как умел.

Отношения были абсолютно... не знаю, как сказать. По современным понятиям бескорыстными, но *тогда* никто не назвал бы их этим словом — настолько все было естественным, само собой разумеющимся. В распоряжении той компании, которая собралась у тебя сегодня, было все, чем ты располагал: деньги, еда, пишущая машинка. (Кстати, мало у кого были машинки, и потому работали они интенсивно и безотказно.)

Журналы, которые делались «маяковцами»: «Бумеранг», «Феникс» — тоже проходили через мою квартиру. Что-то нравилось, что-то нет, но перечитывалось обычно все. Отстукивались первые пять экземпляров и пускались в жизнь, из этих пяти вырастали двадцать пять — и шло дальше, как огонь.

Потом начались вызовы на беседы в КГБ, отчисление из институтов¹, аресты. Но страха не было.

Какие-то попытки себя внутренне подготовить, обдумать заранее систему поведения — да. Но не страх.

Аресты не удивили. Мы же с детства привыкли, что людей сажают ни за что, а эти ребята сознательно шли на риск.

Был уже не 37-й, а 61-й год. Мы не просто попадали под колесо государственной машины, а намеренно двигались ей наперерез. В качестве платы за удовольствие говорить громко то, что думаешь, не лгать, не играть в официальные игры, быть «живым и только» надо было быть готовым к невозможности получить бумажку об образовании, к увольнению с любимой работы, к тому, что власти начнут

настойчиво и жестко давить на твоих родителей (для многих это было особенно тяжело), а в пределе — и к аресту.

Когда сейчас спорят о роли шестидесятников в истории последних десятилетий, я всегда вспоминаю чьи-то тогдашние стихи:

Нет, не нам разряжать пистолеты
В середину зеленых колонн!
Мы для этого слишком поэты,
А противник наш слишком силен.

.....
Нет, не нам поднимать пистолеты!
Но для самых торжественных дат
Создавала эпоха поэтов,
А они создавали солдат.

Николай Котрелев

ЭПАТАЖНЫЕ СБОРИЩА МНЕ БЫЛИ ЧУЖДЫ

Игорь Волгин и Владимир Буковский, Аполлон Шухт и Владимир Осипов, Виталий Скуратовский и Эдуард Кузнецов — как ни различались их роли на «Маяковке», как — впоследствии — ни разошлись их жизненные пути, — все они вспоминают о площади с любовью и теплотой как об одной из самых прекрасных страниц в своей жизни. Казалось бы, что молодежь, влюбленная в искусство, в поэзию, не могла не тянуться к «Маяку», не относиться к нему с пиететом, и только ретрограды-консерваторы, ангажированные режимом комсомольские деятели и члены оперативных отрядов не видели в этих вечерних чтениях ничего хорошего. Однако жизнь не бинарная система: даже среди завсегдатаев «Маяковки» совсем не все были ее адептами.

Николай Котрелев, бывая на площади и дружа со многими «маяковцами», никогда не жил их интересами, ибо никогда этих интересов не разделял.

Самый образованный (кроме, разве что, Гарика Суперфина), погруженный — уже тогда — в искусство и философию Серебряного века, он смотрел на товарищей чуть снисходительно. Забывая, что любое явление (как в литературе, так и в жизни) нельзя судить по критериям, сложившимся в иные времена и при иных обстоятельствах. И еще о том, что каждому свое: кому-то сидеть в архивах, а кому-то бодаться с дубом.

...В доме у Алика Гинзбурга я познакомился с Юрой Галансковым, и он привел меня на площадь Маяковского. Эпатажные сборища мне были внутренне чужды, но мальчишеский азарт, видимо, на какой-то момент оказался сильнее, и я стал бывать там довольно часто. Никого из поэтов «Маяковки» я не ценил: ни Шухта, ни Ковшина, ни Щукина, ни Калугина. Помню, как читал свой «Человеческий мани-

фест» Галансков, — не задевало нисколько, хотя читал он с полной самоотдачей, быть может, даже граничащей с истерикой.

Но ребята они были приятные, с ними было о чем поговорить. Одно время я с ними дружил довольно тесно. Особенно светлые воспоминания остались у меня о Галанскове — удивительно чистый был человек. Подлинность и трогательность были и в Аполлоне Шухте. Его последующее решение уйти из литературы вызывает уважение. Думаю, что оно было продиктовано не прагматическими соображениями, а просто: отсохло и отсохло.

...Участвовать в «Фениксе» мне не хотелось ни в качестве автора, ни в качестве технического сотрудника. Тем более, что к этому моменту я уже перестал писать стихи¹, а печатать на машинке еще не научился. Они просили у меня статьи на исторические темы, но я тогда занимался письмами Лозинского к Дживелегову², а им нужны были какие-то фиги в кармане. Словом, не сталкивались.

Я потом видел уже готовый «Феникс». Видел и «Бумеранг» — большой лапоть форматом в целую страницу. Неряшливо, непрофессионально и графоманно — никакого другого впечатления от этих журналов не помню.

Кроме поэтов были на «Маяке» и так называемые (говорю по-ихнему, меня и тогда от этого слова коробило) политики. С одним из них, Осиповым, я был шапочно знаком еще раньше. Однажды он зазвал меня на какое-то толковище, которое он называл семинаром. Ни доклада, ни прений не помню совершенно. Но хорошо помню, что мне это показалось настолько бездарным, что я решил больше никогда на эти семинары не ходить. В доме Алика Гинзбурга, если и шел треп, то какой-то веселый, притягательный, а здесь — ни мыслей, ни молодого блеска, ни очарования.

«Политикам» никакая поэзия вовсе была не нужна. Они хотели печатать воззвания, купить автомат... еще какие-то глупости, которые заставляли сомневаться в их умственных способностях.

Помню разговор с Володей Ковшиным о том, что Осипов и, кажется, Кузнецов собираются убить Хрущева, — это был уже полный бред. Но мы с Володей тут же об этом забыли, потому что для него это было неинтересно, а мне казалось воплощенным идиотизмом.

Вообще, ни с Осиповым, ни с Буковским я старался о политике не разговаривать. (С Кузнецовым я не был знаком.) Политика у них была сделанная по советскому шаблону. Да они, собственно говоря, и не хотели ничего другого, как только усовершенствовать существующую систему. А я кожей и печенкой знал, что коммунизм нужно отменить сразу, весь и целиком. И все их идеи казались мне тупостью, пошлостью, запредельной бездарностью. Спорить с идиотами я не умел и не хотел. От всей этой ахинеи хотелось только бежать сломя голову.

ОНИ БЫЛИ ХУДОЖНИКИ, А НЕ БУНТАРИ

Юрий Стефанов, судя по его воспоминаниям, так же, как и Николай Котрелев, всегда относился к площади с изрядной долей скепсиса, ибо всегда был приверженцем высокого — не на злобу дня — искусства... Ему, конечно, лучше знать, но располагай мы только напечатанными в «Фениксе» его стихами, мы не обнаружили бы между ним и другими поэтами «Маяковки» существенного идейно-тематического различия. И поэтика не «выламывается» на общем фоне, не кажется чужеродной. Конечно, «Рушатся цепи прогресса...» не политическая агитка, это стихотворение о гибели культуры. Но и «Феникс» не сплошной агитплакат. А вот слова Ю.Стефанова про «разрушенный Будапешт» звучали как колокол, который звонил по каждому честному человеку. За ними — боль художника-бунтаря. Тогда эти слова писались через дефис и воспринимались отнюдь не как антонимы.

Году в 60-м на почве территориальной близости я подружился с Володей Буковским. Я жил в Левшинском переулке, а он — на Кропоткинской. Встречались довольно часто. И вот однажды приходит ко мне Володя с парой бутылок пива и спрашивает: «Что делаешь сегодня вечером?» — «Ничего не делаю». — «Пойдем на «Маяковку», там собираются ребята, стихи читают, давай послушаем». Сели — поехали.

Мне очень понравилось, что можно свободно читать, свое и чужое. Подходишь к памятнику — читаешь Хлебникова. Все аплодируют...

Никакой дисциплины не было. В этом углу площади кто-то горланит одно, в том — другой, размахивая руками, еще что-нибудь. И в это самое время на постаменте Илюша Бокштейн (хорошо помню его внешность, манеру говорить, тихий голосок) объясняет, чем плоха советская власть.

Кто-то читал про Будапешт, растоптанный танками...¹ Несмотря на то, что я был настроен на восторженное восприятие, задавить в себе критика было выше моих сил — наверное, сказывался профессионализм. (Хотя я тогда еще не печатался.)

За такую скоморошину,
Откровенно говоря,
Мне свинцовую горошину
Ждать бы от секретаря² —

вот это мне, действительно, понравилось, я тогда не знал, что автор этих строк — Ахматова. А все эти танки и портянки³, честно говоря, имели весьма косвенное отношение к поэзии.

Тем не менее я стал бывать на площади — привлекало бурление юной жизни. Для меня было в общем-то безразлично, в гости пойти

или на площадь. Я мог поехать к моему другу Лене Прихожану, а мог, вместе с ним, — на «Маяковку». И с другими моими приятелями: Володей Ковенацким, Гариком Суперфином — мы тоже иногда там встречались.

...Я давал Буковскому массу своих стихов, но совершенно не интересовался их дальнейшей судьбой. Только через несколько лет Володя показал мне «Грани» (не обычного большого формата, а маленькую книжечку, удобную для перевозки через границу)⁴, где была напечатана моя дурацкая поэма «Песнь о пауке»⁵, ужасно перевернутая. Я спросил, причитается ли мне за это на бутылку, — Володя улыбнулся: «Ни Боже мой!» Спрятал в карман и унес.

Так что мое участие в самиздате совершенно случайно. У меня никогда не было желания во всеулышание сказать властям, кто они есть. Раз навсегда было ясно, что черное, что белое, и совершенно незачем было об этом кричать на всех перекрестках. Я, конечно, считал себя антисоветчиком, но пассивным. Хотел не свергнуть строй, а сохранить в нем душу живу.

Другое дело — Буковский. То придет он ко мне с двумя мрачными ребятами и объявит: «Это моя тайная охрана. Мы будем устраивать террористические акты», то явится с бутылкой пива, изображая гусара, кинет ее с пятого этажа и скажет: «Я взорву XXII съезд партии»... Все это было несерьезно, фарс какой-то...

Я любил над ним подтрунивать: «Время прошло, а Кремль стоит. Как же так?» — А он мне подыгрывает: «Отложили».

Кем он интересовался всерьез, так это, как ни странно, Герценом. Он считал, что Герцен — при всей разнице масштабов — прошел тот же путь, который проходит он, что методы Герцена могут оказаться полезными в приложении к советской действительности, что «Колокол» очень показательная вещь... Тактика борьбы — это, по-моему, главное, на чем держался его интерес к Герцену.

...А меня гораздо больше интересовал Розанов. Философия, искусство, а не политика. И большинство моих друзей, в том числе и те, которые ходили со мной на площадь, были художники, а не бунтари.

Стихи, звучавшие на площади

Юрий Стефанов

Рушатся цепи прогресса
Под ветром черных тревог,
Чашу зари перевесил
Мрак первобытных эпох.

О, сколько ты, тьма, изломала
Взлетов борьбы и надежд:
Сожженная Гватемала¹,
Разрушенный Будапешт.

Земля, ты желала мира,
Так вот получай свой мир:
Военные будни Каира,
В огне перестрелок Алжир².

И вновь полыхают грозы
Предвестьем последней грозы
По бухтам зеленой Формозы,
По заводам древней Янцзы³.

А дальше, в грохоте бури,
Смеется сквозь пламя и снег
Гориллой в звериной шкуре
Грядущий каменный век.

Его волосатая грива
И жуткая глаз глубина
Волной водородного взрыва
Над пропастью лет рождена.

Шагают, шагают солдаты.
Война — от копья до ракет.
Земля, для чего же тогда ты
Растила нас тысячи лет?

История мутным течением
Смывает для целей иных
Полотна твоих Боттичелли
И музыку Бородининых.

И светлые даты конгрессов
И годы военных тревог.
И рушатся цепи прогресса
Во мрак первобытных эпох.

КУЛЬМИНАЦИЯ

...все это были самые обыкновенные и самые частые, не раз уже слышанные... молодые разговоры и мысли.

Ф.М.Достоевский

Осень 1960—лето 1961 — самый активный, самый насыщенный событиями период «Маяка». Именно тогда на площади появились (или активизировались) почти все герои этой книги: в августе 1960 года возвращается из «психушки» Анатолий Иванов (Новогодний), в сентябре приходит Буковский со своими друзьями, несколькими месяцами позже — Эдуард Кузнецов и Виктор Хаустов.

Стихи на площади становятся все более дерзкими, поведение «маяковцев» все более вызывающим: непрошеными гостями внезапно врываются они в ЦДЛ, редакции журналов, на вернисажи официальных выставок — эпатируя верноподданную публику, внося сумятицу в хорошо спланированные мероприятия, подчас и срывая их.

Разговоры в «салонах» принимают все более и более «крамольный» характер, на семинарах ставятся под сомнение самые основы социалистической экономики и политики СССР. И — в довершение всего — возникают какие-то тайные организации, тайные сходы, на которые допускаются даже не все завсегдатаи «Маяковки».

Надо ли говорить, что власти не могли и не хотели терпеть подобное.

В сентябре 1960 года в «Московском комсомольце» (газете, которая за два года до того тепло отзывалась о чтениях на площади) появился фельетон «Жрецы помойки № 8», автор которого Р.Карпель обрушился на Анатолия Иванова (Рахметова), центральную фигуру «Маяка» в 1958–1960-х, и его друзей, не говоря, впрочем, ни слова о чтениях на площади. Почему? Похоже, что власти еще не решили: взять ли «Маяковку» под строгий контроль и, устранив «наиболее злостные» элементы, перевести ее в некое приемлемое для режима русло (например под райкомовский пригляд) или покончить с ней окончательно и бесповоротно без всяких условий.

...А пока на площадь и в окружение лидеров «Маяковки» засылается все больше и больше стукачей, действия оперотрядов — в соответствии с получаемыми инструкциями — становятся все более и более жестокими и циничными. 14 апреля 1961 года на площади — настоящее побоище, после которого не осталось сомнений: «Маяк» долго не существует.

Весной 1961-го на «Маяковке» складываются группы (не вовсе изолированные друг от друга), ищущие каждая свой путь.

Владимир Буковский и его окружение пытаются сохранить свою независимость и самостоятельность под эгидой райкома. (Впрочем, Буковский одновременно подумывает и о нелегальной типографии.)

Юрий Галансков, Виталий Скуратовский, Валерий Качанов (последний принимал участие и в клубной затее) делают ставку на самиздат.

Осипов, Новогодний, Кузнецов, Хаустов стремятся бороться с большевиками традиционными методами революционного подполья.

Разумеется, «подполье» было очень быстро раскрыто. 6 октября 1961 года арестованы Владимир Осипов, Эдуард Кузнецов, Анатолий Иванов. Этот день можно считать концом «Маяка».

Владимир Осипов

ПЛОЩАДЬ МАЯКОВСКОГО, СТАТЬЯ 70-я

Из мемуарного очерка

Владимир Осипов не только активный деятель, организатор, но и первый историограф «Маяковки». Его обзорный очерк «Площадь Маяковского, статья 70-я» (1971) долгое время был единственным источником сведений о том, что происходило на площади в 1958–1961 годах.

Публикуемые нами фрагменты из этого очерка высвечивают некоторые факты, которые попали — искаженные донельзя — в фельетон Р Карделя.

На протяжении 1958–1960 гг. Иванов (Рахметов) много сделал для сближения творческой молодежи. Его роль на первом этапе площади Маяковского значительна. Он сознательно отграничивался от политики и всю энергию посвящал исключительно пропаганде искусства. Лучшие образцы русской дореволюционной поэзии, творчество поэтов, гонимых в период культа личности, стихи современников, особенно не печатающихся, — все это было в центре забот Анатолия Иванова. <...>

Вместе с тем в первой половине 1960 г. заметно усилился интерес к «подпольной» живописи. Я имею в виду импрессионистов, экспрессионистов, формалистов, абстракционистов. Впрочем, под абстракционизмом мы понимали лишь беспредметную живопись, как, например, живопись Кропивницкого. Живопись Оскара Рабина, В.Я.Ситникова, Вейсберга, конечно, не укладывалась в рамки представлений администраторов, но абстракционистской, мы ее назвать не могли. В пропаганде этих художников среди московской публики мы часто ссылались на польских художников и, в особенности, на творчество коммуниста Пикассо.

Вместе с Анатолием Ивановым и кругом наших однодумцев я организовывал выставки этих художников на частных квартирах¹. <...>

С середины 1960 г. наступает второй и последний период площади Маяковского — «Маяка». Наша компания обрастала новыми людьми. Среди нас появился «начинающий писатель» Яценко. Однажды после знакомства на выставке английской живописи² мы договорились о встрече с другой компанией. Встретились у памятника Горькому. Тут оказался и Яценко. Мы думали, что он из их круга, а наши знакомые сочли его «нашим». Яценко оказался осведомителем. Был ли он «общественником» или получал зарплату, — я не знаю. Самое смешное, что ему нечего было показывать, кроме как о наших взглядах на живопись и литературу. Мы как раз собрались по примеру Гинзбурга издавать машинописный журнал. Только не с

одними стихами, а «по-настоящему»: критику, прозу, поэзию, хронику и т.д. Но вскоре по доносу Яценко нас, одного за другим, стали вызывать на допросы. Поскольку у нас никакой политикой не пахло, дело ограничилось погромной статьей в газете «Московский комсомолец» от 29 сентября 1960 г. — «Жрецы “Помойки № 8”» Р.Карпеля. Статью предваряло «письмо в редакцию» В. Яценко. <...>

Кстати, Яценко именовал меня Виктором, и под этим именем я оказался у Карпеля! <...>

Роман Карпель

ЖРЕЦЫ «ПОМОЙКИ № 8»

Фельетон

Уважаемая редакция! С детских лет я увлекался искусством. Часто посещаю выставки картин, Третьяковскую галерею, музеи. Летом этого года мне пришлось побывать в Музее изобразительных искусств имени Пушкина. Здесь на выставке работ Ю.Периха¹ я познакомился с одной девушкой. Вначале она произвела на меня хорошее впечатление. Мне показалось, что она многое знает и дружба наша будет обоюдно полезна.

Позже девушка ввела меня в круг своих знакомых. Меня удивила их развязность, но девушка уверяла, что они-то и есть настоящие ценители искусства, что встречи с ними мне будут полезны. Так однажды я очутился на дому у художника Оскара Рабина. И то, чему я стал свидетелем, то, что пришлось мне увидеть, настолько меня ошеломило, что я еще долго не мог прийти в себя. Я убедился, что все эти люди — Анатолий Иванов, Игорь Шибачев, Оскар Рабин и другие — никакого отношения к нашему советскому искусству не имеют и не могут иметь. То, что ими превозносилось, оказалось гнуснейшей пачкотней наихудшего абстракционистического толка. Не говоря уже о том, что «произведения» Рабина вызывают настоящее физическое отвращение, сама тематика их — признак его духовной убогости. Как самое лучшее «творение» он выдает свою, с позволения сказать, работу «Помойка № 8»². Судите сами, как широк кругозор этого отщепенца!

Но вот «приятели» мои обо всем этом и о самом Рабине мнения иного. Только тут, в гостях у него, я понял, что вся эта группка молодых людей — духовные стилиаги, пустые, оторванные от жизни, наносящие вред нашему обществу. Так же, как Рабин, они топчут все светлое, человеческое. Их суждения о жизни и искусстве могли бы показаться бредом сумасшедших, если бы я не был уверен, что они люди нормальные. Анатолий Иванов, например, пользующийся в этой группе славой «теоретика», проповедует какое-то «абсолютное искусство», а наше советское реалистическое искусство объявляет отжившим, никому не нужным.

Я знаю некоторых ребят, которые уже попали под влияние этой группки, в том числе и под влияние Анатолия Иванова. Они учат своих новичков вести такой же паразитический образ жизни, как ведут сами, вдалбливают им в головы свои бредовые идеи, отрывают их от жизни.

Я не могу об этом больше молчать и потому пишу вам...

В.Яценко

* * *

И вот мы беседуем с одним из этой группки, с тем самым «теоретиком» так называемого «абсолютного искусства» Анатолием Ивановым.

Слушаешь его, смотришь на него и диву даешься! Молодой, с высшим образованием, юрист по специальности, комсомолец — откуда у него вся эта ересь? Сам чувствуя себя во всех этих вопросах, как топор в реке, сознавая это и признаваясь в том, он тем не менее отстаивает свою нелепую мысль, называя себя «непонятым», «новатором-одиночкой», «открывателем нового видения мира».

В том-то и беда его, что, имея глаза и уши, он ничего не видит вокруг, ничего не слышит, не понимает. Оторванный от самой жизни, блуждающий по ней слепцом и в одиночку, он сам себя оглупил, себя же самого духовно ограбил.

Теперь ясно, почему так случилось. Человек без принципов, без настоящих исканий, Анатолий Иванов, он же по псевдониму Рахметов (!), не задумывался о своем месте в жизни. Он с усмешкой вспоминает, что пошел учиться на юридический факультет не потому, что чувствовал призвание к этому, а просто так, «лишь бы» где-нибудь учиться. «Это же все-таки легче, чем работать», — заявляет он. Став юристом, он ни одного часа не отдал делу, которому пять лет учился. Он слонялся по Москве, по стране в поисках местечка потеплей и поуютней, где бы с него меньше спрашивали.

— Если меня назовут лодырем, бездельником, — говорит он, — родители мои обидятся.

Но как не причислить его к таким, если нигде он подолгу не задерживался, перескакивая с одной работы на другую? То ему не нравилось само дело, то люди были, по его мнению, неподходящие, то просто он «уставал» и потому разрешал себе вновь и вновь многомесячный отпуск. Сейчас Анатолий Иванов опять на новом месте — он товаровед Госторгиздата. Но и тут, по его собственному признанию, ему не по душе. Мнящий себя над всеми, он решил «вознестись» в мир искусства.

Но стоит лишь раз ознакомиться с его «сочинениями» в этой области, как становится ясно: вот уж и в самом деле сел человек не в свои сани!

Впрочем, в этих чужих санях нашлось место и еще кое-каким седам. Но об этом позже. Пока же разберемся, что значит «абсолютное искусство», что оно представляет собой, кому оно, по идее Иванова, должно служить.

Оказывается, достаточно, например, стукнуть кулаком по столу, как «абсолютное искусство» (в данном случае «абсолютная» музыка) уже налицо. Чайковский, Бетховен, Моцарт, оказывается, занимались не тем, чем нужно. Мелодии, гармония, темп, ритм — совершеннейшие пустяки. Шум, грохот, визг, скрип, скрежет — вот музыка. Она должна оглушать, лишать человека чувств, она должна давить его, валить наповал.

То же и в изобразительном плане. Только цвет, наслоения цветов, пятна цветов — и ничего больше. Правда, в скульптуре, как исключение, допускаются линии — треугольники, квадраты, ромбы.

Под эту «теорию» Иванов пытается подвести философскую базу. Все, что было создано гением человека, не нужно. Человек — примитив, он ничего не может. Все, что переходило от одного поколения к другому как величайшее завещание бессмертия человеческого духа, излишне. Человек — примитив, он ничего не помнит. Единственное лицо, единственная школа, у которой еще можно кое-что почерпнуть для развития «абсолютного искусства», — это Малевич³. Да, тот самый Малевич, родоначальник абстракционизма, который утверждал, имея в виду себя и себе подобных: «Мы — примитивы XX века».

Сам питаюсь реальным хлебом, шагая по реальному асфальту, спускаясь в реальное метро, Иванов заявляет, что реально лишь то, чего нет. Но, кажется, подобное мы уже не раз слышали? Не отдает ли от этой «концепции» поповским душком? По «теории» Иванова, человек — примитив, по поповским утверждениям, человек — тварь, раб божий. Не отдает ли от ивановской «концепции» душком реакционной буржуазной идеологии? Что нового в сравнении с ней внес он в свою «теорию»?

И верно, Иванов сам признается:

— Основное положение «абсолютного искусства» состоит в том, что оно вне политики.

Вот, оказывается, что открыл сей «теоретик». Но ведь это же и действительно чужие сани! Реакционные писатели всех мастей всегда и всячески старались на этих скрипучих санях увезти искусство от жизни, отвлечь народ от борьбы за свои идеалы, помешать ему стать хозяином своей судьбы.

Сознательно или несознательно, но именно эту философию преподавал несбывшийся юрист, посадив в старые и грязные розвальни своих не оперившихся еще седоков. Вот, например, 17-летний Виктор Калугин. Он, как го-

ворится, из молодых, да ранний. Кое-как дотянув до порога 10-го класса⁴, он отвернулся от учебы, решив, что самой судьбой ему предназначено быть великим писателем. Так же, как Иванову ни к чему Чайковский и Репин, этому юнцу лишними показались наука и труд. Оставив школу, он упорно искал тех, кто бы, наконец, признал его «талант». Таким как раз и оказался «основоположник» «абсолютного искусства» Анатолий Иванов.

Не очень отличается своей биографией от Калугина и второй седок — 19-летний Игорь Шибачев. Правда, этот не желает быть ни «теоретиком», ни «великим писателем». Он — «великий редактор», «великий издатель»: он призван донести до масс «шедевры» «абсолютного искусства».

И вот новоявленные примитивы XX века трогаются в путь. Дорога ведет их под Москву, в Лианозово, где обитает в небольшом захламленном домике знакомый Иванова — некто Оскар Рабин.

Когда-то были у него слабые способности к рисованию. Но желание славы оказалось намного выше его возможностей. А посредственностью слыть так не хотелось! И выход нашлся. Много ли таланта нужно для того, чтобы ляпать кистью как заблагорассудится? Он начитался всяких западных журналов и книг о «творчестве» абстракционистов. Даже макаки и шимпанзе, узнал он, рисуют «картины». Неужто ж он хуже?

И стал Рабин «творить». Прислушаться бы ему вовремя к трезвому голосу товарищей, спросить бы себя самого: «А куда ты идешь, Оскар?» Но ему нужна была слава!

— Не поймут меня в родном отечестве — заявлял он, — найдутся те, кто поймет меня там.

«Там» — это на Западе. И в угоду «тем» он продолжал ляпать свои бредовые картины, отображая, как он говорил, самое «истинное и сокровен-

ное» в мире. Что же привлекало и привлекает внимание этого «творца»?

Вот мрачный и грязный холст, глядя на который чувствуешь, как тошнота подступает к горлу. Нет, это не оттого, что понимаешь, что на холсте. Видишь какие-то обглоданные кости, что-то отвратительно переплетающееся, какие-то черные отростки. Но что же это? «Картину» ставят вертикально, перевертывают так и этак. И только прочитав жирную надпись «Помойка № 8», узнаешь «идею» и «содержание» этого поистине шизофренического «полотна».

Подобными «шедеврами» в надежде на то, что «там» о них узнают, их заметят и оценят, завалена вся его обитель. Но дни идут, проходят недели, месяцы, годы — никто — никто в дверь не стучится⁵.

И вдруг — чудо! Пожаловали к нему сами «великие» деятели «абсолютного искусства». Хотя и их воротит от созерцания «шедевров» Рабина, но они стойко переносят это. Ведь искусство требует жертв, и они готовы вступить в союз с отшельником, лишь бы прибыло к ним седоков.

И теперь саночки Иванова трогаются дальше. Они останавливаются у стендов английской и других зарубежных выставок, где экспонировалась мазня абстракционистов. Тут всегда, с утра и до позднего вечера, болтались пяток-десяток гривастых юнцов, которым дороже отца и матери всякая дребедень с заграничным клеймом. Вот небезызвестный Виктор Осипов. Года два назад за «соответствующий» образ жизни он был исключен из института. Увы! К работе руки его не потянулись. Вот почему и на этот раз свой свояка узнал издали⁶.

Нет, таких «свояков» нашлось все же немного. Это инженер Игорь Губерман, известный тем, что он был одним из вдохновителей и организаторов грязных рукописных листков «Синтаксиса».

Сей «деятель», дутый, как пустой бочонок, надменный и самовлюблен-

ный, не умеющий толком связать и двух слов, все еще питает надежду на признание.

Глава о «деятельности» на поприще «литературы» настолько обрадовала Анатолия Иванова, что он решил приобщить его к своей «теории».

А где Игорь Губерман — там и его ближайшая помощница Рита Петросян. Правда, ей не удалось печататься в «Синтаксисе», но ведь идея «абсолютного искусства» ей также по душе!

Вот, пожалуй, и все седоки саней Иванова. Тщеславны, однако, попытки всех седоков сдвинуть эти саночки с места.

Но наш рассказ о жрецах помойки был бы не полон, если бы мы не сказали пару слов об одном из них, который, однако, в ивановские сани садиться не хочет, а ходит пешочком. Он сам считает себя теоретиком и короны «основоположника» уступить никому не хочет. Но кто же он? Что именно он «основоположил»?

Есть во ВГИКе такой студент — Александр Васильев. Он готовится стать киневедом, а пока пишет трактаты, в которых излагает принципы своей будущей «художественной» деятельности. Вот одна из его работ, озаглавленная: «Про нужный сегодня кинематограф». То ли из соображений скромности, то ли по какой-либо другой причине «труд» этот подписан псевдонимом «Кисс». И вот что Кисс пишет:

«Большинству людей необходим раздражитель. Наиболее сильный и массовый раздражитель — физиологический. Цветом — по глазам, звуком — по слуховому восприятию, кинематографом — по первичным инстинктам». И дальше: «На первичные инстинкты сильнее всего действует натуралистическое искусство».

Так и пишет этот Кисс — Александр Васильев!

Читателю ясно теперь, что с Ивановым и его седоками Киссу тесно в

одних санях. Вот почему он ходит пока пешочком, хотя уже тоже свернул на чужую тропку. На чью именно — догадаться нетрудно. Все на ту же тропку, что ведет в болото растленной буржуазной идеологии.

Спрашивается, знают ли во ВГИКе об этом Киссе⁷? Что может создать такой человек, если он сознательно ставит перед собой задачу «действовать» на первичные инстинкты?

Нет, не комариный писк хилой кучки бездельников по поводу бредового «абсолютного искусства» нас беспокоит. Нас тревожат судьбы этих незадач-

ливых «оригиналов». Ведь их обшая характеристика — это руки, не привыкшие трудиться, головы, не привыкшие думать. А нужно все-таки заставить их добывать хлеб в поту, научить их думать. Тогда они поймут простое и ясное: тот, кто не с нами, тот против нас. Никакой середины нет, не было, быть не может. И чем раньше они это поймут, тем будет у них больше времени, шагая в ногу с народом, трудясь для счастья его, заработать себе добрую славу честных и скромных тружеников.

А в чужих санях, да еще разваливающихся, далеко не уедешь!

Игорь Губерман

ВСЕ МЫ БЫЛИ ТОГДА МОЛОДЫЕ ЩЕНКИ...

Воспоминания Игоря Губермана, как и фрагменты из очерка Владимира Осипова, — прекрасный комментарий к фельетону Р. Карпеля.

...Ну, что можно сказать? Вонь — и вонь. И сейчас, через тридцать пять лет, воняет. Никакого В.Яценко я никогда не знал и к Рите Петросян не имел никакого отношения. Полный бред. А как можно комментировать бред? Рассказать, что было на самом деле? Да я мало что помню... Попробую.

...Году в 59-м познакомился я с Сашей Гинзбургом, и мы задружились. Я принес ему какие-то стихи для второго номера «Синтаксиса»; потом как-то по служебным делам (я тогда работал инженером) оказался в Питере и оттуда привез всю третью книжку. К четвертой (ее Саша не успел сделать) написал предисловие, где много говорил об Игоре Шибачеве — это был очень талантливый молодой художник, ученик Васи Ситникова.

...У Саши всегда было полно народа. Разговоры, разговоры, разговоры... Но о политике практически не говорили. Зачем? Мы все одинаково относились к большевикам, и обсуждать их пороки считалось бессмысленным. У нас были гораздо более интересные темы — литература, искусство... постоянно читали стихи. Помню, как Рустем Капиев читал Пастернака. Наташа Горбаневская, Саша Аронов, Юра Галансков — свои.

Галансков читал с подъемом, нервно, но сами стихи... Вот он как раз любил поговорить о политике. Меня, помню, поразил его край-

ний экстремизм: о советской власти он говорил так, как все остальные о фашизме, утверждал, что наши функционеры не люди...

Сам он производил впечатление человека нездорового. Я, разумеется, не хочу сказать, что его надо было бросать в «психушку» (как это делалось)¹, но такие состояния психиатры называют пограничными.

После того как Сашу арестовали, Галансков решил возродить «Синтаксис» и стал делать «Феникс». Он просил меня как-то помочь ему: то ли что-то написать, то ли привезти чьи-то стихи — уже не помню. Но что-то мне резко не понравилось, и я не стал участвовать в этом журнале. Потом я видел его уже готовым — очень низкий уровень. (Правда, там были стихи Красовицкого, но я тогда их не понял.)

...Гинзбург отвез меня в Лианозово — потом я уже много там бывал, и у Оскара, и у его тестя...² Иностранцы в те времена уже «стучались в двери» к ним довольно активно, покупали их работы. Холин и Сапгир читали там свои стихи... Именно в Лианозове я познакомился с совершенно замечательными людьми: Леонидом Ефимовичем Пинским, Григорием Соломоновичем Померанцем... Хорошо там было.

Бывал в Лианозове и Толя Иванов, с которым я тоже познакомился у Гинзбурга. А потом, когда Сашку посадили, я стал бывать у Толи дома. Помню, мы с ним разговаривали о каких-то социологических вопросах, о том, как проводятся наши социологические исследования, о подтасовках — меня тогда занимали эти проблемы: я начинал заниматься социальной психологией. Помню, меня поразило, что Толя совершенно не интересуется тем, что в этой области сделано до него, — только собственными теориями.

...Был ли Иванов теоретиком «абсолютного искусства»? Во всяком случае, он считал себя таковым. Все мы были тогда — в той или иной степени — теоретиками, а что такое «абсолютное искусство», я, право, не знаю. Все мы интересовались любым искусством, кроме искусства социалистического реализма. На стенах в его комнатушке-пенале висели Харитонов и Вейсберг — так они у многих тогда висели, что-то я не помню, чтобы кому-то хотелось иметь Александра Герасимова³.

Однажды он дал мне почитать какой-то свой трактат — это было очень плохо и запутанно. Больше я не просил, а он не предлагал.

...Толя был очень общительный, но многословный, нервный. Разговаривать с ним было непросто: он мог — вдруг — повернуть на совершенно другую тему. Он тоже явно был душевно нездоров, но иначе, чем Галансков, в нем не было ничего паранойяльно-трибунного — какая-то тихая шизоидность. У него дома собирался какой-то кружок, где обсуждались какие-то политические вопросы, но поскольку меня это не интересовало, то я туда и не ходил.

...Знал ли я о его деятельности на площади Маяковского? Знал, что он там бывает, о «деятельности» не знал. Я и сам пару раз туда забредал, слышал, как подвывали какие-то очень плохие стихи — меня это совершенно не интересовало.

...На чем держалась наша дружба?.. Он был симпатичный, забавный, а мы все были тогда молодые щенки и лезли обнюхиваться...

Леонид Прихожан

ПОСТУПИЛО ТАКОЕ УКАЗАНИЕ...

Леонид Прихожан появился на площади по заданию командира оперативного комсомольского отряда... И предпочел площадь и новых товарищей комсомольским рейдам по борьбе с проституцией и «фарцой». Подружившись с Буковским, он участвовал во многих его начинаниях. В том числе и в попытке организовать в стенах райкома комсомола свободный молодежный клуб.

...Однажды меня вызвал командир нашего городского оперативного отряда при МК комсомола¹ — Виктор Васильевич Володин и сказал: «На площади Маяковского постоянно собираются какие-то ребята и читают стихи. Там бывают и иностранцы. Сходи, посмотри, что это такое». Я пошел, мне очень понравилось. И я доложил: «Замечательные ребята читают замечательные стихи. С удовольствием буду туда ходить». — «Вот и ходи». Мне стало ясно, что «наверху» (в горькоме партии) интересуются «Маяком».

Я стал регулярно бывать на площади. Было особенно интересно, когда читали стихи ранее запрещенных поэтов. Именно там я впервые узнал о существовании целого пласта русской поэзии: Гиппиус, Мережковский, Волошин... Часто читали Мандельштама, Пастернака. Кто-то рассказал о том, что такие-то поэты расстреляны большевиками... Володя Могилевский, например, любил читать стихотворение «Памяти Гумилева».

Эта ночь раскидала огни,
Неожиданная, как беда.
Так ли падает птица вниз,
Крылья острые раскидав...²

Володя скромно выдавал его за свое, и только позже выяснилось, что автор — Павел Коган.

Цветаеву я научился понимать после того, как услышал ее в исполнении Севы Абдулова. Он прекрасный чтец, умеющий «донести» самого сложного поэта... Другие ребята читали Слуцкого, Антокольского...

Выступали, конечно, и со своими стихами. Далеко не всегда хорошими. Я уже тогда любил и неплохо знал поэзию, и потому тот же «Человеческий манифест» Галанскова, мягко говоря, не приводил меня в восхищение. Уже первые строчки: «Все чаще и чаще в ночной тиши я начинаю рыдать...» как-то сразу отталкивали. «Рыдали» в XIX веке. В XX нужны какие-то иные глаголы. И поэт должен это понимать... Наверное, он был прекрасный человек (я знал его довольно шапочно).

...На «Маяке» была масса народу. Когда человек приходил туда, он сразу находил «своих», потому что разных групп (разумеется, неформальных, без списков членов) было очень много. Одни кучковались вокруг Галанскова, другие вокруг Щукина — поклонники его таланта; вокруг Ковшина, по-моему, тоже постоянно кто-то был.

И каждый приходил на площадь с какой-то своей целью: кто-то просто ради общения, кто-то послушать или почитать стихи (я своих стихов почти никогда не читал — знал им цену), поспорить. Кто-то ради самиздата — там постоянно передавались из рук в руки какие-то перепечатки. Кто-то кадрил девочек, кто-то организовывал какие-то литературные сообщества, кто-то собирал единомышленников для свержения советской власти, кто-то искал авторов для журналов — там много журналов «издавалось»: «Феникс», «Альянс», «Коктейль».

Был там очень смешной рассказ Скуратовского о том, как человек, несший крышку гроба, ненароком пристроился не к той процессии и что из этого вышло...³

... Думаю, что у большинства никаких сверхценных идей не было. Просто на площади было интересно: нет казенщины, занудства, формальностей — это само по себе уже привлекало. Лично мне просто нравились люди, с которыми я там познакомился: Володя Буковский — очень добрый, чистый и обаятельный человек, бунтарь, но без всякого тщеславия: он всегда предпочитал оставаться в тени, даже в тех компаниях, где его любили и ценили (когда несколько лет назад он в какой-то телепередаче учил, как спасти Россию, — я его с трудом узнал); Боря Авксентьев, Володя Могилевский — мой будущий соавтор, Аполлон Шухт — чистую рубашку на нем я впервые увидел несколько лет спустя, после того, как он женился на моей соседке Наташке Смирновой; Алина Турич, царство ей небесное, святой была человек; Дима Гладилин — друг и «начальник охраны» Буковского. (Какая охрана? Зачем? Я слышал, что за Володей идет какая-то слежка, какие-то «хвосты», но все было ужасно секретно, и подробностей этой конспиративной схемы я не знал — я ведь с самого начала честно предупредил, что работаю в оперативном комсомольском отряде.)

Ничего предосудительного мы не делали. Никаких злодейских планов у нас не было. Даже по меркам тех времен. Какие-то мальчишеские игры — другое дело. Володя, например, любил хлопушки делать. Смешает белый фосфор с красным, и получается взрывчатое вещество. Однажды, когда он на лестнице в своем подъезде готовил эту смесь, фосфор тряханул — и пришлось мне везти его в глазную больницу. Слава Богу, обошлось...

Тем не менее КГБ его пасло. Однажды ночью мы с ним сидели на Суворовском бульваре, разговаривали. «Вот ты, Володя, все время говоришь, что нужно сменить власть. Ну, допустим, станешь ты главой правительства — и что?» — «Избави Бог, кровушки-то прольется...» Все это, конечно, просто треп был. Но, когда его вызвали на допрос, ему слово в слово пересказали этот разговор. А мы ведь были вдвоем, и вокруг нас — никого. Значит, как-то дистанционно прослушивали. Володя объяснил мне, что технически это возможно.

...Когда я прочитал его книгу «И возвращается ветер...», то с удивлением узнал, что, оказывается, еще в детстве он состоял в какой-то тайной организации...⁴ Мы несколько лет были близкими друзьями, чуть ли не каждый день встречались... Но, может быть, он мне не обо всем говорил.

...Как-то раз, еще в самом начале нашего знакомства, пришел ко мне Володя и сказал, что над «Маяком» сгущаются тучи и надо спасать наш Гайд-парк. (У него были какие-то связи, и он раньше меня узнал об опасности.) А через неделю-две вызвал меня Виктор Васильевич — «На “Маяке” больше не появляйся». В отряде была железная дисциплина, но на сферу личных отношений она не распространялась, и я ответил: «Это мое личное дело». — «Нарвешься на неприятности». Но я был упрямый юноша и, конечно, не прислушался к этому совету. (Если это был совет.)

При следующей встрече с Володей я сказал ему: «Что-то действительно затевается». Мы — Буковский, я, Боря Авксентьев, Володя Могилевский, Дима Гладилин — собрались у меня дома и стали держать совет. Решили 14 апреля, в день смерти Маяковского, организовать (именно организовать, раньше все происходило стихийно) чтения на площади. Мы знали, что имеется указание не допустить «сборища». Все подходы к площади перекроют, для чего будет задействован и мой отряд, и дружинники, может быть, и милиция, может быть, и Комитет, — и мы разработали контрплан, который и был блистательно исполнен.

Все было расписано по минутам. Без пяти семь на площади не было ни одного человека. Ровно в семь подъехал такси, из которого вышли двое и поставили к памятнику корзину цветов — по этому сигналу с Брестской улицы, из сада «Аквариум», из всех подворотен

хлынули толпы, которые смяли дружинников. Всех, кто должен был читать, взяли в кольцо, с наружной стороны которого встали ребята из спортклуба МГУ (их заранее пригласил не то Буковский, не то Авксентьев). Что было делать дружинникам? Устроить драку? Иностранцев много. Неприлично, некрасиво. (Тогда еще они все-таки стеснялись.) Вечер прошел по полной программе⁵.

...Дальше началась война с переменным успехом. Мне пришлось сдать свое удостоверение члена отряда и значок с изображением Дзержинского (его можно было купить в любом киоске, но мы носили его с гордостью). Я всерьез не мог уразуметь, что я или мои новые друзья сделали плохого? Почему нельзя читать стихи на площади? Никакого антисоветского содержания я в них не видел. Кто сказал, что «Человеческий манифест» про социализм, а не про капитализм?

...Я ушел из отряда, но остался со всеми в хороших отношениях. Человек уходит потому, что у него есть своя точка зрения, — к такому поступку отнеслись с уважением. Володин и сам не очень понимал, почему нельзя читать стихи, — просто поступило такое указание.

Мы с Буковским и Могилевским стали шляться по всяким кабинетам и объясняться по поводу «Маяка». Были даже у нынешнего министра культуры Евгения Сидорова — он тогда в МК комсомола работал. (К нему мы с Севой Абдуловым ходили.) Мы говорили: «Конечно, среди выступающих на площади есть разные люди, в том числе и психопатические. Никто не может за них отвечать. Но из-за них не должны страдать все остальные»... И тут возникла идея клуба.

В Московском горкоме комсомола работала Тамара Сурина. Она отнеслась к нам очень доброжелательно, помогла связаться с Киевским райкомом комсомола. Там с нами охотно встретились несколько человек, в том числе и секретарь райкома Тамара Голубцова⁶, очень хорошо нас приняли, сказали: «Вот вам клуб Горбунова, делайте там, что хотите». Мы охотно согласились. Решено было создать «Клуб любителей искусств» с несколькими секциями: живопись, литература, музыка и пр.

Литературная секция должна была выпускать журнал. Я был редактором. Уже собирался материал: стихи — мои, Ковшина, Миши Каплана, Аполлона Шухта, что-то принес Витька Калугин... Никто надо мной не стоял, цензуры как таковой не было. С самого начала договорились, что будем отбирать материалы только сами. Ну, конечно, если захотят посмотреть, — дадим. Скрывать нам было нечего. Кроме «лысины Ленина» в одном из стихотворений Каплана — ничего сколько-нибудь крамольного.

На открытие клуба я, Буковский и Качанов (очень талантливый парень) написали обозрение — «Черт знает что». Вот одна из сценок:

деревня в раю, на завалинке сидят мужики-ангелы, курят. Один другому говорит: «Намедни приходил тут великомученик из Дома атеиста, так сказывал, что нет Бога: химия все». Другой: «Может, и так — химия». Появляется Бог. «Что приуныли, мужички?» — «Богом обижены. Лица Господнего не кажет, забыл нас совсем». — «Да что вы, мужики, день и ночь только о вас и думает». — «А ты чего за Бога расписываешься? Ты кто?» — «Бог». — «А коль ты Бог, так сотвори чудо». — «Пожалуйста». Врывается бабка-ангелица с двумя авоськами и кричит: «Мужики! Чудо! Чудо! В раймаге масло появилось!» Всех сметает со сцены. Оставшиеся мужики: «Ну, это по-божески».

По тем временам было невероятно смело и злопыхательски.

Секция живописи, которую возглавлял Буковский, готовила выставку, там должны были быть картины Рабина, Кропивницкого... (Вообще говоря, выставка непосредственного отношения к нашей работе не имела. Ведь клуб дали нам, молодежи, а Рабин и Кропивницкий были людьми старшего поколения. И, к слову сказать, хорошо знавшими цену «оттепельному» либерализму.)

Директор выставку запретил. Может, сам испугался, а скорее всего, получил соответствующие указания.

...Мы ринулись во все инстанции, которые обещали нам, что мы будем полными хозяевами в клубе: горком комсомола, горком партии. Никто официального запрета вроде бы и не давал. Очевидно, сработало «телефонное право». (В одном из кабинетов ЦК комсомола нам сказали, что резиденты иностранных разведок получили задание вербовать недовольных советской властью в очередях и на площади Маяковского⁷.)

...Так на первом же мероприятии и сломалась идея свободного молодежного клуба... Текст обозрения как-то бесследно исчез. (Мы сдуру сделали только один экземпляр — считали почему-то, что в целях конспирации нельзя иметь больше.) Буковский утешал меня: «Не волнуйся, в архивах КГБ сохранится».

...Общаться с людьми нам не давали. Работать на себя было неинтересно, и стало ясно, что из этой клубной затеи ничего не получится. Оставался только «Маяк». Но «наверху» явно решили его прикрыть. Поначалу с помощью дружинников. Это были рабочие ребята из районных дружин со всей Москвы⁸. Некоторые из них подходили к нам и говорили: «Мы не понимаем, за что вас гоняют». Но, конечно, не все были такие.

...К этому времени руководство города, партии и правительства решило наплевать на иностранцев и разгонять «сборища», не стесняясь. Стали хватать и тащить в милицию.

...По тем временам «Маяк» уже сидел в печенках у властей. Еще бы! Там стали возникать личности вроде Илюши Бокштейна. Маленький, горбатенький, обладающий, как говорят психиатры, сверхобаянием шизоида, он призывал спасти матушку-Русь. Я про себя подумал: спасем Русь, а потом синагог понастроим. Но вслух сказал: «Илюша, вы — идиот». Он на секунду запнулся, но тут же завопил: «Мои предки были раввинами!!»

...Помню, Илюша произнес свою очередную речь, его тащат в метро (там была комната милиции), а я и Дима Гладилин идем сзади и громкими голосами поем «Блажен муж, иже не иде на совет нечестивых»⁹.

Отбить его мы не пытались, потому что Буковский отдал распоряжение: с дружинниками не драться, на провокации не поддаваться. (В его политике был тогда период гандизма.)

...Появились и такие люди, как Володя Осипов¹⁰, мрачный, молчаливый, неразговорчивый человек, про которых весь «Маяк» знал: они очень серьезные террористы. (Что именно они собирались делать, никому известно не было, но все понимали: что-то очень важное.) Осипова считали великим конспиратором.

...«Маяк» все-таки прикрыли. После одной из последних читок я имел удовольствие общаться лично с Анатолием Николаевичем Шелепиным. (На этот раз нас брали профессиональные ребята, комитетчики, очень ловко забрасывали в машину — ни у кого и царапины не было. Привезли в какое-то помещение на Брестской улице, вызывали по одному к некоему дяде со значком делегата XXII съезда — это и был Шелепин.)

...Я снова завел свою бодягу: почему нельзя, ничего плохого не делаем... Потом мне передали его отзыв: «Удивительно мерзостная личность». (Ему сообщили, что я бывший член городского отряда.)

Окончив институт, я уехал на Камчатку. Вернулся только в 67-м году. Все связи уже распались. Появилась семья, дети...

Когда я теперь думаю о «Маяковке», мне кажется, что она была очень многослойным явлением. Как дождь, после которого растут и цветы, и злаки, и сорняки...

Теперь все это уже история, а тогда — часть (и очень важная) жизни множества людей. И поворотная точка многих судеб. Здесь формировались и будущие диссиденты и обыкновенные, но достойные граждане своей страны.

Кто-то благодаря площади нашел свое призвание: в искусстве или, наоборот, как Аполлон Шухт, в том, чтобы навсегда уйти из искусства. «Маяк» наглядно показал, что любое свободное собрание людей, хотя бы просто читающих и слушающих стихи, страшно власть предреждающим. В этом-то и была наша, пусть маленькая, победа.

О ТОМ, КАК КЛУБ НА ПЛОЩАДИ ПЫТАЛИСЬ ПЕРЕНЕСТИ В КЛУБ ПОД КРЫШЕЙ

Про Владимира Талицкого, внештатного инструктора Киевского райкома комсомола, нельзя сказать, что он находился «по другую сторону баррикад». В самом начале 1960-х среди комсомольских деятелей, особенно низового звена, еще были честные и наивные люди, старающиеся не «держат и не пушать», а помогать и направлять. По версии Л.Прихожана, «маяковцы» сами просили сотрудников горкома предоставить им клуб — и эта просьба была исполнена. В воспоминаниях В.Талицкого история создания клуба выглядит иначе: инициатива принадлежала райкому комсомола. К сожалению, мы не можем утверждать, что истина на той или другой стороне, да это и не столь важно. (Тем более, что обе версии не вовсе исключают друг друга.) Гораздо важнее другое: воспоминания Владимира Талицкого приоткрывают комсомольскую «кухню» и не оставляют сомнений, что все тактические ходы «верхов» — вопреки намерениям самого Талицкого — преследовали одну цель: закрыть «Маяковку».

Вскоре после окончания школы я стал работать в Институте курортологии и физиотерапии, меня там выбрали секретарем комсомольской организации, и, естественно, я часто бывал в райкоме комсомола (Киевском). Как-то раз я встречаю там Володю Механикова, зав. отделом агитации и пропаганды, и он мне говорит: «Нужно организовать клуб с тремя секциями: литературной, театральной и художественной. Я ищу человека, который мог бы возглавить клубную работу. Ты не возьмешься?» — «Возьмусь». И буквально через несколько дней — не помню уж, каким образом, — я встретился с Борисом Авксентьевым, которого знал с детства, и он рассказал мне о «Маяковке» — своеобразном клубе на площади. Я тут же сказал: «Приходите к нам».

Вскоре он пришел ко мне в райком и привел с собой Володю Буковского и Диму Гладиллина. Не могу сказать, что они, особенно Володя, отнеслись к моему предложению с большим энтузиазмом — («Кому ты хочешь, чтобы мы поверили?»). Я и сам не был абсолютно уверен в том, что все получится так, как мы задумаем. Ну и что? Давайте делать, а там видно будет. С какими-то трудностями и неприятностями наверняка столкнемся — а как иначе? В конце концов они согласились и сценарий на открытие клуба написать и привезти картины для выставки.

Володя Механиков стал искать помещение, где бы можно было развесить картины, наконец нашел клуб им. Горбунова. Тамошний директор сначала согласился, но, увидев работы, тут же отказался.

Надо сказать, что Механиков, так же как и я, не был поклонником абстрактной живописи, но тем не менее сделал все возможное, чтобы выставка состоялась. Не его вина, что это не получилось. Как только полотно увидел наш первый секретарь Еремин, он тут же сказал: «Не позволим!», а потом из горкома приехали Харламов и еще кто-то — и тоже категорически запретили. Меня в этот момент не было, так что подробностей я не знаю.

...А сценарий писался. Я даже помню одну мизансцену: посередине сцены кресло, над ним вывеска «Райский комитет», а в скобочках «райком». Окончена эта пьеска, по-моему, так и не была, во всяком случае, я в готовом виде ее никогда не читал. На открытии клуба у нас выступал «Современник». (Показывали «Два цвета времени»¹ — совершенно блистательно.) У меня с Буковским, да и с другими ребятами установились достаточно хорошие, доверительные отношения.

Я стал часто бывать на площади. Там было очень интересно, но было и много злобы — а этого я не люблю. Помню, какой-то парень стал читать «Коммунисты, вперед!», как я теперь понимаю, это была пародия на Межирова. Идет распределение квартир — «Коммунисты, вперед!», распределение пайков — «Коммунисты, вперед!», распределение еще каких-то благ — опять-таки «Коммунисты, вперед!» Ему аплодировали, и никто не мешал читать. Хотя на площади в это время были и Харламов, и Пастухов, и — для поддержания порядка — оперотряд.

Володя таскал меня по квартирам, где собирались «маяковцы». Они, конечно, знали, кто я, и чего-то при мне не говорили. Но напряженности не было. Каждый откровенно высказывал свою точку зрения. А спорили мы много: и о комсомоле, и о социализме, и о власти. Я считал, что надо продолжать и развивать хрущевские реформы. Володя же все только отрицал, никакой позитивной программы у него не было, и это мне не нравилось. Он постоянно говорил мне: «Что ты делаешь в этой организации? Как ты можешь?» Я что-то возражал...

Однажды Володя решил изложить все свои доводы письменно. Принес мне бумагу, где довольно подробно написал все, что он думал о комсомоле, и попросил ее перепечатать. Своей машинки у него не было, но и у меня тоже не было, я мог напечатать только в райкоме. И я сказал: «Володя, втихаря я ничего делать не буду. Если этот текст перепечатают в райкоме по моей просьбе, я должен буду отнести его в горком». Он согласился. В райкоме, в отделе учета, работала моя будущая жена², она-то и сделала пять экземпляров (три я отдал Буковскому, один оставил себе, и один отнес Харламову).

...Период Киевского райкома был очень недолгим — месяца два, не больше. Потом меня и моего заместителя Володю Каца попроси-

ли зайти в горком и сказали: «Работать с этими ребятами, конечно, необходимо, но почему именно в Киевском райкоме? Ведь на площади собирается молодежь со всего города. Приходите с ними в горком». — «А что, собственно, надо будет делать?» В ответ мы услышали вполне четкую формулировку: «Закрывать “Маяковку”». — «Это не в нашей компетенции, зачем вы нас-то позвали?» — «Речь идет не о том, чтобы принять какие-то репрессивные меры, а о том, чтобы перебазировать чтения под крышу». — «И выставку тоже можно будет устроить?» — «С выставкой вопрос сложный, руководство клуба отказывается выставлять такие картины. Но перебазировать чтения под крышу надо обязательно». И он стал называть разные возможные варианты: литобъединения АЗЛК, ЗИЛа и др.

Я стал уговаривать ребят прийти в горком — «Чем вы рискуете? Вы скажете свою точку зрения, послушаете, что вам предлагают...». Но они не соглашались.

...А на площади тем временем что-то стало меняться. Буковский рассказал мне, что оперотряды хватают ребят на площади, сажают их в машины и выкидывают километрах в пятидесяти от Москвы, отобрав документы и деньги (особенно, по его словам, свирепствовали Ленинградский и Краснопресненский), а кроме того, всех, кто регулярно бывает на «Маяке», вызывают в спортотдел горкома (именно под его эгидой работал оперотряд) и грозятся: если еще раз появишься на площади, вылетишь из института. Я не очень-то верил этим рассказам — знал, что Володя, мягко выражаясь, не всегда бывает точен.

Но однажды я сам стал свидетелем следующей сцены: площадь полна народа, у «Пекина» стоит милицейская машина — тут появляется троица: Буковский, Гладилин, Авксентьев. Машина начинает двигаться в их сторону. Ребята ускорили шаг, а потом — враспыльную. Из машины тут же выскочили милиционеры, побежали за ними.

Я решил поговорить с Харламовым. И при очередной встрече рассказал ему то, что видел сам, то, что слышал от Буковского, и в упор спросил: «Это правда? Чем мы занимаемся? Воспитательной работой или репрессиями?» Он ответил уклончиво: это не наша сфера деятельности, необязательно тебе знать — что-то в таком роде. «Но если ребята согласятся, вы готовы с ними встретиться?» — «Да, конечно».

...Дальше события развивались очень быстро. Через две-три недели Володя сказал мне, что бумагу, где излагались его соображения о комсомоле, нашли у кого-то из друзей, и она послужила одним из пунктов обвинения, а выступать на «Маяке» уже невозможно — идет настоящая охота. И хотя я иногда, как-то случайно узнав, какой

именно отряд будет завтра на площади, и предупреждал Володю, это, очевидно, уже не помогало.

...Когда я в очередной раз пришел к Харламову, он вдруг стал разговаривать со мной совсем в другом тоне, а главное, он уже не хотел встречаться с ребятами, не приглашал их прийти в горком.

...А ребята неожиданно согласились. Поставив условием, чтобы на встрече обязательно присутствовал кто-то из ЦК комсомола.

Я тогда не понял, что Харламов получил соответствующие указания, и решил во что бы то ни стало добиться, чтобы «маяковцев» приняли в горкоме. Володя Кац сказал мне, что в ЦК комсомола появился какой-то новый секретарь, переведенный из Ленинграда, и к нему-то и надо обращаться. И он не ошибся — этот человек санкционировал встречу. Меня не пригласили, но я узнал от Буковского и пришел.

«Маяковцев» собралось человек сорок. В президиуме сидели Харламов, еще кто-то из горкомовских секретарей и представитель ЦК ВЛКСМ — то ли Тер-Погосян, то ли Тер-Ованесян. Он-то в основном и говорил. И говорил вполне недвусмысленно: «Покончите с “Маяковкой” — получите зал, где вы сможете спокойно читать стихи». — «Сначала дайте зал, потом мы перестанем ходить на “Маяковку”». — «Нет, сначала перестаньте читать на площади». — «Обманете». (Кто-то попытался сказать что-то очень резкое, но на него дружно зашикали.) — «Даю вам честное партийное слово: через три месяца мы снова встретимся в этом зале и будем говорить об уже работающем клубе». В конце концов ребята согласились. И честно выполнили свое обещание³. Никакого клуба они, разумеется, не получили.

...Тут меня выгнали из университета, где я учился на вечернем отделении физического факультета, официально за неуспеваемость, а по существу, конечно, за «Маяковку». Я пытался восстановиться, на это уходило очень много времени и сил — и заниматься делами «маяковцев» я уже не мог, да и Харламов уже не стал бы со мной считаться. Я только спросил у Буковского, пытались ли ребята добиться выполнения того, что им было обещано. Он сказал, что кто-то (не он) пытался, но дальше телефонных разговоров дело не пошло, встречаться с ними категорически отказывались. Тер, кажется, ушел из ЦК, а остальные были как бы ни при чем, ничем не обязаны.

Хотя я ни в чем не был виноват, — я искренне хотел помочь ребятам и верил, что смогу это сделать, — я до сих пор вспоминаю этот эпизод с болью в сердце. Обман с помощью честного партийного слова ударил не только по «Маяковке», но и по моим «оттепельным» иллюзиям.

[ТЕЗИСЫ О РАЗВАЛЕ КОМСОМОЛА]

Текст, написанный Буковским и упоминаемый Талицким, который они оба считают утерянным, удалось найти. Практически это единственный дошедший до нас программный документ «Маяковки», и важность его трудно переоценить. Написал ли его Владимир Константинович по своей инициативе (как утверждает Талицкий) или по просьбе Талицкого — комсомольского работника (как утверждает сам Буковский), не столь существенно. Мы оставляем за скобками и вопрос о мере искренности этого текста. (Заявленное в конце стремление демократизировать комсомол, очевидно, не более чем тактический ход — все остальные тезисы и самый дух документа явно этому противоречат.) «Тезисы», вне всякого сомнения, — отголосок разговоров и дискуссий как на самой площади, так и за ее пределами. В этом документе Владимир Буковский — один из политических лидеров «Маяка» — излагает комсомольским боссам свою (и определенного крыла площади) программу. Излагает с чувством собственного достоинства, ни в чем не поступаясь своими убеждениями. Лишенный «оттепельных» иллюзий, девятнадцатилетний Буковский вступает в диалог с властями, прекрасно зная им цену («Дальше оно (правительство. — Л.П.) шагнуть не могло, ибо дальше нужно было менять все»), но зная (по собственному мальчишескому опыту?) и другое: «Всякое нелегальное общество рано или поздно встанет перед проблемой расширения и легализации либо выродится в секту».

Этот текст как бы предвосхищает документы родившегося несколькими годами позже правозащитного движения, когда открытые заявления и обращения к правительству стали важнейшим инструментом политической борьбы за свободу и права человека, без всякой надежды, что оно, правительство, услышит и пойдет навстречу. Потому что вслух и открыто сказанное Слово — уже Дело.

Дошедший до нас текст — машинописная копия. Полагаем, что имеющие здесь место стилистические «ляпы» — на совести переписчика.

Тот мощный идеологический кризис, который назревает сейчас в обществе, наиболее полно сейчас отразился на молодежи. Если в 20-е, 30-е годы центр общественной жизни молодежи, основное биение ее находилось в резонансе с действиями правительства, партии и народа (что, видимо, и придавало ей ту силу и энергию), то сейчас этого резонанса уже нет.

Если в те годы единственной организацией, способной создать, сохранить и направить революционную энергию молодежи, был комсомол, то сейчас он уже не способен даже сохранить единство внутри централизации, [если] в эпоху, когда люди в угаре революционных,

военных и прочих побед сами создали себе бога, сами от своей веры в эпоху уничтожали все завоевания революции, [то] в эпоху, когда все действия, все идеи приобрели определенный автоматизм, комсомол, так же как и партия, свел свою работу к шаблону с узаконенным местом в государственной машине и потерял свой общественный смысл. Это была эпоха ослепления, когда ощущение, что за тебя думают, за тебя решают, наполняло человека безоговорочной, слепой верой. С другой стороны, та предельная централизация, которая существовала в те годы, не могла оставить обществу ничего живого, развивающегося.

Комсомол умер. Его набальзамированный труп еще долго казался живым телом. Его мертвые формы казались еще монументальнее и непоколебимее, чем живая подвижная форма¹.

В годы пробуждения от наркотического сна сталинской эпохи все живое должно было уйти от мертвых форм. И моральная и идеологическая власть комсомола исчезла. Осталась только физическая власть, выгода для корыстных, убежище для равнодушных. А между тем, то, что родилось исподволь в мрачные годы «счастливого сталинского детства», искало себе другие формы, организацию, которая бы выражала его дух. Огромное количество нелегальных организаций создавалось в те бурные годы². Подчас они были нелепы, бесцельны и смешны, но в факте их создания чувствовалась жизненная необходимость объединения. Оно нужно именно для молодежи, инстинктивно чувствующей свое расхождение с официальнойностью.

Старое поколение, поколение комсомольцев 20-30-х годов, за редкими исключениями не чувствует той ужасной двойственности положения, которая царит в обществе. Это поколение не так воспитано. За всем их видимым согласием с официальнойностью в самой глубине души стоит безоговорочная вера в принципы, внушаемые им на протяжении годов, и наоборот. Любой молодой человек, даже из самых «идейных», в глубине души чувствует свое несогласие, свою двойственность.

Сохранив в сущности все старые идеологические позиции, кроме, разве, оценки культа личности Сталина, то есть, короче говоря, привязав к мертвым формам живых людей, а с другой стороны, утопив в разоблачении

Сталина возможность воспитания молодежи слепой верой, современное правительство поставило общество накануне огромного идеологического кризиса. Правительство сделало полшага, вынужденное обстановкой и повисшее в воздухе. Дальше оно шагнуть не могло, ибо дальше нужно было менять все.

Молодежь, естественно, уже сделала целый шаг. За последнее время в каждом человеке шла упорная внутренняя работа, работа по переоценке ценностей. Работа эта требовала большой сосредоточенности, которая не оставляла людям времени на более энергичную практическую деятельность. Теперь наступает момент, когда каждый честный человек должен действием проверить и закрепить свои выводы. Поэтому вопрос о подлинной молодежной организации является наиболее насущным.

В последние годы, в момент тяжелого похмелья вопрос с комсомолом решался наиболее просто. Появилось течение за разгром комсомола и за создание более независимой и демократической молодежной организации. Это одно решение вопроса, и, если бы в те годы такое течение одержало верх, то вопрос не оставался бы открытым. Но, спохватившись, правительство пустилось в реакцию, и уже о разгроме не могло быть и речи. Минутная вспышка была подавлена, а старая схоластическая форма работы была опять навязана молодежи³.

Таким образом, огромное количество молодежи, появившейся момент, оказалось вне сферы деятельности легальной организации и было вынуждено заниматься подпольной деятельностью. Правительство со своей стороны делает все возможное для сохранения этой видимости молодежного общества⁴.

Таким образом, существуют два полюса, две кажущиеся противоположности. А между тем это две стороны одной медали. Разве нельзя решить вопрос с комсомолом не путем его уничтожения, а путем демократизации его? Ведь прогрессивной части молодежи здесь открывается огромное поле деятельности. После подпольных неудобств, после бессмысленной говорильни появляется реальное дело.

Комсомол находится уже на грани кризиса. Недалек тот момент, когда такое положение внутри комсомола станет невыносимым. Уже сейчас довольно часты более или менее крупные стычки в комсомоле. Это положение

скоро обострится, а при желании его можно обострить еще сильнее. Если сейчас, до развала, создать внутри комсомола инициативное ядро, которое катализирует этот кризис и станет во главе течения за демократизацию комсомола, если сторонники демократизации будут проводить ту же агитацию, разъяснение, действия и прочие прочие формы борьбы, которые применялись до сих пор в нелегальных организациях, то это течение охватит весь комсомол, расколется, выделит мощную группу, которая обновит комсомол, сделает его демократичным.

Это вполне реально, так как, во-первых, исключить из комсомола без ведома первичной организации нельзя, и, следовательно, вышестоящие организации не смогут задавить движение в начале; во-вторых, в комсомоле состав настолько различен, настолько независим от политических взглядов его членов, что единомышленники, так же как и честные люди, там найдутся; в-третьих, это реально потому, что в комсомоле кризис вполне назрел для начала там агитации. Это необходимо потому, что если не воспользоваться этим положением, то своевременное вмешательство власти уменьшит величину кризиса или просто задавит всякие попытки первичных организаций [к] свободной деятельности, во-вторых, кризис может назреть и разрешиться стихийно, несогласованно.

Это, наконец, является единственным выходом для всех, кто понял двойственность положения общества и желает демократизации страны, так как, во-первых, все попытки объединить нелегальные силы не приведут к положительным результатам, так как всякое нелегальное общество рано или поздно встанет перед проблемой расширения и легализации, либо вырождается в секту; во-вторых, демократизацией (Так! — Л.П.), которая нужна; в-третьих, в рамках уже существующей организации работать гораздо легче и нет опасения преследования со стороны властей, так как силы значительно рассредоточены по организациям.

Таким образом, реальная возможность для выхода на политическую арену, а также для создания легальной демократической организации существует и заключается в активной и координированной работе по демократизации комсомола.

Справка МГК ВЛКСМ, направленная в ЦК ВЛКСМ [1961]

«Справка» явно написана по донесениям стукача (стукачей?). Причем — любопытно! — не гэбэшного, а комсомольского. Горком комсомола берет на себя функции «органов» и передает полученные сведения в КГБ раньше, чем в ЦК ВЛКСМ!

Информатор, что называется, слышал звон да не знает, где он: многое здесь перепутано, в одну кучу свалены и чтения на площади, и организация, состоящая из «пятерок», и салон «мадам Фриде», и... занятия в Исторической библиотеке.

Человек, поставивший в горком эти сведения, конечно же, не был близок к Осипову-Кузнецову-Новогоднему — ему не известно, что Скворцов — «партийная кличка» Осипова, а фамилии Кузнецова и Иванова (Новогоднего) им даже не упоминаются. Все сведения об «организации» явно из вторых рук. Скорее всего, информатор крутился вокруг Буковского, знавшего многое, но не все.

Жаль, что «Справка» не имеет точной даты: было бы очень любопытно знать, сколько времени могла — в центре Москвы! — продержаться «антисоветская организация», уже раскрытая бдительными комсомольцами и известная органам.

Так или иначе, этот документ подтверждает нашу гипотезу: затея с клубом нужна была только для того, чтобы его прикрыть, судьба же самой «Маяковки» — в любом случае — была предreshена. Даже если бы и не было никакого террористического заговора.

По поступившим в МГК ВЛКСМ данным стало известно, что 14 апреля на пл. Маяковского группа молодых людей в количестве около 50 человек организовала читку своих стихов, некоторые из которых носили явно антисоветский характер. Так, за чтение стихов, порочащих нашу Родину, наш народ, и за хулиганские действия на пл. Маяковского был задержан и осужден на 15 суток Шукин Анатолий. (Материалы в отношении его (Так! — Л.П.) находятся в Ленинградском райаппарате КГБ).

Кроме того, удалось выяснить, что группа именуется себя политической организацией, имеет свой устав, члены организации платят членские взносы. Один из пунктов устава: свобода любых мнений. Политические направления: анархо-синдикализм. Организация выпускает рукописный журнал, печатаемый в 15 экземплярах на машинке, под названием «Феникс», где публикуются различные стихи и статейки антисоветского содержания. В журнале участвует Харабаров, который ранее за аналогичную деятельность разбирался в ЦК ВЛКСМ¹. Харабаров в настоящее время находится вне Москвы. Свои

«труды» пересылает по почте для публикации в журнале «Феникс».

По своему строению организация состоит из пятерок, каждый член пятерки знает только свою пятерку². Сейчас группа намерена разделиться на «поэтов» и «группу безопасности». Задача «группы безопасности» – охрана молодежи, выступающей с антисоветскими высказываниями на пл. Маяковского и в других общественных местах. Наиболее активный член группы Буковский – студент I курса биолого-почвенного факультета МГУ, Носов – бывший студент ин-та иностранных языков, Анатолий Иванов, окончивший юридический факультет МГУ³, Шухт – бывший студент физико-технического ин-та, Щукин – бывший студент педагогического ин-та им. Ленина, Скворцов, Галансков, Авксентьев, Калугин, Аркинд, Гринблат и др. В настоящее время якобы получено распоряжение о прекращении всех встреч. По высказыванию некоторых «поэтов», группа имеет связи с другими городами. Кроме того, участвует в различных салонах (один из салонов называется «салон мадам Фриде», адрес: Борисоглебский пер., дом 8, кв.10, квартиро-съемщиком является пенсионерка Фриде, 60-ти лет). Там собирается молодежь, читаются низкопробные упаднические стихи, а также стихи, носящие явно антисоветский характер. Многие из членов группы являлись студентами московских вузов, но по собственному желанию бросают вузы, не устраиваясь при этом на работу. Все свободное время проводят в исторической библиотеке, где читают в основном произведения буржуазных идеологов.

О всем вышеизложенном сообщено в органы КГБ, с которыми будет составлен план по проведению дальнейших мероприятий с целью выявления лиц, входящих в выше указанную организацию.

Александр Орлов

ТОТАЛИТАРИЗМ СИДЕЛ ВО ВСЕХ

Среди «заговорщиков», упоминаемых в «Справке», фигурирует и Анатолий Иванов (Рахметов)

Анатолий не только не входил в подпольную группу Осипова–Кузнецова–Новогоднего, но и был принципиальным противником политического крена «Маяковки», считая, что площадь нужна не как место сбора оппозиционных сил, а как островок свободного искусства

Но, несколькими годами ранее, осенью 1958-го, практически независимо от «Маяка», дома у Рахметова собирался подпольный политический кружок, правда, еще не имеющий ни программы, ни устава, ни четко сформулированных целей

Одним из участников этих собраний был Александр Орлов, автор уже неоднократно цитировавшегося стихотворения «Нет, не нам разряжать пистолеты »

...С Володей Осиповым я был знаком давно, года еще с 56-го. И он познакомил меня с теми своими друзьями, которые часто бывали на площади: Толей Ивановым (в будущем Скуратовым¹) и другим Толей Ивановым, по прозвищу Рахметов, или сокращенно Рах, с Эриком Капланом, Щукиным, Илюшей Бокштейном, позднее с Кузнецовым. Я стал бывать на «Маяковке» довольно часто, но никогда не выступал. Я предпочитаю, чтобы мои стихи читали, а не слушали. Кроме того, у меня никогда не было сильного голоса, и читать на площади без микрофона мне было бы сложно. Общался я с этими ребятами в основном все-таки не на площади, а на квартирах.

...С Рахметовым я никогда не был особенно близок. Никаких индивидуально-задушевных бесед у нас с ним не было. Он тогда коллекционировал работы «левых» художников, скупал рисунки Харитоновна, Штейнберга — по два-три рубля графический лист. Он говорил: «Куплю, пожалуй, на пять долларов» — это означало на пять рублей. Художники были нищие и за трешку — бутылка и закуска — охотно расставались со своими работами, которые сейчас в музеях выставляют.

Но когда у Раха собирались я, Осипов, Толя Иванов, разговоры шли в основном не об искусстве, а о политике.

Сказать, что там был подпольный кружок, — это, по-моему, слишком громко: обычные для того времени сборища и «кухонные разговоры». (Другое дело, что за эти «кухонные разговоры» можно было и срок получить.) Рахметов любил петь «Лубянка, там ночи полные огня...»

...Каждый мог высказать свою точку зрения по какой-то проблеме, и начиналось стихийное обсуждение, споры, дискуссии. В основном на тему: что такое демократия, что можно, чего нельзя. Ни у кого не было никакой программы. Все говорили: надо что-то делать, но никто не знал что. Все хотели свободы, но все понимали ее очень относительно. Слава Репников как-то спросил: «Если Вы захватите власть, отпустите меня в Америку?» Однозначного ответа он не получил, пошли разглагольствования, споры...

Тоталитаризм сидел во всех, все планы не простирались дальше дворцовых переворотов: большевиков скинем, заменим их кем-то другим, по возможности «нашими»; сегодня нами командуют, а

завтра — будем мы. Как организовать парламент, как организовать местную власть — об этом и речи никогда не было.

Об экономическом устройстве общества и вовсе никто не задумывался — никто из нас не имел экономического образования или хотя бы каких-то экономических знаний.

...Впрочем, как-то однажды мы (человек десять, не помню уж, кто) поехали в лес и пригласили Григория Соломоновича Померанца — он нам там рассказывал, что такое советская экономика. Вот это было серьезно и интересно. Но полил дождь, все побежали куда-то прятаться — лекция скомкалась.

Толя Иванов (Скуратов) всегда был умный националист. Он говорил: «Я не против евреев. Уничтожить их, как это делал Гитлер, — варварство. Я против засилья еврейской культуры, против влияния иудаизма, против еврейской сентиментальности».

У Володи Осипова тогда тоже уже были националистические замашки. Может быть, он еще не был монархистом, не был православным, но националистом он был всегда. В своих воспоминаниях² он пишет, что во времена площади Маяковского был демократом, — я в этом сильно сомневаюсь.

И Володя и Толя были русофилы, но у Володи русофильства было больше... Толя казался более скрытным.

Мы тогда задумывали самиздатский общественно-политический журнал, типа будущего «Вече». Может быть, там так ярко не выпучивалось: православие, самодержавие, народность, но общая ориентация была примерно такой. Журнал рассчитывался именно на русскую аудиторию и должен был способствовать разрешению задач, стоящих именно перед русским народом.

Возможно, предполагалось печатать и какие-то литературные произведения, но я этого не помню. Стихов, кроме меня, по-моему, никто не писал³ — в основном все писали социально-политические статьи.

Я никаких материалов в этот журнал не представлял, но в обсуждении участвовал. Единственный самиздатский журнал, в котором я напечатался, это «Феникс»⁴. На какой-то квартире (кажется, опять-таки у Рахметова) собрались люди, кто-то сказал, что будет издаваться подпольный литературный журнал. «Несите все!» Я принес свои стихи. Поговорили, обсудили, кто не хотел печататься под своей фамилией, должен был придумать псевдоним. Я взял псевдоним Н.Нор. Я даже не помню, был ли на этом обсуждении Галансков, — я тогда не был с ним знаком. Скорее всего, я отдал свои стихи Осипову, а он передал Галанскову⁵.

В стихотворении «Нет, не нам разряжать пистолеты...», открывающем цикл, я изложил свое кредо: поэт не должен быть с кулаками, задача поэта — *готовить* людей к каким-то действиям... В воздухе

висела идея, что переворот когда-то должен случиться. Добровольно власть никто не отдаст, участвовать в этих событиях мы не сможем, но наше духовное послание впитают другие и воплотят в действие. (На это, собственно говоря, и была рассчитана вся «оттепельная» литература, а потом и Галич, и Высоцкий.)

Вандея в этом стихотворении тоже не случайно упоминается. В отличие от Виктора Гюго, я уже тогда понимал, что восстание в Вандее не реакция, а именно народная, антиробеспьеровская революция... Помню, мне показали довольно любопытный ответ на это стихотворение⁶.

...«Феникса» я никогда не видел. Только в конце 60-х годов я прочитал в «Шпигеле» статью известного немецкого литературного критика Барбары Бодэ, где она рецензировала «Феникс». (У меня тогда был допуск в спецхран.) Так я впервые узнал, что меня-таки напечатали. В рецензии было полностью приведено мое стихотворение «Нет, не нам разряжать пистолеты...».

Я перечитал его и другие стихотворения цикла и понял, что стихи очень несовершенные. Попробовал их отредактировать — не получилось. Пропал эмоциональный заряд.

...После первого ареста Толи Иванова⁷ я практически перестал бывать на «Маяковке». Слышал, что там появились дружинники, начались стычки, драки, приводы в милицию, но ничего этого я уже не видел.

Когда в 61-м году посадили Осипова и Иванова (по второму разу), Рах сказал мне: «Твой псевдоним раскрыт». Но тут же и успокоил: какому-то человеку, который давал показания, они строго-настрого приказали мое имя не упоминать.

Меня, действительно, не трогали. Даже в качестве свидетеля ни разу не вызвали. Только долго не выпускали за границу...

Григорий Померанц

ЭКСПЕРИМЕНТ ПОДПОЛЬЯ

Если спросить у наших диссидентов, кого они считают своим Учителем, большинство ответит: никого, или назовут кого-нибудь, чей жизненный путь давно окончен. Большевики очень постарались, чтобы «распалась связь времен». И надо отдать им должное: удалось. Тем приятнее узнать, что исключения все-таки были, что даже подпольные молодежные кружки иногда «курировались» представителями старшего поколения.

Сегодня Померанц известен как философ, призывающий не столько к усовершенствованию социально-политических систем, сколько к самоусовершенствованию, не устающий на разные лады повторять, что

счастье — результат внутренней работы человека, и потому все теории, обещающие всеобщее счастье, утопичны.

Григорий Соломонович с этими взглядами не родился. Они пришли как результат его личного духовного опыта. И, быть может, «эксперимент подполья», на который он решился «в середине жизненной своей дороги», в формировании его нынешних взглядов сыграл не последнюю роль.

...В разгар травли Пастернака мы — я, моя жена Ира¹, ее сын Володя и Леонид Пинский — послали открытку Пастернаку: дескать, мы любим ваши стихи и поздравляем вас с премией. Не знаю, как другие, но я подписывал с некоторым усилием... Очень скоро я почувствовал себя униженным своим страхом. Так откликаться на травлю поэта — заведомо беспомощно. Если мы не можем не вылезать, то надо подумать, как действовать с каким-то планом и целью.

По силе впечатления кампания травли сравнялась с событиями в Венгрии. Я вспомнил, как в 56-м чувство протеста было подавлено сознанием беспомощности и все вылилось в звоне рюмок.

Пепел стучал в сердце, но сделать ничего было нельзя.

Прошло два года; что-то изменилось. Ползли слухи о политических процессах, о каких-то группах молодежи. Может быть, начинается новое общественное движение? Не попробовать ли сомкнуться с ним?

Ира горячо откликнулась, сказала, что мечтает об этом с семнадцати лет, с тех пор, как арестовали ее брата Володю².

Мы стали сочинять программу движения и целую ночь — единственную такую ночь в нашей жизни — занимались политикой.

Политика не была нашим ремеслом. И схватившись за нее, мы просто свалили в кучу все, что слышали здесь и там. Какая-то мешанина из лозунгов, мелькнувших в Венгрии, в Польше³, с некоторыми домашними прибавлениями (сократить сроки военной службы, восстановить суд присяжных). Центральной идеей были советы производителей (в сельском хозяйстве, промышленности, культуре). Никакого нового духа, никакой новой веры.

Один из наших старых друзей, выслушав меня, скептически покачал головой и сказал: нужна новая идеология. Я ответил (примерно): разве не достаточно воли к свободе? Но опять сказался характер: сомнение пустило во мне корни. И за одним вопросом пошли другие: например, не приведет ли подполье к бесовщине? Или «Бесы» — полемическая гипербола? Может ли замкнутый кружок рождать и распространять идеи, способные захватить общество? Будет ли кружок расти или, наоборот, распадаться?

Я достаточно хорошо знал Достоевского, но любое действие казалось мне лучше, чем бездействие. Чтобы покончить с сомнениями, я решил поставить эксперимент на самом себе — войти в один из молодежных кружков.

Сделать это было несложно. У нас был открытый дом, все приятели сыновей моей жены собирались практически ежедневно. (Жили мы в семиметровой комнате, но набивалось туда больше десятка человек.) Я попросил приятеля моего старшего пасынка — Толю Труфанова, и он ввел меня в подпольный кружок Володи Осипова и Толи Иванова. Они мыслили себя некоей организацией, которая должна бороться с советской властью. До моего появления был у них какой-то шизофреник, который хотел из миномета расстрелять Красную площадь. Они поняли, что он явный псих, и выгнали его. Но что делать, не знали.

На всякий случай я решил законспирироваться: назвался Мишей и выдавал себя за важную персону... немножко играл под Верховенского.

Перво-наперво я объяснил мальчикам, что, пока Хрущев сидит на своем месте, не надо высовываться. Будем думать, обтачивать свои новые идеи. Нынешняя система — подобие византийской: самодержавие без престолонаследия. В период междуцарствия власть поминутно оглядывается и не уверена в себе. Коллективное руководство занято взаимными подкопами. Чиновники сами не знают, что велит новый хозяин, кого давить. Начнутся колебания, шатания. Тогда будет шанс выступить и сказать свое слово так, чтобы тебя услышали.

Кроме того, в те времена начались стихийные выступления рабочих (Грозный, Темир-Тау)⁴. Я предполагал, что такие бунты будут нарастать. Не исключено, что начнется вооруженная борьба (может, на их сторону перейдут воинские части). Если начнется — мы подключимся и внесем, говоря словами Ленина, социал-демократическое сознание в стихийное рабочее движение. А пока подумаем: с чем высунемся, как будем бороться за новые идеи. И получилось то, что Владимир Осипов назвал философским семинаром. Слегка законспирированным, но без всякой организации. Одни приходили, другие уходили. Кажется, никогда не было более восьми-десяти человек. В старину это называлось «кружок».

Собирались на разных квартирах. Постоянно ходили двое: Володя Осипов и Толя Иванов.

Осипов себя не выдумывал. У него был какой-то нравственный дар возмущения ложью, фальшью. Собственная фигура его при этом мало занимала. По характеру это был боец за права человека. Держался независимо, с достоинством. Иванов, напротив, был совершенно переполнен собой. Тщеславный литератор, он болезненно жаждал славы. Свои опусы Толя подписывал «Рахметов» и требовал, чтобы его называли Рахметовым: при этом подлизывался ко мне (совсем непохоже на героя Чернышевского) и оттирал Осипова на второе место. Оба они были не очень образованы, но у Володи все решало чувство, а Толя философствовал, и его невежество кололо глаза.

...Иногда заходил Саша Орлов, иногда мой старший пасынок Володя. Толковали о социальной структуре, о возможностях общественного движения, о проблемах насилия, о философских альтернативах. Один человек, знавший наш кружок, определил наше умонастроение как анархо-синдикалистское. На самом деле югославский путь был для нас одним из возможных вариантов. Мы обсуждали его просто потому, что опыт рабочих советов уже был. Если бы выплыло что-то другое, мы бы обсуждали что-то другое... Очень активно читались переводы с польского: освобождение от политического контроля в Польше шло вместе с освобождением от идеологического руководства культурой — и это, во всяком случае для меня, было чрезвычайно важно.

...Обсуждались и религиозные вопросы, но не в конфессиональном плане. Скорее, как мировоззренчески-философские проблемы.

В 1959 году ни Осипов, ни Иванов не были националистами. Они хотели свободы для всех. Только Володя — из чувства справедливости, а Толя — скорее из личного чувства непризнанности, неудовлетворенности и со вспышками злобы, как только задето было его тщеславие. От него так и пахло героями «Бесов».

Но все эти мальчики хорошо помнили «дело врачей». Один из них (он потом вошел в «Вече») рассказывал мне, как в 1953 году загонял под парту мальчиков-евреев. Он это рассказывал, каюсь. Разочаровавшись в системе, он (и другие) разочаровался и в антисемитизме, который она пропагандировала. Но пропаганда была очень мощной и где-то подспудно в них засела. Коротенькое сообщение 4 апреля⁵ не могло ей противостоять. Его было достаточно для того, кто втихомолку не принимал чудовищного вымысла, не верил ему. Но кто поверил — тому не помогли разувериться. Многие решили, что врачи просто дали взятку. (Забегая вперед, скажу, что корни наших современных фашистских организаций восходят к антисемитской волне 1953 года, которой не была противопоставлена столь же мощная контрпропаганда.)

...Иногда кто-то из кружковцев выступал с докладом. Помню доклад Толи Иванова о Штирнере, где он пытался доказать, что «Единственный и его достояние» — это как раз то, что нужно нашему свободному духу. Я слушал через пятое в десятое, но именно поэтому не завяз в частности, уловил главное и на ходу составил план опровержения. Самое трудное было — не обидеть докладчика. Он был чрезвычайно, болезненно самолюбив. Володя Муравьев был менее шепетилен и прямо сказал Толе, что он думает о его философствовании. С тех пор Володя на кружок не ходил.

...В 1958 году я для сектора информации Института экономики реферировал (частично переводил) литературу об экономике социа-

лизма. В частности книгу Гензеля⁶. Там очень ясно разъяснялось, что вопреки мнению Хайека⁷ социалистическая система может работать. Только время от времени экономическую заинтересованность надо заменять страхом: кого-то отдавать под суд и отрубать ему голову. И летом 1959 года я стал читать этим мальчикам лекции по экономике социализма, опираясь на серьезную европейскую науку. Четко объяснил им, что все, о чем пишут наши учебники, — собачий вздор, что на самом деле все обстоит гораздо более сложно, что проблема общественной собственности — почти неразрешимая проблема и т.п. Мне самому все это было интересно, а уж тем более этим ребятам, которые могли читать только по-русски.

...Через год я решил изменить условия эксперимента и оставить кружок сам по себе, без моего участия (посмотрим, что ребята сами могут), а раз в месяц встречаться с кем-то одним. И собрался избрать для этого Володю. Мне хотелось сойтись с ним покороче — без Толи. Не тут-то было! Выскочил Толя и предложил в собеседники себя. Я мог бы сказать: нет, целесообразнее, мне кажется, другая кандидатура. Но мелькнула мысль, что это ведь тоже эксперимент — такое высказывание самого тщеславного на первое место... И стал раз в месяц встречаться с Толей, и он мне говорил про какие-то интереснейшие дискуссии и доклады. Но меня тошнило от его подобострастия. Как-то раз я попытался прямо отговорить его от политической оппозиции. «Зачем, — спросил я его, — вы втягиваетесь в такое опасное дело?» Толя горячо ответил, что задыхается в интеллектуальной пустоте, без хороших книг и т.п. Я посоветовал ему выучить английский язык: в библиотеках множество хороших книг, их не переводят, но читателям выдают. Ответ Толи я запомнил на всю жизнь. Надо представить себе, с каким чувством он воскликнул:

— Но ведь это очень трудно!

Я онемел и минуты три молчал, пока нашел, что сказать. Выучить английский язык трудно, а изменить порядки в России легче? Как он представлял себе политический успех? Вроде удачного дебюта Синичкиной⁸? Главное — чтобы его все увидели, чтобы любовались, а там хоть трава не расти.

...Книга воспоминаний Петра Григорьевича Григоренко⁹ называется: «В подполье можно встретить только крыс». Конечно, не все подпольщики — крысы. Но подполье раскармливает именно крыс. И если будет успех, если крысы сожрут kota, — что потом делать с крысами?

Общение с Толей Ивановым раз навсегда отучило меня от мысли попробовать подполья. Страх за себя я легко преодолел. Но страх перед крысами, по-моему, не нужно подавлять. Это умный страх. В чем-то он переключается со страхом Божьим, в котором начало премудрости. Никакая цель не оправдывает средств. Дурные средства

пожирают любую цель... Вот это именно разнеслось в воздухе где-то около 1960 года. Среди общего брожения — первое разумное дело: собрание ненапечатанных стихов, по пять штук каждого автора, и тиражирование в тридцати экземплярах. Рассеялось облако страха, и двадцатичетырехлетний Алик Гинзбург раньше, чем я и люди моего поколения, понял, что можно делать, не спрашивая разрешения, пусть немногое, но открыто, не прячась, не занимаясь конспирацией.

Можно легко представить себе восторг, с которым я принял «Синтаксис». Дело было не в одних стихах, которые Алик собирал. Стихи были живые, но главное — обстановка, в которой делался «Синтаксис», — совершенная открытость и свобода от страха.

В его журнале было что-то уникальное, неповторимо личное, невозможное без авантюрного характера, беспечности и организаторского напора Гинзбурга, действовавших в нем как-то бессознательно и непреодолимо.

...В комнатке на шестом этаже, где Алик жил вместе с матерью¹⁰, перепечатывала стихи Наташа Горбаневская, здесь почти каждый вечер можно было встретить романтически красивого Юру Галанскова. Он мне напоминал Ленского.

Помню какую-то беседу с ним, когда я говорил, что наше поколение, вероятно, уже ничего не сделает, а его — может быть, и сумеет что-то совершить. Но сойтись с ним тесно я не мог: мне не нравились его стихи, а он, как всякий поэт, относился к этому довольно болезненно.

...Летом 60-го я стал ездить в Лианозово, к Оскару Рабину и другим художникам, работавшим без оглядки на официальные вкусы. И здесь был дух свободы, живой ритм света, переворачивавший вверх дном застывшие стереотипы вместе со стенами бараков, которые на полотнах Рабина шатались и разваливались, уступая место небу, солнцу, ветру.

Между тем кончился контрольный срок, и я зашел на заседание кружка. Присутствовало всего трое: Володя, Толя и какой-то зелененький новичок. Знакомые лица исчезли. Мерзость запустения, исчерпаны были острые темы (коллективизация, финская война), а дальше ничего не получилось. Я понял, что такой кружок без интересного руководителя попадает в тупик. А если такой руководитель есть, целесообразнее устраивать лекции для широкого круга, не называясь тайным кружком. Пересказывать Хайека и Гензеля можно было и без конспирации. Эта литература была не в спецхране (по невежеству наших главлитчиков, не понимавших слова *Zentrumverwaltung wirtschaft**).

* Плановое (управляемое из центра) хозяйство (нем.).

...А в «гинзбургятнике» — каждый день поэты, художники, целые толпы людей разных возрастов (больше молодых, но не только), каждый день споры о стихах, о направлениях живописи. Там я чувствовал себя как дома.

...Я еще раз встретился с Володей Осиповым и Толей Ивановым и произнес горячую речь о чувстве жизни. Современная жизнь не хочет повторения старого, поток истории выбрал другое русло, мимо всех замкнутых кружков. Пусть очень немного можно делать в открытую, — самая скромная, но открытая жизнь помогает обществу освободиться от страха. А это сейчас главное. Люди устали от заикленности на политике, от политических программ и тактик. Они хотят просто жить. Я посоветовал пойти посмотреть, как делается «Синтаксис», и подумать, что сами они могут в этом роде.

И еще я, помнится, сказал им: «Попробуйте, например, избрать сферой вашей деятельности собрания на площади Маяковского»¹¹.

Сам я там не бывал. (Я всегда чувствовал себя сильным в аудитории — не на площади.) Но мне казалось, что им это может подойти.

...Примерно в ноябре 61-го мне позвонили на работу: зайдите такого-то числа в гостиницу «Урал». «Урал?» — переспросил я. «Не повторяйте», — сказал неизвестный джентльмен. Да, в гостиницу, в номер такой-то. Я мог бы и не пойти. Ведь не официальный вызов, не повестка. Но было любопытно: что они обо мне знают? Стоит ли где-то под потолком моей комнаты аппарат для прослушивания?

Разговор вышел из рук вон нелепым. Джентльмен (немолодой, обрюзгший, из старых сталинских кадров) привык только к двум формам беседы: с информатором или с подследственным; он не нашел ничего остроумнее, как спросить меня для начала: «Что вы можете рассказать о настроениях молодежи, в особенности еврейской молодежи?» Я с удивлением уставился на него и ответил: «Ничего» (за кого он меня принимает?). Потоптавшись вокруг да около, подполковник (или кто он там был), наконец, прямо спросил: «Вы бываете на площади Маяковского?» — «Нет». — «А почему? Там очень интересно». Я подумал: если вам надо, чтобы я туда пошел, значит мне этого заведомо не нужно делать, — и ответил: «Жена у меня больная, некогда мне ходить на площадь».

Поговорив с тупицей, я впал в эйфорию. Мое впечатление можно было бы выразить стихом Маяковского: «Вымирающие сторожа аннулированного учреждения». Я ошибся почти так же грубо, как Маяковский, говоря о церкви. Оба учреждения подлежали аннулированию только в интеллигентских головах, а система построена так, что туповатый сталинский кадр, мало на что годный (думаю, Андро-

пов¹² отправил его на пенсию), — даже этот кадр мог наделать пакостей. И наделал.

Через какое-то время я узнал об аресте Осипова и почувствовал себя остолопом: можно было понять, что против активистов площади Маяковского готовится что-то серьезное, и по крайней мере попытаться сорвать провокацию. А я ничего серьезного не ждал. Я позабыл, что и в царствие кроткое Елисавет всякое случалось. Венценосцы, у которых семь пятниц на неделе, приходят и уходят, а тайная канцелярия остается, и пальцы ей в рот не кладут, — откусят.

К несчастью, Володя и несколько других молодых людей, приходивших на сходки у памятника Маяковскому, дали себя спровоцировать на разговоры, что Никиту, дескать, надо убить как поджигателя войны. За это самых горячих схватили и упрятали в лагерь, а остальных напугали и прекратили таким образом сходки (что и требовалось).

Сейчас Осипов возглавляет Христианский патриотический союз¹³. Героическая биография вождя этого Союза (две длительные отсидки в хрущевско-брежневских лагерях) обеспечивает ему уважение и в демократических кругах.

Владимир Осипов

ДАЖЕ ПЛАТОН ВОСПРИНИМАЛСЯ ТОГДА АНТИСОВЕТСКИ

Когда эта книга еще не была задумана, Владимира Осипова проинтервьюировал сотрудник НИПЦ «Мемориал» *Николай Митрохин*. К сожалению, Осипов — автор программы подпольной организации, созданной в 1961 году, интересовал его меньше, чем Осипов — редактор «Вече». Давать еще одно интервью «Мемориалу» Владимир Николаевич, занятый общественно-политической деятельностью и проблемами сегодняшнего дня, вряд ли стал бы. Поэтому нам не оставалось ничего другого, как только воспользоваться частью уже имеющегося в нашем распоряжении текста, отредактировав его и дополнив фрагментами из очерка В.Осипова «Площадь Маяковского, статья 70-я». Текст очерка набран другим шрифтом.

Н.М. Насколько мне известно, вы родились летом 1938 года. Ваши первые воспоминания, наверное, связаны с войной?

В.О. Война ассоциировалась у меня с письмами моего дяди, который был репрессирован в кировском потоке¹, работал на лесоповале, освободился перед самой войной, был призван в армию и с фронта писал письма. «Наши, наши, наши там, наши так», — с самого детства у меня засело: есть наши и есть какие-то другие.

До войны мы жили в городе Сланцы, почти у границы с Эстонией, поэтому, как только началась война, мы уехали в эвакуацию — в Саратовскую область, в деревню Беленка. Из тамошнего бытия помню только отдельные эпизоды: зима 1943 года, голод, мы с мамой и бабушкой лежим вповалку и думаем, что умрем, я разучился ходить. Помню окопы, специально вырытые на случай, если немцы перейдут Волгу, — и мы, дети, играем в этих окопах в войну.

...Еще помню, что в доме, где мы жили, были «райские двери». Местный храм, как водится у большевиков, был разгромлен, и жители растащили все, что в нем было. Наши хозяева взяли себе двери, ведущие в алтарь.

При рождении родители побоялись меня крестить — они были учителя и по тем временам вполне могли за это лишиться работы. Но в 44-м году мама тяжело заболела, и бабушка повезла меня в ближайшую церковь в город Пугачев — крестить. Бабушка была очень верующей. Она подолгу стояла перед иконой на коленях и молилась, молилась, молилась. У меня такое впечатление, что это продолжалось бесконечно.

Бабушка очень не любила Сталина, проклинала его, хотя тогда это было очень опасно, и всегда хвалила Ленина — «Ленин хороший, а этот злой».

Очень ясно помню, как мы возвращались из эвакуации. Я тогда прекрасно декламировал стихи и на всех полустанках громко читал поэму Алигер «Зоя». Какой-то майор даже всплакнул.

Мы проезжали через Москву, и я впервые увидел высокие, огромные здания, которых я никогда раньше не видел, и, глядя на каждый такой дом, почему-то думал, что в нем живет Сталин.

...Сланцы были разрушены полностью, до войны там стояли в основном двухэтажные стандартные дома — ширпотреб, конечно, но все-таки мне помнились дома, а увидел я руины. Нам дали клетушку в бараке. Правда, через какое-то время мы получили квартиру в новостройке с печкой, туалет и колонка на улице — типичная для Сланцев квартира, но снаружи этот двухэтажный дом смотрелся как городской.

Отец после фронта не вернулся к матери, и она в 1946-м вышла замуж во второй раз за журналиста местной газеты Бориса Ивановича Суханова.

Н.М. В детстве вы верили в Бога? Если — да, то как это совмещалось с учебой в советской школе, с пионерством?

В.О. До тринадцати лет я был верующим. (Потом под влиянием советских книжек во мне разыгралась гордыня, и я решил, что надо мной никого быть не должно.) Но я никогда не афишировал свою религиозность, так что никаких неприятностей на этой почве у меня тогда не было. Я читал молитвы перед сном, а в школе вел себя, как

все. Я просто не имел права не скрывать свои религиозные чувства: мама работала в той же школе и ее сразу же выгнали бы.

Н.М. А внутреннего противоречия между духовными потребностями и той ролью, которую вы вынуждены были играть в школе, у вас не было?

В.О. Тогда, пожалуй, нет. Мое пионерство было для меня пустой формальностью, я об этом даже не задумывался. Но позже одной из причин моего бунтарства против Бога было, думаю, именно нежелание раздваиваться.

Н.М. А учиться в школе вам нравилось?

В.О. Нет. Совсем даже нет. Большинство учителей были очень плохими. Учительница литературы как-то спросила: «А вы знаете, почему старый солдат в стихотворении Лермонтова “Бородино” говорит: “Богатыри — не вы”?» Мы молчим. «Потому, что тогда царская Россия потерпела поражение в Крымской войне». А я класса с седьмого интересовался историей и литературой и, конечно, сообразил, что Лермонтов погиб за двенадцать лет до Крымской войны.

Н.М. А как возник ваш интерес к истории?

В.О. Не знаю. В какой-то степени это, наверное, было связано с работой отчима. Мы жили возле редакции, и он часто приносил домой корректорские полосы... Ну и, конечно, художественная литература. Читал я довольно беспорядочно: что под руку попадет. Но страсть к чтению была всегда.

Н.М. Как вы восприняли смерть Сталина?

В.О. Для меня это было потрясением, трагедией. Я, по-моему, даже заплакал, потянулся к маме: «Мама, как же мы теперь будем жить без Сталина?»

В школе все были очень печальны. И наш классный руководитель предложил всем поехать в Москву, проводить товарища Сталина в последний путь. (Мы в тот год жили не в Сланцах, а в Московской области — отчима временно перевели в тамошнюю «районку».)

Приехав в Москву, мы обнаружили, что по ней невозможно ходить: всюду страшные толпы. Мы с приятелем тут же потерялись. Наши одноклассники потыкались, потыкались, поняли, что к гробу не пройти, и уехали восвояси. А мы вдвоем в конце концов пробились... Помню, как на Советской площади конная милиция осаживала народ и мы калошами — их тут валялось бесчисленное множество — кидали в милиционеров — уж не помню, почему, наверное, потому что не пропускали нас дальше, к Колонному залу.

Потом мы с помощью местных ребят по крышам пролезли во двор дома на Пушкинской улице. Там у больших решетчатых закрытых ворот образовалась огромная толпа — не только подрост-

ки, но и взрослые, пробравшиеся по крышам. Было видно, как там, за воротами, люди уже спокойно, без давки идут к гробу. В конце концов, в полдвенадцатого ночи, нам открыли ворота, велели потихоньку встать в очередь и идти.

В ночь с 7 на 8 марта, почти ровно в 12 часов, мы прошли мимо гроба. Я был ужасно удивлен, что Сталин такой старый, обрюзгший.

Обратно мы пешком добирались до Рижского вокзала. Домой приехали утром 8-го. Мама плакала. Она уже не чаяла увидеть сына в живых, родственники разыскивали меня по моргам. (Хотя еще никаких слухов о затоптанных людях не было.)

Н.М. Когда вы решили поступать в МГУ?

В.О. В десятом классе. Мы тогда уже опять жили в Сланцах, и мне передали, как наш завуч, узнав о моем решении, сказал: «Он с ума сошел. Из наших задрипанных Сланцев в МГУ».

Я занимался очень усиленно. Лето 55-го выдалось безумно жарким. Я быстренько искупаюсь в Плюссе — и скорей к книгам, штудирую, штудирую, штудирую... В конце июля приехал в Москву, в общежитие на Стромынке — там девочки, танцы, кто-то бежит развлекаться, а я все сижу.

Поступив в МГУ, с ужасом обнаружил, как мало я знаю. Некоторые мои сокурсники уже в четырнадцать-пятнадцать лет читали научные монографии, а я тогда даже не знал, что существует такой жанр. Я ведь рос в очень простой семье. Так что весь первый курс прошел у меня под лозунгом «грызть гранит науки». Я хотел стать ученым-историком, знатоком.

Н.М. Какое впечатление произвел на вас XX съезд партии?

В.О. Доклад Хрущева был нам прочитан на закрытом комсомольском собрании² в Коммунистической аудитории МГУ на Моховой. На стенах висели четыре портрета: Маркс, Энгельс, Ленин, Сталин. Конечно, я был потрясен этим докладом. Все сразу приобрело знак «минус». Но тем не менее — все еще оставался марксистом.

Н.М. Через несколько месяцев восстала Венгрия. Как, будучи марксистом, вы оценили венгерские события?

В.О. Я их практически не заметил. Осенью 56-го меня мало интересовала политика — я был поглощен проблемами метафизическими. Но через несколько месяцев, когда я резко изменил свое мировоззрение и стал ярким противником официальной идеологии, я очень переживал казнь Имре Надя³. В моих глазах он был борцом с коммунизмом, героем. (Теперь я знаю, что он один из убийц семьи Николая II, и сожалею, что скорбел о его гибели⁴.)

...В начале второго курса меня буквально потряс «Мартин Иден» Джека Лондона. Эта книга сыграла колоссальную роль в формиро-

вании моего мировоззрения и, соответственно, в моей биографии. Под влиянием «Мартина Идена» я стал читать Ницше. Я считаю, что мой конфликт с марксистской идеологией был вызван не XX съездом и вообще не столько реальной действительностью, сколько именно этой книгой.

Я, конечно, не мог не знать, как плохо живут люди, но относился к этому спокойно. Ведь марксизм по существу был религией — конечно, примитивной и дьявольской. Но, как верующий человек не сомневается в существовании Бога, сколько бы зла ни было на Земле, так и марксизм прекрасно уживается с тем, что приходилось видеть и наблюдать, — все как-то объяснялось, как-то укладывалось в марксистские схемы. А вот «Мартин Иден» и последовавшее за ним ницшеанство не могли мирно сосуществовать с официальной идеологией.

Основной конфликт романа — сильная, яркая, необычная личность против бездуховного, мещанского, меркантильного общества — я тут же перенес на современность: вот оно меркантильное общество и вот мой протест. Как-то сразу почувствовал себя индивидуалистом, хотя, естественно, воспитывался в духе коллективизма.

Н.М. Разве советское общество было меркантильным?

В.О. Не в том смысле, что люди хотели иметь миллионы, — это для обыкновенного человека было невозможно. Но кричать на всех перекрестках: общественное выше личного, а на деле себя не забывать — такое было даже очень распространено. Так, например, у нас на курсе была группа студентов, которым было лет по тридцать. Они все были члены партии и на собрании очень хорошо умели закатить нужную речугу, но в частных разговорах знакомили нас, семнадцатилетних романтиков, несмышленишей, с реальной жизнью. Рассказывали про отношения в армии, воровство на заводах... — в общем опошляли и дегероизировали советскую действительность.

Н.М. Достать «Мартина Идена» не было проблемой, но где вы брали Ницше?

В.О. В «Ленинке» и в «Историчке». Иногда мне его не давали, говорили: «Вы знаете, какой это мыслитель? На его идеи опирались фашисты». Тогда я находил издание, где его фамилия была написана Нитуше, — и получал... Читал, конечно, не только Ницше. Но даже Платон воспринимался тогда антисоветски — так уж голова повернулась. Одновременно появился интерес к анархо-синдикализму, к рабочим советам Югославии⁵.

Где-то в конце 56-го, в восемнадцать лет, я написал стихотворение:

На брошенный берег гляжу равнодушно,
проклятье оставив ему.
Иссохшему черепу больше не нужно
твердить постоянно свое почему.

Оставлено все, что на берегу лживом
пропитано хмельной струей,
где жирный педант, улыбаясь красиво,
марксизмом сулит нам душевный покой.

Стихотворение довольно точно отражало мои тогдашние настроения, но, как видите, с художественной точки зрения оно довольно беспомощно. Где-то на втором курсе я посчитал, что у меня недостаточно таланта и мне надо «завязывать» со стихами. Больше я никогда уже не писал в рифму.

...На третьем курсе я познакомился с Анатолием Ивановым (впоследствии получившим кличку Новогодний). На факультетском фоне он был очень яркой фигурой. Публично пел песни Ива Монтана⁶ на французском языке. Главное же, не вступал ни в профсоюз, ни в комсомол. Говорил, что не может этого сделать, потому что он христианин. (Хотя на самом деле им не был.)

У него был приятель Владимир Краснов. Мы втроем стали довольно регулярно встречаться, обмениваться мнениями — мы были настроены против этого строя и этого диктаторского режима и чувствовали себя единомышленниками.

В конце 57-го я прочитал на семинаре доклад о комбедах⁷, где достаточно ясно заявил, что политика коммунистической партии в 1918 году была антикрестьянской. Доклад вызвал настоящую бурю, меня прорабатывали, должны были исключить из комсомола, но на собрании выступил мой друг Юрий Поляков и сказал: «Осипов на целину ездит, участвует во всех субботниках, он компанейский, свой парень». Кто-то еще его поддержал — и меня оставили, только выговор в личное дело занесли.

От Иванова же осенью 1958 года я впервые услышал о том, что возле памятника Маяковскому неофициальные поэты и просто любители поэзии читают стихи. Свои и чужие. Чаще всего репрессированных и опальных авторов: Марины Цветаевой, Есенина, Клюева, Саши Черного и других. С этого времени я иногда стал ходить на «Маяковку», но тогда еще не часто. Там мы познакомились с Анатолием Ивановичем Ивановым. Он работал грузчиком и читал Канта и Гегеля. Мы его зауважали: человек не желает унижаться перед режимом, — и дали ему кличку Рахметов. (На это была еще одна причина: в нашей небольшой компании было два Анатолия Ивановых и с помощью кличек легче было понять, о ком идет речь.)

Осенью же 1958 года, практически независимо от площади Маяковского, у нас сложился подпольный политический кружок. (Если бы нас заложили и ЧК нас бы арестовала, — он бы вошел в историю. Но этого не произошло — и все тихо ушло в песок.) Мы собирались регулярно по выходным в Рабочем поселке в большой квартире

Иванова (Рахметова): сам хозяин, Иванов (Новогодний), Татьяна Герасимова, поэт-переводчик Нор, я и еще кто-нибудь. Марксизм нам не нравился, но в то же время мы не хотели переходить в лоно буржуазной идеологии. Искали «третий путь» — за народ, за рабочий класс, за социальную справедливость, но без марксизма и коммунизма. Югославия представлялась нам наиболее подходящей моделью.

Мы все уже осознали себя людьми, не только не согласными с коммунистической доктриной, с властью, но и готовыми что-то делать. У нас была мысль выпустить альманах. Мы его так и не выпустили, но материалов собрали довольно много. (Куда они потом делись — не знаю.)

...5 декабря 1958 года в городе Сталинске (Новокузнецке) был арестован наш общий с Новогодним знакомый поэт Игорь Авдеев. При обыске у Авдеева нашли письма Иванова к нему и, поскольку они были расценены как антисоветские, по обратному адресу разыскали Толю и устроили обыск у него.

Забрали много рукописей и, в частности, называвшуюся «Рабочая оппозиция и диктатура пролетариата». Это была научная работа, но звучала она очень современно, как хорошая публицистика. Иванов анализировал деятельность «рабочей оппозиции» внутри РКП(б) и доказывал, что прав Шляпников, а не Ленин. Против Ленина — значит против советской власти. 31 января 1959 года в читальном зале Исторической библиотеки Иванов был арестован.

Я об этом узнал 7 февраля, в день окончания студенческих каникул. Я был потрясен, думал, что делать, как выступить в его защиту.

В первый же день занятий, в перерыве между лекциями, я вышел и публично, коротко, но резко и громко, выступил перед своим четвертым курсом. Я говорил, что арест Анатолия Иванова — это возвращение к сталинским временам, что Хрущев совсем недавно, на XXI внеочередном съезде КПСС публично заявил об отсутствии в СССР политических заключенных⁸, а КГБ по-прежнему творит произвол.

В тот же день, буквально через три-четыре часа, было срочно создано бюро комсомола. Снова выступил Поляков, и тут уж он на меня ополчился: дескать, он надеялся, что я исправлюсь, а я обманул его доверие, пошел по ложному пути. На этот раз меня исключили из комсомола — и с треском⁹. А через полторы-две недели — и из университета.

Руководство университета не хотело пачкать свою репутацию, и мне выдали справку, что я сдал экзамены за такие-то курсы, по таким-то предметам, а исключен за непосещение занятий. Я аккуратно посещал лекции, но возражать против такой формулировки не стал: напиши они действительную причину, справка стала бы вол-

чьим билетом, а с такой бумагой я мог закончить образование в другом вузе.

...Лето 1959 года запомнилось мне прежде всего лекциями Григория Соломоновича Померанца о советском режиме. Он читал их на лоне природы, мне и Иванову (Рахметову). Основательные, насыщенные фактами, убедительные, лекции произвели на нас впечатление.

Но нужно было подумать и о завершении образования. В декабре 60-го я поступил на четвертый курс Московского государственного заочного пединститута. За полгода сдал экзамены за четвертый и пятый курс и одновременно со своими бывшими однокурсниками получил диплом.

В это время я уже жил и работал директором кинотеатра в Лианозово.

...После переезда в Лианозово я стал бывать на «Маяке» очень часто. У нас там сложилась постоянная компания: Иванов (Рахметов), Иванов (Новогодний) — он к тому времени уже освободился, поэты Шухт, Вишняков, Галансков, Щукин и с ним будущий предатель Вячеслав С. Чуть позже присоединились Кузнецов, Хаустов, Буковский.

Н.М. Вы считаете себя одним из организаторов «Маяковки»?

В.О. Вероятно, да. Хотя сам я никогда не выступал на площади — я ведь к этому времени уже перестал писать стихи. О «Маяке» и о своей роли там я довольно подробно рассказал в очерке «Площадь Маяковского, статья 70-я».

<...> С октября 1960 года начинается полоса самой оживленной деятельности. Сокрушить конформизм, единообразие, лишённое творческого начала, — было нашей целью. С этой целью я выпустил в ноябре месяце первый номер журнала «Бумеранг». Размышления художника Ситникова, критические статьи, стихи Щукина, Шухта, Ковшина, проза Виктора Калугина — такова была вторая (после «Синтаксиса») попытка издания машинописного сборника¹⁰. Я подготовил материалы и для следующего сборника. В это время произошло мое знакомство с поэтом Юрием Галансковым, и я отдал ему свои материалы. Позднее он частично использовал их в выпуске сборника «Феникс».

Мой друг Анатолий Иванов принял деятельное участие в работе нашего «клуба». Большую роль на этом, втором этапе площади Маяковского сыграли Юрий Галансков, Владимир Буковский, Виктор Хаустов. С Ивановым (Рахметовым) начались разногласия. Мы предлагали широкое наступление против конформизма и последствий культа личности. Иванов (Рахметов) продолжал цепляться за «чистое искусство», которое якобы помутнеет от соприкосновения с политикой.

На протяжении зимы—весны 1961 года «наши люди» не пропустили на площади ни одной встречи. <...>

Помню вечер в Манеже, посвященный окончанию выставки самодеятельных художников¹¹. Унылые выступления ораторов наводили сон на публику. Художники, съехавшиеся со всего Союза, поглядывали на часы, скучали... Но в засаде стояли мы. Наша группа (человек восемь-десять) решила дать бой. Искусствовед, заранее подготовившийся, отделился от нас и попросил слова. Не ожидая подвоха, председатель разрешил. Наш оратор подверг разносу халтуру выставленных полотен, выделив лишь две картины, как раз те, которые предыдущие ораторы сочли долгом упрекнуть за нехорошую тенденцию, то есть за талантливость. Потом «наш» разошелся вовсю: он открыто начал хвалить абстракционизм и формализм. В зале поднялся шум: «Не давать слова!! Долой!» Другие кричали: «Пусть говорит, пусть разоблачит себя!» Его едва не согнали с трибуны. Вскоре среди взбаламученной публики появился милиционер и по кивку председателя из президиума приказал всем покинуть помещение. Долго еще мы стояли на улице у здания Манежа. Нашу группу окружила толпа сочувствующих, мы спорили, улыбались и обменивались адресами. Группа, возникшая после этого вечера, стала затем постоянно собираться и обсуждать вопросы эстетики.

На вечере в Доме культуры ЗИЛ, где обсуждали журнал «Юность» (сентябрь, 1961 год), с подобным разбором поэзии этого журнала выступил я. В одном углу зала стояли «наши», в другом — у дверей — стояли, ловя каждое слово, сыщики. Теперь они не отставали от нас ни на шаг.

Разумеется, во всех наших публичных выступлениях на официальных собраниях не было ни грамма «криминала». <...> Наши выступления не были антисоветскими, но они были неконформистскими, свободными и критическими. Мы развернули свою деятельность довольно широко: в 1961 году трудно назвать вообще какое-либо мероприятие в Москве, посвященное литературе и искусству, на котором бы мы не присутствовали и на котором бы мы не выступали¹².

Н.М. Кроме открытых выступлений были, наверное, и собрания, не предназначенные для широкой публики?

В.О. Конечно. После площади мы обычно шли к кому-то домой и там читали и обсуждали доклады, произносили речи — это было нечто среднее между научным семинаром и революционной сходкой. Помню, Вячеслав С. сделал довольно интересные доклады об агрессии СССР против Финляндии и об экономической невыгодности колхозов. Он учился в экономическом вузе, и у него было много фактов, обличающих экономическую политику советского режима. Лично я выступал с докладом об октябрьском перевороте — доказывал, что это не народная революция, а именно переворот, заговор небольшой группы большевиков, которые захватили власть. В то время это была свежая идея, и я ее усиленно пропагандировал. Мне потом инкриминировались два моих выступления именно на квартирах.

Н.М. Среди «маяковцев» были национально мыслящие люди?

В.О. Нет, абсолютно. Все участники тех событий выступали с общедемократических позиций. Единственный человек, который исповедовал идею российской государственности, это чистокровный еврей — Илья Вениаминович Бокштейн. Как-то он выложил нам свою программу, правда, в самой общей форме. Сейчас людей с такими взглядами называют «державниками». Но тогда мы все были увлечены анархо-синдикализмом и совершенно равнодушно отнеслись к его идеям.

Н.М. В обвинительном заключении говорится, что в Измайловском парке вы вместе с вашими друзьями обсуждали программу антисоветской организации. Не могли бы вы подробнее рассказать об этом собрании?

В.О. Собрались Иванов (Новогодний), я, Вячеслав С., Женя Штеренфельд в качестве представителя Галанскова, Эдуард Кузнецов и Виктор Хаустов.

Эдик и Витя были сторонники решительных мер. Когда им жаловались на меня и на Новогоднего как на крайних революционеров, они говорили: «А нам это как раз и нравится. Мы к вам потому и пришли, что у вас такая репутация».

В Измайловском парке я зачитал программу подпольной антиправительственной организации, стоящей на анархо-синдикалистских позициях. Это всех устраивало — мы все были тогда анархо-синдикалисты. Мы обсудили программу и тут же сожгли ее текст.

После этого собрания мы уже чувствовали себя повязанными каким-то общим делом, хотя формально это никак не было закреплено, у нас не было даже устава. Но мы решили и дальше обсуждать и дорабатывать программу. Было также решено проводить совместные акции. Кузнецову и С. поручили съездить в Муром, собрать информацию о волнениях, которые там только что произошли. Там, в Муроме, стало известно, что 23 июля аналогичные события произошли в Александрове. Я с Кузнецовым и Хаустовым поехал в Александров. На основе полученной информации мы хотели сделать листовки, но так и не сделали¹³.

...Измайловская группа — это была как бы организация, со своими секретами, тайными планами, но существовал и более широкий круг — на площади. Там тоже не только стихи читали: постоянно шли какие-то разговоры, в которых критиковали политику власть предержащих, выдвигали какие-то свои предложения, шла беспрестанная полемика о прошлом и будущем России, завязывались философские дискуссии и непрерывные споры на темы: кто виноват и что делать.

Четкого размежевания, конечно, не было. Допустим, мы все вместе поехали за город и обсуждаем там идею создания независи-

мого молодежного клуба, а кто-то при этом думает, что внутри клуба он будет заниматься собиранием политических сил.

Н.М. Вы имеете в виду Буковского?

В.О. Да. Он был моложе нас и начал свою диссидентскую деятельность очень рано, еще в школе. Но, как я уже говорил, в измайловскую группировку он не вошел, и я не могу сказать, что общался с ним тогда очень тесно, хотя он и был весьма активен политически.

Н.М. А Илья Бокштейн?

В.О. Илья вел себя на площади смелее всех. Если мы в открытую не объявляли себя противниками системы, то он говорил прямо: «Я антикоммунист. Долой советскую власть. Неру считает, что коммунизм отстал от прогресса на сто лет, а я считаю, что на пятьсот». Он был не прочь поговорить и с дружинниками и сказать им все то же самое. (Поэтому на суде в свидетелях против него не было недостатка. Если против нас давали показания по трусости, слабости, то те, кто свидетельствовали против него, считали, что исполняют свой гражданский долг.)

Н.М. На следствии Вам инкриминировалось намерение террористического акта против Хрущева.

В.О. Идея имела место. Ее автором был Анатолий Михайлович Иванов, придумавший даже кодовое название этой операции — «Космонавт». Он говорил, что есть конкретный исполнитель — Виталий Ременцов, с которым он после ареста отбывал наказание в Ленинградской спецпсихбольнице. Я не уверен, видел ли я хоть раз в жизни этого Ременцова. Так что все показания по этому пункту обвинения были в основном со слов Иванова.

Анатолий говорил нам, что Хрущев взвинчивает международную ситуацию: Никита Сергеевич тогда дал понять, что, если американские самолеты начнут летать из ФРГ в Западный Берлин, советская авиация будет их сбивать¹⁴. Мы это расценили как провокацию третьей мировой войны, и в этой связи Иванов особенно настойчиво предлагал теракт.

Это предложение обсуждалось, кто-то одобрительно отнесся к проекту Иванова, кто-то — нет.

Н.М. А кого вы прочили на место Хрущева?

В.О. Об этом совершенно не думали. Мы находились в самом низу социальной пирамиды, и никаких соображений на это счет у нас не было.

Н.М. Если о намерении убить Хрущева знало всего лишь несколько человек, то как это стало известно КГБ?

В.О. 9 августа 1961 года — это был день моего рождения — Вячеслав С. заявил мне: «Я убедился, что у меня призвание ученого.

Я порываю с политикой и ухожу в науку, считайте, что я больше не с вами». Я выразил сожаление, но с этого момента он как бы прекратил свое неформальное членство в нашей неформальной организации. Однако это не помешало ему, вместе со своим другом Анатолием Щукиным, крутиться вокруг нас и постоянно что-то выведывать. Делал ли он это для себя лично или для КГБ — не знаю, но он постоянно держал ушки на макушке, хотел все знать.

Однажды, гуляя с поэтом Щукиным по вечерней Москве, я сказал: «Вот жизнь. Вечер, покой, а завтра очередная акция». Я имел в виду какое-нибудь очередное выступление в клубе или ДК. Но Щукину в слове «акция» почудилось нечто жуткое. Он собрал группу «маяковцев», в которую пролез С., и сказал: «Осипов что-то затевает». С., со своей стороны, вынюхал, что кто-то из моих знакомых упоминал о каком-то теракте. Он стал убеждать собравшихся, что если Осипов сказал «акция», это значит — теракт¹⁵.

И в ужасе побежал к своему старшему другу Киве Майданику (он был, кажется, либеральный марксист, антисталинист, из тех, что восхищались поэмой Евтушенко «Считайте меня коммунистом»), а тот посоветовал пойти в КГБ — «Там разберутся. КГБ теперь другой». С. так и сделал¹⁶.

Между тем в начале сентября в международной политике произошло что-то такое, что мы оценили положительно¹⁷, и к моменту ареста идея теракта была отвергнута. Я, во всяком случае, ее уже не поддерживал.

Переполошился, впрочем, не только Вячеслав С. Буковский, Щукин и Галансков тоже испугались — начнутся репрессии, престиж демократического движения будет подорван. Я с ними выпил, и Буковский, который считал себя гипнотизером, пытался меня о чем-то расспрашивать, якобы под гипнозом. Я дурака валял — а они все приняли всерьез. Через несколько дней после этой шутовской комедии меня арестовали.

Я к тому времени уже получил диплом и работал учителем истории в 727-й московской школе.

6 октября вышел я из автобуса, направился к школе — меня остановили и предложили сесть в машину. На вопрос, в чем дело, ответили: «Вы похожи на преступника, которого мы разыскиваем, надо проверить документы». Привели в отделение милиции, а у меня в кармане бумаги, которые я совсем не хотел бы им показывать. Я попросился в уборную, порвал их на мелкие кусочки и спустил в унитаз — очень был рад, что хоть это удалось сделать, понимал, что мне уже не выйти на свободу. И действительно, едва я вернулся из уборной, заявляется майор КГБ, с ним понятые, и мне зачитывается ордер на арест по делу Бокштейна, обвинявшегося в антисоветской деятельнос-

ти. Илья никак не был связан ни с измайловской группой, ни вообще с кем-нибудь из нас. Но не судить же эту площадь порознь!

В один день со мной были арестованы Кузнецов и Иванов (Новогодний). И в тот же день на наших квартирах, а также у Галанскова, Буковского и Хаустова были проведены обыски. У Хаустова изъяли фольгу, которую мы думали использовать для печатания листовок, у Кузнецова — какую-то написанную Буковским бумагу о расколе комсомола, у меня конспекты лекций Померанца. На следствии Рахметов признался, что Померанц читал нам эти лекции, но я отказался это подтвердить. Мне показали фотографию Григория Соломоновича, а я сказал, что для меня все евреи, как китайцы, на одно лицо, — я их не различаю.

Потом, в 65-м году, ко мне в лагерь приезжали чекисты, видимо, они намеревались посадить (а может, попутать) Померанца и думали, что коль скоро я теперь русофил, то, наверное, охотно «сдам» еврея, — но уехали не солоно хлебавши.

Н.М. По делу было арестовано четыре человека: вы, Кузнецов, Бокштейн и Иванов (Новогодний).

В.О. Еще Ременцов. Но Иванова и Ременцова признали психически больными. На скамье подсудимых сидели трое. Когда мы перед судом смотрели дело, там была бумажка, что органами КГБ в отдельное производство выделено дело антисоветски настроенных лиц: Анатолия Ивановича Иванова (Рахметова), Галанскова и Буковского.

Н.М. Как вели себя подследственные?

В.О. Очень быстро «раскололся» Новогодний. Его показания были мне предъявлены уже 10 октября. Он признался, что задумал террористический акт и привлек к этому Кузнецова и Осипова. Правда, он сказал так: «Осипов одобрил этот проект, но от практического участия отказался». Для чекистов было достаточно и того, что я «одобрил».

Н.М. Тем не менее, освободившись, вы возобновили отношения с Анатолием Михайловичем. Как он объяснил вам свое поведение на следствии?

В.О. «А зачем вы придерживались того, что я сказал? Я же числюсь дураком, шизофреником. Не надо было обращать внимания на мои показания».

Н.М. Как вели себя остальные подследственные?

В.О. Илюша и на суде не особенно скрывал свои убеждения, Эдик все рассказал и признал себя виновным.

Н.М. А свидетели?

В.О. Очень хорошо, независимо держался Хаустов. Иванов (Рахметов) давал какие-то показания. Главным свидетелем обвинения на суде был С. Если бы не его донос, мы бы отделались легче.

Н.М. Вы видели его показания?

В.О. Да. «Я появился на площади Маяковского, увидел, что здесь собирается молодежь, живая такая, всем интересуется, хорошая молодежь, наша советская. Потом я обнаружил здесь две группы: одна — наши советские люди, только слегка ошибающиеся в своем отношении к литературе и искусству; и другая — экстремисты, сторонники насилия» (я, конечно, сейчас своими словами пересказываю, но за смысл ручаюсь). В первую группу попали Анатолий Иванович Иванов (Рахметов) и Галансков, во вторую — Анатолий Михайлович Иванов (Новогодний), Осипов, Кузнецов... не помню, Хаустова он упоминал или нет, но мы трое точно назывались сторонниками насилия. Самое главное в его доносе было: «Я недавно узнал, что они планируют террористический акт, готовят чуть ли не взрыв XXII съезда КПСС».

Для КГБ все складывалось как нельзя более удачно. Перед съездом партии выявили террористов! Они сразу убивали двух зайцев — прикрывали «Маяковку» — очаг инакомыслия и одновременно доказывали, что в стране действуют террористические организации и, следовательно, комитетчики не даром свой хлеб едят.

Теперь я думаю еще, что Шелепин тогда собирался сместить Хрущева и хотел использовать наше дело в свою пользу — дескать, смотрите, к чему приводит либерализм: Хрущев проявил слабость, позволил молодежи встречаться на площади — и сразу политический террор. Дай свободу — они всех нас перестреляют.

Нас не пытали и даже не прибегали к угрозам. Следствие велось подчеркнuto корректно. Был взят метод мягкого обволакивания. Под напором других показаний тоже начинаешь показывать, правда, постоянно напоминая следователям: «О себе скажу все, о других ни слова». Следователь записывает по-своему. В конце допроса перечитываешь протокол и удивляешься: вроде так, и вроде не так. <...> Надо откровенно признать, что следователям удалось убедить нас в том, что «объективно» мы наносим ущерб советскому государству. <...>

Единственное в жизни, за что я краснею, единственное, чего постоянно стыжусь — это того, что я *признал себя виновным*. Спустя четыре года я отправил заявление на имя председателя Верховного Суда СССР Горкина о том, что отказываюсь от всех своих показаний и не считаю себя виновным. <...> Девятого февраля 1962 года Московский городской суд (судья Коржилов, прокурор Молочков, адвокат Ситников, вскоре скончавшийся) приговорили Осипова и Кузнецова к семи годам лишения свободы, Бокштейна — к пяти годам.

Н.М. Где вы отбывали срок?

В.О. Долго перечислять. Лагерное начальство все время экспериментировало — то нас соединяли со всеми государственными преступниками (изменниками, шпионами), то разъединяли.

Суд приговорил нас к отбыванию наказания в лагере усиленного режима. (Тогда существовало четыре: общий, усиленный, строгий и особый.) Но 28 мая 1962 года вышел указ Президиума Верховного Совета РСФСР о двух видах режима для государственных преступников: строгий и особый. Согласно этому указу, с усиленного стали переводить на строгий. Нам же дали, перескочив через ступеньку, особый («спец»).

Сюда попадали люди со второй судимостью — рецидивисты и те, кого приговорили к расстрелу, а потом помиловали. Но Московский городской суд так обосновал свое решение: «Да, эти люди не рецидивисты, но, во-первых, их деятельность носила широкие масштабы, а во-вторых, они были злостные антисоветчики и потому заслуживают особого режима».

Именно здесь, на «спецу» ко мне вернулась вера. То бабушкино православие, которое во мне было заложено, но которое — на время — вытеснилось марксизмом, ницшеанством и прочей ерундой.

Я услышал рассказ эстонца, принимавшего участие в советско-финской войне на стороне финнов, о том, как он косил из пулемета русских солдат. Идиот-генерал посылал их прямо на огонь. Никаких военных хитростей, никакого обхода — гора трупов. «Я строчу справа налево, слева направо — одни падают, другие идут и идут. Я уже не могу — кожа с рук слезает, пулемет раскален, а они все прут».

Я был буквально потрясен: никто не думает о нашем народе, гонят на убой.

Не спал двое суток и встал уже националистом. Вся анархо-синдикалистская дребедень сразу отпала. С этого времени я считаю себя православным русским националистом, державником, сторонником Российской империи и монархистом. Конечно, в деталях что-то менялось, что-то углублялось, что-то шлифовалось, но основное мое кредо — за веру, царя и Отечество — сохранилось по сей день.

Илья Бокштейн

ПЛОЩАДЬ МАЯКОВСКОГО — ТЕЛЬ-АВИВ

Кто же такой Бокштейн, по делу которого арестовали Осипова? Он не имел никакого отношения ни к измайловской группе, ни к террористическим планам...

Существует легенда, что знаменитая песня Окуджавы «Бумажный солдат» — про Илюшу Бокштейна. Выяснить у Булата Шалвовича, так ли это на самом деле, мне не хотелось...

После почти тридцатилетнего перерыва я встретила Илью в Яффо — арабском пригороде Тель-Авива. Он меня не узнал, да и не мог узнать: мало ли кто когда-то видел его на площади. А я, только взглянув на

его жилье, сразу поняла, что не ошиблась адресом... Это нельзя назвать человеческим жильем: книжный склад, келья, берлога — все что угодно, только не дом, не квартира. Там нет ничего, кроме книг. На всех языках. Поэзия, проза, альбомы по архитектуре, каталоги едва ли не всех музеев мира...

Но и книги живут у него по-спартански: на полу, на подоконнике, в раскрытом настезь холодильнике, вповалку на единственном в комнате диване, вытеснив оттуда — непонятно куда — хозяина...

Он выдержал выпавшие на его долю испытания мужественно и достойно. Но сейчас его интересует только Логотворчество — создание собственного поэтического языка. Говорить о чем-то другом ему явно не хотелось. С трудом упростила рассказать о себе...

Я не сам ли выбрал час рожденья,
Век и царство, область и народ,
Чтоб пройти сквозь муки и крещенье
Совести, огня и вод?

М.Волошин

Л.П. Илья, я помню вас на площади. Не у постамента, а именно на площади. Помню вашу фразу (по-моему, вы произносили ее не один раз): «Мои предки были равнины и горели на кострах». Потом я узнала, что вы арестованы. (За что?) Потом — что вы освободились. Потом прошел слух, что вы уехали в Израиль. Вот, собственно, и все, что я о вас знаю. Расскажите о себе как можно подробнее. Вы действительно из семьи еврейских священнослужителей?

И.Б. Мой дед был «каганим», и меня в детстве дразнили «каганим». А что это значит, я не знал тогда, и очень приблизительно представляю себе сейчас: какая-то высшая духовная каста. Дедушка все время что-то читал на каком-то непонятном мне языке. Он, как я потом узнал, был главный резник московской синагоги. (Из семи синагог после революции в Москве осталась одна, и он там работал, если не ошибаюсь, до конца жизни — он умер в восемьдесят шесть лет.)

В три с половиной года я заболел спондилитом, меня отправили в детский туберкулезный санаторий, где я провел семь лет в гипсе и почти забыл свои ранние детские впечатления, связанные с деревянным домом на Ульяновской улице (он сгорел в войну), с дедом (когда я вернулся его уже не было в живых), с идишем, который я, к слову сказать, так никогда и не выучил. Моя жизнь — целиком — прошла под знаком русской культуры.

Л.П. Санаторий, в котором вы провели детство, был обычным, нищим или привилегированным?

И.Б. Какие привилегии? Моя мать была обыкновенной машинисткой. Санаторий в Кирицах, под Рязанью был общедоступным, но он не был нищим. Прежде всего, он размещался в удивительно

красивом здании: старинный особняк, построенный знаменитым Шехтелем, раньше принадлежал какому-то князю (забыл фамилию). Кругом лес — красота! Кормили вполне прилично. Голодными никогда не были, даже в войну (нас тогда эвакуировали на Алтай, в Белокуруху, там тоже была совершенно изумительная природа). И люди в санатории работали хорошие. Работа у них была очень тяжелая, но они старались делать для детей все возможное.

...Потом нас вернули в Москву (не в Кирицы, а в Москву), в санаторий около Велозаводской, он и сейчас там стоит. Это тоже был какой-то своеобразный дом, тоже, по-моему, бывший дворец, тоже с расписными потолками... Какая-то романтика была и в этом здании.

...Я был страшный рева и часто затевал ор без всякого повода. Меня в качестве наказания вывозили в пустой зал, а для меня это было блаженство — изумительные плафоны, на них паруса, корабли... Я начинал придумывать разные истории. Я тогда пристрастился к языческим богам. У нас в палате стояла рентгеновская установка — я населял ее богами и пугал мальчиков: вот сейчас они вылезут и нашьют нам всякие беды.

Л.П. Ваша вера в языческих богов шла от Куна, из «Мифов Древней Греции»?

И.Б. Нет. Инициаторами были взрослые. Нянечки верили в колдовство, в сглаз, в сверхсилы, в дьявола, в демонов. Да и врачи (хоть большинство из них были евреи и атеисты) тоже вдруг стали молиться. (Непонятно, какому Богу.) Ведь шла война, у многих погибали или пропадали без вести близкие, — как тут не надеяться на Бога.

...Боги, которых я придумывал, были настолько злыми, что взрослые решили: Бокштейн травмирует своих товарищей — и убрали меня в палату к старшим. А тут шли ужасные усобицы. Сторонники враждующих партий постоянно избивали друг друга. Подъедут к постели — и никуда не денешься. Руководители партий назывались князьями, и меня все время спрашивали: «За какого ты князя?» А я никак не мог выбрать. Наверное, мне бы пришлось плохо, но у меня объявился шеф-охранник. Он охранял меня цербером — за то, что я рассказывал удивительные истории. Моими рассказами завораживались.

Л.П. Вас приходилось защищать потому, что вы не могли определиться во «внутрипартийной борьбе», или еще и потому, что вы еврей? Антисемитизма среди детей не было?

И.Б. Был. О евреях говорили постоянно. Но для меня это была совершенно непонятная тема. Когда в палату входила медсестра, я ей на ухо с огромным удовольствием шептал: «А вы знаете: я еврей». Она дико пугалась: еврей — это было нечто страшное и совершенно выходящее за пределы человеческого понимания, в это понятие укладывалось все мерзкое, что есть на свете.

Среди князей как-то вспыхнула дискуссия: что лучше — быть бабой или евреем. Решили, что бабой. Я там был единственный еврей, и казалось бы... но козлом отпущения стал какой-то русский мальчик. Его называли евреем — ненавидели, избивали и издевались как угодно. Уж не знаю, почему так получилось. Может быть, у него были состоятельные родители, которые посылали ему богатые посылки — не помню. Но он совершенно точно был русским. А тут рядом кукушонок, с ярко выраженным профилем, глазами навывкате, петушиным носом — и хоть бы хны. Мало кто понимал, что я имею отношение к этому явлению: еврей.

Была там одна нянечка, очень верующая женщина, и она как-то стала мне рассказывать о страстях Христовых, о том, что евреи распяли Спасителя. Это мне не понравилось. Неведомые евреи распяли Иисуса, а вдруг меня примут за их представителя? Это создавало угрозу моей безопасности, и я решил принять меры. В один прекрасный день я спросил ее: «А вы знаете, что была мировая война?» — «Что еще за мировая война? Мир — это мир, а война — это война». Раздался смех. Все поняли, что она человек темный и ее рассказам нельзя верить.

Л.П. Сколько вам тогда было лет? Восемь? Девять? Вы-то откуда знали про мировую войну? В санатории вас учили? А если даже и учили, то, насколько я помню, войну «проходят» после четвертого класса, то есть когда вы были уже в обычной школе.

И.Б. Дети, лежащие в постели, развиваются быстрее своих сверстников. А я еще лежал в палате со старшими ребятами. Когда меня туда перевели, там (у третьеклассников) уже обсуждались серьезные литературные произведения, например «Капитанская дочка». Наша учительница Ираида Васильевна — как сейчас ее помню — очень много читала нам вслух: Пушкина, Лермонтова, Гоголя — чуть ли не всю русскую классику. Из зарубежной помню «Гаргантюа и Пантагрюэль» в адаптированном издании, «Гаврош», «Двенадцать подвигов Геракла»...

Л.П. Все советские дети, даже и больные, воспитывались более-менее одинаково. Вам тоже, наверное, внушали, что Сталин — великий вождь и учитель, нет другой страны, в которой «так вольно дышит человек»¹, и т.д.

И.Б. Может быть, и внушали, но ничего из этого не получалось. Да и кто, собственно, мог нас агитировать? Учительница была одна, она, как я вам уже сказал, читала нам Пушкина, Тургенева. Нянечки рассказывали в основном про спаса, святых, ангелов... Врачам было не до агитации. Книжки в основном приносила все та же Ираида Васильевна. А у нее, видимо, был вкус. Во всяком случае, она оставила о себе какие-то очень добрые воспоминания. Вообще, санаторий — это было некое элитарное место, в духовном, конечно,

плане. Мы, мальчишки, не знали, например, мата, нецензурных ругательств. Употреблялись какие-то странные эвфемизмы, но не мат... Там вообще была ситуация «Волшебной горы»². Мир за стеклами больницы казался сказочным... Помню, как в первый раз после войны пришла ко мне мама. Я ее не узнал. Мама рисовалась мне как что-то очень большое, светлое, солнце сияющее — а тут сморщенная евреечка с горбатым носиком, тихая, беспомощная...

Л.П. В санатории вы думали, что за его стенами продолжается жизнь, описанная у Пушкина и Тургенева?

И.Б. Именно так. Когда в четвертом классе я пошел в нормальную школу (меня вылечили настолько, что я уже мог ходить самостоятельно, хотя и в корсете), я называл преподавателей и директора: Ваше высочество, Ваше благородие, Ваше превосходительство... Мне устроили проверку на умственное развитие: дали прочитать какую-то газетную статейку и попросили пересказать. Я пересказал. Оставили в покое.

...Период адаптации к окружающей действительности был очень длительным и очень тяжелым. Реальный мир пугал меня. Особенно автомобили. Я очень любил смотреть в окна на милые, красивые машинки, которые так удивительно шныряют, — а тут газ, шум, скрежет. Я боялся ходить один по улицам — мама водила меня за руку.

...Школа оставила у меня самое мрачное впечатление. Я бы сказал, самое мрачное в моей жизни. Сугубо атеистическая среда. Полное отсутствие даже понятия о духовности — после нас ничего не существует. Я сам, маленький, необразованный, не мог преодолеть атеистическое воспитание, и это делало меня беспомощным. Но и быть, как все другие школьники, я тоже не мог. Поэтому я неизбежно должен был стать белой вороной, аутсайдером... Я был очень слаб физически, и все силы организма шли на выживание. Темпы интеллектуального развития снижались.

Л.П. Ваш дед, раввин, к этому времени уже умер. Но, наверное, оставалась бабушка. Она, должно быть, пыталась воспитывать вас как-то иначе, не так, как в советской школе 50-х годов?

И.Б. Бабушка говорила мне, что я должен делать три вещи: леен, шрайбен и цейхнен*. Ее сын, мой дядя, таскал меня в синагогу.

Л.П. Они, наверное, все-таки старались дать вам если не религиозное образование (это было невозможно), то, по крайней мере, какие-то религиозные знания?

И.Б. Пытались, но я был совершенно непробиваем. Дело в том, что на уровне сознания я как раз *хотел* быть как все. Нормальным советским идиотом, пионером, комсомольцем. Я был благодарен советской власти за то, что она меня вылечила, и слепо верил в то,

* Читать, писать, рисовать (*идиш*).

что социализм — хорошо, капитализм — плохо. Несогласие шло исключительно на подсознательном уровне.

Вот я расскажу Вам такой эпизод: вызвала меня преподавательница литературы и попросила прочитать стихотворение Тычины. Я его до сих пор помню:

У нас богатства столько и счастья золотого,
Его черпай годами и не увидишь дна,
Навеки хватит детям, навеки хватит внукам
Того, что дал нам Ленин, того, что Сталин дал³.

Я прочел — она вдруг покраснела, вспыхнула, закричала: «Бокштейн — это человек, который привык оплевывать все хорошее, что есть в нашей жизни!»

Л.П. Простите, не поняла: почему вполне верноподданническое стихотворение вызвало такую реакцию?

И.Б. Интонация.

Л.П. Издевательская?

И.Б. Видимо. Я не осознавал этого, но, наверное, она была. Во всяком случае никто не возразил, не удивился. Я читал искренне, но врожденное эстетическое чувство восставало.

...1 мая и 7 ноября я с мамой шел на демонстрацию приветствовать вождей, был счастлив, если удавалось увидеть Сталина. Любовавался проектами помпезных зданий — они тогда стояли по всей улице Горького (а мы жили в трущобе, в шестиметровой конурке, где зимой замерзала вода). Но эмоционально мне были чужды и Ленин, и Сталин, и все эти ублюдки из правительства.

Л.П. Но тогда вы ведь не понимали, что они ублюдки?

И.Б. Эстетически они мне не подходили... Но я верил в эту власть, а Сталин... Сталин был некое божество, вроде тех санаторных.

Л.П. В конце 40-х годов шла разнузданная антисемитская кампания (это называлось борьбой с космополитизмом). На волне государственного антисемитизма не помните ли вы всплеска антисемитизма бытового?

И.Б. Помню. Конечно. В начале 1953 года, после ареста врачей, выходить на улицу было страшновато. Злобные, недоверчивые, настороженные лица. Были очень страшные случаи убийства детей в школах — забивали до смерти. В школе, где учился один из моих двоюродных братьев, еврейского мальчика кастрировали.

Наша школа считалась образцовой, но и здесь, конечно, были хулиганы, и меня тоже избивали... Один из учеников любил затевать дискуссии: подсаживался ко мне за парту — и начиналось: «Что за народ?! Ни культуры, ни истории! У нас, русских, государство, богатейшая культура, а у вас что?» Возразить ему я не мог и потому замахнулся (хоть я и был маленький, как клоп, а он дылда). «На

перемене выйдем — поговорим», — сказал он. И он, конечно, разделал бы меня в лепешку, но тут поднялся другой парень — «Поговоришь ты со мной!» (Через много лет мне сказали, что мой тогдашний защитник работает в КГБ. Впрочем, не знаю, может, то слухи, а может, ему почудилась там некая романтика.)

...Вообще, не могу сказать, что все русские тогда проявили себя как антисемиты. Наша соседка по коммунальной квартире тетя Дуся, простая женщина, как-то сказала: вот, дескать, евреев снимают со всех постов, а ведь это несправедливо, они же не виноваты, что родились евреями.

...Никто не представлял себе, что пройдет всего несколько месяцев и врачей освободят. Моих родственников восстановили на работе (они почти все были уволены). В учреждениях поздравляли евреев... В общем, конечно, это была огромная радость.

Л.П. Для того чтобы освободили врачей, должен был умереть Сталин. Что вы помните о его смерти?

И.Б. Я искал валенки, чтобы отправиться на похороны любимого вождя, и никак не мог найти (а может быть, подсознательно и не хотел, моя интуиция всегда работала глубже меня). А потом пришла тетя Дуся и сказала: «Да не ходи ты никуда, там давят друг друга, морги переполнены, Склифосовского⁴ переполнена...»

На следующий день я, правда, все-таки попытался проститься с любимым вождем (тогда уже вроде бы навели порядок), каким-то образом прорвался сквозь милицейский кордон, встал в длинную очередь, но меня из нее вытолкнули. Я попытался снова прорваться, но на этот раз, слава Богу, не удалось.

Л.П. Мои родители всегда говорили мне только то, что написано в газетах, но тут их как прорвало — они не могли скрыть свою радость.

И.Б. Мама сказала только: «Если бы Сталин не умер, я бы не послала тебя летом в лагерь». А вот дядя высказался более эмоционально: «Хорошо, что Сталин сдох, а то досталось бы нам с тобой».

Л.П. Значит, он и до 5 марта 1953 года все понимал. Вы не слышали от него раньше, если не подобных фраз, то хотя бы каких-то словечек, какой-то интонации, которая поразила бы вас своим несходством с официальной пропагандой?

И.Б. Конечно, нет. Вы, наверное, плохо представляете себе обстановку того времени. У стен были уши. Люди боялись не только вслух, но и про себя что-то сказать, даже подумать.

Л.П. А потом последовало разоблачение Берии.

И.Б. Да. Ходили какие-то слухи, что он все время молил о пощаде... но все это меня не очень волновало. Я жил своим внутренним миром, он тогда еще был очень неполноценен, но, по-видимому, все-таки был. Я интересовался искусством, музыкой, живописью.

Хотя я и был абсолютнейшим советским болваном, но политика меня мало занимала.

Л.П. Учились хорошо?

И.Б. По гуманитарным дисциплинам хорошо, особенно по литературе, истории. Преподаватель литературы Иван Никитович, герой войны, постоянно ставил меня в пример. Он, к слову сказать, был единственный из наших учителей, кто хоть как-то, хоть и в очень узких рамках дозволенности, но все-таки поощрял самостоятельное мышление.

Л.П. А с другими учителями вы вступали в конфликты?

И.Б. Нет. Почему? Я очень уважал учителей. Даже благоговел перед ними. Я же не понимал, что они несут всякую чушь и что не они в этом виноваты — иначе говорить они не могут.

По точным дисциплинам я учился плохо. На одних тройках. (Да и их-то ставили из снисхождения.) Но учителя тут были ни при чем. Просто мне эти предметы не нравились. А я всю жизнь ставил своей целью заниматься только тем, что нравится... Кажется, удалось!

Когда я кончил школу, мне выдали такую характеристику: «Бокштейн в школе много читал и старался выработать самостоятельное мышление по самым трудным вопросам. Много вредили Бокштейну неряшливость, неаккуратность, безалаберность».

...Я поступал на филологический факультет, но сделал в сочинении пятьдесят ошибок. (Каким образом я кончил школу, да еще с отличными отметками по литературе и русскому языку — ума не приложу.) Мамаша по благу в том же году сунула меня в техникум связи (у нее все родственники были связисты). Техника начала меня иссушать, уничтожать гуманитарные корни, заложенные во мне природой и генокодом, создалась угроза гибели во мне гуманитарного начала, художественного и писательского, — и провидение привело меня в библиотеки. Я стал ходить в «Ленинку» и «Историчку». Начал с энциклопедии Брокгауза и Ефрона. Там все было не так, как нас учили в школе. Выяснилось, например, что Пушкин и Лермонтов сами провоцировали дуэли с абсолютно невинными людьми, которые вовсе не хотели с ними стреляться, а царь платил Пушкину за его крамольные вещи золотом государственной казны... Главное же, там были имена, которых я раньше никогда не слышал: Шопенгауэр, Шпенглер, Ницше...

Я был совершенный младенец и решил начать прямо с античности: Платон, Аристотель; потом средние века: Декарт, Спиноза, Лейбниц; потом XVIII век — Ларошфуко, энциклопедисты; потом классическая немецкая философия (она меня особенно потрясла). Потом Эдуард Гартман — «Философия бессознательного». Какой гениальный философ! Его теорию помню до сих пор. Потом Шпенглер, потом уже Хайдеггер — о нем тогда мало что можно было найти... В

американской энциклопедии прочел что-то о Ясперсе⁵. Много читал по истории искусства, мировой культуры, ну и, конечно, классику.

Л.П. К поэзии пристрастились? С русским Серебряным веком познакомились?

И.Б. Читал, конечно. Но без особенной любви. Я считал поэзию чем-то низшим по сравнению с музыкой и живописью. Мне казалось, что слово еще не доразвилось до нюансировки сознания, что поэзия зависит от преходящих вещей: от краткосрочных названий предметов, которые сейчас такие, завтра — другие. Поэт волей-неволей должен быть мембраной, ловящей современную терминологию — это мне претило. Я хоть и прочел Гегеля, но не понимал (не принимал) его знаменитой максимы: «Поэтическое мышление — это высший тип мышления»... Впрочем, я не знал тогда многих крупных русских поэтов: ни Мандельштама, ни Ахматову, ни Пастернака...

До 1958 года я был нерелигиозным человеком и не мог понимать искусства, ведь основа всякого искусства религиозна. Пока во мне не была открыта духовидческая дверь, я при всей своей философской подкованности многого не чувствовал, не воспринимал.

В 1957 году, во время фестиваля молодежи и студентов, в Парке культуры была замечательная выставка современной западной живописи⁶. Я ходил туда. Витийствовал, произносил бредовые речи, но ничего не понимал. Мне все это активно не нравилось. А через год, когда во мне уже стало пробуждаться религиозное сознание, я пошел в Музей им. Пушкина, увидел там импрессионистов, они мне понравились — и все стало на свои места.

Л.П. Какие-нибудь интересные знакомства появились у вас в ту пору?

И.Б. О да! В библиотеке. Мои самые светлые воспоминания о России связаны с людьми, с которыми я познакомился в 50-х годах в «Историчке».

В разгар моего самоучительства я вдруг занялся еврейской проблемой. Захотелось понять, кто я, откуда... Сажу я, обложенный Талмудом и номерами «Восхода»⁷, и вдруг подходит ко мне какой-то старичок (как я потом узнал, — Альберт Яковлевич Вульф) — «Вы интересуетесь еврейским вопросом? Как вы к этому пришли? Вы же получили совершенно другое воспитание». А я тогда только начинал читать всю эту литературу и еще мало чего успел понять. Я сказал ему: «Евреев осталось всего миллионы десять-двенадцать, не больше. Весь цвет еврейства уничтожен, этот народ уже не возродится».

Мы заспорили. И тут он сказал мне то, что меня шарахнуло: «Я оплакиваю не те пять миллионов, которые погибли, а тех, кто остался здесь, в советской России. У них нет нации, нет культуры, нет религии — русскими они все равно не будут».

«Хотите я познакомлю вас с очень интересной личностью?» — спросил меня Альберт Яковлевич. И он подвел меня к человеку, которого я сам никогда бы и не заметил, — он сидел за двумя гигантскими стопками книг, листал, делал какие-то пометки, выписки, откладывал, брал другую такую же кучу, опять что-то искал, смотрел, и так до тех пор, пока Вульф не сказал: «Познакомьтесь. Я думаю, вы оба останетесь довольны». Тут я увидел отощавшего профессора с шишкообразным выпуклым лбом а la Достоевский, в очках, с рыбьим выражением лица. Лев Петрович Барашков (это был именно он) не имел никакого отношения к еврейству, это был книголюб, влюбленный в русскую литературу, совершенно потрясающая личность, один из тех людей, которые восстанавливали прерванную нить русской культуры, знакомство с которыми — с успехом — заменило мне университет.

...Помню нашу первую дискуссию в курилке «Исторички». Я начал что-то лепетать про Маркса и Ренана⁸.

Л.П. Вы высказывались о Марксе положительно?

И.Б. Честно говоря, не очень помню. Может быть, и положительно. Был 58-й год, я еще далеко не все тогда понимал. Но о Марксе никакой дискуссии не получилось. «Не могу вам ничего сказать по поводу Маркса — сам я не марксист», — вот и все, что я услышал по этому поводу от Льва Петровича. Зато как долго и как интересно он говорил о Ренане! Он, конечно, не был сторонником ренановской версии (в отличие от меня, который только начинал свой путь самознания и самообразования)... И начались наши беседы...

Лев Петрович был главой некоего неофициального сообщества «Замоскворецких Сократов» (так их назвала «Русская мысль»⁹, а я называл «замоскворцами»), с которыми я также скоро познакомился. С точки зрения властей, это были шизоиды. На самом же деле они, конечно, не были больны, просто загордились разными справочками от армии и вообще от советской действительности. Многие из них не имели постоянной работы, никто не служил по восемь часов в день. Они читали, писали, дискутировали о судьбах культуры, России, мира... Среди них были переводчики (целый переводческий комбинат), они переводили книги по философии, эзотерии: Штейнера, Гурджиева, Блаватскую¹⁰. Но никакой политики — за этим следили бдительно. Это не было «самиздатом». Переводы распространяли исключительно в своем кругу. Тихо-мирно. Чтобы не привлекать внимания властей.

Л.П. Замоскворецкие Сократы, или, как вы говорите, «замоскворцы», приняли вас в свой круг?

И.Б. Провидению, наверное, очень хотелось, чтобы я попал в этот круг. Потому что почти в то же время, когда я познакомился с

Барашковым, я, совершенно независимо от него, познакомился и с другим «замоскворцем» — Гариком Моделем.

22 апреля, в день рождения Ленина, у нас в школе был вечер встречи. Там ко мне подошел очень красивый молодой человек с лицом средневекового священника-инквизитора, как будто сошедший с полотен Веронезе и Тинторетто, — классическая фигура, не характерная для нашего времени. «Помните меня, Илья Вениаминович?» — «Нет, не помню». — «А я вас хорошо помню».

Гарик Модель кончил нашу школу на год позже меня и к тому времени уже принял католичество.

Гарик привел меня к Юрию Витальевичу Мамлееву. (Теперь он известный писатель, а тогда, конечно, не было напечатано ни строчки...) Коммунальная квартира, на двери шкафа, то ли медвежья, то ли собачья. Холодная, неотопливаемая комната. Какой-то колченогий стол. Шпротики. Огрызки огурчиков. Больше ничего — даже хлеба. (Писатель пил зверски.) Посреди комнаты стоит сам хозяин. Глаза — Блока. Он меня о чем-то, видимо, спросил, я ему начал говорить какие-то свои глупости, уж не помню, какие. На что Юрий Витальевич сказал: «Все это несущественно, молодой человек. Существенно умереть и хотя бы один раз в вечности воскреснуть».

Я уже читал какие-то книги, Гарик Модель уже что-то рассказывал мне про католицизм, но что-то во мне еще не поворачивалось, а тут — все закрутилось в мозгу. День знакомства с Мамлеевым я считаю днем моего рождения как homo sapiens'a. Моя духовная биография началась с этого дня. Сразу стали понятны искусство, литература — все.

У Мамлеева собиралось много всякого народу, но «постояльцами» были только Сократы. Остальные приходили-уходили, как-то исчезали, приходили другие. Молодые, непризнанные поэты приносили Юрию Витальевичу свои стихи — его одобрение было высшей похвалой. Вообще «замоскворцы» были мэтрами нового искусства, нового русского Ренессанса, третьего авангарда — называйте его бронзовым, как угодно. (Тогда, конечно, никому и в голову не приходило, что кто-то из Сократов прорвется, станет печататься и даже пожинать лавры.)

Те, кто собирались у Мамлеева, не хотели уподобляться диссидентам, у которых многое было рассчитано на внешность, на мишуру. Сократы занимались вопросами экзистенциальными, непреходящими проблемами русской культуры, которые не связаны, как я говорю, с проблемами Северной Кореи.

Когда меня здесь спрашивают о моей биографии, я всегда отвечаю, что биографии у меня нет, я не жил в советской России, проблемы Северной Кореи меня не волновали. Я преклоняюсь перед диссидента-

ми как перед людьми, которые сокрушили эту махину, но меня лично эти проблемы не занимали. Если я потом во что-то и ввязался...

Л.П. ...то любить вас следует не за это — понятно. О том, как вы «ввязались», мы еще поговорим. А пока открою вам маленькую тайну: я в свое время, хоть и шапочно, но тоже знала Юрия Витальевича — и не могу сказать, что он был уж вовсе индифферентен к тому, что тогда творилось в России, большевиков он ненавидел люто.

И.Б. Конечно. Как-то в минуту откровения он сказал мне: «Сорок лет страной правит скотская банда. Перебила всех, кого только могла перебить. Бог сошел с ума». Он цитировал мне Белого «Мать-Россия, о родина злая, Кто же так подшутил над тобой?»¹¹

Л.П. Если он нечасто говорил на общественно-политические темы, то, может быть, просто потому, что боялся «стукачей»?

И.Б. «Стукачи» к нему, по-моему, не попадали. Был у него некий тест: придет новый молодой человек, начнет исповедоваться, ругать советскую власть, а Юрий Витальевич говорит: «Вопрос не в этом. Вопрос в том, за что убили царевича Алексея¹²». В зависимости от ответа и решалось, станет этот человек постоянным посетителем или нет. Сам Мамлеев был оригинал, и та публика, которая к нему приходила, тоже была очень нестандартна. Он умел отличить нестандартность.

Л.П. Помню, он говорил, что лучший способ застраховаться от стукачей — это разговаривать на том языке, которого они не понимают.

И.Б. Правильно. Он ведь жил в коммунальной квартире, и соседи были не самые лучшие люди, но они просто не знали таких слов, как «кадеты», «совдепия», «Государственная Дума», не догадывались, что стоит за фамилиями Милюков, Родзянко, князь Мещерский¹³, Розанов, советский обыватель ведь не знал, с чем это едят.

Мне рассказывали такой случай. Сидит как-то Мамлеев в ресторанчике, рядом какая-то скотская морда кагэбэшного вида. «Ну что ты на меня смотришь? — говорит Юрий Витальевич — Давай лучше выпьем за русскую народную героиню Фанни Каплан¹⁴». И тот не мог сассоциировать эту «русскую народную героиню» с той Каплан, которая стреляла в Ленина (если даже он и знал об этом факте).

Л.П. Но когда Мамлеев читал свои рассказы, собиралось довольно много народа.

И.Б. Как — много? В его каморке много и не могло поместиться. Много народа собиралось у Фриде. В свое время у нее в Борисоглебском переулке был шестиэтажный дом, ей оставили в нем комнату — двадцать шесть метров. Вот там, действительно, собиралось до сорока человек. Каждую субботу. Это был настоящий салон! И в каком районе! Он сводил меня с ума своими старинными зданиями, купеческими особняками, домиками, оставшимися чуть ли не с григорьевской¹⁵ Москвы.

У Фриде я бывал часто — там было очень приятно... Какие-то барочные стульчики, гобеленчики. Хозяйка варила брагу, которую называли «брага из Борисоглебска». Помните у Губанова — «И в серебряную чашу молодую брагу льют...»?¹⁶

У Фриде в основном читали стихи. Это ведь было время, когда в художественных текстах, на «закрытках» (в салонах — недаром их тогда много развелось) можно было что-то сказать. Многие постоянные посетители стали потом известными поэтами.

...Я туда приводил много народа, и все они читали свои стихи, говорили собственным голосом, а я был нем как рыба. Это меня страшно бесило. Я все время чувствовал свою ущербность.

...У нее устраивались выставки авангардных художников — к сожалению, не помню, чьи. По догадке могу сказать, что выставались Плавинский, Ситников, Штейнберг, Вейсберг... — они все у нее бывали.

Вот у Фриде, конечно, не могло не быть стукачей. Дом был совершенно открытый, ходили все кому не лень. Когда начинались какие-то скользкие разговоры, хозяйка всегда их пресекала — «Что за провокация?! Не допущу, не допущу!» Но когда мы оставались с ней одни, она говорила мне о свиньях-большевиках. (Потом, когда я сказал ей, что уезжаю в Израиль, она меня одобрила.)

...Соседи на нее вечно писали жалобы — в райисполком, в горисполком...

Л.П. Представляю себе, как после таких салонов вам было скучно в вашем техникуме.

И.Б. Из техникума я ушел. Проучился все положенные четыре года и ушел. Не стал писать диплом. Поступил в Институт культуры на библиографический факультет, на заочное отделение.

Л.П. Сколько ошибок в сочинении вы сделали на этот раз?

И.Б. Три или четыре — не больше. Мама нашла мне учителя — Павла Ильича Лавута¹⁷. (Помните у Маяковского — «тихий еврей Павел Ильич Лавут»? Так вот он самый.) Он позанимался со мной месяца два, и я с грехом пополам написал сочинение. Но выручил меня английский. Я вошел в аудиторию, заговорил по-английски — преподаватель опешил, поставил мне «пять».

Л.П. По советским законам, человек, который учится на заочном отделении, обязательно должен был работать.

И.Б. Где-то я работал, то в одном учреждении, то в другом, иногда просто числился. Все это совершенно не занимало моей души, и, честно говоря, я устраивался как-то так, что и времени свободного было много. Я обожал бродить по Москве, знал чуть ли не каждый дом, и старый и новый, словом, я был буквально влюблен в «нашу древнюю столицу»¹⁸.

Во время одной из таких прогулок я и забрел на площадь Маяковского. Не забрел бы — вы бы сейчас мной не интересовались.

Л.П. Но Вы забрели — и...

И.Б. Ребята читают антисоветские стихи: «Среди вашего ада мне уже нечем дышать...», «Снег выпал красный на площади Красной...»¹⁹.

Л.П. Ребята, которые постоянно читали на площади (в историю советского андеграунда они вошли как «маяковцы»), в том числе и ваши будущие поделчики Владимир Осипов, Эдуард Кузнецов, и авторы стихов, которые вы сейчас процитировали, — все исповедовали то, что потом стало называться «социализмом с человеческим лицом». Они были антисталинисты, ревизионисты, но все-таки сторонники социалистических общественных отношений (примерно по югославскому образцу). И все они вспоминают, что вы, единственный среди них чистокровный еврей, были убежденным монархистом.

И.Б. Государь Император на белом коне въезжает в Кремль, «Коль славен наш Господь в Сионе...»²⁰, трехцветный флаг, прекрасная пластическая фигура двуглавого орла — все это меня привлекало прежде всего эстетически. Я ко всем обращался «Господа!» и собирался раздавать регалии: одному — фельдмаршал, другому — полковник, третьему — адъютант... Чисто аристократическое начало. Какой там социализм с человеческим лицом?! И — Боже упаси! — никакого капитализма. Я считал, что конституционная монархия — наиболее приемлемая для России форма правления. Я не думал ни о каких попытках присобачить новые формы под старое содержание (это-то, кажется, и называлось ревизионизмом). При этом я допускал, что монархия установится не сразу после падения советской власти, что Россия пройдет этап демократии западного типа, а затем постепенно-постепенно станет возвращаться к своему естественному образу правления — конституционной монархии (которая, между прочим, есть не что иное, как одна из форм демократии). Восстановление традиций требует времени — должно народиться новое интеллигентское сословие, нужно время и для реставрации религиозного сознания. Я никогда не считал, что атеизм победил окончательно. (Это было бы слишком страшно.) Православие же наиболее адекватно русским традициям. А раз православие — значит монархия.

Л.П. Эти идеи появились у вас под влиянием Мамлеева?

И.Б. ...Юрий Витальевич не оставил камня на камне от моей советскости, но его влияние было скорее все-таки литературным. Он писатель, экзистенциалист... Очень крупная фигура. Он влиял своей личностью... Конечно, он был монархист. Но я пришел к монархизму независимо от него. Это было естественно...

Л.П. Естественно? В 61-м году? Но ведь ваши сверстники-«шестидесятники» исповедовали тогда совсем другие идеалы.

И.Б. Это было естественно для меня. Я же вам рассказывал, что в четвертом классе я называл учителей «Ваше высочество», «Ваше благородие». Монархия мне всегда казалась чем-то возвышенным. При монархии всегда процветало искусство. Империя создает элиту, иерархию ценностей.

Л.П. Ребята, которые собирались на «Маяке» — и Осипов, и Кузнецов, и Буковский, и Галансков, — все считали: надо что-то делать, нельзя позволять властям безнаказанно творить бесчинства, и были озабочены выработкой какой-то программы действий. А вы?

И.Б. ...Я тоже к чему-то призывал. К какой-то организации под названием «Союз освобождения человеческого рода» (СОЧ). Концепция была не политическая, а психологическая... Теперь, когда у меня есть два тома Федорова²¹, я знаю, что термин «психократия» ввел он, но тогда я сам его придумал.

Л.П. Что это такое?

И.Б. Элита одаренных. Володя Осипов вспоминает: «Бокштейн говорил о какой-то элите психически одаренных людей...»

Л.П. Вы пытались кого-то вовлечь в вашу организацию?

И.Б. Если и пытался, то совершенно впустую. Вы же, наверное, читали у Осипова: «Нам стало ясно, что членом этой организации может быть только сам Бокштейн». Никто не понимал, что это за идея, в чем она заключается... Да я не уверен, понимал ли четко и ясно я сам... Помню только, что для своей концепции я отыскивал какие-то мистические фигуры. Кажется, у меня мелькнула и мысль о власти парапсихологов.

Меня всегда интересовало чудо нашего сознания, у меня всегда была тяга к экстремальному. Внеписьменная передача информации (не обыденной, а художественной) — вот что меня всегда интересовало больше всего.

Л.П. С такими интересами — место в библиотеке, но уж никак не на площади. А вы ведь там были не раз и не два.

И.Б. Мне стало скучно в Москве, захотелось перемены ситуации. Может быть, потому, что я слишком долго жил наедине с собой, захотелось узнать максимум того, что можно было узнать в Советской России. А тут еще Володя Агол (один из сократовских переводчиков) как-то сказал мне: «Не мешало бы вам посидеть. Это, конечно, болезненно, но полезно».

Я уже и сам начинал задумываться: к какому сословию я принадлежу? К интеллигенции? Но подлинный интеллигент, живущий в тоталитарной стране, должен находиться только в тюрьме — иначе грош цена его интеллигентности. Ведь все равно я, как и все двести тридцать миллионов, — за колючей проволокой.

С 1958 года я уже очень хорошо сознавал: это общество вытряхивает все, связанное с душой, с духом, с сознанием. При этом правящая верхушка даже не ведаёт, что творит, — они уничтожают интеллигенцию, как корова пожирает цветы, у них ведь нет ни души, ни духовной жизни, эти свинолухи (мое слово) просто автоматически делают то, что обеспечивает им безбедность, всевластие. И я решил внять совету моего Великого Учителя, — пойти туда, где, как мне казалось, духовная жизнь процветает, — и я не ошибся.

24 июля 1961 года на площади Маяковского я взшел на постамент и рявкнул двухчасовую речь — «Сорок четыре года кровавого пути к коммунизму». О том, что аристократический строй для художника лучше, чем демократия, потому что он создает сословие, освобожденное от борьбы за существование, и именно это сословие обычно и способно понять творца, понять искусство... Говорил о конституционной монархии с Думой, с покровителями культуры. Я ведь всегда интересовался историей, много читал. В фактах не было недостатка, начиная от Древнего Рима... Я говорил, что в конце XIX — начале XX века Россия была крупнейшей державой мысли, и этот расцвет культуры был срезан, практически ликвидирован; о гениях, которые были в старой России, и полном отсутствии таковых в современности. Хотя тогда я не знал ничего о Мандельштаме, о Клюеве, но я понимал, что приход к власти малоразвитой, невежественной и догматизированной части народа приводит к уничтожению интеллигенции... Потом в свидетельских показаниях это прозвучало так: «Бокштейн утверждал, что в период советской власти Россия обеднела умом».

Л.П. Два часа в центре столицы социалистического государства вы произносили такие речи и...

И.Б. Зеваки стояли, слушали и, наверное, просто не знали, как реагировать. Ну, конечно, меня фотографировали, в фас, в профиль...

Л.П. Гэбэшники?

И.Б. А кто же?

Л.П. Но не схватили?

И.Б. Нет... На пьяного вроде не похож, стоит ораторствует на площади... — не иначе как за ним — какая-нибудь организация, может, троцкисты, может, «Джойнт»²², ЦРУ, израильское посольство...

Кто-то похлопал меня по плечу — «Иди-ка ты домой, парень, пока не забрали», кто-то сказал: «Ну, Христос — Спаситель России, кто за тобой пойдет-то?!», а Мамлеев, как всегда, выразился назидательно-афористически: «Не надо занимать уже занятых постаментов».

Я хотел спокойно улепетнуть восвояси, но ко мне подкатилась компания молодых людей и девушек: «Илюшенька, пойдем к нам». Я и пошел. Привели меня в какую-то странную, полупустую кварти-

ру, хозяин — больной человек, ходить не может²³. Там ко мне подошел юноша в гимнастерке (это был Володя Осипов) и спросил: «Знаете ли вы, что за ту речь, которую вы сейчас произнесли на площади Маяковского, вам по УК положено семь лет?» — «Я кодекса не читал, но, наверное, вы правы». — «А что, если мы вас сейчас попросим повторить эту речь?» — «Пожалуйста». — «Коли не боитесь, повторите».

Я обратился к ним «Господа!» и почти слово в слово повторил все, что говорил на «Маяке». После этого меня то и дело стали приглашать на разные квартиры. Слушатели, по-моему, в основном менялись, но Осипов, Кузнецов и оба Ивановых²⁴ были почти всегда.

Л.П. Молодежь, которая слушала вас на квартирах, пыталась с вами спорить?

И.Б. Никаких дискуссий я во всяком случае не помню. Слишком необычен был материал. Эти ребята были очень плохо информированы, плохо знали, что происходит за границей, что такое подлинная демократия, — потому у некоторых из них (не думаю, что у всех) было стремление к социализму с человеческим лицом. Все стояли на том, что Россия должна стать современным свободным обществом: свобода слова, свобода печати, свобода собраний и т.д., но некоторые полагали, что это возможно и при социализме. Нужен был какой-то этап (и они очень скоро его прошли), чтобы понять: система говорит «или — или»: частная инициатива или государственный тоталитаризм, этатизм или свобода слова.

Л.П. И все-таки, как вы считаете, в чем вы главным образом расходились с вашими будущими поделщиками?

И.Б. Они интересовались прежде всего социальными проблемами: жизнью рабочих, крестьян. А я защищал интеллигенцию.

Если уничтожается интеллигенция, не могут процветать ни рабочий класс, ни крестьянство. Уничтожение верхнего слоя ведет к деградации всех остальных.

Л.П. Сколько раз вы выступали на площади Маяковского?

И.Б. Три. И каждый раз меня забирали особмилцы²⁵. Первый привод я не очень помню. (Кажется, просто предупредили.) На второй же раз довели меня до какой-то темной пустоши — и началось... «Вы хуже, чем уголовники, вы заставляете людей сомневаться в наших идеалах. Чего вы хотите? Потерять Москву? Пожалуйста, мы можем сдать вас в КГБ. Вы уже не первый раз заводите эту пластинку, вас уже предупреждали...» Я сказал, что не желаю с ними разговаривать. Тогда один из них отделился и очень вежливо произнес: «Извините, но я все-таки хотел бы с вами поговорить». Это был человек небольшого роста, с огромным лбом, ненамного старше меня. У него была двойная фамилия Зимин-Ковалев.

До четырех часов ночи мы с ним бродили по Москве, и он все пытался наставить меня на путь истинный.

Он никак не мог поверить, что до всех своих идей я дошел сам, думал, что за мной стоит какая-то организация. А мне было весело его подначивать: «Известно, стоит. Даже атомная бомба у них есть». (Эта атомная бомба всплыла на следствии — «Бокштейн говорил, что у его организации есть на вооружении атомная бомба».)

...«А что вы с нами сделаете, если вы победите? — спросил меня Зимин-Ковалев. — Наверное, расстреляете?» — «Господь с вами. Мы дадим вам возможность выступить на площади Маяковского». — «Так я и поверил! Сначала все такие хорошие. А дорветесь до власти — так совсем другими окажетесь». — «Почему мы должны вас репрессировать? За вами же не числится никаких преступлений? Мы — либералы, демократы...» Так мы с ним бродили по ночной Москве и спорили часов шесть. Прощаясь, он сказал: «Не советую вам появляться на площади. В следующий раз вас арестуют. Это абсолютно точно».

На площадь я все-таки пришел. Но на этот раз говорить мне дали всего полчаса. Потом отвели в отделение милиции. И сказали: «С вами, видимо, не договоришься. Мы вас передаем в КГБ». Они оставили меня с одним из милиционеров, а сами ушли. Потом пришел какой-то пожилой человек (как я потом понял, гэбист), велел милиционеру удалиться, а сам остался со мной до утра. Он, в свою очередь, все хотел выяснить, не стоит ли за мной какая-то организация, и давал мне понять, что, если я не сознаюсь, мне будет ой как плохо! Я отвечал, как Жанна д'Арк: «Если вы станете делать мне больно, я, конечно, могу придумать все что угодно, но потом отрекусь».

...В полдевятого утра за мной пришли и отвели меня на Лубянку.

В комнате было много офицеров в военной форме и один человек в штатском, с маленькими медвежьими глазками. Он-то и оказался моим следователем. «Приходила ваша мама, — сказал он, — и сообщила о фактах вашей биографии (мама в свое время поставила меня на психиатрический учет). Все ваше поведение говорит о том, что вы действительно невменяемый человек. Я отправляю вас на судебную экспертизу в Институт Сербского»²⁶.

Так я оказался в печально известном Институте Сербского. Там меня хотели было отправить на принудительное лечение, но я решил во что бы то ни стало этого избежать и объявил голодовку. Меня тут же вызвали к врачу (по фамилии Шестаков), и он сразу спросил: «Вы полагаете, что в лагере вам будет лучше?» — «Без сомнения». Разговор был очень резким, но в конце концов он сказал: «Хотите в лагерь — идите в лагерь». И я очень благодарен ему за это. В «психушках» были интересные личности, но я хотел разнообразия нормальных людей.

Л.П. Из Института Сербского вас вернули в тюрьму?

И.Б. Конечно. Там я посмотрел на стену, увидел «Правила поведения для находящихся в следственных изоляторах Комитета госбезопасности» и подпрыгнул от радости: какая высокая инстанция мною занялась, и так серьезно. Серая, унылая, будничная жизнь позади. Впереди — совсем другой мир...

Из восьми месяцев следствия я шесть провел в одиночке. Сидел — читал. Чего я только там не прочитал! Почти всего Достоевского, Гамсуна, Ибсена — восполнял пробелы моего самообразования. Устану — пройду по комнате, и снова читать.

Л.П. Прерываться, наверное, приходилось не только на прогулки по камере, но и на допросы. Вам не ставили в вину участие в заговоре?

И.Б. Нет.

Л.П. А почему же тогда общее «дело»?

И.Б. Когда мне говорили о моих поделчиках, я выставлялся организатором, наговаривал на себя Бог знает что. (Потом на суде адвокат сказала: «Бокштейн совершил самооговор и обвинил себя в том, чего он не совершал».)

Л.П. А что говорили свидетели?

И.Б. По моему делу шло сто свидетелей. Первый адвокат, совсем молодая девочка, которую нашла мама, отказалась меня защищать — «Страшно брать в руки ваш свидетельский лист». (Деньги с мамы она тем не менее взяла.)

Большинство свидетелей просто пересказывали своими словами мой доклад, не стараясь особенно ни выгораживать, ни топить меня... Хотя некоторые, в основном те, которые боялись, что их тоже могут привлечь по делу, несли Бог знает что. (Я их поправлял, говорил, что у меня в лексиконе нет таких слов.) Особенно страшные, совершенно фантастические показания дал человек (фамилии не помню), который на площади Маяковского отличался разнузданными антисоветскими речами.

Никакой очной ставки ни с Осиповым, ни с Кузнецовым мне ни разу не дали, я их увидел только на суде, и тут Эдик шепнул мне: «Ты, Илья, откалывайся от группы. У тебя есть шансы». На следствии я говорил, что я был как бы самый главный, чуть ли не оппозиционный фронт хотел организовать. Но после совета, который дал мне Кузнецов, резко переменял тон, сказал, что я всего лишь думал организовать клуб любителей изящной словесности, и не признал обвинения по 72-й статье²⁷. (Все остальные признали.) Культ Хрущева был тогда в самом разгаре, и центр тяжести следствия переместился на них.

На суде адвокат, не та молодая девочка, которая сначала взялась меня защищать, а потом отказалась, а другая, по фамилии Розен-

крац, закатила прочувствованную двухчасовую речь, говорила о моем детстве — «Человек провел семь лет в гипсе, был оторван от реальности, ничего не знал, кроме книг, вообразил себя героем, захотел пострадать...» У судей что-то екнуло, и они кинули мне «пятерку». (Хотя прокурор требовал всем по семи.)

Не могу сказать, что я очень обрадовался, получив меньше, чем товарищи. Но другие, видимо, не стали меня за это меньше уважать, во всяком случае, когда конвой вывел нас из зала суда, Леночка Строева бросила мне букет цветов.

...Потом была Мордовия. Дубравлаг № 17. Маленький лагпункт человек на четыреста. До пробуждения во мне поэзии это было самое потрясающее время моей жизни. Русь до февраля 1917 года! Абсолютно та же самая политическая раскладка. Кадеты, монархисты, «Союз Михаила Архангела», «Союз спасения России», демократическая партия, социал-демократическая партия, марксисты-ортодоксы, марксисты-либералы, марксисты-ленинцы и даже марксисты-футуристы («марфуты») — профессора исторического факультета Московского университета, арестованные в 57-м году за ревизионизм²⁸. Многие из них были вполне порядочными людьми. Конечно, они были заиклены на марксизме, но они ведь ничего другого и не знали, ничто другое не приходило в их головы (тем более, что головы-то были в основном еврейские). Конечно, они были людьми тоталитарного (точнее, унитарного) склада, им непременно нужна была какая-то фундаментальная концепция мира, которая бы все объясняла, но вели они себя в общем-то по-человечески.

Неписанные лагерные законы запрещали общение с ними — нечего разговаривать с обезьянами, все равно ничего не поймут. Но я нарушал этот запрет. Беседовал с ними и на общечеловеческие и на политические темы. Пытался объяснить все зло марксизма — и не всегда без успеха (некоторые потом стали религиозными людьми).

Разговаривал я и с членами антисемитской организации — что, конечно, тоже было запрещено... Встречался с ними в сумерках, под липами. И тоже не вовсе понапрасну. Слушали, с чем-то соглашались, что-то принимали. Во всяком случае, когда назревал погром, «Союз Михаила Архангела» спустил директиву: прекратить антисемитскую пропаганду. Конечно, дело было главным образом не в моих проповедях, а в том, что оголтелых антисемитов («ультра») было не так уж много, и затей они погром, дело могло кончиться не в их пользу. Среди русских, особенно образованных, уже тогда доминировали либерально-монархические идеи, антисемитизма они не принимали — за что «ультра» называли их «ожидовевшими». «Бей жидов и ожидавевших!»

...Напряжение было очень велико, лагерь буквально превратился в банку с пауками. Среди заключенных было много националистов: литовцев, латышей, чеченцев. «Ультра» решили подговорить их, а сами остаться в стороне. Они развили бешеную пропаганду: дескать, евреи устроили вам советскую власть, все евреи, евреи... А евреи, в свою очередь, не хотели идти ни на какие компромиссы, считали, что эту нечисть нужно раздавить железной рукой, выбросить из зоны. И русские либералы их поддерживали. Все шло к резне.

Неожиданно возник и повод. Один из «ожидовевших» — либеральный марксист Витя Попов — ударил чеченца бутылкой по голове. Молодой человек ударил старика-инвалида.

Л.П. За что?

И.Б. Бог его знает. Пospорили о чем-то. В лагере такое часто бывает. Чеченцы, конечно, поднялись — наших бьют! Но за Витю заступились не только марксисты, но и либералы. Зверям на растерзание не дадим! Кузнецов и Осипов записались в отряд самообороны...

А тогда уже вышел указ о расстреле за дезорганизацию лагерной жизни. Под это понятие можно было подвести все что угодно. Расстреливали за наколки на лбу. Написал человек «Раб КПСС» — срежут, еще раз напишет — еще раз срежут, а на следующий раз — уже расстрел. Эта резня, несомненно, кончилась бы тем, что всех перестреляли.

Я пытался создать какую-то эфемерную организацию — «Черный лебедь», что-то вроде контрразведки, но ситуация нарастала, как ком, — нужно было действовать немедленно.

Я взял два кирпича и пошел искать чеченцев. (Они, как выяснилось, прятались в бане: против них восстал весь лагерь.) Я открыл дверь в их убежище, вошел и пригрозил Сапфиру (так звали их руководителя, который, к слову сказать, был выпускником Тбилисского университета) кирпичом. «Выйдите!» — рывкнул он. Я вышел, погулял, потом вернулся, опять открыл дверь, опять пригрозил... Они решили, что я не один, что за мной толпа, что их хотят спровоцировать на избиение, на резню... В общем, точили ножи — да не доточили²⁹. Кто-то стукнул в Москву — приехала комиссия, и зону расформировали. Заключенных распределили в два больших лагеря. Я попал в 11-й.

Из шести тысяч заключенных здесь собственно политическими были не больше половины: шпионы, перебежчики, бериевцы, болтуны (вроде меня), а остальные — полицаи, безграмотные украинские и белорусские мужики, очень дремучие люди. (Они мстили за коллективизацию, за индустриализацию... — словом, за все.)

Были люди абсолютно всех профессий: ученые, плотники, работники оборонной промышленности, кочегары, генералы и даже генерал КГБ. Сидели несколько помощников Берии. Завскладом, как мне сказали, в прошлом был начальником КГБ Азербайджана.

И в этом лагере эски тоже были разделены на касты, которые могли общаться друг с другом только если находился человек, который брал на себя смелость нарушить неписанные лагерные законы. Здесь тоже продолжался тихий антисемитизм, тихая агитация, и тоже назревало что-то нехорошее. Но очень скоро я начал вести переговоры с «ультра». Надо мной чуть ли не суд устроили. «Почему вы общаетесь с антисемитами?» Я ответил: «Потому что иначе будет резня, после которой нас всех перестреляют». Выступил Игорь Авдеев, очень умный человек, признанный мэтр, и сказал: «Кронос (моя лагерная кличка) неподсуден. Пускай общается с кем хочет». Мне открыли зеленый свет. Антисемитизм был прекращен. Меньше стало драк. Жизнь вошла в интеллектуальное русло.

Парадокс, но политический лагерь — это было единственное место в стране, куда беспрепятственно приходила литература из-за границы на иностранных языках. (Лагерная администрация, естественно, языков не знала.) У нас была целая коллегия переводчиков: Ростислав Рыбкин, например, знал восемь языков, Ефим Гольцберг, ученый из Новосибирска, переводил с французского и немецкого — Сартра, Пруста, Кафку. Переписывалась от руки «Раджа-Йога». Кто-то описывал лагерную жизнь, кто-то создавал теории переустройства общества, кто-то — мистические доктрины.

В общем, литература, искусство, философия процветали. Я сам написал философскую работу «Экстрамонизм», о которой очень лестно отозвался Игорь Авдеев.

Но никакие жанры не шли в сравнение с лагерной поэзией. Когда-то я думал, что изящная словесность лучше развивается в комфортабельном обществе, не пронизанном постоянными стрессовыми ситуациями, но это оказалось не так. Был у нас потрясающий поэт Геннадий Черепов. Его поэзия — поэзия нестерпимой боли, но это не боль человека, лишённого внешней свободы (никаких примет лагеря в его стихах нет), — это бездонная трагедия эзотерического сознания:

Но где я их встречал? Скажи, сестра иль брат,
В каком созвездии, в какой иной эпохе?
Я помню явственно: вот так же шли в закат
Слепцы, паяцы, скоморохи...³⁰

Огромного накала поэт!

Был и другой поэт, тоже очень любимый эсками, — Валентин Соколов, он потом в «перестройку» достаточно широко печатался³¹. Его стихи часто читал вслух Гацкевич, в прошлом профессиональ-

ный актер, игравший Алешу Карамазова на сцене Вашингтонского театра, читал и плакал...

Много было прекрасных поэтов: Дунаевский — он сейчас в Израиле, Борис Марьян, Юрий Мурин...

Л.П. Вы начали писать стихи в лагере?

И.Б. Да. В ночь с 16 на 17 апреля 1965 года. На двадцать девятом году жизни. Первое стихотворение было очень плохим (потом я его немного переработал):

С медленным лучом и мы нисходим,
Нелепой тайной ослепленные кроты,
И, чуждые себе, во внешнем жизнь находим,
Цепляемся за хрупкие цветы.
Томительно вращаются мгновенья,
И мир уносится за ширму бытия.
Темнеет мысль, слабеет ощущение,
И только скорбь стучит: дожил ли я?

Я читал свои стихи ээкам, они их переписывали, но не могу сказать, что приходили в восторг. В больших поэтах я не числился.

Л.П. Если стихи не нравились, зачем было их переписывать?

И.Б. В лагере все стихи переписывались. Там люди жили стихами, творчеством...

Л.П. Послушаешь вас — словно не про лагерь рассказываете. Философские трактаты, стихи... Как будто бы и не было каторжного труда.

И.Б. «Каторжный» — это, пожалуй, все-таки слишком сильно сказано. Был у нас мебельный заводик, иногда отправляли на какие-то еще работы (копать траншеи, например), но лично я практически никогда не работал — с самого начала отлынивал как только мог. Меня за это беспрерывно сажали в карцер, хотели отправить во Владимир³². Заключение за меня заступались — ходили к начальнику лагеря, просили, чтобы меня освободили от работы, но неизвестно, чем бы все это кончилось, если бы не случай.

Старостой нашего барака был некто Кархмазян, большой любитель поэзии (в бериевские времена он был министром юстиции Армении). Мы с ним часто сидели в курилке, болтали о литературе, читали друг другу Блока. И вот однажды совершенно неожиданно для меня он сказал: «Илья, прибывает медицинская комиссия для новичков, ты — “старик”, но я тебя воткну в список. Иначе — погибнешь».

Я пошел на эту комиссию, там была и начальница лагерной медсанчасти, жена начальника лагеря, по прозвищу Колымчиха. Она поначалу накинулась на меня: «Какое отношение ты имеешь к новичкам?» Потом долго еще ворчала. Потом промямлила: «Душу ты мне выел и все твои приятели». Дали мне вторую группу. День 19 декабря 1962 года стал днем моего освобождения.

Таким образом из пяти лет я четыре просидел на нарах. Читал, пописывал... Писал статьи по заказу национального героя Украины Степана Сороки. Он был фанатичный католик, и ему очень хотелось, чтобы я доказал превосходство католицизма над всеми религиями мира.

Сорока же заказал мне работу о марксизме. Я назвал ее «Сущность диамата». Доказывал, что марксизм не философия, а антирелигия, рассчитанная на психическую ущербность человека, и относиться к такой «науке» всерьез просто смешно... Ээки читали, это доставляло им удовольствие.

Степан Сорока был первым, кто обнаружил во мне парапсихические способности. Как-то в лагере устроили конкурс графологов. Мне дали чей-то почерк, и я написал двадцать пять пунктов: дворянин монгольского происхождения, почитатель Вагнера, любитель мясной пищи, глаза такого-то цвета, волосы — такого-то... Тот, кому принадлежал этот почерк, подошел ко мне и сказал: «По крайней мере на восемьдесят процентов все, что вы сказали, абсолютно верно». После этого Сорока стал таскать мне разные почерки и добиваться от меня полного портретного сходства, вплоть до формы ногтей, цвета глаз, волос, формы носа. Наконец, он сказал мне: «По почерку можно определить темперамент, некоторые черты характера (неряшливость, аккуратность), но никак не внешний облик. Ты же видишь этих людей! Ты не графолог, ты парапсихолог».

...Надо сказать, что оккультизм, мистика в лагере процветали совершенно невероятно. В лагерном «внутриздате» эзотерические тексты всегда были на почетном положении.

Л.П. Под влиянием Степана Сороки вы стали католиком?

И.Б. Нет. В лагере я крестился в православие. Этому много способствовали «Архангелы», которые сумели меня убедить в преимуществе Нового Завета над Ветхим. Их руководитель давал мне Евангелие (я переписывал его от руки), душевспасительно беседовал со мной, льстил мне, говорил, что я представитель духовного Израиля... Я не считаю, что католицизм — самая совершенная форма христианства, хотя бы потому, что католик никогда не сможет написать стихотворение «Девушка пела в церковном хоре» — девушки в католических храмах не поют... Меня крестил православный священник Кириянов, правда, он тогда был расстрижен и не имел права крестить, но выбирать не приходилось.

Я стал религиозным человеком, во мне пробудилась Муза, у меня было время читать, писать, я общался с интереснейшими людьми — и чувствовал себя совершенно счастливым. Меня уже пугало освобождение — какая-то неизвестная жизнь, в которой я никто и ничто...

Правда, многие смотрели на меня с сожалением и думали, что я не дотяну до конца срока, — выглядел я ужасно. Когда мамаша меня

увидела, она чуть в обморок не упала: живой скелет, как из фашистского концлагеря.

Л.П. Кормили ужасно?

И.Б. Я и этого-то не съедал. Язва в лагере обеспечена почти всем. Я чувствовал что-то очень нехорошее, понимал, что от лагерной пищи будет еще хуже, и старался есть как можно меньше, большую часть раздавал товарищам. А посылки почти не было положено — я всегда был среди проштрафившихся, всегда на плохом счету. Когда замечали, что со мной общается кто-то из заключенных, его вызывали и говорили: «Учтите, Бокштейн неисправимый антисоветчик, не советую вам с ним дружить — будете иметь неприятности».

Я вышел из лагеря с такой характеристикой: «За время пребывания в заключении Бокштейн на путь исправления не стал, не осуждает своего поступка, считает, что лишен свободы несправедливо...»

Самое страшное для меня было не заключение, а потеря Москвы. В лагерной жизни можно было потерять голову, но это была жизнь (жизнь всегда риск), — провинция же означала медленное загнивание, умирание. И я решил «закосить». Мама отвела меня к Янушевскому, который был тогда главным психиатром Москвы. Он отнесся ко мне очень сочувственно, но сказал: «Вы понимаете, Илья, мы бы, конечно, сделали для вас все, но, поскольку экспертиза Института Сербского в свое время признала вас вменяемым, мы не можем оспорить их решение (они выше нас), мы должны просить Лунца, чтобы он внес поправку в прежнюю резолюцию».

И они пригласили Лунца. И тот самый Лунц, который пять лет назад признал меня совершенно здоровым («интеллект достаточно высок, анализирует свои поступки» — хоть в академию такую характеристику подавай), теперь пошел мне навстречу: написал, что мое состояние резко ухудшилось.

Но и этого было недостаточно, чтобы прописаться в Москве. И тогда я решил закрепить свой статус невменяемого и стал проситься в какую-то психиатрическую лечебницу. Это был страшный риск: можно было остаться там навсегда, но я играл ва-банк.

Меня отправили в Добрынихи. Очень спокойное место, прекрасная природа, но, как только я туда попал, мне стало не по себе — «мертвый дом».

Врачи там были очень порядочные люди, они понимали, что перед ними не обыкновенный пациент, поговоришь с ним — вроде не дурак, сидел пять лет... Если бы я стал на них нажимать, они бы меня выпустили, но в том-то и дело, что выпускать меня было некуда, — в Москве меня не прописывали.

Тогда врачи организовали комиссию, ее возглавила очаровательная женщина (к сожалению, забыл фамилию), и эта комиссия

резюмировала: психически нездоров, но в данный момент не представляет для общества никакой опасности... В конце концов меня прописали.

17 августа 1967 года приехала мама и забрала меня. Этот душный, жаркий день навсегда остался в моей памяти — день моего окончательного освобождения.

Л.П. Как вы мыслили себе свое будущее?

И.Б. Никак. Главное — я был в Москве. Ура! Я бродил по улицам и буквально опупевал — готов был оглядывать каждое здание, эти домики, эти церковки, эти башенки... красота!

Писал стихи. И одно, которое казалось мне вполне верноподданническим, даже отнес в «Юность», Олегу Чухонцеву. Но — подсознательно — оно получилось издевательским. Чухонцев это почувствовал и не напечатал. (Правильно сделал, бредовое было стихотворение...) Какое-то время ходил в литобъединение «Магистраль». Но потом судьба привела меня в другое, совершенно прекрасное литобъединение «Спектр», его вел Ефим Друц. Это было что-то типа салона, собирались на частных квартирах, приходили очень интересные поэты. Читали стихи на самые разные темы: религиозные, мистические, культурологические. Кроме политических — Боже упаси!

Меня туда приняли еще до того, как я стал туда ходить. Ефим Друц зачитал мое стихотворение «Еврейская поэма»:

Я — еврей,
Не мадонной рожден,
Не к кресту пригвожден,
И тоски мне не выразить всей.
Цепи рода во мне,
Скорбь народа во мне,
Я застыл у безмолвных дверей —

и сказал: «Автора этой семистрочной поэмы принимаем заочно».

Л.П. Возвратившись, вы, наверное, возобновили свои старые знакомства?

И.Б. Я не стремился к этому — откровенно говоря, побаивался. Ведь когда я выходил из лагеря, меня предупредили: «Одно слово — и вы получите десять лет особого режима». Но у меня были совершенно мистические встречи. Это пантра (парапсихическая интуиция) работала... Вдруг на станции метро «Новокузнецкая» кто-то меня обнимает. — «Илюшенька! Вышел! Идем, милый, ко мне...» Мамлеев! И все вернулось на круги своя.

Я, конечно, тут же стал читать Юрию Витальевичу мои лагерные вирши, и он стал таскать меня по салонам. Ему часто говорили: «Но

ведь это же очень плохо». Но если уж Юрий Витальевич что-то полюбит, — все, спорить с ним абсолютно бесполезно.

Л.П. Мамлеев давал вам читать самиздат? Его много тогда гуляло по Москве — политический, прозаический, публицистический — какой хотите.

И.Б. Меня не интересовал самиздат, — я сидел в Библиотеке иностранной литературы и читал книги по фундаментальным вопросам искусства, литературы. Классику я уже прочитал, советская литература меня не занимала, а с литературой неподцензурной я не желал связываться. Библиотека иностранной литературы — это было как раз то, что мне тогда было надо.

Л.П. Вы читали по-английски?

И.Б. Поначалу. А потом и на других языках. У меня был свой, довольно странный способ изучения языков: я открывал словари наугад и каждый день смотрел по три слова: французских, итальянских, испанских, немецких, а потом листал энциклопедии, особенно пристрастился к французской и итальянской. «Вы столько языков знаете!» — говорили мне потом сотрудники библиотеки. А я ведь не знал языков: ни на одном, кроме английского, не мог ни говорить, ни понимать речь, но читал я, действительно, почти на всех европейских. Я еще потом подумывал, стоит ли менять Библиотеку иностранной литературы на Израиль.

Л.П. А действительно, зачем христианину Израиль? Или, выйдя из лагеря, вы забыли о том, что вы крестились?

И.Б. Боже упаси! Я и сейчас считаю христианство самой совершенной религией. В Москве я тогда общался с Дмитрием Дудко, Глебом Якуниным³³. Мы много беседовали о сущности христианства. В Загорском монастыре у меня был исповедник Лука...

Л.П. Тем паче. Зачем человеку русской культуры, православному, не озабоченному карьерой и материальными благами, уезжать из России?

И.Б. Библиотека иностранной литературы меня вполне устраивала, но дело в том, что мое положение не было стабильным. При Брежневе все свободно говорили о политике, травили анекдоты — если ты не выходишь на площадь, не создаешь организацию, трепись сколько угодно. Но мне это было нельзя. Любой донос — и я загремел навсегда. Мама исподтишка рылась в моих записях: боялась, что опять какая-нибудь крамола заведется, — все это меня дико раздражало. Словом, ситуация довольно мрачная. Власти ведь продолжали считать меня диссидентом.

Л.П. Вы хотите сказать, что на самом деле вы им не были?

И.Б. Разумеется, никаких симпатий к Софье Власьевне³⁴ я не испытывал. Я ничуть не стыдился — я гордился тем, что я сидел. Это

было мое сознательное решение. Но я пришел к такому решению не из мазохизма, а только потому, что жил в тоталитарном государстве. (Хотя я и считал себя человеком кабинетным, занимающимся проблемами чисто искусствоведческими, культурологическими, характеристика меня как крикуна на площади Маяковского меня страшно раздражала.)

...Я, собственно, не думал об отъезде — но тут опять сработала пантра: еще одна мистическая встреча. На станции метро «Площадь Революции» вдруг кто-то мне улыбается. Господи, да это же Володя Осипов!

Обнялись, поехали ко мне домой, очень душевно посидели, повспоминали «минувшие дни», и вдруг он мне говорит: «Ваши-то уезжают». — «Да что ты? И выпускают?» — «Некоторых выпускают. Попробуй!».

Л.П. И вы сразу решили ехать? Без всяких внутренних колебаний?

И.Б. Конечно, был страшный риск — потеря русского языка, потеря статуса нейтрала, который целые дни проводит в библиотеке. Но внутренний голос подсказывал: нужно драпать, будь что будет... Очень интересно развивались события, как будто кто-то меня подталкивал. Я пошел в ОВИР, не имея вызова. Естественно, у меня не приняли документы. Но я все не уходил, все требовал принять мои бумаги. Хотели уже вызвать милицию. Но в конце концов одна из инспекторш сказала: «В 12 часов дня около синагоги собираются люди, желающие уехать. Пойдите туда, дайте свои координаты, и вам пришлют вызов».

Я пошел в синагогу, написал десять бумажек со своими данными, раздал их случайным людям и очень быстро получил четыре вызова. Потом кто-то из сионистов-отказников, то ли Лернер, то ли Слепак (по-моему, все-таки Слепак) дал денег на мой отъезд.

Честно говоря, я не хотел ехать в Израиль, я бы, наверное, предпочел какую-то христианскую страну. Но я был очень болен, чуть не загнулся перед отъездом, и побоялся, что пока я в Вене буду вести какие-то переговоры непонятно с кем и как, — может начаться обострение. У меня есть об этом стихотворение:

Но пред этой аудиторией
Рок в рожок меня согнул.
Стой, ни с места, рядом — бездна,
Покорись — иначе баста,
Пропадешь, и я, как бастард,
Въехал в нищую, несчастную страну.

Руководитель группы сказал мне: «Почему, собственно, вы не хотите в Израиль? Поезжайте. Не понравится — уедете». Я спросил:

«В Израиле демократия?» — «Конечно. Там на голову друг другу садятся». Ну, значит, я поехал.

Л.П. И вы, русский поэт, никогда не пожалели об этом?

И.Б. Странно, но как поэт я сложился именно в Израиле. Из Москвы я привез десятка три стихов, которых не стесняюсь и сегодня, и огромное количество неоформленных фрагментов. Меня захлестывали все время новые и новые идеи, и в московской сутолоке (хоть я и жил достаточно кабинетной жизнью) я не мог с ними справиться.

...Конечно, если я здесь кому-то и интересен, то только русскому читателю. Моя поэзия непереводаема. Кучка русских снобов, которые здесь обосновались, — это именно кучка... малюсенькая. Все-таки это страна другого языка. И у каждой страны есть свои задачи, свой национальный эгоизм. С какой стати государство Израиль должно поддерживать русскую поэзию?

Л.П. Вы не думаете вернуться в Россию?

И.Б. ...Честно говоря, вряд ли. Мне просто не под силу еще раз менять жизнь. Кроме того, хоть я и человек русской культуры, русский поэт, православный (о чем я здесь стараюсь не говорить), но я еще и еврей. До приезда в Израиль я по сути не знал своего народа.

Израиль возник немислимо, чудом, победил в таких войнах, в которых любое другое государство было бы сметено с лица Земли, в чудовищных условиях развился, создал развитое общество и — что самое поразительное! — остался при этом демократической страной, которая становится все сильнее, сильнее, сильнее. Этого не объяснишь никакими рациональными причинами, никакой логикой... Нет, я не уеду из Израйля.

[ТЕЗИСЫ]

Из изъятого при обыске у И.В.Бокштейна

Аналогия между комсомольскими отрядами и другими и фашистскими штурмовиками.

Компартия набирает определенные группы молодежи для подавления инакомыслящих.

Однопартийная система — подавление личной свободы. Миллионы расстрелянных людей.

Советский Союз поработил Восточную Европу.

У нас не будет свободы, если не будет капитализма.

Советский Союз мечтает о военном покорении мира.

Коммунисты отстали в умственном развитии на 100 [лет] и завоевали ненависть (Неру).

В Советском Союзе много инакомыслящих единомышленников.

На Западе борются за мир, а СССР желает войны для порабощения всего мира.

Запад стал вооружаться, так как СССР наступил на горло Западу.

В Советском Союзе процветают концлагеря (в Германии к началу Второй мировой войны не было концлагерей и методов насилия, какие были у нас, и истреблялись миллионы людей).

Все лживо.

Эдуард Кузнецов

Я РОДИЛСЯ НА ЗЕМЛЕ...

Из всех героев этой книги Эдуард Кузнецов появился на площади последним. Если раньше идея конспиративной деятельности только бродила в головах Осипова и Новогоднего, то с появлением Эдика и — думается — во многом по его инициативе и была создана подпольная организация, в которой обсуждался террористический акт против главы правительства, по счастью, не состоявшийся.

В 1970-м не состоялась другая, также готовившаяся при активном участии Кузнецова акция — угон самолета в Израиль. Отсидев какое-то время в камере смертников, Эдуард Кузнецов снова отправился в лагерь. Но в результате этой противозаконной и вроде бы провалившейся затеи с самолетом тысячи еврейских семей смогли — законно — переехать на историческую родину.

Было ли кузнецовское «дело 1961 года» вовсе бессмысленным? В политике, как и в науке (как, наверное, и вообще в жизни) отрицательный опыт тоже не пропадает втуне.

В 1995 году, когда Эдуард Самуилович Кузнецов, уважаемый редактор самой популярной в Израиле русскоязычной газеты, приехал на несколько дней в Москву и остановился в «Национале», он сказал автору этих строк, что не хочет просить о реабилитации — ибо не считает себя безвинно пострадавшим.

...А все же мы — волчье племя!
Таковыми нас сделало время.

М.Юнн

Л.П. Ваши «Дневники», изданные на Западе, где вы — хоть и бегло — рассказываете о своей родословной, до сих пор неизвестны российскому читателю¹. Поэтому давайте начнем разговор издали. Что вы помните о своих бабушках и дедушках?

Э.К. Дед до революции был купцом 2-й гильдии, а потом, во время нэпа, имел свое дело. Умер он в ссылке, в начале 30-х годов. Из-за него вся семья попала в «лишенцы»².

Отец, Герзон Самуил Исаакович, умер в 1941 году, еще до войны, от неудачной операции. Так что его я, естественно, не помню. Родственников со стороны отца практически тоже не знаю. Никогда не поддерживал с ними никаких отношений.

Л.П. То есть вы росли в абсолютно русской семье?

Э.К. Да.

Л.П. Бабушка была женщиной религиозной?

Э.К. ...Дома висела икона, но религиозной она не была... Это была достаточно простая женщина, приверженная деревенскому укладу... Промежуточное состояние деревенского человека, перебравшегося в город и не усвоившего городскую культуру.

Л.П. Ваша семья пострадала от советской власти. Надо полагать, ни мама, ни бабушка не питали никаких симпатий к большевикам.

Э.К. Семья была достаточно напугана репрессиями или угрозой таковых. Поэтому — во всяком случае внешне — они были вполне советскими, а главное, смятыми, покорными, все готовыми принять. Рядовые жертвы системы. Никакой политической темы в доме никогда не звучало, не говоря уже о сознательном протесте.

Л.П. Ни одного нехорошего слова о той жизни, которую им приходилось вести?

Э.К. ...Проскальзывали нотки, но исключительно на бытовом уровне, без оттенка обобщения. Вот, мол, до революции цены были ниже... что-нибудь такое.

Л.П. А вы в детстве понимали, что при царе ваши близкие жили гораздо лучше, чем сейчас?

Э.К. Конечно. Это было очевидно, но тоже никак не экстраполировалось.

Л.П. И они хотели воспитать вас по своему образу и подобию?

Э.К. Ни о каком воспитании вообще не могло быть речи. Послевоенные годы. Безотцовщина. Мать работала с утра до ночи. Бабушка тоже работала, сколько могла. Я дома только ночевал. Воспитывал меня двор. Жили мы в рабочем, хулиганском районе. Было очень много уголовщины. В девятом классе у нас сразу человек шесть «замели» по уголовному, кажется даже «мокрому», делу. Это было в порядке вещей.

Л.П. Ребята, с которыми вы дружили, тоже были как-то связаны с уголовным миром?

Э.К. Оттенок уголовный был всегда. Хотя бы на уровне противопоставления себя милиции. Милиция как бы олицетворяла власть. Ненавидеть «мильтона» и всячески ему пакостить — означало па-

костить властям... Все это, конечно, на зоологическом уровне. Неосознанно.

Л.П. Что расскажете о вашей школе?

Э.К. Обычная советская школа. Ярких личностей не было. Но и монстров тоже. Каких-то неофициальных отношений ни с кем не сложилось... Я довольно много читал.

Л.П. И что читали?

Э.К. Что попало. Всякую дребедень: Золя, Драйзера... Любовь к классике сформировалась у меня несколько позже, лет в пятнадцать-шестнадцать.

Л.П. А всякую советскую макулатуру, типа «Стожары»³, что-нибудь про Павлика Морозова...

Э.К. Ну а как же? Все было пройдено.

Л.П. И как вы относились к подобным сочинениям?

Э.К. Боюсь, что никак. Я был вполне советский ребенок. Глотал все... Хотя и энтузиастом никогда не был.

Л.П. Но все-таки вы вступили в комсомол?

Э.К. Да. После смерти Сталина был спецнабор. У нас тогда всю школу «вступили». Вы же знаете, как это бывает: все идут — и ты должен идти. Ритуал. Никаких особых мыслей по этому поводу у меня не было.

...Первая смута в душе появилась после ареста Берии. Стали публиковаться какие-то разоблачительные статьи. Пошли разговорчики, шепотки, экивоки. И впервые подумалось: не все так уж благополучно в этом мире. Раньше все воспринималось как должное. Совершенно нищая жизнь? Но все кругом жили так же. Так оно вроде бы и должно быть. А тут появились какие-то сомнения, конечно, еще очень робкие, неоформленные.

Л.П. А потом был XX съезд.

Э.К. Очень крупное событие, которое меня сильно задело. Разумеется, я не читал закрытого письма (хотя кое-что доходило в вольных пересказах), в основном же вся информация была из официальной печати... Первые публикации о репрессиях... Больше всего, конечно, поражали цифры: десятки тысяч невинно убитых. Мы с друзьями уже начали это обсуждать.

Л.П. Как вы относились к Хрущеву в первые годы его правления? Надеялись, что он как-то либерализует общество, или нет?

Э.К. Было бы натяжкой сказать, что вообще было какое-то отношение. Он был фигурой не харизматической, а достаточно смехотворной, во всяком случае внешне... И анекдоты тогда уже ходили. Происходила десакрализация главного носителя власти, главного жреца... Опять же неосознанная, стихийная.

Л.П. Венгерские события помните?

Э.К. Очень хорошо. Я тогда дружил с Витей Хаустовым. Он был на год старше, но где-то классе в шестом остался на второй год и учился вместе с нами. Так вот мы с ним довольно много материалов на эту тему читали. И обсуждали довольно интенсивно и довольно громко (еще не очень понимая опасность таких разговоров). В десятом классе, перед самыми экзаменами, меня вызвали к директору — в его кабинете сидел некий человек в штатском (я потом уже понял, что он из КГБ), и меня довольно грозно предупредили: перестань болтать! Думаю, что тогда-то я в первый раз и попал в их кондуит. (Через какое-то время это мне аукнулось).

Я сдуру не испугался, а продолжал трепаться, в частности и об этом случае рассказывал. Дескать, приходили меня пугать, а я не боюсь. ...Правда, пугали довольно мягко.

Л.П. Посадить не грозились?

Э.К. Не без того. Ты, мол, знаешь, как это может закончиться... Вообще собственно венгерские дела меня не очень интересовали, но это был повод для укоряюще-разоблачающего жеста в сторону советского правительства: вы говорите одно, а вот — концы с концами не сходятся. Нам важно было подловить власти на неких противоречиях.

Это был период подготовки к собственному мировоззрению, когда ты еще не отрешился от господствующей идеологии, у тебя еще нет смелости для самостоятельного мышления, ты пока еще ищешь трещины в существующем мире, тревожно озираясь по сторонам и не понимая, нужны тебе эти трещины или не нужны... Смутное состояние.

Л.П. У вас не было стремления как-то расширить свою информацию? Допустим, послушать западное радио?

Э.К. Нет. Мы жили своей, достаточно интенсивной мальчишеской жизнью. Спорт (я был кандидат в мастера). Три раза в неделю тяжелые тренировки, соревнования. Потом — дворовые дела, девочки, я уже и выпивать начинал. Мировоззренческие проблемы были не главными.

Л.П. Учились вы легко, хорошо?

Э.К. Первые годы — хорошо, а потом плохо. Класса с четвертого-пятого школа отошла на второй план. Созрело понимание, что ею можно и нужно пренебрегать... В аттестате у меня были одни тройки, по всем дисциплинам. К концу школы у нас была уже своя довольно плотная команда, в которой я был заводила.

Существовало такое правило: кто получил четверку, не говоря уже о пятерке, тот покупает бутылку. Если мне случайно удавалось ответить на четверку, я молил учителя, чтобы он мне поставил тройку.

Л.П. Как вы мыслили себе свое будущее?

Э.К. Никак. Кончив школу, я пошел в училище при 45-м заводе. Там учились месяцев шесть, потом получали разряд и работали на заводе. Тогда — наверное, помните — как раз вышел указ о том, чтобы принимать в вузы почти исключительно тех, кто имеет рабочий стаж⁴. Вот мы с Хаустовым и двинулись в это училище... В моем окружении не было никаких наставников. Мы все были одногодки...

Л.П. 1956–1957 годы — начало «оттепели». Появились произведения, которые не могли быть напечатаны несколькими годами раньше.

Э.К. Кое-что читал. Конечно, появление книг, в которых была хоть какая-то правда, становилось событием. Но я для себя не формулировал так: вот, настало время, когда можно сказать... Не было еще сознательного подведения итогов.

Читал Дудинцева, и Яшина, и Тендрякова, и Евтушенко, и Вознесенского, и Ахмадулину. Особенно, конечно, Евтушенко. Некоторые его стихи уже и в списках ходили... Вообще тогда уже много «самиздатских» стихов появилось: Ахматова, Цветаева... Увлекался Есениным — его тогда переиздали... Конечно, был интерес ко всему полузапретному. Но я еще не подозревал, что есть что-то запретное полностью... До 58-го я вел довольно аморфное существование.

Л.П. В 1958 году разразился скандал с Пастернаком. Вы знали об этой травле?

Э.К. Конечно. К 58-му году я уже был более-менее сложившимся человеком, не приемлющим эту власть, и понял все более-менее правильно. Осудил его раскаяние. Удивился, что он допустил такую слабость...⁵ «Доктора Живаго», разумеется, не читал.

Л.П. Хотелось бы понять, как шел процесс вашего гражданского созревания.

Э.К. К сожалению, не могу облегчить вашу задачу. Не вижу никаких вех. Все шло потоком, самостийно, но так или иначе, в 58-м году я был уже довольно злобный антисоветчик. (И уже довольно громко орал на многих углах...) Точнее сказать, конечно, не антисоветчик, а антисталинист. Сочинял какие-то корявые стихи, типа: «Сместили Сталина — аппарат оставили»... Значит, какие-то зачатки понимания уже были: дело не в Сталине, а в аппарате, системе... Постепенно становилось ясно и другое: мы живем гораздо хуже, чем в капиталистических странах.

Л.П. А информация откуда?

Э.К. Появились западные фильмы. Там проскальзывал быт, который сильно удивлял: безработные живут в четырехкомнатной квартире... Такие детали выстраивали некую мозаику буржуазного бытия.

Как-то дома я почему-то обронил: «Хорошо бы попутешествовать, Африку посмотреть». «Забудь ты про Африку», — сказала мне

мама. Тут я задумался: действительно, никто из моих знакомых никогда не был за границей... И я понял свою обреченность на жизнь в этой стране, понял, что весь мир навсегда закрыт для меня и мне подобных, — с того времени эта мысль довлела в моем сознании и, я думаю, сыграла значительную роль во всей моей дальнейшей жизни. Я родился на Земле, а выходит, что я родился в Москве и обязан прожить здесь всю жизнь. Закрытость мира — это было мной воспринято как кража со стороны государства.

Л.П. В 1958 году вы ушли в армию...

Э.К. Не просто ушел, а попросился добровольцем.

Л.П. ???

Э.К. У маминоного брата был полуприятель — лейтенант, который работал в военкомате. На одной из пьянок (я там тоже участвовал) он сказал, что скоро будет набор в Польшу или Германию. Мне к тому времени прислали повестку с сообщением, что меня призовут в следующем году. И тут мне сверкнуло: отчего бы мне не пойти сейчас? В любом случае посмотрю какую-то другую страну, а может быть, удастся и бежать — у меня к тому времени уже созрело желание бежать отсюда. Не то чтобы я вынашивал эту идею, но она легла на некий уже сложившийся фон.

...Все было как положено: медкомиссия, проводы, все деньги пропиты — и вдруг меня выдергивают из строя. «А ты иди-ка пока домой».

Через какое-то время этот же лейтенант объяснил мне, в чем дело: у моей фамилии стояла галочка — знак, что мне нельзя за кордон. Вероятнее всего, это было следствием того разговора с гэбэшником. (Да и потом я не очень-то держал язык за зубами.) Вместо заграницы меня через пару недель отправили служить в Саратовскую губернию.

В армии я очень много читал. В основном классику, русскую и иностранную. В том числе и классиков марксизма с наивной мыслью, что у отцов-основателей все было правильно — только в нашем обществе что-то не так... Ни хрена не понял, мозги замутились от всей этой ерунды.

Читал журнал «Курьер ЮНЕСКО», о котором я раньше не подозревал, «Иностранную литературу»⁶. Я сообразил, что хотя там и печатают «прогрессивных» авторов, но в чем-то главном они все-таки не могут соврать, и, фильтруя, можно получить представление о том, что реально происходит на Западе.

Читал Спинозу, Монтескье — всех философов, которые не были под запретом. В том числе и философов Востока. Очень сильное впечатление произвел Ганди...⁷ Это было время, когда я открыл массу любопытных вещей.

В армии я довольно близко подружился с Валерием Котовым — сыном председателя Комитета защиты мира⁸. У его папани была возможность получать книги, издававшиеся для «спецпользования», номерные, с грифом⁹. Поэтому Валерка еще до армии много чего прочитал и во многом меня просветил. (Хотя сам он был откровенный конформист, вполне циничный отпрыск номенклатурного работника; родители спрятали его в армию от какого-то некрасивого дела.)

Поскольку бунтарский душок во мне уже был, я служил таким образом, что в 60-м году, когда шло сокращение Вооруженных Сил¹⁰, меня демобилизовали досрочно. Из нашего гарнизона сократили всего троих: двоих калек и меня. По той причине, что на меня уже было заведено дело, за которое полагался «дисбат», — антисоветчина. Но незадолго до этого начальство оскандалилось: судили двух человек, а у одного из них дядька оказался работником Генштаба. И они решили перестраховаться: черт с ним — пусть катится на все четыре стороны...

Таким образом я отслужил девятнадцать месяцев. И вышел вполне сложившимся противником режима, ищущим правдивую информацию, умеющим добывать ее, «просеивая» доступные советскому человеку источники, сознательно выстраивающим какие-то кирпичики подлинного знания. Я был уже убежденным... ну, скажем, ревизионистом. Считал, что марксизм в принципе хорошая теория, но, может быть, в ней что-то не совсем точно. Надо пересмотреть, улучшить и т.д.

Л.П. Вы вернулись в Москву и...

Э.К. Поступил на философский факультет университета. Сначала на дневной, а потом перешел на вечерний: мать получала копейки, без зарплаток было не прожить.

Я уже до армии работал монтажником-высотником и довольно хорошо зарабатывал. И я вернулся на прежнюю работу — тяжелую, опасную, но не требовавшую много времени. И я очень много читал. У меня появилась возможность читать запрещенные книги — Валерка Котов тайком от отца давал мне на день-два. Но я делал оттуда выписки, что-то конспектировал и потом в разговорах, естественно, щеголял знанием этих вещей.

Л.П. Оппозиционно настроенная молодежь тогда в основном все-таки пробавлялась не «спец», а «самиздатом».

Э.К. Читал, конечно, и самиздат. И был очень активным его распространителем.

Л.П. Сами распечатывали?

Э.К. У меня не было машинки. Я переписывал от руки. Но в нашей компании была одна девица, которая перепечатывала, —

потом выяснилось, что она работает на КГБ. Ее показания оказались в моем деле.

Л.П. Как вы попали на площадь Маяковского?

Э.К. Случайно. Мы с Хаустовым куда-то цделись и вдруг увидели толпу (это было в конце 60-го или в самом начале 61-го) — прибились. Кто-то читал стихи с явно антисоветским подтекстом. Это нас безумно заинтриговало. Мы тут же выяснили, что чтения, оказывается, происходят регулярно. В следующий раз мы пришли уже намеренно и начали активно завязывать круг знакомств среди людей, которые чаще других туда ходят и что-то пытаются организовывать... Сразу же выявился круг активистов, и через пару недель мы уже вошли в этот круг. Познакомились со всеми: Галансков, Щукин, Буковский, Вишняков, Шухт — все.

Л.П. В центре столицы социалистического государства читались антисоветские стихи — и ничего?!

Э.К. Очень даже «чего». Там работал созданный при горкоме комсомола отряд особого назначения по борьбе с антисоветчиной¹¹. Возглавлял его человек с армянской фамилией...

Л.П. Агаджанов.

Э.К. Знаете, так зачем спрашиваете?

Л.П. Затем, что я записываю ваши воспоминания, а не свои. Чем больше свидетельств — тем точнее картина.

Э.К. Агаджановские молодчики постоянно забирали ребят с площади. И не только поэтов. Меня самого пару раз арестовывали. Однажды, по-моему, в день смерти Маяковского — 14 апреля. Кстати сказать, допрашивал меня лично Агаджанов: откуда пришел, кто с кем знаком, где берешь антисоветчину и пр. и пр. Записали, сказали: «Еще вызовем» — выпустили.

Л.П. Не избивали?

Э.К. Во время ареста не без того. Силой затащили в машину. Меня отбивала Света Мельникова.

Л.П. Женщина? Неужто Владимир Буковский и другие ребята не организовали никакой охраны?

Э.К. Все было стихийно. Кого-то хватали — мы бросались. Удалось отбить — он убежал. Нет — значит, арестовывали¹².

Л.П. Как забирали Илюшу Бокштейна не помните?

Э.К. Нет. И выступления его помню очень смутно, что-то парадоксальное, хаотическое... Был на площади один мужичок (забыл фамилию), тоже с философского факультета, он был полный инвалид, мы его таскали на руках. Он говорил довольно любопытные вещи, примерно в том же духе, что и Бокштейн¹³.

Л.П. «Маяковцы» не только читали стихи на площади, но и устраивали выставки художников-авангардистов.

Э.К. Да, и я тоже в этом участвовал. В первый раз, если не ошибаюсь, мы устроили выставку Рабина, потом на какой-то очень хорошей квартире (никто из нас в таких квартирах не жил) — коллективную: Рабин, Кропивницкий, еще кто-то...¹⁴ Для меня это был один из участков борьбы. Запрещают — значит нужно делать, независимо от того, как я сам к этому отношусь... Да и стихи интересовали меня постольку, поскольку в них был социальный протест. И с самого начала встал вопрос: ну, стихи — а дальше что? Мы с Хаустовым, полагаю, внесли элемент более серьезного отношения: надо что-то делать... И Осипов, правда, тоже об этом думал. Мы с ним и обоими Ивановыми стали говорить о том, что чтение стихов на площади — это недостаточно, надо делать журнал (мы уже знали о «Синтаксисе»), нужны листовки, надо создавать... не то чтобы организацию, но мозговой штаб, вырабатывать какую-то теорию. И площадь мы хотели сохранить в основном как приманку: пусть приходят послушать стихи, а мы будем там подбирать людей, наиболее подходящих для серьезной работы, создадим законспирированную ячейку, которая станет действовать в зависимости от ситуации. Все мы были жертвами нашего воспитания. Поэтому мыслили исключительно в рамках большевистского опыта, доведенного до нас большевистской же литературой.

Л.П. У большевиков была определенная цель. Какая цель была у вас?

Э.К. Думаю, что мы тогда не ставили целью свержение власти. Все, что мы сделали или хотели сделать, было формой жесткого протеста, по-моему, не более. Да я что-то и не помню, чтобы мы четко формулировали свои цели. Задним числом я бы сформулировал так: довести до сведения власть предержащих, что ситуация в стране удручающая и необходимо задуматься над тем, как ее реформировать. В заявленном ими же ключе... В основном мы занимались тем, что ловили их на противоречиях: в источниках написано так, а у вас — черт-те что.

Л.П. Истину царям — с улыбкой или без оной — но говорить?

Э.К. Совершенно верно. Пусть смилостивятся и все поменяют.

Л.П. Понимали ли вы опасность такой деятельности?

Э.К. Конечно, мы уже обладали достаточно большой информацией о репрессивном аппарате. Даже преувеличивали его мощь и страсти, которые нас в будущем ожидают.

Л.П. Вы принимали какие-то конкретные меры против проникновения в Вашу среду стукачей?

Э.К. Практически — нет. И без стукачей, без сомнения, не обошлось. Мы были еще очень незрелые люди и действовали еще очень несерьезно. Казовая сторона привлекала нас, может быть, даже больше, чем само дело. Мы только-только обрели свое, отличное от

типового советского, понимание происходящего, хвастались этим налево и направо — без оглядки. Уверен, что если бы даже нам сказали, что в квартире, где мы собрались, присутствует кагэбэшник, нас бы это не остановило.

Л.П. Вы регулярно собирались не только на площади, но и на квартирах?

Э.К. Да. У нас было пять-шесть более-менее постоянных квартир, там собиралось человек по двенадцать-пятнадцать, а иногда и тридцать. Одни и те же люди. Бывало, соберемся — начнут бунтовать соседи — переходим на другую квартиру.

Там не только стихи читались, но и серьезные доклады делались, потом обсуждались, получалось что-то вроде семинаров.

Докладчик и тема определялись заранее — ходили в библиотеки, готовились. Мы тогда очень интересовались анархо-синдикализмом, и главным специалистом по югославскому опыту был Осипов. Были и другие доклады: о колхозах, доклад Илюши Бокштейна о прелестях монархии (мы тогда не воспринимали подобных идей)... Еще что-то — уж не помню.

Л.П. И в работу над журналами, которые делались «маяковцами», Вы, конечно, тоже включились?

Э.К. Да. В «Фениксе» я активно участвовал. Второй номер у меня практически весь дома арестовали. Ответственным редактором назначили, если не ошибаюсь, Вишнякова¹⁵, а мы с Хаустовым взяли на себя техническую часть: специально взяли для этого дела машинку напрокат и печатали, в основном на квартире у Хаустова, — там на всех диванах лежали эти листки... Если не ошибаюсь, мы приготовили восемь экземпляров. Сами и переплели.

Л.П. Распространением занимались?

Э.К. До этого мы не дожили — «замели».

Л.П. Каковы были редакторские принципы?

Э.К. Самодеятельные. Я лично считал так: чем более резко антисоветское — тем лучше.

Л.П. То есть не все стихи, которые читались на площади, принимались.

Э.К. Конечно. На площади и Евтушенко читал. Пару раз его привозили вместе с еще какими-то официальными поэтами — этой акцией надеялись сбить антисоветскую направленность чтений.

Л.П. А какие-то листовки раздавались на площади?

Э.К. На площади — нет. Только среди своих. Вообще, насколько я помню, была всего одна листовка — о событиях в Муроме и Александрове. Кто-то вечером услышал по западному радио о тамошних волнениях, сказал нам, и утром мы со Славой С. сели на поезд и поехали в Муром. Приезжаем — везде войска. Не очень густо, но везде... А так

внешне ничего особенного. При нас никаких волнений уже не было. Не чувствовалось и подавленности. В магазины срочно завезли колбасу, и все бросились покупать. Но мы видели сожженное здание райкома, какую-то сожженную машину... Мы ходили по домам, заходили в пивные, расспрашивали случайных людей и составили себе более-менее верную картину о том, что было на самом деле.

Л.П. Чем были вызваны эти события?

Э.К. Обычная в те годы история. Рабочего местного завода радиоаппаратуры, пьяного, задержала милиция, избили до смерти. Потом, как обычно, труп несколько дней не выдавали родственникам, а когда выдали, обнаружилось, что зубы выбиты и все тело в кровоподтеках и синяках, — начался погром милиции, потом перекинулось на райком.

Л.П. Войска стреляли в народ?

Э.К. Нет, на улицах ни в кого не стреляли. Но, если я не ошибаюсь, потом человек тринадцать приговорили к расстрелу.

В Александров мы, по-моему, ездили втроем: я, Осипов и Хаустов — на следующий день после моего возвращения из Муром. Там события были покрупнее, но абсолютно та же уголовная ситуация. Война с милицией тоже перекинулась на райком... Помните, что я говорил вам о нашем детстве, — единственное противостояние постоянно ощущалось в форме противостояния милиции.

Потом мы сделали листовку, обобщавшую эти события... Ну, разумеется, представили все в более романтизированном и политизированном виде, чем это было на самом деле. Хотели отпечатать типографским способом, но не сумели. Пришлось ограничиться машинкой... Кажется, еще и фотоспособом. Экземпляров сто сделали.

Тогда впервые Галансков проявил себя как человек, у которого есть какие-то связи с иностранными корреспондентами. Мы ему рассказали все, что мы узнали, во всех деталях, и он обещал передать эту информацию за границу. Каким образом, через кого — мы по конспиративным соображениям не интересовались.

Но ни листовки, ни семинары, ни журналы нас не удовлетворяли. Это Галансков и его группа считали, что надо ограничиться поэзией, гражданской поэзией, но все-таки поэзией, не лезть в политику, не лезть в конспирацию. Он олицетворял собой то, что позже стало называться «правозащитным движением», основными требованиями которого были гласность и законность. А Осипов, я, Хаустов и Новогодний тяготели к конспиративной деятельности.

Л.П. И на одной из сходов в Измайловском парке вы создали подпольную организацию?

Э.К. Условно говоря — да. Там было выработано что-то вроде программы и устава... Все это мы, кажется, тут же и сожгли.

Л.П. Кроме вас с Хаустовым и Осипова с Новогодним кто-нибудь еще вошел в эту тайную организацию?

Э.К. Был еще какой-то мрачный, загадочный человек, лет сорока пяти, судя по разговорам, сидевший, и вроде бы за политику. Его откуда-то привел Новогдний. (Теперь я подозреваю, что Толя познакомился с ним где-нибудь в «дурдоме».)

Это был типичный бес, который разыгрывал из себя таинственного посланника какого-то мощного центра, напускал всяческий туман, не говорил ничего вразумительного, но на наших наиболее тайных сходках присутствовал. Его роль мне до сих пор не понятна. Иванов с ним все время переглядывался и о чем-то советовался. (В деле у нас он не фигурировал — ни Осипов, ни я, ни Новогдний его не выдали)¹⁶.

Когда встал вопрос о деньгах для организации, он сказал, что в своем городе (то ли в Кишиневе, то ли во Львове) он и его ребята организуют нападение на банки и мы должны выделить пару своих людей для участия в этой акции.

Л.П. И выделили?

Э.К. До дела-то не дошло. Бесовщина одна.

Л.П. А откуда в действительности шли деньги? От НТС?

Э.К. Я в то время даже не знал, что такое НТС. Все наши деньги были из собственного кармана... Копейки какие-то...

Л.П. А Виталия Ременцова вы знали?

Э.К. По-моему, только заочно. Он тоже был человеком Новогоднего. Толя сказал мне, что Ременцов — снайпер и готов шлепнуть Хрущева.

Л.П. И как вы отнеслись к этой идее?

Э.К. Положительно. Мы с Хаустовым даже ходили, разведывали — Хрущев ездил встречать космонавтов по проспекту Мира, и мы прикидывали, откуда будем стрелять.

Л.П. То есть идея теракта существовала не только на уровне трепа — шла реальная подготовка?

Э.К. Было и то и другое. На очередной встрече обсуждалось, что конкретно надо сделать. «Вот мы с Хаустовым пойдем, разведаем маршруты». В следующий раз мы говорим: «Ходили, ничего подходящего нет».

«Нужна винтовка». Мы с Витькой нашли какую-то малокалиберную винтовку, но можно ли из нее убить — непонятно. (В деле эта винтовка не фигурировала — о ней знали только мы.) «Нужно настоящее оружие». Но реальных-то возможностей нет. Мы и встречаться часто не могли: я ведь работал и учился. Думаю, что если бы нас не арестовали, это могло бы тянуться еще энное количество времени — и само бы сдохло.

Л.П. Не сомневаетесь?

Э.К. Разве что вязался бы какой-то крупный фанатик, который вдруг обеспечил бы нам материальную часть. Никто из нас не был способен ни добыть винтовку, из которой можно было бы стрелять с далекого расстояния, ни подыскать надежное место — ничего.

Л.П. Ребята, которые не входили в вашу группировку, как-то узнали о том, что вы затеваете теракт?

Э.К. Какие-то слухи дошли. И Буковский зазвал Осипова на чью-то дачу¹⁷ и там при помощи гипноза и каких-то психотропных средств пытался «расколоть» Осипова. Я на этой даче не был — подробностей не знаю. Но когда Осипов рассказал мне, что Буковский хотел вытянуть из него эти сведения, — тут уж мы решили разобраться с Буковским. «Разборка» происходила, по-моему, дома у Галанскова. Был очень крупный, очень серьезный разговор. «Зачем тебе это нужно? Уж не для КГБ ли?» — «Вы, ребята, всех подставляете под удар». Мы всячески обосновывали необходимость теракта, пытались склонить Володю на свою сторону, он нас всячески отговаривал... Разговор был с накалом, но в общем вполне дружеский, без агрессивности с той или другой стороны.

Л.П. И вы стояли на своем до конца? Несмотря на то, что к этому времени Берлинский кризис — следствие хрущевского самодурства — уже разрешился¹⁸?

Э.К. Мы понимали, что правление Хрущева чревато третьей мировой войной. И мы не ошиблись: через год был Карибский кризис¹⁹.

Л.П. А на что вы себя обрекаете, вы понимали?

Э.К. Естественно. Мы с Хаустовым говорили: слишком много сделано и наболтано, и все на виду, — ничего удивительного, если нас арестуют. Я был уже психологически готов к аресту... Во всяком случае, когда за мной пришли, я не впал в панику.

Л.П. Вы считали, что *надо* через это пройти?

Э.К. Совершенно верно. Элемент жертвенности, желание пострадать, безусловно, наличествовали. И не пугали.

Л.П. Вас арестовали, и началось...

Э.К. Ничего особенного. Сначала мы сидели на Лубянке (к слову сказать, мы были одними из последних ее узников), потом перевели в Лефортово. Издевательств не было. Кормили прилично. Шикарная библиотека. Я там, помню, прочитал «Дневник» Достоевского, Лескова...

Обычные интенсивные допросы. С давлением, но без физического насилия. Разумеется, перед лицом этого аппарата мы были бессильны — правила игры нам были неизвестны. В юридическом смысле мы были абсолютно не подкованы, не знали ни Кодекса, ни своих прав — полное невежество. Естественно, мы избрали совер-

шенно неудачную линию защиты: дескать, мы не собирались нанести вред советской системе, хотели только ее улучшить, антисоветского умысла у нас не было. Нас легко ловили на противоречиях.

Л.П. А как вы отбивались от обвинения в намерении совершить теракт?

Э.К. Я сейчас уже с трудом припоминаю, но примерно так: да, шел какой-то разговор, чушь какая-то, болтали что-то, непонятно что...

Если бы не этот факт, мы бы, конечно, прошли следствие значительно красивее, — это нас сильно подкосило.

Под эту историю можно было скрутить все остальное и добавить нас — слишком уж выигрышный был для них момент. Но они этого не сделали, напротив, сами старались замять этот инцидент. И на допросах едва касались, и на суде это только мелькнуло. В приговоре говорилось как-то так: «Обсуждали возможность совершения теракта против одного из членов правительства»²⁰. Этот факт показывает, что шла какая-то игра между КГБ и Политбюро. Какая — непонятно. Я до сих пор не могу этого объяснить. Но факт, что они явно не хотели акцентировать этот момент — в каких-то своих интересах.

Л.П. Что же их интересовало?

Э.К. Подпольщина, листовки... — рядовое антисоветское дело. Все допросы, все протоколы — об этом. А теракту был посвящен буквально один абзац.

Л.П. Вас пытались «расколоть», вытащить какие-то дополнительные фамилии?

Э.К. Ну, естественно, как водится. Задействовали массу народа, на допросы таскали около сотни человек. Десятка два выгнали из институтов. Работали вполне традиционно и вполне профессионально. Но они нас явно вели только на 70-ю и даже не пытались на 64-ю²¹.

Л.П. Как прошел суд?

Э.К. Мы держались своей избранной линии: дескать, мы критиковали власти, возможно, недозволенными средствами, но мы хотели улучшения системы. Не было ни соплей, ни слез. Все вели себя достаточно благородно. Кого-то утопить, сказать: он сделал больше, а я меньше, — такого не было.

Л.П. Суд был, по существу, закрытым?

Э.К. Естественно.

Л.П. Почему «естественно»? По закону он как раз должен был быть открытым.

Э.К. Даже родные присутствовали только во время оглашения приговора. В дни суда, конечно, приходили знакомые, человек десять толпились постоянно, но в зал их не пускали. Помню Вольпина (он даже с цветами пришел), «маркизу»...²²

Л.П. Вы ожидали таких суровых приговоров?

Э.К. Признаться, нет. Думал, лет пять. Адвокат просил даже три года, но дали на всю катушку.

Л.П. О том, как проходил ваш второй срок, вы написали в вашем «Дневнике». Хотелось бы, чтобы вы, хотя бы кратко, рассказали о первом.

Э.К. Я был довольно злостный нарушитель всех и всяческих режимов. Участвовал во всех забастовках, голодовках и пр.

Л.П. В «оттепельные» времена сидеть, наверное, было все-таки легче, чем потом?

Э.К. В 63-м году, на «спецу»²³ расстреляли, если я не ошибаюсь, человек тринадцать. Кто-то бросил надзирателю в лицо махоркой, даже не попал, — расстрел. Морили голодом и убивали за всякую ерунду.

...Официально лагерь был политический. Но фактически на две трети состоял из уголовников, которые, чтобы сбежать из уголовной зоны, совершили преступление, квалифицируемое как политическое²⁴. Среди них были крупные фигуры уголовного мира, сохранившие, естественно, все уголовные навыки. Они-то и определяли атмосферу. Могли убить за кусок хлеба, в буквальном смысле. Такого тяжелого бытия я больше не видел за все свои шестнадцать лет лагерей.

Л.П. Лагерь как-то изменил ваше мировоззрение?

Э.К. Конечно. Именно в те годы я окончательно сформировался, расстался со всеми ревизионистскими иллюзиями, стал принципиальным и жестким антисоветчиком, с полным неверием в то, что Россия в ближайшем будущем может как-то измениться. К концу срока я уже твердо решил покинуть эту страну. Чтобы не слить в лагерях окончательно. На опыте солагерников я видел, как многие, отсидев свои семь или десять лет, через годишко-другой оказывались здесь снова — на очередные десять лет. Если ты не сломился — этому не будет конца. Власти не спустят с тебя своей когтистой лапы.

Словом, прошел эволюцию, типичную для людей моего круга, которые попали в лагерь с определенными иллюзиями. Большая часть их разбежалась по национальным углам.

В лагере я впервые столкнулся с участниками национальных движений. Мне, наконец, вызвездило, что национальное сильнее...

Л.П. Классового?

Э.К. И классового, и общедемократического, и общегуманитарного. И что мне нужно прибавиться к своему берегу, который определяется половинкой, но — как исторически очевидно — более сильной половинкой моей крови. Так я сделал свой выбор.

Л.П. И, стало быть, круто разошлись с вашим поделеньником Владимиром Осиповым?

Э.К. Человеческие отношения у нас всегда были нормальные. (И сейчас так.) Но идеологически мы разбежались по разным углам. Главное даже не в этом. Вокруг него крутилась публика, которую мы традиционно называем черносотенной, лабазники. Это был мой главный ему упрек. Я говорил: «Володя, можно сколько угодно спорить об идеях, но посмотри, кто около тебя вьется. Может, я не прав, но давай сравним людей, с которыми общаюсь я и с которыми общаешься ты. Может, идея твоя и не плоха, но, вытасченная на улицу, она обрастает черносотенством».

Л.П. Вы вышли из лагеря...

Э.К. С твердым намерением уехать.

Л.П. Вы считали, что это реально?

Э.К. Первый год у меня был надзор²⁵, и я не мог ничего предпринимать, но как только надзор сняли, я решил официально подавать документы. Но даже собрать их было невозможно — за мной постоянно ходил «хвост». Я чувствовал, что меня вот-вот опять посадят. В избе, где я поселился (в Струнине)²⁶, был молодой парень, сын хозяина. Я сразу понял, что КГБ непременно станет этого парня вербовать, — так дай-ка я сам его завербую. Я с ним несколько раз выпил, подружился. И когда его, действительно, стали вербовать, он тут же прибежал ко мне. Так он и работал «двойником». Таким образом я более-менее знал, в каком направлении идет слежка. И отлично понимал (и по тому, какие вопросы они ему задавали, и по тому, что они брали отпечатки с моей машинки): петля затягивается, все идет к тому, чтобы оформить мне новый срок. Ситуация была отчаянной, меня загоняли в угол, и я, естественно, пытался вырваться и был готов на любые авантюрные действия. Коль скоро мне не удавалось уехать легально, я стал думать о том, чтобы уехать нелегально. Если уж суждено мне опять сесть, — то хотя бы за дело.

Как ни странно, толчком к этому отчаянному решению послужил разговор с каким-то крупным комсомольским работником, членом ЦК (фамилии не помню), с которым я случайно пересекся в каком-то доме. Он говорил мне: «Ты толковый парень. Вступил бы в партию. Мы так нуждаемся в хороших, честных людях. Страна в тяжелом положении, и в верхах идет обсуждение возможности сближения с Западом, чтобы получить от них то, что нам нужно. Если Запад в обмен потребует от нас каких-то уступок в сфере прав человека, то, наверное, мы будем готовы на это пойти». Словом, он говорил о том, что позже получило название «разрядка». Идея обкатывалась уже тогда. И у меня забрезжило: если в этот тяжелый для них момент — каким-то драматическим образом — выложить на стол проблему свободы эмиграции (вернее, отсутствия таковой в СССР), то, возможно, власти и пойдут на какие-то уступки.

Л.П. Именно «драматическим», а не правовым, как это делали наши правозащитники?

Э.К. В правовые я никогда не верил. Зная хорошо правозащитников, отлично понимал, что многие из них играют. История всерьез движется только через драму, через кровь. Правовой путь — это слишком длительно и весьма сомнительно. А меня должны были со дня на день арестовать.

Мы обсуждали разные варианты. Массовая голодовка на Красной площади, например. Но тут возникла идея самолета. Я за нее ухватился. Посчитал: улетим — хорошо, не улетим — будет крупный скандал, который на нас сработает.

Смерть или громкое скандальное дело. Я понимал, что скандал будет мощный, и, конечно, была надежда, что не решатся на «вышак». Картина, которая тогда крутилась у меня в голове, более-менее совпала с реальной.

Л.П. О том, что было дальше, вы рассказали в своем «Дневнике». Поэтому спрошу только: как вам удалось передать рукопись на Запад?

Э.К. Я время от времени сочинял русские народные пословицы — как капитан Лебядкин. Одна из них звучит так: «Сатана создал КГБ, а Бог создал жопу». Это конспективное описание безумно сложного процесса — излагать подробно не буду.

Л.П. Расскажите теперь, как вы оказались на Земле Обетованной...

Э.К. Я относительно адекватно представлял себе западную жизнь вообще и в Израиле в частности — в силу умения аналитически читать то, что было в официальной прессе. Так что больших сюрпризов не было. Но все равно другая, необычайная жизнь, другой ритм. А я в лагере и от привычной-то жизни был оторван. Приспособиться было непросто.

Четыре года я здесь прожил, работал в университете, в советологическом отделе, по два раза в год ездил с лекциями по Америке и Канаде — на это в основном и жил. Закончил книгу «Русский роман». Потом мне предложили стать начальником отдела «Новости» на радио «Свобода», и в 83-м году я переехал в Мюнхен.

В том же году мы вместе с Буковским и Максимовым²⁷ создали Интернационал сопротивления, где я был президентом. Мы проводили различные акции во всех уголках мира. В частности для Афганистана очень много делали: вывозили оттуда пленных, забрасывали газеты, вешали туда по радио...

...На «Свободе» я проработал семь лет. Потом Роберт Максвелл²⁸ предложил мне создать и возглавить русскую газету в Израиле. Я вернулся сюда. Выпускал пару лет газету «Время», — потом Максвелл утонул, а я поругался с новым владельцем, ушел и увел всю

команду. Создал новую газету «Вести». Через год с небольшим она стала газетой номер один.

Живу под Иерусалимом. В очень хорошем маленьком поселочке. Работаю. Благоденствую.

Из протокола обыска у Кузнецова Э.С.

Мы, сотрудники Управления КГБ при СМ СССР по г.Москве Ушаков и Красов на основании постановления Управления КГБ при СМ СССР по г.Москве за №____ от 5 октября 1961 года в присутствии Жаббарова Идриса, прож. 1-я Советская ул. д.8, кв.27 и Цукановой Маргариты Федоровны, прож. Бужениновская ул., д.9, кв.4, руководствуясь ст.ст. 175-185 УПК РСФСР¹ произвели обыск у гр. Кузнецова Эдуарда Самуиловича проживавш. в кв. № 3 дома № 9 по улице Бужениновской.

Изъято для доставления в Управление КГБ по г.Москве следующее:

1. Две записные книжки в клетку с различными записями, в том числе, адресов и телефонов, обе книжки в коричневых коленкорových переплетках. <...>²

5. Три общие тетради в коричневых коленкорových переплетках, в клетку с различными записями, исполненными синими чернилами. <...>³

11. Двадцать две пачки фотографической бумаги унибром, форматом 9x14, № 3.

12. Книга Фурста «Невротик, его среда и внутренний мир», с записями (в виде замечаний) на отдельных листах, исполненных карандашом (стр.217-220, 222 и др.).

13. Книга «Ленин о культуре и искусстве» с отдельными записями (пометками) на листах, исполненными карандашом (стр.112-115 и др.).

14. Два листа белой нелинованной бумаги с машинописным текстом, начинающимся со слов: «Тот мощный идеологический кризис...», оканчивающийся словами: «работу по демократизации комсомола»⁴.

15. Машинописный текст на 40 листах белой нелинованной бумаги, начинающийся словами: «Мы хотим высказаться...», в качестве эпиграфов использованы отрывки из стихов Шиллера и Луговского.

16. Машинописный текст на пяти листах белой нелинованной бумаги, начинающийся словами: «Уважаемый

тов.Соболев⁵ Л.С. Вы не представляете...» в пяти экземплярах.

17. Сто пятьдесят четыре несброшюрованных листа белой нелинованной бумаги с машинописным текстом, озаглавленным: «Феникс. Москва, 1961 г. № 1» представляющий собой сборник стихов и прозы авторов А.Петрова, М.Мерцалова, Н.Нор (Так! – Л.П.), И.Пересветова⁶, Ю.Галанскова и других. Среди стихов имеется, в частности, стихотворение, начинающееся со слов: «Эж, романтика, синий дым»⁷.

18. Отдельный лист белой нелинованной бумаги с машинописным текстом, озаглавленным: «Коктейль Аннотация»⁸.

19. Отдельные листы белой нелинованной бумаги с машинописным текстом стихотворений И.Харабарова «Репортаж с Красной площади»⁹, Стефана Цвейга «Полифем»¹⁰ (всего 4 листа).

20. Тексты стихотворений «Анархисты», «Дезертиры», «Наемники», «Родина» на отдельных листах тонкой белой нелинованной бумаги, тексты машинописные в трех экземплярах. Стихотворение «Родина» начинается со слов «У людей на все...»; стихотворение «Анархисты» – «Волонтеры террора...»; стихотворение «Дезертиры» – «Нам штыки вместо лезвий...»; стихотворение «Наемники» – «Мы сбредлись, безработные банды...»¹¹.

21. Машинописный текст стихотворения С.Третьякова «Скрябин» на одном листе, начинающееся словами: «Опять струнных...»¹².

22. Отдельные листы бумаги с различными текстами; текст на первом листе начинается со слов: «Мы всех к повесим...», исполнен карандашом; на втором – «Мы долго терпели насилье...», исполнен карандашом; на третьем – «I.Госсоб. 2. Общ.соб...» – исполнен карандашом.

23. Рукописный текст, исполненный синими чернилами на двойном листе линованной бумаги в клетку. Текст озаглавлен «Место философов в («Кокане» – неразб.)» 13.2.61.

24. Рукописный текст стихотворения, начинающегося со слов «Один. Всегда один...», исполненный синими чернилами на листе бумаги в клетку.

25. Рукописный текст, исполненный синими чернилами на одном листе в клетку, начинающийся словами «Помяни, господи...» (в качестве эпиграфа).

26. Рукописный текст стихотворения, начинающегося словами «Зачем мы? Молодость...», исполненный синими чернилами на одном листе, с указанием даты: 18.2.61.

27. Семь листов белой нелинованной бумаги (из блокнота) с рукописным текстом, исполненным синими чернилами, в виде стихотворений.

28. Четырнадцать отдельных листов белой нелинованной бумаги, по формату одинаковых с листами, на которых отпечатаны стихи, озаглавленные «Феникс».

29. Четыре стандартных пачки копировальной бумаги (неиспользованной) форматом 33x21 см, черного цвета. <...>¹³

33. Пробирка стеклянная, диаметром 7 мм, длина — 40 мм, внутри пробирки неизвестное вещество светлого цвета, четыре горохоподобных кусочка, пробирка заткнута кусочком газетной бумаги.

Перечисленные в протоколе в пунктах с № 1 по № 25 включительно материалы опечатаны гербовой печатью №__ Управления КГБ при СМ СССР по гор.Москве.

При обыске от арестованного и других присутствующих лиц жалобы не заявлены.

Обыск производился с 9 час.00 мин. до 14 час.40 мин.
Протокол составлен в 2 экземплярах на 2 бланках.

Все изложенное в протоколе и прочтение его всем присутствующим, свидетельствуем.

Подпись лица, подвергнутого аресту-обыску
[подпись]

Подпись представителя домоуправления
[две подписи]

Подписи сотрудников УКГБ при СМ СССР по г.Москве, производивших арест-обыск
[две подписи]

Все заявления и претензии должны быть занесены в протокол до его подписания. За всеми справками обращаться в бюро справок УКГБ при СМ СССР по г.Москве ул.М.Лубянка дом 7, в дни приема, имея на руках копию протокола и паспорт.

Копию протокола получил

[подпись Э.С.Кузнецова]
«6» октября 1961 г.

ГАВРИЛО ПРИНЦИП¹ НАОБОРОТ

Анатолий Иванов — автор проекта «Космонавт», согласно которому предполагалось физически устранить Хрущева — как политика, толкающего планету к третьей мировой войне. Обсуждавшие вместе с ним этот проект Владимир Осипов и Эдуард Кузнецов получили по семь лет лагерей. Иванов же был признан невменяемым и через два года вышел из тюремной психбольницы, где, по его собственному признанию, к нему не применяли никакого лечения.

В настоящее время имя Анатолия Иванова не столь известно, как имена его поделчиков, — Владимира Осипова и Эдуарда Кузнецова, хотя статьи его — написанные как сейчас, так и раньше, — публикуются в национал-патриотической прессе. Ни в одной партии он, однако, не состоит, ни в одном общественно-политическом движении активно не участвует.

И тридцать пять лет назад он был идеологом, быть может, даже «заводилой», но не исполнителем, не деятелем.

Интервью у А.М.Иванова, так же, как у В.Н.Осипова, взято сотрудником НИПЦ «Мемориал» *Николаем Митрохиным*. Публикуется в сокращенном и отредактированном варианте.

Н.М. Биография у вас, прямо скажем, неординарная. Три раза сесть по политической статье в послесталинские годы удавалось немногим. Для этого, наверное, нужны революционные гены. Кто были ваши родители: большевики, меньшевики, эсеры?

А.И. Никогда они не состояли ни в какой партии. И профессия была у них самая что ни на есть скромная — учителя.

Отец преподавал русскую литературу, а мать, будучи по образованию историком, переквалифицировалась на русский язык — это больше давало материально. Папа был прекрасный, вдохновенный учитель, он и матери всегда уроки готовил.

Н.М. Учителя-словесники, надо полагать, всячески прививали сыну любовь к художественному слову.

А.И. Подростком я интересовался не столько художественной литературой, сколько сравнительным языкознанием и экзотическими языками — учил не только английский, испанский, но и японский, и даже язык северных ненцев.

Очень рано и довольно основательно стал интересоваться политикой. Особенно внимательно следил за национальными движениями в странах Третьего мира — Индонезии, Вьетнаме, Китае. Покупал книжки, посвященные этой проблеме. А вскоре интерес перекинулся на национальные проблемы в Советском Союзе.

...Первый подпольный кружок я создал осенью 1952 года, еще в десятом классе.

В него вошли мои школьные друзья: Юлий Лейбович, Борис Цыпкин (потом я привел его на «Маяк»), Борис Шпунт и Евгений Яшиш. Первые трое — евреи, а Евгений Яшиш — караим. Всех нас интересовал национальный вопрос и, в частности, проблемы сосланных народов. Мы сравнивали географические карты 30-х и конца 40-х годов: была республика — и нет ее.

В последние сталинские годы борьба с космополитизмом соединялась с борьбой против национального самосознания. Так, например, эпосы (туркменский, азербайджанский и др.) были объявлены явлением реакционным, феодальным. (К русским былинам никаких претензий не предъявлялось.) Сосюру раскритиковали за стихотворение «Люби Украйну»². Все это как-то будоражило. Мы часто интуитивно нащупывали истину.

Н.М. А как вы относились к антисемитизму на бытовом и государственном уровне?

А.И. С серьезными случаями бытового антисемитизма я практически не сталкивался, хотя во время «дела врачей» я слышал через стенку, как мужики-соседи — у нас в бараке жил в основном пролетариат — говорили: «Гитлер головастый мужик был, он раскусил евреев...» Еще помню, как на авиационный завод приехал лектор рассказывать о «деле врачей» и спросил рабочих: «Что, по-вашему, нужно делать?» Они стали орать, что нужно уничтожить всех евреев. Наша компания, естественно, была против этого антисемитского «дела». Ведь, как я уже сказал, у меня тогда почти все друзья были евреи. И, пожалуйста, не ловите меня на слове: мол, тогда так, а сейчас иначе, у меня и сейчас друзья сплошные евреи.

Н.М. И долго существовал ваш кружок?

А.И. Нет, он распался довольно быстро. Ребятам померещилась какая-то угроза. (В действительности никаких последствий не было.) С Лейбовичем и Цыпкиным я продолжал общаться. Несколько позже мы познакомились с Юлием Головатенко, который учился в параллельном классе. Вот он позволял себе антисемитские выпады, но не зло, а добродушно подтрунивая. Мы с ним, Лейбовичем и Цыпкиным вместе собирались, выпивали, шлялись по кабакам. Я этот период называю «есенинским».

Резкие антисоветские стихи Головатенко мы потом напечатали в «Фениксе», под псевдонимами Мерцалов и Петров. (Вылезать он не хотел. Пострадать за идею — это было ему, скептику по натуре, просто смешно.)

Юлий писал роман «Машина безвременья». (Первую главу — «Труба» — потом отобрали у меня при обыске).

Мы все вместе были на похоронах Сталина и видели «Ходынку» на этой самой «Трубе»³. Сначала, днем, я пытался прорваться на

Пушкинскую улицу, но, когда увидел, что творится: военные грузовики, а на них стоят солдаты и вытягивают из толпы тех, кому невтерпеж⁴, я вернулся.

А вечером мы вместе с нашей 127-й школой пошли в Колонный зал. (Я тогда учился в десятом классе.) Мы спускались по Рождественскому бульвару к «Трубе», но так до нее и не дошли. Впереди стояли барьеры, а сзади шли все новые и новые толпы, которые напирали на стоящих у барьеров — в результате жуткая давка. «Хорошо бы кого-нибудь из наших комсомольских вождей придавило», — сказал Юлик Головатенко, и пожелание это сбылось — одного из них, действительно, прижали довольно сильно. Но и меня тоже чуть не задушили.

Мы всю ночь там простояли, бегали в подъезд греться, а когда утром разбредались, — вокруг было много калош. Из всей жуткой ночи почему-то больше всего запомнились эти калоши. Тысячи калош... Юлик сострил: все кинулись убедиться, действительно ли помер.

...В школе мы ходили с постными лицами, изображая скорбь, которую мы отнюдь не испытывали. Я еще лет в четырнадцать обещал Лейбовичу, что на похоронах Сталина буду песни петь, что и делал — разумеется, вполголоса. Мы тогда любили петь есенинские стихи из «Москвы кабацкой» (у кого-то из ребят был четырехтомник 20-х годов⁵) на мотив «Дорогая моя столица»⁶ — они хорошо ложились на эту мелодию, и мы регулярно забавлялись таким образом.

В начале марта 1953 года по всей Москве были расклеены афиши фильма «Мечта сбылась»⁷ — их срочно заклеивали. Мы это отметили не без ехидства. В общем, резвились и радовались как могли.

Н.М. Вы не любили Сталина потому, что уже тогда знали о его преступлениях?

А.И. У нас было «наоборотное» мышление. Раз в газетах пишут так — значит на самом деле иначе. Кое-что и знал. У отца хранились старые газеты со стенограммами процессов 30-х годов — я их с большим интересом штудировал. (Ничему, разумеется, не веря.) Но о размахе репрессий, о лагерях, конечно, не подозревал. Из наших родственников никто не пострадал.

После школы я поступил в Институт иностранных языков, на немецкое отделение, проучился год и бросил. Еще год болтался без дела. В 55-м меня хотели забрать в армию, но я «косанул» (так у меня появился диагноз: шизофрения) и в том же году поступил на филологический факультет МГУ. Экзамены я сдал так себе, но для детей учителей были льготы. На филфаке я быстро понял, что здесь такая же мура, как и в Инязе, — все засушено, больше долбежки, чем науки, и кроме языка практически ничему не учат. Я решил, что с языками я и сам справлюсь, и перевелся на исторический факультет.

Там вокруг меня образовался кружок, к которому присоединился и Володя Осипов, — так мы с ним познакомились и подружились. Кроме Осипова в кружок входили Станислав Сорокин и Владик Краснов — все с нашего курса. Объединяло нас критическое отношение к действительности. Мы уже начинали делать доклады на семинарах с определенной подоплекой. Но, пожалуй, и все, — ничего запретного мы не писали и не читали. Самиздата тогда еще не существовало.

Н.М. Как вы восприняли XX съезд и доклад Хрущева?

А.И. Для Осипова это было потрясением, для меня — нет. Мы с ребятами еще в школе говорили, что Сталин — диктатор, тиран. На съезде это признали официально — только и всего. Сам доклад я не читал (его зачитывали только на партийных и комсомольских собраниях), мне пересказывали — Осипов, кто-то еще...

Н.М. На венгерские события как вы отреагировали?

А.И. С восторгом. Тогда вышел сборник «Контрреволюционные силы»⁸, где, несмотря на пропагандистскую шумиху, какая-то фактура все-таки проскальзывала. А мы уже умели читать между строк, добывать материал из официальных источников... Потом я прославлял венгерскую революцию в своем исследовании «Рабочая позиция и диктатура пролетариата».

Н.М. Будучи студентом исторического факультета, вы много занимались?

А.И. Да. Сидел в «Историчке». Очень много читал по проблемам этногенеза, антропологии, языкознания. (Потом мне это пригодилось, когда я писал свои работы «Заратустра говорит не так», «Освенцим каменного века».) В «Историчке» я изучил и Бакунина и потом часто использовал его критику Маркса.

Никаких знакомств в «Историчке» я не заводил. Заказывал огромное количество книг — надо было все просмотреть, охватить, записать, на разговоры времени не было. Кроме того, я не курю, а все знакомства там завязывались в «курилке».

В самом конце 57-го меня исключили из университета. Без каких-то конкретных прегрешений, просто за политическую неблагонадежность.

Может быть, кто-то «стукнул», что на пьянке по случаю 7 ноября я предложил выпить за елико возможно меньшее число грядущих годовщин. Были, наверное, и еще какие-то крамольные высказывания, которые также могли стать известными.

В тот момент как раз арестовали группу Краснопевцева, и на факультете наступила истерическая обстановка «охоты за ведьмами». Из этой «группы» я никого не знал, — деятельность в подпольной организации они совмещали с работой в бюро комсомола, а я

отродясь ни в каких комсомолах не состоял. (Как ни странно, кроме меня на курсе было еще двое-трое таких уродов.)

Мое исключение никак не было связано с нашим кружком. Осипов считался своим парнем, но заплутавшим. Я же — сволочью, пробу негде ставить. Решили, что источник заразы надо устранить: пока на курсе будет Иванов, не перестанут плодиться осиповы.

Может быть, именно потому, что за мной не было никакой вины, родителям удалось упросить деканат восстановить меня на заочном отделении.

...Когда меня вышибли, я попросил Осипова найти в Литературном институте людей, которые были бы нам близки идейно, а главное, способны на какие-то действия. (Володя сам тогда пробовал писать стихи, и у него были там какие-то знакомые.)

Осипов познакомился с Колесниковым и Александром Орловым (он потом был на «Маяке»), а через них с Игорем Авдеевым, который в тот момент закончил Московский энергетический институт. Игорь был талантливый, своеобразный поэт. (Недавно он умер, так ни разу в жизни и не напечатав своих стихов.) Авдеев вынашивал идею создания подпольной организации, он попросил меня написать о «деле Краснопевцева». И хотя я ничего толком об этом деле не знал, я написал статью «Ждущим», о том, что есть люди, которые видят: сделать ничего невозможно и просто ждут, когда что-то само произойдет, а есть люди, которые не ждали, а создали организацию. Дело провалилось, но это не значит, что не надо было ее создавать, создавать было надо, но на каких-то других началах, — и я излагал свои соображения по этому поводу. Статья была подписана псевдонимом Манулин и существовала в единственном экземпляре.

Игорь Авдеев повез ее в Новокузнецк (тогда еще Сталинск-Кузнецкий), куда его направили по распределению. Там он думал развернуть свою деятельность по созданию организации, и моя работа должна была служить как бы рекомендательным материалом.

Летом 1958 года был открыт памятник Маяковскому, и я пошел посмотреть на него. (Раннего Маяковского я любил, многое на память знал, с удовольствием декламировал из «Облака в штанах».) Пришел — гляжу школьники стихи читают, в том числе и свои. Ну, думаю, интересно. Сказал об этом Осипову, вместе стали туда похаживать, отлавливать людей, которые представлялись нам стоящими.

В этот самый первый период существования «Маяка» там была одна колоритная фигура — Федянов, рабочий, самодеятельный поэт. Писал «под Маяковского». Он одним из первых стал выступать. Вокруг него крутилась компания молодых рабочих — мы с ними не были знакомы.

На площади мы познакомились с моим тезкой Анатолием Ивановым, по прозвищу Рахметов. Он жил в Рабочем поселке, и мы часто

у него собирались. У него дома я читал свою «Рабочую оппозицию», написанную на основе университетского доклада, уже после исключения. В этой работе я показал историю двух направлений в социализме: нехорошего и неправильного марксистско-ленинского и другого, ему противостоящего, — я только что проштудировал Бакунина, и мне очень понравилось, как он разделяет Маркса. Я проводил линию через «рабочую оппозицию» к югославским рабочим советам и даже к венгерской революции 1956 года.

5 декабря 1958 года в Новокузнецке арестовали Авдеева и при обыске нашли мою статью. Вышли и на меня. В конце декабря у меня дома был обыск — забрали мою, безусловно антисоветскую, работу «Рабочая оппозиция и диктатура пролетариата». А через месяц, 31 января 1959 года меня арестовали. Прямо в «Историчке». Направили в Институт имени Сербского.

Там все время шли яростные споры между марксистами, на одной кровати, и антимарксистами — на другой. Ярым марксистом был Виталий Ременцов.

В мае 1959 года был суд. Авдеев получил шесть лет, а я — принудительное лечение в Ленинградской СПБ⁹. Кроме нас по делу больше никто не шел. Игорь отсидел от звонка до звонка, а я освободился довольно быстро — в августе 1960 года.

На пересылке я познакомился с украинским националистом, учителем Рафальским Виктором Парфентьевичем, а потом, в Питере, и с другими участниками этого движения: Колей Никифоровым, Левой Стариковым, Сашей Мартыновичем¹⁰.

Когда я вышел, Осипов с Рахметовым уже вовсю развернулись на площади Маяковского. Познакомились и меня познакомили с Галансковым, Буковским, позднее — с Хаустовым и Кузнецовым. Ребята все были молодые, примерно моего возраста, даже моложе. Собирались, конечно, не только на площади, — у Рахметова в Рабочем поселке, на квартирах «маяковцев», особенно тех, кто жил недалеко от площади. Летом — просто за городом, ездили в Подрезково, иногда поближе — в Измайловском парке. Помню большое собрание, на котором выступал Илья Бокштейн.

Н.М. Это были именно собрания, а не просто, выражаясь нынешним языком, тусовки?

А.И. Обсуждали текущие события, наши дальнейшие планы, пытались составить программные документы... Конечно, все это было достаточно абстрактно, ведь нам не на что было опереться. Все интересовались югославской моделью, идеей рабочих советов. Раскола на демократов и патриотов тогда не было (как не было и каких-то разделений по национальному признаку), все были в одной упряжке.

Н.М. Вас обвиняли в намерении убить Хрущева. Вы действительно вынашивали эту идею?

А.И. Это была идея-фикс Виталия Ременцова (после Сербского мы с ним вместе были в Ленинграде). Он был на ней абсолютно заиклен, ни о чем другом и слушать не хотел. Рассуждал примерно так: пройдет несколько лет, народу заткнут рот кукурузой и совершенно забудутся сталинские преступления. Чтобы этого не случилось, он считал необходимым убить Хрущева.

Лично я никогда не доверял Ременцову. Сначала он говорил, что учился в мореходке и был арестован за попытку перехода границы, потом выдал мне другую версию: якобы он работал в КГБ и выразил протест против политических репрессий. Ременцов мечтал о том, что после убийства, которое он устроит непременно на Красной площади, при большом стечении народа, обязательно будет открытый процесс, на котором он расскажет всю правду о Сталине. (Когда лейтенант Ильин выстрелил в Брежнева¹¹, никакого открытого процесса не было — так что зря он надеялся на гласность и резонанс.)

Н.М. Пусть автором идеи был Ременцов, но как отнеслись к ней вы и ваши друзья?

А.И. Обсуждали. Мы считали: Хрущев ведет авантюристическую политику, направленную на эскалацию войны, и я высказал мысль, что возможен вариант «Гаврило Принцип наоборот», то есть одним выстрелом предотвратить войну. Но Ременцову я не верил. Выдвигалась кандидатура Эдика Кузнецова. Он хотел устроиться почтальоном на правительственной трассе, чтобы искать подходящее место.

Наш проект назывался «Космонавт» (в 61-м году запустили Гагарина, и это была очень модная тематика). Название, по-моему, я придумал.

Н.М. Кто знал о проекте «Космонавт»? Как это стало известно КГБ? Из доноса Вячеслава С.?

А.И. С. узнал о покушении от Галанскова. Галансков выдвинул ультиматум: нужно этого буйного (меня) поймать, связать и прибить, чтобы не организовывал убийства. Когда обсуждался этот проект, Галансков поддакивал, а на самом деле вел закулисную игру против меня. Он советовался со своим другом Щукиным, а тот со своим бывшим одноклассником С. Я считаю главным виновником того, что произошло 6 октября 1961 года, не С., а Галанскова.

Обо всех интригах Галанскова я узнал только за день-два до ареста. Пришел ко мне Осипов, как в воду опущенный. Я спросил, в чем дело, и он рассказал мне, как по наущению Галанскова Щукин и Буковский его подпоили и стали выпытывать подробности о замысле теракта. Щукин обнимал Осипова и приговаривал: «Володя, ты

не понимаешь, что ты делаешь, ты игрушка в руках Новогоднего и украинских террористов».

Н.М. При чем тут украинские террористы?!

А.И. Приезжал мой знакомый по Питеру Виктор Рафальский, и я организовал его встречу с «маяковцами». Он рассказывал о положении Украины, а Галансков, очевидно, подумал, что именно украинцы и готовят убийство. Про Ременцова ребята не знали. Только Осипов однажды случайно встретился с ним у меня дома — я потом сказал Володе: «Это и был тот самый Ременцов».

Н.М. Если никто о нем не знал, почему же его арестовали?

А.И. 6 октября меня забрали во второй раз (в этот же день арестовали Осипова и Кузнецова). Мне очень не хотелось, чтобы следователи выходили на украинцев. Рафальского и Калининченко я считал более ценными кадрами, чем Ременцова, и я решил пожертвовать Виталием. Кроме моих показаний на него ничего не было, и, может быть, его бы и не арестовали — мало ли кто что говорит, но на обыске у него нашли листовки, заранее заготовленные для предполагаемого теракта. Хотя я и запретил ему это делать. Вот поэтому его и засунули опять в Питер.

Между прочим, первый вопрос, который мне задали на следствии: «Какие у вас разногласия с группой Галанскова?». Я ответил: «Такой группы не знаю». — «Как же? Они за мирный путь, за демократические реформы, а вы — за террор».

Н.М. А по «Маяку» задавали какие-то вопросы?

А.И. «Маяк» их в общем-то не интересовал. Они были довольно хорошо о нем осведомлены.

...После ареста меня вновь крутанули через Сербского, и на этот раз я попал в Казань¹². (Туда в основном отправляли уголовников.) Я просидел там два года. Должен отдать должное врачам: никакого лечения ко мне не применялось, ни таблеток, ни уколов. Как остригли наши ребята, стенотерапия и решеткотерапия.

Через год после моего освобождения вернулся из лагеря Игорь Авдеев. От него я узнал, что и он и Володя Осипов заделались теперь православными монархистами. Я этим делом дотоле не увлекался, был весьма удивлен такой эволюцией и решил изучить славянофилов. Они меня чрезвычайно заинтересовали.

После освобождения из Казани я восстановился на заочном отделении МГУ, где написал по славянофилам сначала курсовую работу, а потом и диплом. Дипломная работа показалась начальству еретической, на меня стали орать: «Вы что, снова в тюрьму захотели?» И зарубили мне диплом. Я защитил его через год и в переделанном виде.

Я стал посещать собрания на Петровке, 28 — официально это называлось секцией пропаганды «Общества охраны памятников»¹³,

а неофициально «Русский клуб». Меня ввел туда Олег Михайлов¹⁴, с которым мы были знакомы еще с отрочества: он жил в том же подъезде, что и Юлик Головатенко.

Печатать меня, разумеется, не печатали, несмотря на все усилия «русских» и лично Олега Михайлова. Первую публикацию в печати мне сделал еврей Янов¹⁵ — в «Вопросах литературы» в 1969 году была дискуссия о славянофилах, и я принял в ней участие. (Следующая моя статья в официальной печати появилась через двадцать лет — в 1989 году¹⁶.)

Я и позже — в конце 70-х — принимал участие в деятельности ВООПИКа, когда секретарем его Московского отделения был Эдурд Николаевич Дьяконов, впоследствии основатель «Памяти»¹⁷.

В конце 68-го вернулся из заключения Осипов. Я представил его руководителям «Русского клуба». Мы снова стали собираться со старыми друзьями, еще с «Маяка»: Осипов, Рахметов, кто-то еще. Я читал свои свежие работы, например про народников.

Когда появился «Манифест Демократического движения Советского Союза»¹⁸, мы в ответ на него сочинили «Слово нации»¹⁹. (За подписью «Русские патриоты».) Основной текст написал я. (Предварительно обсудив с Осиповым, Авдеевым и Дмитрием Дудко.) Я же попросил Буковского передать «Слово» на Запад, он посмотрел и изрек: «Бредовая вещь», — но тем не менее передал.

В 1971 году Осипов начал делать журнал «Вече». (Он еще в лагере мечтал: освободится и будет издавать журнал.) Мы с Володей были в то время близкие друзья. Он обсуждал со мной планы номеров, и я был очень активным автором — наверное, треть всех материалов были мои. (Либо под псевдонимом Скуратов, либо вообще без подписи.)

...По делу журнала «Вече» меня привлекли только в качестве свидетеля и вынесли предупреждение. После процесса я продолжал писать какие-то вещи, и они ходили по рукам. Властям особенно не нравились «Рыцарь неясного образа» — памфлет, написанный к 100-летию Дзержинского, и «Логика кошмара» — о сталинском терроре. За распространение этих работ я и был осужден в третий раз. В августе 1981 года. Повезли в Сербского — и сняли диагноз. Осудили по 70-й статье. Год заключения и пять ссылки. В ссылке я провел два с половиной года, и новый, 1985-й, встретил уже дома.

После 1987 года у меня были довольно близкие отношения с «Памятью» Васильева — и сейчас сохраняются. Когда велась кампания против «Памяти», я выступал в ее защиту. Однако ни к одной из ее группировок я не принадлежу. Поскольку ни одна из них меня не устраивает.

ОБВИНИТЕЛЬНОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ

по обвинению БОКШТЕЙНА Ильи Вениаминовича, ОСИПОВА Владимира Николаевича, КУЗНЕЦОВА Эдуарда Самуиловича по ст. ст. 70 ч. I и 72 УК РСФСР.

«УТВЕРЖДАЮ»

ПРОКУРОР г.МОСКВЫ

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СОВЕТНИК

ЮСТИЦИИ II КЛАССА

(МАЛЬКОВ)

«___» декабрь 1961 года.

В течение августа-декабря 1961 года Управлением КГБ при СМ СССР по г.Москве проведено предварительное расследование по уголовному делу на группу лиц, осуществляющих активную антисоветскую деятельность.

Материалами, полученными в ходе расследования, установлено:

В 1961 году среди некоторой части молодежи, увлекающейся упадническим абстрактным искусством и собирающейся на площади Маяковского, выделилась группа антисоветски настроенных лиц, пытавшихся среди своего окружения порочить советский и государственный и общественный строй, а также предпринимавших практические шаги к созданию антисоветской организации.

Наиболее активными участниками этой группы являлись БОКШТЕЙН И.В., ОСИПОВ В.Н., КУЗНЕЦОВ Э.С. и ИВАНОВ А.М.

Используя скопления молодежи на площади Маяковского, организуя и участвуя в сборищах на частных квартирах и в других местах, указанные лица выступали с антисоветскими заявлениями, а в ряде случаев с прямыми призывами к объединению в организацию, имеющую своей целью борьбу против КПСС и Советского правительства.

Участниками группы предпринимались практические шаги к разработке программы предполагаемой антисоветской организации.

Имея в виду развертывание в дальнейшем широкой антисоветской пропаганды среди населения, обвиняемые изучали возможность и осуществляли подготовительные

мероприятия по изготовлению и распространению листовок враждебного содержания.

Установлено, что БОКШТЕЙН, ОСИПОВ и КУЗНЕЦОВ среди своего окружения высказывали клеветнические измышления в отношении советской действительности, Коммунистической партии и правительства.

В августе-сентябре 1961 года ОСИПОВ, ИВАНОВ, КУЗНЕЦОВ обсуждали возможность совершения террористического акта в отношении Главы Советского правительства.

Материалами дела установлено, что антисоветские убеждения обвиняемых сложились под влиянием антимарксистских положений, выдвинутых в разное время фракционерами и ревизионистами, в частности, членами антипартийной так называемой «рабочей оппозиции», югославскими и др. ревизионистами.

В процессе расследования были получены данные о том, что один из активных участников антисоветской группы ИВАНОВ А.М., а также близко связанный с ним соучастник РЕМЕНЦОВ В.И. страдают психическим заболеванием. В связи с тем, что проведенной судебно-психиатрической экспертизой эти лица были признаны невменяемыми, дело на них закончено отдельным производством и направлено в суд для назначения мер медицинского характера.

Расследованием установлены следующие факты преступной деятельности обвиняемых.

В июне-июле 1961 года на квартире ГАЛАНСКОВА по адресу 3-й Голутвинский пер. д.7/9, кв.4 состоялось собрание, на котором БОКШТЕЙН в присутствии ОСИПОВА выступал с заявлением, в котором призывал к созданию антисоветской организации, клеветал на марксистско-ленинскую теорию.

Во второй половине июня месяца 1961 года в районе Рижского вокзала на квартире знакомого БОКШТЕЙНА собралась группа молодежи, в числе которых были БОКШТЕЙН, ОСИПОВ, КУЗНЕЦОВ и другие. Перед собравшимися выступил БОКШТЕЙН, который допускал клеветнические измышления, порочащие советскую действительность, и призывал к организованной борьбе против существующих в СССР общественных порядков.

На следующий день на квартире ЭПШТЕЙНА на улице Сретенка, 13, кв.51 состоялось собрание, на котором перед собравшимися выступил БОКШТЕЙН. В течение не-

скольких часов он излагал свои антисоветские взгляды на советский государственный и общественный строй, политику КПСС и правительства СССР, призывал к созданию антисоветской организации.

В последних числах июня 1961 года на квартире ЭПШТЕЙНА состоялось еще одно аналогичное собрание, где в присутствии КУЗНЕЦОВА и других БОКШТЕЙН также выступил с подобными же антисоветскими заявлениями.

В ночь с 8 на 9 июля 1961 года на квартире МОТОБРИВЦЕВОЙ по адресу: Яузский бульвар, 9, кв. 6 собралась группа лиц, в числе которых были БОКШТЕЙН, ОСИПОВ, КУЗНЕЦОВ и другие.

БОКШТЕЙН и ОСИПОВ с одобрения КУЗНЕЦОВА выступили на этом собрании с антисоветскими заявлениями, в которых клеветали на линию партии по вопросам внешней и внутренней политики, на советскую действительность и практику работы КПСС¹.

С аналогичным же антисоветским заявлением БОКШТЕЙН в присутствии ОСИПОВА и КУЗНЕЦОВА выступил на молодежном собрании на квартире КАПЛАН² на ст. Бескудниково 30 июля 1961 года.

Не ограничиваясь выступлениями на собраниях, в июле-августе 1961 года БОКШТЕЙН развернул активную антисоветскую деятельность на площади Маяковского. Используя скопления молодежи на площади, собравшейся для литературных чтений, БОКШТЕЙН неоднократно выступал с открытыми антисоветскими призывами и с клеветой на КПСС и Советское правительство.

Так, 23 июля 1961 года на площади Маяковского БОКШТЕЙН доказывал «преимущество» капиталистической системы над социалистической, клеветал на партию и советскую действительность.

6 августа 1961 года БОКШТЕЙН, собрав вокруг себя группу молодежи, снова допустил аналогичные антисоветские высказывания.

Будучи задержан и доставлен в штаб комсомольской дружины, он продолжал враждебную агитацию, после чего был арестован и привлечен к уголовной ответственности.

Намечая создание антисоветской организации, участники группы, в частности ОСИПОВ и КУЗНЕЦОВ, изучали и конспектировали работы разного рода врагов марксизма-ленинизма, фракционеров и ревизионистов и

на основе этих материалов готовили программу антисоветской организации.

В конце июня 1961 г. в лесном массиве Измайловского парка в Москве ОСИПОВ, ИВАНОВ, КУЗНЕЦОВ в присутствии своих знакомых С. и ШТЕРЕНФЕЛЬДА обсуждали проект программы антисоветской организации, разработанный ОСИПОВЫМ и содержащий ряд враждебных положений, заимствованных из антиленинских, ревизионистских учений и порочащих политическую линию Коммунистической партии Советского Союза.

После обсуждения проекта программы ОСИПОВЫМ, КУЗНЕЦОВЫМ и ИВАНОВЫМ [он?] был одобрен и принято решение продолжать его разработку в дальнейшем.

В июле-сентябре 1961 года ОСИПОВ, КУЗНЕЦОВ, ИВАНОВ с целью активизации антисоветской агитации предпринимали практические шаги для изготовления листовок враждебного содержания, предназначенных для распространения среди населения.

Предлагая осветить с антисоветских позиций хулиганские проявления, происшедшие в городах Муроме и Александрове, КУЗНЕЦОВ и ОСИПОВ выезжали туда в конце июля 1961 года для сбора материалов.

Изыскивая средства для изготовления листовок, КУЗНЕЦОВ, ОСИПОВ совместно с лицами из числа своего окружения приобрели металлическую фольгу, при помощи которой пытались изготовить матрицу для печатания антисоветских материалов.

Намереваясь в дальнейшем изготавливать листовки фотографическим способом или путем напечатания на пишущей машинке, КУЗНЕЦОВ принял участие в приобретении значительного количества фотобумаги, копировальной бумаги.

Относясь одобрительно к публичным антисоветским выступлениям своих соучастников ВОКШТЕЙНА и ОСИПОВА, КУЗНЕЦОВ в 1961 году среди своих знакомых допускал неоднократные высказывания, в которых порочил социалистическую демократию, существующие в СССР общественные и государственные порядки.

Наряду с антисоветскими выступлениями на сборищах, обвиняемый ОСИПОВ допускал аналогичные высказывания и в беседах с отдельными лицами из числа своего окружения.

Активизируя свою преступную деятельность, обвиняемые ОСИПОВ, КУЗНЕЦОВ, совместно с ИВАНОВЫМ в ав-

густе-сентябре 1961 года в своем кругу высказывали террористические намерения в отношении Главы Советского правительства.

Допрошенный в качестве обвиняемого БОКШТЕЙН И.В. виновным себя признал.

Кроме того виновность его подтверждается показаниями обвиняемых: КУЗНЕЦОВА Э.С., ОСИПОВА В.Н.; свидетелей: БЕРМАКОВА В.Г., АГАДЖАНОВА Р.А., БОРОДИНА М.М., БОРХАРТА В.А., ЗИМИНА-КОВАЛЕВА В.И., СТУЛОВА Е.И., БАБАДАЕВА И.Д., СВЕРДЛОВА Л.М., ЛЮБИМОВА М.И., ГАЛАНСКОВА Ю.Т., ИВАНОВА А.И., ХАУСТОВА В.А., МОГИЛЕВА И.В., КАЛУГИНА В.И., КАПЛАНА Э.С., СКУРАТОВСКОГО В.Я., МОРОЗОВА А.П., ПОСТОВАЛОВА В.М., ФЕДОРОВА В.М., ЖУЧКОВА В.А., приобщенными к делу вещественными доказательствами и актом графической экспертизы.

Допрошенный в качестве обвиняемого ОСИПОВ В.Н. виновность свою в инкриминированном ему преступлении подтвердил.

Помимо этого, его преступная деятельность устанавливается показаниями обвиняемых БОКШТЕЙНА И.В., КУЗНЕЦОВА Э.С.; показаниями свидетелей ГАЛАНСКОВА Ю.Т., ИВАНОВА А.И., ХАУСТОВА В.А., СЕНЧАГОВА В.К., КАПЛАН Э.С., СКУРАТОВСКОГО В.Я., ПОСТОВАЛОВА В.М., ФЕДОРОВА В.М., ШТЕРЕНФЕЛЬДА Е.В., ЖУЧКОВА В.А., вещественными доказательствами и графической экспертизой.

Допрошенный в качестве обвиняемого КУЗНЕЦОВ Э.С. виновным себя признал полностью.

Кроме этого, виновность его находит свое подтверждение в показаниях обвиняемых: БОКШТЕЙНА И.В., ОСИПОВА В.Н., свидетелей ГАЛАНСКОВА Ю.Т., ХАУСТОВА В.А., СЕНЧАГОВА В.К., ОРЛОВОЙ Н.М., ЛУГОВОГО Л.Л., ГУРЬЯНОВОЙ Г.И., ДАВЫДОВА А.П., ПОСТОВАЛОВА В.М., КОТЕЛЬНИКОВА В.Ф., РЫТИКОВОЙ Б.Х., ЕНЬКО М.А., ЖУЧКОВА В.А., а также приобщенных к делу вещественных доказательств и материалах графической экспертизы.

На основании изложенного обвиняются:

БОКШТЕЙН ИЛЬЯ ВЕНИАМИНОВИЧ, 1937 года рождения, уроженец г.Москва, еврей, беспартийный, гр-н СССР, холостой, не работающий, студент вечернего отделения Московского библиотечного института, проживающий по М.Коммунистической улице, 3/9, кв.16

в том, что он в июне 1961 года с целью создания антисоветской организации установил преступную связь с группой антисоветски настроенных лиц, куда входили ОСИПОВ В.Н., КУЗНЕЦОВ Э.С. и ИВАНОВ А.М.

В течение июня-августа 1961 года он совместно с ОСИПОВЫМ и КУЗНЕЦОВЫМ обсуждал план создания антисоветской организации, ставившей своей целью изменение существующего в Советском Союзе общественного и государственного строя³. В это же время БОКШТЕЙН изготовил и хранил у себя дома записи программы, намечаемой им к созданию антисоветской организации. <...>

— т.е. в совершении преступлений, предусмотренных ст.ст. 70, ч.1 и 72 УК РСФСР.

ОСИПОВ ВЛАДИМИР НИКОЛАЕВИЧ, 1938 года рождения, уроженец г.Москвы, русский, гр-н СССР, беспартийный, холост, преподаватель истории средней школы № 727, проживающий на станции Водники, пос. Гранитный, ул. Заводская, дом 4,

в том, что он совместно с БОКШТЕЙНОМ И.В., КУЗНЕЦОВЫМ Э.С. и ИВАНОВЫМ А.М. вошел в число активных участников группы антисоветски настроенных лиц, совместно с которыми в течение 1961 года обсуждал планы создания организации, ставившей своей целью борьбу против существующего в СССР государственного и общественного строя <...>

— т.е. в совершении преступлений, предусмотренных ст.ст. 70 ч.1 и 72 УК РСФСР.

КУЗНЕЦОВ ЭДУАРД САМУИЛОВИЧ, 1939 года рождения, уроженец г.Москвы, русский, гр-н СССР, член ВЛКСМ, холост, работавший в Московской конторе «Мосводосбыт» в качестве контролера, студент вечернего отделения философского факультета МГУ, проживавший по Бужениновской ул., дом 9, кв.3,

в том, что он совместно с БОКШТЕЙНОМ И.В., ОСИПОВЫМ В.Н. и ИВАНОВЫМ А.М. вошел в число активных участников группы антисоветски настроенных лиц, совместно с которыми в течение 1961 года обсуждал план создания антисоветской организации, имевшей своей целью борьбу против существующего в СССР государственного и общественного строя <...>

т.е. в совершении преступлений, предусмотренных ст.ст. 70 ч.1 и 72 УК РСФСР.

Настоящее дело подлежит передаче Прокурору гор.Москвы для утверждения обвинительного заключения и направления по подсудности в Московский Городской Суд.

Ст. следователь Следственного отдела
УКГБ при СМ СССР по гор. Москве и Моск.обл.
Капитан _____ (Мальцев)

«СОГЛАСНЫ»

Зам. начальника Следственного отдела
УКГБ при СМ СССР по г.Москве и Моск.обл.
Полковник _____ (Борисенков)

Заместитель начальника Управления
КГБ при СМ СССР по гор. Москве и Моск.обл.
Подполковник _____ (Гришаенков)

СПРАВКА

1. Уголовное дело в отношении БОКШТЕЙНА И.В. возбуждено 8/VIII-1961 года. Мера пресечения – содержание под стражей, избрана 8/VIII-1961 года.

2. Уголовное дело в отношении ОСИПОВА В.Н. возбуждено 5/X-1961 года. Мера пресечения – содержание под стражей, избрана 5/X-1961 года.

3. Уголовное дело в отношении КУЗНЕЦОВА Э.С. возбуждено 5/X-1961 года. Мера пресечения – содержание под стражей, избрана 5/X-1961 года.

4. Вещественные доказательства – антисоветские записи и др. письменные материалы находятся при деле.

Металлическая фольга, фотобумага и копировальная бумага хранятся до решения суда в УКГБ по гор.Москве и Московской области.

5. Гражданский иск по делу не заявлен. Арест на имущество обвиняемых не накладывается.

Ст. следователь УКГБ гор.Москвы
Капитан _____ (Мальцев)

РАЗВЯЗКА

...может быть, ты скажешь мне, что при таких условиях жить невозможно. "Невозможно" — это не совсем так, а что "противно" жить — это верно.

М.Е. Салтыков-Щедрин

«Заговорщики» арестованы Площадь — усилиями оперотрядов — перестала существовать А как быть с другими активистами «Маяковки», не входившими в подпольную организацию, не причастными к заговору, но чьи крамольные стихи и речи стали питательным бульоном для всякого рода «нечисти»?

Вне всякого сомнения еще несколько лет назад на скамье подсудимых оказались бы не трое, не четверо, а по крайней мере тридцать-сорок человек Но времена меняются, на пороге — XXII съезд, на котором будет объявлено о завершении строительства социализма и главный чекист страны заверит «В органах госбезопасности ликвидированы нарушения социалистической законности» Политический процесс со множеством подсудимых сейчас не в интересах властей

Тем более, что в распоряжении государства не только суд, но и партийные, и комсомольские организации любого учреждения, любого вуза и — конечно же — пресса, способная уничтожить человека морально Само собой разумеется, что после 6 октября 1961 года пошли заседания, обсуждения, выявления участников чтений на площади, исключения их из комсомола и из институтов и, соответственно, — мощная кампания в комсомольской печати В злобе и разнузданности авторы фельетонов, кажется, перецеголяли комсомольских боссов (насколько мы можем судить по имеющимся в нашем распоряжении документам)

Внесудебные преследования — так или иначе — затронули практически всех наиболее активных деятелей «Маяковки» Тем не менее пройдет немного времени и некоторые из них станут участниками диссидентского движения А сразу после арестов Бокштейна и его подельников они — апеллируя к положениям XXII съезда — предпринимают попытку защиты своих товарищей

Тактика этой защиты существенно отличалась от той, которая получила распространение во второй половине 1960–1980-х тексты обращений не были преданы гласности — ни переданы на Запад, ни запущены в самиздат — и существовали в одном, максимум двух-трех экземплярах Главное же — утверждалось, что арестованные на самом деле хотели того же, что и власти совершенствования системы, изживания ошибок культуры личности — но не сумели найти нужные формы, ошиблись, сбились

Действия же московских гэбистов и комсомольских боссов оценивались (искренне или нет — другой вопрос) как самодеятельность мелких сошек, не способных понять политику, творимую руководителями государства

Н.Соловьев, Л.Керестеджиянц

ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА В БЮРО ЦК ВЛКСМ

[28 октября 1961]

На протяжении двух последних лет на площади Маяковского для публичного чтения стихов еженедельно собирается молодежь. Чтения проводятся, как правило,

по субботним и воскресным вечерам; начинаясь с 21-22 часов, они нередко продолжаются до двух-трех часов ночи. Обычно к памятнику Маяковского собираются несколько сот человек, в том числе школьники, студенты, а также молодежь без определенных занятий. Иногда в числе присутствующих бывают иностранцы.

Определенная группа организаторов этих чтений в так называемой «декларации» заявила о себе как о «поэтах площади Маяковского» и провозгласила о том, что начат «новый этап в развитии нашей литературы».

Воспользовавшись отсутствием какого-либо контроля за содержанием и характером выступлений у памятника, некоторые элементы стали использовать эту возможность для клеветы на нашу советскую действительность. На площади все реже читаются хорошие, жизнеутверждающие произведения. Выступления отдельной части молодежи наполнены пессимизмом, духом оппозиционности и обреченности.

С декабря прошлого года стали читаться стихи, пропитанные злобой и ненавистью к Коммунистической партии и советскому строю, открыто призывающие к «бунту». Например, в стихотворении «Человеческий манифест», которое часто читается на площади, говорится:

...Министрам, вождям и газетам —
не верьте!
Вставайте, лежащие ниц!
Видите, шарики атомной смерти
У мира в могилах глазниц.
Вставайте!
Вставайте!
Вставайте!
О, алая кровь бунтарства!
Придите и доломайте
Гнилую тюрьму государства...

Отдельные молодые люди нагло проповедуют разврат и пошлость, цинично высмеивают нормы коммунистической морали. Причем такого рода «поэзия» часто не встречает осуждения, а иногда вызывает даже одобрение. Вот одно из таких «произведений», автором которого является комсомолец ЗИМИН — инженер института биофизики Академии наук:

Рвать зубами мясо белое,
Синяки целовать исступленно.
Тело голое! Не нагое — голое!

Проклятую суку грызть.
Груды маленькие, вытянутые как
груши,
Кусать, теревить!
Перебить горло! Хрип!!! Храп!!!
Хрупок храм — нет его.
Кого осудить? Виноват кто? Некого.

От публичного чтения стихов «поэты площади Маяковского» перешли к выпуску и распространению нелегальных рукописных журналов и стихотворных сборников. С декабря 1960 года были выпущены журналы «Коктейль», «Бумеранг», «Альянс» и «Феникс», в которых, как правило, печатались вульгарные и пошлые произведения.

В журнале «Феникс», в числе злобных и клеветнических измышлений, были помещены следующие стихотворения:

...Нет, не нам разряжать пистолеты
В середину зеленых колонн!
Мы для этого слишком поэты,
А противник наш слишком силен¹.

Нет, не нам поднимать пистолеты!
Но для самых решительных дат
Создавала эпоха поэтов,
А они создавали солдат...²

и далее:

...В смирительной рубашке бьется
Россия!
Но ее никогда не обуздать!
Встаньте! Сейчас!
В эту ночь синюю
Надоело, довольно, хватит...³

Особую тревогу вызывает тот факт, что наряду с чтением стихов на площади проводятся политические дискуссии, организаторы которых пытаются насаждать свои упаднические, а порой антисоветские настроения среди молодежи. Один из ненавистников советского строя — БОКШТЕЙН в дискуссиях неоднократно открыто и нагло говорил об «отсутствии свободы в СССР», пытался доказать преимущество капиталистической системы над социалистической, допускал выпады в адрес Коммунистической партии. На сборище в Подрезково, где было собрано 50 человек, БОКШТЕЙН заявил, что публичные антисоветские высказывания на площади Маяковского вполне приемлемы для пропаганды. А на следствии в

органах госбезопасности 17 октября он показал: «Впервые мысль о создании организации зародилась у меня в 1959 году. Я стал искать способных для этого и нашел их в дискуссиях среди поэтов; читающих на площади Маяковского».

По сообщениям работников Московского Комитета Госбезопасности, некоторая часть молодежи – завсегдатаи площади Маяковского, в текущем году стали организовываться в группы, собираться на квартирах и обсуждать возможность нелегальной борьбы с советским строем, разрабатывать программу действий с далеко идущими целями. Имеются сведения о том, что там обсуждались возможности совершения террористических актов, бредовые идеи возврата к частной собственности, создания в стране многопартийной системы, реставрации капитализма. Одна из групп имела свой устав под девизом «Свобода любого мнения» и носила, как они о себе говорили, анархо-синдикалистский характер.

В конце прошлого месяца на квартире у своего организатора ГАЛАНСКОВА группа молодежи приняла «<...> программу борьбы с комсомолом»⁴. Авторы этого сумасбродного документа предлагают расколоть и взорвать комсомол изнутри, противопоставить его партии. <...> Этими же людьми в апреле была изготовлена злобная, антисоветская листовка с призывом к созданию «народной партии свободы».

Кто эти люди?

На площади Маяковского собирается молодежь, главным образом в возрасте от 18 до 25 лет, некоторые из них являются учащимися учебных заведений, многие вообще нигде не работают. Инициаторами чтений, организаторами нелегальных групп являются: ГАЛАНСКОВ, 1937 г. рождения, без определенных занятий, автор «Человеческого манифеста», дважды профилактированный органами КГБ⁵, нагло заявляет о своих антисоветских политических взглядах и убеждениях; БУКОВСКИЙ, 1942 года рождения, до последнего времени вел паразитический образ жизни, является сыном Буковского К.И. – члена КПСС, литературоведа, редактора журнала «Наш современник»; НОСОВ, 1942 года рождения, бывший студент Института иностранных языков, после неудачной попытки бежать в Турцию пытался проникнуть в американское посольство, но был перехвачен, и другие. Всего

находятся под наблюдением органов безопасности несколько десятков человек.

В последнее время органами Государственной безопасности были арестованы: БОКШТЕЙН, 1937 г. рождения, студент-заочник Московского библиотечного института, КУЗНЕЦОВ – студент философского факультета МГУ, ОСИПОВ – преподаватель истории школы № 727, ИВАНОВ – сотрудник Института иностранных языков Академии наук СССР. В дни всенародной подготовки к XXII съезду КПСС эта группа готовилась к массовому распространению антисоветских листовок в Москве. Они собирались представить случаи хулиганства в Муроме и Александрове как политические выступления народа, для чего специально выезжали во Владимирскую область, приобрели большое количество фотобумаги, восковки, металлической фольги, разработали различные методы распространения листовок.

Московский горком комсомола, зная о создавшейся обстановке на площади, занимал беспринципную позицию, ограничивался лишь «изучением состояния дел» и не принимал решительных практических мер. Всю работу горком переложил на Краснопресненский, затем на Ленинградский райком комсомола, а те в свою очередь перепоручили ее оперативным комсомольским отрядам, роль которых была сведена лишь к патрулированию на площади, задержанию отдельных участников читок и беседам с ними в штабе отряда. Причем, все это делалось крайне примитивно, кустарно.

Из 25-ти членов оперативного отряда Ленинградского райкома комсомола подавляющее большинство составляют студенты первого-третьего курсов институтов⁶, остальные рабочие и служащие. Комсомольцы не были абсолютно подготовлены для серьезной работы, не знали своих обязанностей. Не встречая решительного отпора, демагоги порой открыто смеялись над методами работы оперативного отряда и в своих объяснениях в штабе с издевкой иронизировали над дружинниками.

Вместо принятия решительных мер горком ВЛКСМ и его отдел пропаганды (т.ХАРЛАМОВ) до последнего времени вели длительные переговоры с демагогами о создании для них дискуссионного клуба. У отдельных комсомольских работников города и сейчас не чувствуется тревоги за создавшееся положение на площади, допускается благодушие и политическая беспечность.

В комсомольских комитетах неизвестно о многих людях, которые посещают площадь, занимаются там демагогией. Как хорошего работника и скромного юношу характеризует комитет комсомола Центрального универмага продавца МОРОЗОВА, который является членом сатирической газеты и собирается вступить в ряды ВЛКСМ. В то же время комитету комсомола неизвестно, что этот молодой человек выступает на площади с грязными, нецензурными стихами. О его моральном облике говорит тот факт, что недавно МОРОЗОВ, под улюлюканье и насмешки окружающей его группы молодых людей, с издевкой говорил о съезде Коммунистической партии. Ученик 10 класса школы № 275 ДАЙЧИК ведет себя среди учащихся высокомерно, клеветает на нашу действительность. Он читает и продает у памятника Маяковскому собственные стихи, воспевающие разврат, низменные инстинкты. Все это не вызывает в коллективе школы должной реакции.

В настоящее время Московский горком ВЛКСМ направил группу комсомольского актива для работы на площади и [в] штабе; принял меры по выявлению всех людей, которые участвуют в чтении стихов у памятника; поручил комсомольским организациям разобраться с каждым участником «сборищ» на площади Маяковского.

В связи с вышеизложенным считаем необходимым обратиться ваше внимание на выступление газеты «Комсомольская правда» со статьей «Двести “шалопает” слушают стихи», опубликованной 1 октября т.г.⁷ В этой статье газета берет под защиту организацию публичного чтения стихов в Тамбове и критикует решение бюро Тамбовского горкома ВЛКСМ об исключении из комсомола ГОГИНА за «организацию сборищ для пропаганды низкопробной поэзии». При этом газета ссылается на «опыт» публичного чтения стихов в Москве у памятника Маяковского. Пленум Тамбовского горкома ВЛКСМ, обсудив статью, утвердил решение бюро горкома об исключении ГОГИНА из комсомола как тунеядца. Нужно сказать, что на эту статью часто ссылаются демагоги с площади Маяковского, используя ее в качестве оправдания своего поведения.

Вносим предложение обсудить настоящую записку на закрытом бюро ЦК ВЛКСМ с участием секретарей МГК ВЛКСМ.

Н.Соловьев, Л.Керестеджиянц

СОПРОВОДИТЕЛЬНОЕ ПИСЬМО

Секретарю ЦК ВЛКСМ

тов. ПАВЛОВУ С.П.

28 октября 1961г.

В дополнение к записке считаем необходимым сообщить Вам о том, что о создавшемся положении на площади Маяковского известно Московскому горкому КПСС. Органы Государственной Безопасности неоднократно информировали Московский горком партии о чтении клеветнических и пошлых стихов, о вредных настроениях части молодежи, посещающей площадь. В записке, направленной в горком КПСС в июне месяце т.г., указывались фамилии организаторов этих сборищ. В их числе значился ОСИПОВ, 1938 года рождения, как человек с вредными настроениями.

В октябре месяце Московский Комитет Государственной Безопасности сообщил в горком партии о том, что лица, названные в этой записке, не только не прекратили своей деятельности, но активизировали ее, перейдя к прямым антисоветским выступлениям, и что ОСИПОВ в числе других арестован.

По этим вопросам горком партии был также неоднократно информирован Московским горкомом ВЛКСМ. В июле месяце т.г. Ленинградский райком КПСС поддержал инициативу райкома комсомола о проведении у памятника Маяковскому устных литературных журналов силами молодежи из литературных объединений, однако потом запретил это делать.

Считали бы целесообразным проинформировать о вышеизложенном ЦК КПСС.

Из протокола № 42 заседания Бюро ЦК ВЛКСМ

16 ноября 1961

I. Поручить МГК ВЛКСМ (т.МАШИН) разобраться с фактами, изложенными в записке (Л.Керестеджиянца и Н.Соловьева. — Л.П.) и принять конкретные меры, предупреждающие их появление.

Рекомендовать Московскому горкому комсомола организовать проведение комсомольских собраний в коллек-

тивах или при домоуправлениях, где учатся, работают или проживают молодые люди, занимающиеся чтением на площади Маяковского всякого рода нецензурных, пасквильных, грязных стихков. На этих собраниях должно найти [место?] самое суровое осуждение подобного поведения этих псевдопоэтов и нигилистов.

2. Редакциям газеты «Комсомольская правда» (т.ВОРОНОВ), журналов «Молодой коммунист» (т.КОВАЛЕНКО), «Смена» (т.НИКОНОВ)¹ выступить с материалами, остро разоблачающими и высмеивающими поведение отдельных юнцов, претендующих на роль каких-то «поэтов-просветителей», а на самом деле являющихся невеждами и бездельниками. Показать, что подобные факты выгодны лишь нашим врагам, что эти молодые люди по существу перепевают гнусную клевету, извергаемую «Голосом Америки» и другими каналами империалистической пропаганды. Показать также и вредность позиции невмешательства или недооценки подобных явлений со стороны комитетов комсомола.

3. Обязать МГК ВЛКСМ (т.МАШИНА), отделы пропаганды и агитации (т.ВЕРЧЕНКО), комсомольских органов ЦК ВЛКСМ по РСФСР (т.БЕЛОВА) в январе 1962 года доложить бюро ЦК ВЛКСМ о принятых мерах.

А.Нагайцев, Ю.Некрасов

ЗА СПИНОЙ У ПОЭТА

Фельетон

Широко развернув плечи, освещенный лучами прожекторов, высится над площадью поэт-трибун. Он стоит, как бы прислушиваясь к стихам, звучащим у пьедестала.

Это началось в тот день, когда белое покрывало упало к подножию монумента.

Читайте,
завидуйте,
я —
гражданин
Советского Союза.

Таковыми были первые стихи у памятника. Родилась традиция. И потянулись на площадь поэты, хорошие и

разные. Потянулись, чтобы встретиться с читателем лицом к лицу.

Стихи о Родине, о любви и товариществе. Стихи о нашем современнике, о трудных дорогах. Стихи, пусть не всегда ровные, разные по мастерству, но глубоко искренние. Они-то и звали на площадь любителей поэзии.

Иногда после чтения возникали оживленные диспуты. И в этом нет ничего удивительного. Ведь шли на площадь люди разные, с разными вкусами и привычками. Умудренные жизнью и юноши, только что «обдумывавшие житье». Шли те, кто видел свое жизненное призвание в поэзии — из-

вестные и только пробующие перо. Но вслед за ними появились и те, кому уже не в одной редакции вежливо советовали:

— Займитесь чем-нибудь другим, не всем же быть поэтами¹.

Здесь в обстановке стихийности они искали «своего» читателя, того, кто в состоянии «понять и оценить» их рифмованную заумь. И людям, которые только что аплодировали пусть не совсем гладким, но пламенным стихам рабочего поэта, приходилось выслушивать непонятное бормотание типа:

Заколют — заковка
Молот — помолвка
Пот липкий — подливка
Судьба — свадьба
Суббота — свобода².

Скажем прямо, должного отпора эти «чижики» и «дрозды»³, как называл подобных рифмоплетов Владимир Маяковский, не получили.

Люди смеялись, отворачивались, уходили. Редко находился тот, кто сдерживал зарвавшегося борзописца, напоминая ему, что памятник певцу революции самое неподходящее место для подобных виршей.

А ведь если бы уже тогда в стихийный ход событий вмешались комсомольские организации Союза писателей, Литературного института, МГУ, ничего подобного не случилось бы. К сожалению, райкомы комсомола, и в 1-ю очередь Ленинградский и Краснопресненский, не заметили в то время, что традиция начинает приобретать новую нездоровую окраску. Да, комсомол, общественность Москвы проглядели первые признаки чуждых нам веяний. Это нужно признать сейчас. Видимо, велико было восхищение успехом первых литературных встреч у памятника. Иллюстрацией тому — многочисленные положительные оценки, данные печатью, радио и кино («Леон Гаррос ищет друга»)⁴.

Большая доля ответственности ложится и на слушателей, среди которых

было немало комсомольцев. Именно их благодушие, терпимость дали возможность околотитулярным приживалам, обделенным поэтическим даром, но в избытке наделенным неоправданными претензиями, почувствовать себя «глашатаями нового искусства».

А «новое» в лучшем случае несло на себе обветшалые декадентские обноски, выброшенные на свалку с полвека назад.

В лучшем! Потому что стихи просто заумные чередовались с откровенной пошлостью. Вот что, к примеру, изрекал у подножия памятника некий Зимин:

Рвать зубами мясо белое,
Синяки целовать
.....
...кусать, теревить!
Перебить горло! Хрип!!

Храп!!

Да, пошлость не встречала должного отпора. Постепенно место истинных любителей поэзии заняли эстетствующие тунеядцы. И случилось нелепое. Маяковским стали обрывать тех, кому дороги были его традиции. Обрывать потому, что такие стихи не «соответствовали взглядам» на поэзию кучки бездарных шалопаев.

Знаменательно то, что стихи теперь уже читались не перед лицом поэта, а за его спиной⁵.

Как черви на гниль, сползались сюда тунеядцы, пьяницы, фарцовщики. Обстановка становилась затхлою. И закономерно, что ею воспользовались люди, которые не прочь облить грязью самое святое, самое сокровенное народа нашего, советской молодежи.

Общественность не дала своевременно должной оценки событиям, происходящим у памятника. Зато в полной мере их оценили наши идеологические недруги. Действительно, где, в какой другой аудитории они могли поймать на перо озлобленные вирши отщепенца Юрия Галанскова, осмелившегося обливать грязью советскую действительность, клеветать на замечательную по-

беду нашего народа — дерзновенный полет Юрия Гагарина⁶? Или пасквили В.Буковского, мнящего себя «выразителем дум советской молодежи»?

Нигде. Только здесь, в обстановке аполитичности, всеядности, равнодушия.

Вот лицо «идеолога» литературной толкучки Всеволода (Так! — Л.П.) Буковского. Бывший студент биолого-почвенного факультета МГУ еще в 1959 году выпустил рукописный журнал «Мученик», который читал учащимся старших классов⁷. Что было в журнале? Перепевы антисоветских домыслов западной прессы. Как и следовало ожидать, поддержки у слушателей сей горе-издатель не нашел. Однако урок не впрок. И вот Буковский на площади. Он не ограничивается стихами⁸. В его арсенале гаденький антисоветский анекдот, «свежая» сплетня, разговоры о необходимости выпуска специальных листовок для иностранцев «с целью привлечения для своей защиты иностранной прессы».

Или же бывший студент Института иностранных языков В.Носов. Что у этого юнца, не знающего цену трудовому хлебу, осталось от советского человека? Ничего. Ведь даже такое понятие, как Родина, чуждо ему. О чем ином говорит его попытка нанести ущерб интересам своей страны?⁹

Отнюдь не случайно активным участником сборищ у памятника был И.Бокштейн, неоднократно проповедовавший чуждые нам взгляды. Чего стоит его циничное заявление: «Я начал поиски солидарных со мной по всем вопросам. Я нашел таких людей среди поэтов, читавших на площади Маяковского свои стихи»¹⁰.

А вот другая «мятущаяся душа» — Виктор Калугин, любитель путешествий. Это его сняли с поезда Москва—Ленинград, куда он ехал без определенной цели и... без билета. 18-летнего шалопаю пытались при-

строить к делу, поручили ему работу в сельском клубе. Куда там: трудиться Калугин не привык.

Под статью им и завсегдатаи сборищ у памятника: В.Могилевский, В.Вишняков, Б.Авксентьев, В.Аркинд и некоторые другие.

И хотя эти «проповедники нового» мнят себя «идеологами», чуть ли не теоретиками, из разговора с ними выяснилось, что им не мешает просто подучиться. Они путаются в простейших вещах. Поражает элементарная политическая безграмотность этих «мыслителей».

Как же могло случиться, что горсть юнцов встала на путь отрицания нашего образа жизни, пошла по кривой дорожке охаивания всего советского?

Оторванность от коллектива — вот причина причин. Очень часто мы говорим — за человека надо бороться. Но борьба за человека должна вестись не от случая к случаю, не после очередного ЧП, а постоянно, кропотливо, настойчиво. Но факт остается фактом: «герои» площади, среди которых к нашему стыду есть и комсомольцы, оказались вне коллектива.

Разумеется, к памятнику приходят не одни буковские и им подобные. Их — жалкая кучка. И никто не собирается бить в панический набат. Но разве можно позволить зарвавшимся клеветникам и бездельникам осквернять место, священное для каждого истинного любителя поэзии, сплетничать, охаивать наши светлые идеалы и мечты.

Разные люди приходят на площадь Маяковского. <...> Неискушенным порой трудно разобрать за словесной шелухой, за полумраком витиеватых фраз истинную окраску «произведения». И это скорее беда, нежели вина такого слушателя.

Но гораздо хуже, когда человек, не соглашаясь в душе со стихотворным хламом, может быть, даже возмущаясь про себя подленьким хихиканьем люби-

телей «туалетной лирики», отходит в сторону, трусливо протестуя «в кулачок». А ведь иные из таких «непротивленцев» носят комсомольские билеты. Не эта ли живая стена равнодушия служит ширмой для воинствующих обывателей? Не становятся ли такими же обывателями и те, кто безразличием своим фактически им потворствует?

Сейчас, когда коммунистическая общественность встала перед необходимостью действовать более энергично, когда на площади решительно пресекаются любые попытки очернить нашу жизнь, некоторые из завсегдатаев литературной толкучки бубнят о «поправлении демократии».

О какой «демократии» идет речь? Почему о ней не вспоминалось, когда дежурные горлопаны пытались помешать выступить рабочему поэту?

Мы не сомневаемся, что московский комсомол в силах ликвидировать псевдолитературные сборища за спиной у поэта.

Вместе с тем это не значит, что кто-то отмахивается от тех вопросов, которые с такой тенденциозностью поднимают буковские и иже с ними.

Есть одно проверенное жизнью место для решения всех проблем — коллектив. Так почему же отщепенцы чуждаются его? Ведь в спорах рождается истина!

Но они не хотят истины. Они боятся ее, они знают, что их гнилые идейки не найдут поддержки у нашей молодежи.

Широко развернув плечи, освещенный лучами прожекторов, высится над площадью поэт-трибун. Перед его могучей фигурой шумит, волнуется, работает, радуется, живет огромный город — столица страны, где каждый может найти свое призвание. Хочешь быть токарем? — научат; врачом? — лучшие профессора передадут тебе свое мастерство; поэтом? — что ж, если есть талант, «твори, выдумывай, пробуй!»

Тысячи наших сверстников после трудового дня идут в клубы, литературные объединения, читают свои сочинения, обсуждают их, спорят горячо, убежденно. Так рождается новое, светлое, настоящее.

Я отчеством —
российский пролетарий,
А именем —
по счастью
большевик! —

гордо сказал поэт-студент Феликс Чуев¹¹.

Мы никому не позволим чернить нашу кипучую жизнь, плевать в святое святых советских людей. Давно пора схватить за руку распоясавшихся дельцов поэтической толкучки, оградить память великого поэта от визгливых «творений» хулиганов от литературы, примостившихся за его широкой спиной¹².

Из протокола № 3 заседания бюро комитета ВЛКСМ МГУ им. Ломоносова

19 декабря 1961 г.

СЛУШАЛИ: Персональное дело Жучкова В.А. <...>

ПОСТАНОВИЛИ: 1. За взгляды и поведение, несовместимые со званием комсомольца и студента философского факультета, исключить ЖУЧКОВА В.А. из членов ВЛКСМ.

2. Просить ректорат МГУ отчислить ЖУЧКОВА В.А. из университета <...>

Из доклада Л.Г.Андреева на закрытом заседании партбюро филологического факультета МГУ

7 декабря 1961 г.

Кто из преподавателей II курса знает студента Морозова? <...> Знает ли В.Н.Турбин, руководитель семинара? А студент Морозов был весьма активным участником сборищ на площади Маяковского. <...>

Из справки о подготовке кадров и идейно-воспитательной работе в Московском государственном университете

[конец 1961 – начало 1962]

Группа студентов МГУ участвовала в сборищах демагогов и туеядцев на площади Маяковского, высказывала антисоветские взгляды. Один из них – студент вечернего отделения философского факультета ПОСТОВАЛОВ – ранее учился в Институте кинематографии и был исключен за неправильное поведение. Однако его приняли в МГУ. О моральном и политическом облике ПОСТОВАЛОВА говорит и тот факт, что он после исключения из университета обратился в духовную академию Загорска с просьбой о приеме, заявив, что «порвал с марксизмом».

Из справки секретаря партбюро механико-математического факультета МГУ В.Г.Карманова

[1961]

30 октября сего года при обсуждении группой студентов механико-математического факультета МГУ, проживающих в Доме студента на 16 этаже зоны «Б», вопросов, связанных с работой XXII съезда КПСС, был высказан ряд несовместимых с комсомолом взглядов студентами III курса комсомольцами ЛЕЙКИНЫМ М. и ДУЛУБОМ В. <...>

В.Дулуб высказал в резкой форме резкие взгляды по вопросу об осуждении партией культа личности СТАЛИНА и роли Н.С.ХРУЩЕВА в этом осуждении.

М.ЛЕЙКИН высказал неправильные, нездоровые и по существу антисоветские взгляды по этим вопросам, а также

по вопросам политики партии в вопросах испытания ядерного оружия, по проблеме мирного договора с Германией, по вопросу о роли и значении комсомола в наше время.

Беседа происходила у пульта дежурного по этажу. В беседе принимал участие переменный состав студентов около 20 человек. Принимавшие участие в беседе студенты горячо возражали ЛЕЙКИНУ и ДУЛУБУ. Особенно активными оппонентами ЛЕЙКИНА были студенты АЛЕШИН (III курс), КАСУМОВ (коммунист, V курс), аспирант ЖУРАВЛЕВ.

Однако ЛЕЙКИН настаивал на своих взглядах.

<...> Об этой беседе на следующий день рассказал тов. КАСУМОВ в партийном бюро. Члены бюро единодушно осудили взгляды ЛЕЙКИНА и ДУЛУБА, но не считали необходимым исключение их из комсомола.

После разъяснений секретаря факультетского курсового бюро т. КОСТЮЧЕНКО производилось переголосование, и повторным голосованием было решено исключить ЛЕЙКИНА из комсомола 4 голосами против 3-х. <...>

В то же время комсомольское бюро потока и факультета не проводили предварительной работы в группах по осуждению взглядов ЛЕЙКИНА.

16 ноября прошло комсомольское собрание III курса, на которое было вынесено обсуждение персонального дела ЛЕЙКИНА.

В нарушение уставных положений комсомольское собрание было открытым. Собрание пошло не по линии острой политической оценки взглядов ЛЕЙКИНА, а по линии защиты ЛЕЙКИНА от строгого взыскания и отставания его права иметь собственные, хотя и неверные взгляды. На собрании ЛЕЙКИН признал, что он считает неверной политику Советского правительства по германскому вопросу и вопросу об испытании ядерного оружия, что он разделяет ряд положений так называемого «Человеческого манифеста». Ряд комсомольцев обвиняли ЛЕЙКИНА в отрицательном отношении к комсомолу.

На собрании сам ЛЕЙКИН и его друг БУЕВИЧ пытались создать у присутствующих впечатление, что ЛЕЙКИН относится отрицательно не к комсомолу вообще, а к комсомольской организации курса. <...>

Собрание не дало резкой политической оценки взглядов ЛЕЙКИНА. Политически зрелые выступления коммунист-

тов и комсомольцев на собрании смазывались группой принципов (Так! — Л.П.) и демагогов (БУЕВИЧ, ШАПИРО, КУШНЕР, ФИРСОВ, ТООМ). Принимавшие участие в собрании коммунисты не смогли повернуть собрание в сторону резкого осуждения взглядов ЛЕЙКИНА. Собрание приняло решение об осуждении взглядов Лейкина, об осуждении содержания так называемого «Человеческого манифеста», но в то же время принято решение не выносить никакого взыскания ЛЕЙКИНУ (предложение потокового бюро об исключении ЛЕЙКИНА из комсомола не голосовалось, предложение о вынесении выговора было отклонено большинством голосов).

Комсомольское собрание решило также провести собрание о комсомольской работе на курсе и переизбрать комсомольское бюро потока.

22-го ноября состоялось заседание бюро ВЛКСМ факультета совместно с активом 3-го курса.

После ряда выступлений на этом заседании стало ясно, что многим активистам были не до конца понятны взгляды ЛЕЙКИНА, что у них имелась некоторая предубежденность против «давления» членов бюро ВЛКСМ факультета.

После обстоятельного разбора взглядов ЛЕЙКИНА, действий бюро ВЛКСМ I потока 3 курса, тех нарушений уставных требований, которые были допущены при подготовке и проведении собрания, было принято решение, осудившее взгляды ЛЕЙКИНА, осудившее действия бюро ВЛКСМ I потока 3 курса. <...>

Выступавшие члены бюро и члены актива требовали исключения ЛЕЙКИНА из комсомола, а ряд товарищей поставили вопрос о пребывании ЛЕЙКИНА в университете¹.

Из протокола № 3 заседания районного партактива Ленинградской партийной организации г.Москвы

19 января 1962 г.

<...> когда студентам, рабочим рассказали, что парни, так неплохо работавшие в коллективе, имеют упадническое настроение, читают дрянные стишки у памятника Маяковскому, и когда в отношении этих парней выступила молодежь этих коллективов, то это на них так подействовало, что многие забыли туда дорогу. К одному из них пришли домой. Это молодой человек, комсомоль-

ский активист (!!!). У него в комнате обнаружили целый склад засохшей грязной посуды из-под кефира, груды других бутылок, мусор, на стенах развешены картины абстрактной живописи. И когда ухватили за шнурок, на который была подвешена картина, так он вскричал: «Что вы делаете, это шедевр!» Ничего другого нельзя было сделать с этим человеком, как выселить его из Москвы¹.

А.Елкин

КУБАРЕМ С ПАРНАСА¹

Фельетон

Однажды мы оказались свидетелями бурной сценки. Группа парней освистала молодого человека с бородкой, который хриплым голосом что-то читал, размахивая руками, у памятника Маяковскому в Москве.

Быстро ретируясь под насмешливое улюлюканье прохожих, бородка патетически воскликнула: — Где прогресс? Где справедливость?

Услышав, что попираются эти священные понятия, мы не смогли остаться равнодушными и поспешили было на помощь, но вскоре убедились, что в этом нет никакой необходимости. Требовалась не защита пострадавшего, а нечто совсем другое.

Собственно для бородки и ее друзей все началось в те тяжелые минуты, когда они решили, что дальше жить в пошлой безвестности невыносимо. Для приобретения душевного равновесия им было позарез необходимо, чтобы о них сейчас же, сию минуту заговорили. Если не весь мир, то хотя бы страна. В крайнем случае — двор или улица.

И вот один вышел на эту самую улицу и снисходительно рассказал знакомым, что по причинам своей абсолютной неотразимости он заболел дурной болезнью. Второй перестал бриться, умываться и убирать в комнате. Третий лишил себя сна и покоя,

ожидая, когда его осенит вдохновение. Оно пришло в виде стихов:

Жизнь! Твоя не нравится мне мина.
Пусть я гениальная скотина!

Эти строки, не лишённые самокритики, были первой ласточкой. За ней выпорхнули другие. <...>

И пошла писать губерния. Хрипел ритм, разбежались рифмы, над бумагой витал дым ожидаемой славы. Перья бороздили океан безропотной бумаги:

...И племя идёт троглодитов
с идеально неправильной головой².

Насколько всеобъемлюща такая самохарактеристика, не нам судить. Но что следует отметить — пиитам нравились образы, леденящие ум и сердце.

Один из них ратовал за «теплый бред бессвязных слов».

Другой писал о том, как

Пустынный череп космогона,
В трамвайной музыке остыл³.

Третий воспевал

Пустоту пустотную
И сложность пустоты⁴.

Четвертый доверительно сообщал:

Я видел лиловых девочек,⁵
Одетых совсем ни во что⁵.

Возможно, так оно и случилось, ибо поэт в другом своем куплете признавал:

Мне говорили: «Не надо,
Не надо так много пить»⁶.

Вслед за стихами вскоре появились и трактаты (какое же литературное направление может существовать без трактата! Без него оно — смех один, дым, пустой звук). <...>

Но человечество почему-то не рыдало от восторга. Вероятно, ему все-таки нужен был смысл. Хотя бы самый элементарный. И, видимо, как раз из-за отсутствия такового никто не спешил опубликовать вирши о «космогонах» и «лиловых девочках».

Тогда, проклиная все и вся, рифмоплеты решили донести свои творения до почтенной публики изустным путем. Трибуной было избрано подножие памятника Маяковскому. Поэтические поганки знали — бронзовый Маяковский не мог сойти с пьедестала и дать им заслуженного пинка. Но за Маяковского это сделали те, кому воистину дорога память великого поэта.

Прохожие останавливались. Один... второй... третий... Сыпались советы, реплики:

- Его мама мало била...
- Милый, не надорвись!
- Да он из сумасшедшего дома!

Пииты сердились и начинали философствовать. О чем? <...> Конечно же, о прогрессе и справедливости. Хамье понимает под «прогрессом» свободу хамства. И естественно, что в тех, кому хамство не по душе, ревнители «прогресса» всегда видят притеснителей своих священных «прав». Когда туняядцу, пошляку, обывателю наступают на любимую мозоль, он немедленно поднимает истошный крик о равенстве и прогрессе. Этот крик, излившийся в бездарных рифмах, одобренных изрядной долей порнографии, они не прочь были выдать за некую собственную политическую программу. <...>

Философия их — философия всех туняядствующих. «Сложные натуры» говорили о прогрессе и все под разными

ми предложениями уклонялись от любой работы. Вот оно, их представление о «равенстве»: ты иди поработай, а я буду думать о бренности твоей жизни. Постигнуть «сложность» такого разделения труда воистину невозможно!

Кто же они, эти «сложные натуры»?

В.Носов — в прошлом студент Института иностранных языков, презрительно сплевывал, когда при нем говорили о том, что для нас свято. В.Буковский — в прошлом студент биолого-почвенного факультета МГУ, бездельник, свихнувшийся от избытка благ, дарованных ему папой⁷, разносил сплетни из антисоветской зарубежной прессы. А.Сахаров спекулировал иконами и слыл теоретиком по части иностранных поношенных штанов. И.Бокштейн, В.Калугин, В.Вишняков, В.Аркинд во всем подражали им.

В жизни рифмоплеты шли явно назад, к павианьим нравам. Они рассуждали о «демонизме» своих виршей, а сами, сняв комнату у старой бабки, которая в силу их симпатий к бананово-лимонному Сингапуру и американским подтяжкам была наречена «мадам Фриде»⁸, устраивали сборища, над которыми, как говорится, лучше опустить занавес. Тем более, что один из пиитов предупреждал:

Я не очень бы хотел на людях
с голою душою показаться...

Однажды во время очередного скандала двух «властителей дум», а именно Шухта и Щукина, остановил комсомольский патруль. Гордо выпятив цыплячьи груди, «теоретики» плели нечто несусветное об «идеалах», о необходимости «эстетического спора». Вид у горемычных «теоретиков» был столь антиэстетичен, что комсомольцы брезгливо дали «столпам духа» по рублю, посоветовав сходить в ближайшую баню и посетить парикмахерскую.

Болото пахнет везде одинаково. Неудивительно, что упомянутых «прогрессистов» используют всяческие

злобствующие отщепенцы. Так возник, отнюдь не как Афродита из пены морской, некий Ю.Галансков, вызвавшийся играть роль «теоретика». Сам он стихов не читал — подбивал на это легкомысленных дурачков, заболевших манией славы⁹. Галансков клеветал на наш народ, старался духовно растлить неопытных. Это очень знаменательно,

что подобные жалкие одиночки, не рискуя выйти на белый свет, роются в мусорных ямах, на задворках жизни.

Не стоило бы и говорить обо всех этих подонках, но их падение предостерегает: там, где вместо твердой убежденности, ясных идеалов — душевная слякоть, там обязательно заведется плесень¹⁰. Отнюдь не безобидная.

Вл.Котов

ПИГМЕИ Фельетон

У памятника
 поэту Великому,
у наших святынь заветных
встречаем мы эти бесцветные лики
 юношей пестроцветных.

Здесь,
 оттопырив башмак и губу,
они собирают толпу.
Много народу в больших городах,
и вот уж приборчик пенится.
Пестрые юноши —
 ох и ах! —
читают свои сочиненьица...

Нет уж,
 это случай не тот,
когда читает стихи патриот,
лирику
 или критику.

Подойди-ка,
посмотри-ка!
Выпуклые, как желуди,
будто бы в «роке» плят
глаза, пустотой тяжелые,
и шпарят, и шпарят, шпарят!
Шпарят,

 молочной слюною брызжа,
то воя, то ноя, то просто брызжа,
то сотрясаясь,
 то чуть не визжа
(как будто под хвост
 им попала вожжа)!
Кипят недоноски-мыслишки
да спеси крикливой излишки!..
Помимо заморских отбросов

всяческой туалетики,
здесь
 и свои «философы»,
здесь
 и свои «поэтики»¹.
На стройке и в поле
 скромны и робки,
здесь раскривлялись
 непрощенно,
те самые
 тонконожки-грибки,
что ветром сырým
 к нам заброшены!..
Те, что желают прожить
 шалья,
за спиной у других — знакомо! —
те, что плодятся сегодня
 в щелях
нашего светлого дома.
Те, что обходят станок
 за версту,
доморощенные полубоги,
а свое верхоглядство
 и пустоту
выдают нам
 за «крик эпохи»!
Галдит подвываемый
 пестрый рой,
кошунствуя, стонет и свищет —
кто бойко
 размахивает
 ноздрей,
кто бороду
 в глаз вам
 тычет.

Много народу
 в больших городах
 есть и девицы,
 что скажут «ах!»
 и млеют моченою грушею,
 не разбираясь, не слушая!
 Есть и братки-поклонники,
 узкоштанники-макаронники,
 которым гони под сурдинку
 какую угодно «малинку»!
 Есть и солидные дяди,
 что, эдак сквозь пальцы глядя,
 говорят: «Молодежь резвится,
 надо ей дать развиваться...»²

Но знаем мы
 эти песни!
 Нельзя развиваться плесени!³
 Этих пигмеев мы знали в лицо!
 Давайте возьмем их
 в стальное кольцо!
 У памятников
 у наших святынь,
 общественность,
 стражем встань!
 Наши сердца здесь
 и наши цветы!
 Прочь отойди,
 дрянь!

Л.Лавлинский

ОБНАГЛЕВШИЙ НУЛЬ

Фельетон

Жизнь полна неожиданностей. Вы, читатель, живете и не ведаете, что есть на белом свете поэт Яша Синий, который сочинил стихотворение «Сладкая жизнь»¹.

Вам неизвестно, что существует прозаик, пишущий в таком своеобразном стиле: «Мы попрощались и встали на разных щеках улицы. Мы были связаны и чувствовали себя неловко и тупо, как тачка. Прокатывалась бочка милиционера»².

Но от этого вы, дорогой читатель, нисколько не страдаете. Зато сами авторы убеждены, что вы лишены величайших духовных ценностей. Они жаждали представиться публике. Долго искали случая и, наконец, нашли.

Площадь Маяковского. Юные москвичи собирались здесь по субботним и воскресным вечерам, чтобы почитать и послушать стихи. У памятника великому революционному трибуну как-то сам собой возникает нужный настрой для выступления. Здесь звучали строки прославленных советских поэтов и пусть не всегда умелые, но горячие и светлые произведения самых юных чтецов. Но вдруг вместо хороших, ду-

шевных стихотворений на площади разнесся ресторанный вопль:

Исступленно целую девичьи губы —
 Это жизнь!
 Лик иконный хрюстнул
 Под каблуком.
 В органных сводах тряска
 Под рок-н-ролл...
 Наливай пять по сто...³

Не обращая внимания на иронические смешки и возмущенные возгласы слушателей, один за другим влезали на цоколь памятника истеричные субъекты...

Кто же они — эти поэтические хулиганы? <...>

Вот, к примеру, один из выступавших на площади, Аполлон Шухт. Энергичный юноша с рыжеватой скандинавской бородкой и странным блеском в глазах. В прошлом — студент. А вот образчик его продукции:

Заколот — заколка,
 Молот — помолвка,
 Пот липкий — подливка,
 Судьба — свадьба,
 Суббота — свобода...⁴

Между прочим, комсомольцы навесили квартиру, где юный Аполлон проживал вместе с приятелем Щукиным⁵.

Помещение заросло невероятной грязью. Всюду валялись какие-то объедки, пустые бутылки из-под водки. На диване высилось художественное сооружение из порванного ботинка, седлочного хвоста и половой щетки⁶.

Комсомольцы не догадались, что это произведение искусства. Они были потрясены видом Аполлоновых конюшен. <...>

Конечно, в поэзии он — абсолютный нуль, но осознать это ему не под силу. Наталкиваясь на непонимание в молодежной аудитории, в редколлегиях, он только ожесточается и злобится на весь мир. Поэтический нуль раздувается как мыльный пузырь, считает себя утонченным, избранным, умственным аристократом. И скорее лопнет, чем согласится трезво признать, что литературное творчество не его дело. Конечно, средств для поддержания сладкой иллюзии исключительности у нуля — никаких, кроме одного: делать все наоборот, вопреки здравому смыслу. «Буду жить в мусорнике, — решает Шухт, — зато не так, как все». А его сверстник Владимир Вишняков высказывается:

Лучше вправду я буду безумным,
Только б на вас я не стал похож...⁷

Подбирается компания конгениальных юнцов — свояк свояка видит изда- лека. Они проводят вечера отнюдь не в библиотеке или в спортивном зале. Сходятся на частной квартире — ее предоставляет какая-нибудь старорежимная старуха. Называется это «салон». В облаках табачного дыма за «коктейлем», читают свои трансцендентальные стихи⁸. Рассуждают о кошмарной несправедливости жизни. О том, что какие-то «серые» личности — передовики или маяки, как их там? — прославляются на всю страну. А вот подлинны титаны духа, истинные выразители века в загоне. До сих пор прозябают в неизвестности. Смирить-

ся с этим? Нет! И вот они устремляются на площадь...

Так и живут. Производственные подвиги, конечно, их не прельщают. Пусть другие ездят на целину и трудятся у сталеплавильных печей. Если жизнь «прижмет» мыслителя, он найдет работу «интеллектуальнее». Вишняков устроился натурщиком, а бывший студент философского факультета МГУ Василий Постовалов — дворником. Ну, а те, у кого обеспеченные родители (Резницкий, Сахаров), вовсе обойдутся без трудовой жизни.

Никто из «избранных» нулей не желает служить в армии. Строевой порядок, видите ли, «стандартизирует личность». Поэтому достаются медицинские справки: у одного мыслителя оказывается больное сердце (хотя это не мешает его регулярным ресторанным попойкам), другой раздобывает самую всамделишную венерическую болезнь (при аристократическом образе жизни это не так трудно). А экстравагантный Аполлон Шухт становится на учет в психиатрической лечебнице. Таким образом, творческая самобытность каждого гения сохраняется в целости.

Однако такое поведение, естественно, не может вызвать у окружающих восторга. <...> Им разъясняют, что рифмованную бессмыслицу и богемный образ жизни они черпают на старой свалке для нечистот, куда полвека назад революционный народ вышвырнул декадентов, что во всем их литературном «новаторстве» столько же оригинальности, сколько в псевдониме Яша Синий, принятом в подражание дореволюционному Саше Черному. Им помогают определяться на работу. Но это только еще больше озлобляет нулей, хотя вместе с тем и доставляет некоторое удовольствие. Как-никак приятно воображать себя борцами, гонимыми за идею. Приятно ощущать

этакий мученический ореол вокруг собственного плоского лба.

Все дальше заходят нули в своей ненависти к обществу, все охотнее верят грязной антисоветской клевете. Как зачарованные кролики, слушают змеиное шипение против нашей страны пресловутого «Голоса Америки». С подбострастием бегают по Москве за туристами из капиталистических стран, получая от некоторых из них вместе с барахлом и порнографическими открытками⁹ обрывки белоэмигрантских сплетен. Старательно запоминают все лживые измышления про наш народ, про партию, про советскую молодежь. А потом вставляют эти рваные ботинки и объединенные селедочные хвосты в свои опусы.

Таким колоритным автором является, скажем, бывший студент МГУ Ю. Галансков. Это скользкая, обтекаемая личность. Он не ораторствовал у памятника, предпочитая оставаться в тени. Но именно этот юноша начинал своими виршами малогабаритные мозги приятелей и провоцировал их на

скандальные выступления. По содержанию стихи Галанскова — самая тухлая антисоветчина. В форме автор идет от заборных надписей.

Из прозаиков выделяется 19-летний Буковский. Он считается в компании гигантом теоретической мысли (очевидно потому, что был в свое время выгнан из университета за неуспеваемость¹⁰). Буковский сочинил трактат, в котором доказывает, что комсомол не существует¹¹. Что и говорить, мешают ведь комсомольцы проходимцу безобразничать, так решил хоть на бумажке с ними расчитаться... <...>

Становится очевидным, что у нас немало прорех в литературном воспитании молодежи. <...> Между тем, если по-настоящему привлечь мастеров литературы к работе с молодежью, число Синих Яш наверняка сократится до нуля математического.

А главное — не следует забывать: там, где мы выпускаем молодежь из-под влияния, пустыми пузырьками выскивают на поверхность наглые умствующие нули.

Юрий Галансков

ПИСЬМО В КОМИТЕТ ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Галансков хорошо понимал, что не все его друзья одобряют такое «Письмо»: и сам факт обращения в КГБ, и содержание. Не случайно даже в ближайшем окружении Юрия о существовании этого текста знали немногие.

Галансков не считал, что Иванов, Осипов и Кузнецов арестованы без всякой вины. Юра, действительно, был принципиальным противником силовых методов борьбы, действительно пытался как-то повлиять на «террористов», сорвать их планы. Но он хорошо понимал, что незаконные действия (точнее, намерения) его товарищей спровоцированы незаконными же действиями властей (и в союзном масштабе, и на той же площади Маяковского). Именно это он и пытается объяснить Комитету государственной безопасности.

Письмо производит двойственное впечатление: с одной стороны, оно написано с чувством собственного достоинства, более того, автор

не скрывает своих намерений — «бороться». (Не с системой, которую здесь он не подвергает критике, а с недостойными ее функционерами.) С другой — тактика его защиты кажется сейчас странной, если не шокирующей: он предлагает органам добиться от подследственных раскаяния и отпустить их с миром, дабы весь свет узнал: Комитет хорош, осужденные — плохи. То есть именно то, что КГБ взял на вооружение примерно десятилетием позже — во времена правления Андропова, когда появлявшиеся на экранах телевизоров диссиденты признавали свою вину и в награду получали сравнительно мягкие наказания. Эта подлая практика нанесла правозащитному движению больше вреда, чем самые суровые приговоры... Но это потом.

Юрий Галансков был человеком Дела. Он непременно должен был выступить в защиту арестованных и — что не менее важно — отвести удар от оставшихся на свободе.

До первой демонстрации в защиту осужденных (в организации которой он примет активное участие) и открытых писем — еще несколько лет. В 1961 году Галансков еще не апеллирует ни к законам, ни к мировой общественности, — он призывает к милости. И пытается доказать, что оправдательный приговор будет благом и для подследственных, и для тех, от кого зависят их судьбы.

27 октября 1961 г.

КГБ ведет следствие по делу арестованных: ИВАНОВА Анатолия, ОСИПОВА Владимира, КУЗНЕЦОВА Эдуарда.

Насколько я понимаю, в настоящее время следственные органы пытаются выяснить подробные обстоятельства дела и установить степень виновности лиц, имеющих к нему то или иное отношение.

Ни на минуту не сомневаясь в том, что следствие совершенно объективно подойдет к рассмотрению всех вопросов, так или иначе связанных с этим делом, я считаю необходимым изложить Вам¹ следующие соображения.

Почти всегда предварительное следствие в своих действиях руководствуется одной примитивной юридической формулой: установить виновность, передать дело в суд и наказать.

Если в данном деле Орган будет руководствоваться этой, подчеркиваю, очень примитивной юридической формулой, то конечный эффект не принесет ничего, кроме вреда.

Представим на мгновение, что материалы следствия направлены в суд, суд юридически зафиксировал установочный срок, виновные получили по 5–7 лет. Вот и все. Но представив на мгновение все это, давайте представим себе и все последствия, из этого вытекающие:

1. Буржуи будут кричать о «террористах» и «репрессиях» накануне съезда² (и уж, конечно, «массовых»), о том, что революция в России начинается и т.д. и т.п.

2. Подонки времен культа воспрянут духом и будут рассуждать: «Вы нас обвиняете в массовых репрессиях и напрасно обвиняете... сами видите... террор... долиберальничались... мы вас предупреждали... так нечего валять дурака – верните нам наши кресла, звездочки, ордена и оклады»...

3. Осужденные будут гордиться своим положением. Где-нибудь в Мордовии они значительно расширят свой политический кругозор, у них прибавится злости и желания действовать. И кто знает, может быть, из них действительно получатся террористы.

4. О «террористах», «схваченных» Органом и «брошенных» за решетку, полетят слухи. А террор – вещь заразительная, и обязательно найдутся решительные и энергичные люди, которые к нему прибегнут. К тому же нужно добавить, что современное террористическое движение – явление международное и, в силу своей крайней радикальности, все более популярное. Возьмите, например, Германию, Францию, Японию, Испанию, Италию – и вы в этом убедитесь.

5. Для многих Орган по-прежнему будет чем-то ужасным, где пытаются и расстреливают борцов-ленинцев и не ленинцев, – где проливают кровь честных людей, и т.д. и т.п.

Есть и другой путь, который, если его проводить последовательно, поможет обществу избавиться от массы предрассудков.

В чем заключается этот другой путь?

Я ни на минуту не сомневаюсь в том, что вы отлично понимаете, что к решению вопросов, связанных с политическим правонарушением, необходимо подходить не только с точки зрения законности, но и с точки зрения политической целесообразности, с учетом достижения наивысшего и всестороннего политического эффекта.

Массовые репрессии и вопиющие факты беззакония нанесли вред не только в сфере политической жизни и народного хозяйства. Это лишь одна сторона дела. Другая сторона заключается в том, что страшные проявления культа личности совершенно изменили психологию общества.

Людей слишком много насильовали — ответной реакцией было сопротивление. Людей много обманывали — и они привыкли ничему не верить.

Самые благородные идеи потеряли всякую привлекательность, потому что эти идеи исходили из лживых уст плеяды мерзавцев и убийц.

Чтобы правильно понять характер всякого нелегального, в том числе и террористского, движения, необходимо правильно определить причины, породившие его.

Представим на мгновение, что какие-то люди, захватив власть и устранив всякий контроль над своей «деятельностью», самым свинским образом нарушают конституционные свободы, допускают грубейшие ошибки как в области внутренней, так и внешней политики. Вполне естественно, что другие люди вступают с ними в борьбу. Их репрессируют. Постепенно люди убеждаются в том, что легальные формы борьбы — невозможны. Начинается фаза нелегального движения.

Но широкое нелегальное движение невозможно, а отдельные, не связанные между собой организованные группы не могут достигнуть необходимого эффекта. Тогда людьми овладевает отчаянье, и они прибегают к последнему средству — террору. И действительно, если кто-то, из года в год, совершенно безнаказанно, грубо нарушает конституционные свободы, то почему бы и не стать террористом, почему бы и не покарать тех, кого нужно покарать. Во всяком случае, формально, личность чувствует, что она имеет на это полное моральное право.

На XX съезде были вскрыты и осуждены вредные проявления культа личности. Но это еще не означает того, что были устранены все причины, породившие культ личности. Это еще не означает того, что все явления, сложившиеся и утвердившиеся как следствия, непосредственно вытекающие из самого культа личности, были обезврежены и отброшены в сторону. И, тем более, это еще не означает того, что таким образом была изменена общественная психология, люди все еще продолжали находиться в плену (уже почти не существующих реально) фактов минувшей действительности. Иначе говоря, люди продолжали мыслить настоящее как прошедшее, т.е. люди продолжали находиться в плену предрассудков.

Я не раз предлагал Иванову А.М. помочь мне в создании Союза сторонников полного и всеобщего разо-

ружения³, но он постоянно отклонял эту идею, считая, что сейчас этого сделать не дадут. С другой стороны, Кузнецов Эдик и Осипов Володя считали эту идею правильной и поддерживали меня. Я отлично понимал, что если резко выступить против Иванова, то можно оказаться в изоляции.

Поэтому, споря с Ивановым и формально не отрываясь от него, фактически я пытался разубедить его и ребят, которые находились под его влиянием, и таким образом пресечь возню вокруг «мероприятий», о которых в настоящее время вы имеете полное представление. Все предпринятые мною действия (о которых вам частично известно из показаний свидетелей) в общем-то достигли цели. У «Плевны»⁴ Иванов снял все свои «мероприятия», правда, после «Плевны» я подумал, не пытается ли он меня изолировать. Поэтому я неоднократно встречался с Кузнецовым и Осиповым и пытался узнать, действительно ли все «мероприятия» сняты. Осипов и Кузнецов убеждали меня в том, что это действительно так. Но я все же рассчитывал на худшее, и с этой целью было решено предпринять «сеанс гипноза»⁵ и, если в этом будет необходимость, акт физической изоляции Иванова на время съезда. Далее, в пятницу (6 октября) у меня в комнате должна была состояться встреча, где должны были быть разрублены все узлы. Но в пятницу (6 октября) — это сделал Орган.

У вас, естественно, возникает вопрос, почему я сам не обратился в Орган? Отвечаю, и это очень важно.

До самого последнего времени об Органе у меня были представления, если и не такие, что там бьют и расстреливают борцов, то во всяком случае, что там не очень-то станут разбираться, а будут сажать всех подряд. Вам может показаться странным, но это действительно так. Это говорит о том, что у меня на этот счет еще сохранялся предрассудок. И это лишний раз подтверждает то, что психология людей изменяется очень медленно и что производить какие-либо действия в этом направлении нужно правильно и крайне осторожно.

Теперь, когда XXII съезд КПСС не только осудил вредные последствия культа личности, не только вынес эти вопросы на обсуждение внутри партии, но и всенародно нанес удар за ударом по фракционерам, которые пытались захватить власть и реставрировать режим по-

литической олигархии⁶, необходимо последовательно и совершенно новыми методами проводить работу по воздействию на общественную психологию. Я не говорю здесь ничего нового, потому что то же самое в своем выступлении сказал Шелепин⁷. Я лишь подчеркиваю, что, по моему, и в данном деле нужно руководствоваться этими соображениями.

Мне вспоминается небольшая брошюрка, где Шейнин пишет о том, как гуманно обошлись работники КГБ со студентами какой-то организации, о том, что, мол, студенты раскаялись и расплакались и т.д. и т.п.⁸ Какой ужасный примитив! Создается впечатление, что автор умышленно добивался того, чтобы ему не поверили. При чтении такой низкопробной стряпни даже правда звучит как ложь. Лично на меня эта глупейшая брошюрка произвела диаметрально противоположное воздействие.

Но вернемся к арестованным.

Что они сейчас говорят на допросах — не знаю. Что они сейчас думают — я не знаю. Что с ними будет — я не знаю.

Но я знаю одно, что они должны не только признать свои ошибки, но и самое главное — осознать их.

В этом Орган должен им всячески помочь. Но мало того, что они должны осознать свои ошибки, они должны сообщить об этом широкой общественности. Здесь им может помочь Орган и только Орган.

Почему бы всем лицам, имеющим к этому делу какое-либо отношение, не выступить в печати, по телевидению и радио.

Все это можно и нужно. Но только данный шаг не должен носить характер раскаяния, слезного биения в грудь, моления о прощении и т.п., вещей, которым никто не поверит. Этот шаг должен быть естественным, как естественна их ошибка и как естественно их признание и осознание этой ошибки.

1. Этот шаг должен разбить предрассудок о «тиранах из КГБ».

2. Этот шаг должен нанести неотвратимый удар по терроризму.

3. Этот шаг должен показать, что в стране действительно восстановлены конституционные свободы.

4. Этот шаг должен показать, что в стране действительно уважается человеческое достоинство, даже в таких тяжелых случаях.

5. Этот шаг должен показать головоотяпам в отставке, что их «историческая миссия» окончена.

6. Этот шаг должен положить конец рассуждениям о свободном мире Запада и «тирании» коммунистов.

И такие шаги нужно делать один за другим самым решительным образом. Нужно... но некоторые факты дают основание полагать, что люди и органы, от которых целиком и полностью зависит правильное решение данных вопросов, не имеют на этот счет своего твердого и принципиального убеждения.

Например, сейчас среди молодежи появились слухи, что КГБ и какой-то орган при ЦК КПСС считают площадь Маяковского «рассадником антисоветчины» и что в связи с этим будут приняты «суровые меры».

1. Выселение из Москвы. 2. Отправка в армию. 3. Исключение из институтов. 4. Исключение из комсомола.

Такие действия, в случае если они будут предприняты, принесут только вред. Всякие, даже самые незначительные, репрессии вызовут только озлобление, понижение политической активности, нелегальщину и пессимизм.

Предположим, что все это только слухи, но согласитесь, что кто-то виновен в том, что такие слухи есть и что было бы лучше, если бы их не было вообще. Почему на площади Маяковского создается ненормальная атмосфера? Причина всех ненормальностей кроется в неправильных действиях со стороны работников горкома ВЛКСМ и дружины. С их молчаливого согласия и по прямым указаниям зав.отделом пропаганды и агитации Харламова, а также начальника отряда Агаджанова дружинники постоянно, без каких-либо на то оснований, задерживают людей, выкручивают руки, подвергают унижительным допросам, производят личные обыски, избивают. Притащив свою жертву в штаб, дружинники с педантичностью садистов смакуют комплекс унижительных «процессуальных процедур». Создается впечатление, что все это делается специально, чтобы оскорбить и озлобить людей, и Харламов еще имеет наглость считать свою «деятельность» воспитанием. Позволительно спросить, что таким образом воспитывает в людях Харламов? Ненависть. Озлобленность. Или под воспитанием он понимает сознательное и планомерное насаждение актов беззакония, озлобление молодежи и дискредитацию новой политики партии?

Как вы знаете, лично мне не раз приходилось «сталкиваться» с новыми формами работы КГБ⁹. Поэтому я могу сравнивать. И вот когда я сравниваю, я прихожу к выводу, что наверху, например в КГБ, полностью восстановлена законность, а на местах — бардак, что Хрущев восстанавливает законность, а какой-нибудь Харламов насаждает беззаконие. Но я не просто констатирую факты, я задаю себе вопрос: «Что делать?» «Бороться», — отвечаю себе я, и не только я. И нас никто не остановит. Организованно и планомерно мы нанесем удар за ударом не только по Харламовым, но и по всем, кто их будет поддерживать.

Я обращаюсь к Вам, ибо считаю, что именно Вы (как человек умный и энергичный, если меня не обманывает моя интуиция) должны взять на себя инициативу такой постановки вопроса.

Буду очень рад, если эти соображения будут хоть сколько-нибудь Вам полезны.

Приложение **[К копии для Хрущева]**

Так как вопрос о террористах, который в настоящее время рассматривает ГУ КГБ касается лично Вас, то я считаю необходимым доставить Вам копию письма, которое я направил генералу КГБ Белоконову, как человеку, который непосредственно занимается этим делом.

Посылая копию письма Вам, я исхожу из того, что Вы объективно подойдете к рассмотрению этого вопроса, в то время как люди, которые занимаются этим по долгу службы, могут просто по-служебному рассмотреть это дело и сбросить его с плеч долой.

Э. А.

В ЦК КПСС ПО ПОВОДУ ПУБЛИЧНЫХ ЧТЕНИЙ И ДИСКУССИЙ НА ПЛОЩАДИ МАЯКОВСКОГО

Раскрыть псевдоним не удалось. Что можно сказать об авторе? Безусловно, это один из активных участников «Маяковки», представитель ее наиболее либерального крыла, участник клубной затеи, скорее всего, кто-то из окружения Владимира Буковского, по всей видимости, присутствовавший на встрече «маяковцев» с работниками горкома комсомола, о которой рассказывается в воспоминаниях Талицкого. Впрочем, очень возможно, что Э.А. — псевдоним коллективный. (Тогда все выше

сказанное относится к одному из авторов.) Не исключено, что к письму приложил руку и сам Владимир Буковский. (К сожалению, не удалось показать ему текст.) Если принять версию коллективности, то можно предположить и участие Ю.Галанскова. Местами стиль этого документа напоминает стиль Галанскова. Зачем ему понадобилось еще одно письмо? По очень простой причине: защищать себя неудобно, а Э.А. не жалеет бумаги для того, чтобы доказать: «Человеческий манифест» — не про социализм, а про капитализм. (Трудно поверить, чтобы автор, все равно — единственный или коллективный — действительно так думал; вообще камуфляжа здесь значительно больше, чем в письмах за подписью Галанскова.)

Похоже, что у автора (авторов?) были и консультанты (или консультант) из людей старшего поколения (Вольпин? Пинский? Тут мы вступаем в область ничем не подкрепленных догадок).

Если основная цель письма Галанскова в КГБ — защита арестованных, то Э.А. старается сохранить «Маяковку». Поэтому разделение на «плохих» (единицы) и «хороших» (основная масса) проводится здесь значительно четче и последовательнее, чем у Галанскова. Большинство участников чтений на площади — утверждает Э.А. — не только не имели никакого отношения к «террористам», но и «вступили с ними в идейную и организационную борьбу». Выплескивать с грязной водой и ребенка — глупо, безответственно и незаконно.

Письмо — опять-таки в традициях эпохи — представляет собой жалобу в высшую инстанцию (ЦК КПСС) на низшую (горком комсомола) с реверансами по поводу «умных» правителей и «глупых» исполнителей, которые, по существу, нарушают царскую волю. Был ли автор письма действительно так наивен? Вряд ли: он не производит впечатления человека столь недалекого.

Отправил ли Э.А. письмо по означенному адресу? Увы, мы не знаем и этого.

В связи с решениями XXII съезда КПСС¹, мы — участники чтения стихов на пл. Маяковского, считаем необходимым довести до сведения ЦК КПСС о том, что позиция, занятая МГК ВЛКСМ, и действия, предпринимаемые им в отношении положения, создавшегося на пл. Маяковского, являются ошибочными и крайне вредными.

Поэтому мы считаем необходимым изложить вам действительный ход событий, определить наше отношение к нему и объяснить причины, породившие трения между нами и МГК ВЛКСМ.

О чем шли споры

Чтение на пл. Маяковского стихийно возникло осенью 1960 г. после проведения там Дня поэзии². Естественно, что это нашло широкий отклик среди молодежи, и площадь Маяковского стала как бы свободной трибуной для всех.

Политика, проводимая Сталиным, вызывала сопротивление во всех слоях общества и особенно среди молодежи. Разоблачение культа личности на XX съезде КПСС явилось мощным идеологическим толчком, нашедшим свой выход в образовании большого количества неофициальных кружков политического и литературного плана. Вполне понятно, что начавшееся стихийно чтение на пл. Маяковского, в первую очередь, привлекло внимание именно этой части молодежи. Здесь, на пл. Маяковского, эта молодежь не только читала стихи, она обсуждала также многие философские, этические и общественно-политические вопросы, касающиеся тех или иных сторон нашей жизни. Здесь поднимались вопросы о новых течениях в литературе и искусстве, резко критиковались ошибки, допущенные во времена культа личности в области науки, политики и литературы. Шли споры о том, как наиболее правильно и наиболее целесообразно устранить вредные последствия культа личности.

Теперь становится все яснее, что все вопросы, обсуждаемые на пл. Маяковского, совпадают с теми вопросами, которые были подняты в выступлениях делегатов XXII съезда и зафиксированы в решениях съезда партии. Именно поэтому в среде участников чтения решения XXII съезда КПСС нашли понимание и поддержку.

Но до XXII съезда КПСС подобные выступления на площади рассматривались горкомом комсомола как вредные и даже антисоветские. На наш взгляд, это объясняется тем, что работники горкома комсомола не избавились от старых методов работы. А когда кто-нибудь из участников чтения пытался указать горкому на неправильность его действий и соответственно критиковать эти неправильные действия, то работники горкома расценивали эту критику опять же как вредную и антисоветскую. Итак, основным обвинением против чтений на пл. Маяковского было и остается до настоящего времени — обвинение в «организованной антисоветчине».

Организованность и стихийность

Действительно, элемент организованности в наших действиях был: в этом наша сила, и мы имеем на это как моральное, так и юридическое право. Но обвинение в том, что мы являемся вдохновителями «организованной антисоветчины» — категорически отрицаем и, более то-

го, — можем, как нам кажется, убедительно опровергнуть.

Само собой разумеется, что мы не можем нести ответственность за единичные проявления спекулятивного политиканства и аморализма в поэзии отдельных лиц (учитывая, тем более, что горком непрерывно, совершенно не вникая в сущность дела, стремится изолировать нас, как наиболее активных участников чтения). С другой стороны, мы не можем также нести ответственность за таких людей, как, например, Бокштейн, который в настоящее время арестован органами КГБ, ибо мы неоднократно предупредили многих товарищей, чтобы они не поддерживали Бокштейна, что «смехотворные» идеи Бокштейна не заслуживают никакого внимания и что его вздорные попытки создать свою организацию³ могут только дискредитировать всякое движение. Что же касается так называемой «группы террористов»⁴ (которые фактически почти никакого влияния на пл. Маяковского не оказывали), то мы можем сказать, что некоторые наши товарищи вступили с ними в идейную и организационную борьбу. Таким образом, снимая с себя подобного рода обвинения в наш адрес, мы приступаем к дальнейшим объяснениям.

В апреле 1961 года Шукин Анатолий читал на пл. Маяковского поэму, посвященную жертвам 1937 года. Можно согласиться с тем, что чтение этой поэмы было вряд ли целесообразно, но с тем, что эта поэма является антисоветской и что чтение ее — есть акт «организованной антисоветчины», согласиться никак нельзя. В этой поэме есть излишне резкие и объективно ошибочные моменты, товарищи указали на это Шукину. В дальнейшем он никогда не читал этой поэмы, а потом отказался от нее вообще⁵.

«Человеческий манифест» Галанскова

Вызывает недоумение то обстоятельство, что работники горкома приклеивают ярлык антисоветчины к поэме Ю. Галанскова «Человеческий манифест». Принимая во внимание, с какой настойчивостью это каждый раз проделывается, мы находим нужным доказать противоположное. Для этого мы рассмотрим здесь некоторые места, которые вызывают протест и недоумение у работников горкома ВЛКСМ.

В «Человеческом манифесте» Галансков пишет:

По поводу первого момента обычно говорят: «Капиталистам, может быть, и не нужно верить, но почему нашим советским министрам, нашим советским вождям и нашим советским газетам не нужно верить?»

В связи с этим нужно сказать, что данный текст из поэмы не ставит вопроса в смысле верить или не верить кому-то, здесь лишь говорится, что не нужно верить в тот предрассудок, что борьба за разоружение есть сфера деятельности исключительно министров, вождей и газетчиков, о том, что люди сами должны включиться в эту борьбу, что для достижения цели необходимо сознательное движение масс, а для этого, в свою очередь, необходима инициатива масс и их политическая активность.

По поводу второго момента говорят: «Ага... анархия... Галансков призывает доломать наше советское государство». Из тактических соображений лучше, конечно, отрицать такие ужасные намерения. Но ведь в действительности и у нашего советского государства, в свое время, придется отсечь такие паразитические стороны, как, например, военный придаток, чрезмерную централизацию и бюрократизм всех мастей. Но это еще не означает того, что Галансков призывает к ликвидации наших советских вооруженных сил и нашего советского государства. Ну а если к тому же учесть и то, что все это говорится не о каком-либо отдельном государстве, а о Мире и с позиций пролетарского интернационализма, то все обвинения в антисоветчине покажутся уже совсем глупыми.

Далее, в пятой главе поэмы есть такой текст:

Видишь,
как вечера тьма
жует окровавленный стяг,
и жизнь страшна, как тюрьма,
воздвигнутая на костях...

Бесспорно, существующее в настоящее время временное ослабление мирового революционного движения представляется автору как «вечера тьма», которая «жует окровавленный стяг», и поэтому жизнь, скованная цепями мирового милитаризма, страшна для автора, «как тюрьма, воздвигнутая на костях». Позволительно теперь спросить, что же во всем этом не нравится работникам горкома и где здесь антисоветчина.

Ошибка горкома

Ведь никаких других «обвинительных» фактов у них нет, и они сами об этом говорят. Вместо того, чтобы разобраться во всем этом, вместо того, чтобы правильно провести идеологическую и разъяснительную работу, вместо того, чтобы выделить все здоровое и верное из того, что возникло на пл. Маяковского, горком комсомола начал принимать репрессивные меры и таким образом, еще более углубляя антагонизм, он все более дискредитировал себя. Действуя через посредство дружин противозаконными методами, горком комсомола обрушил на наиболее активных участников чтения серию мелочных репрессий. Расправляясь с ними физически и запрещая им под страхом физической и административной расправы появляться на пл. Маяковского, горком ВЛКСМ дал повод для неверных выводов и резких выступлений против него, а исключительно грубые методы дружинников вызвали справедливое возмущение собравшихся и часто приводили к публичным дракам на площади. Это придавало площади скандальную известность и привело к появлению на ней элементов спекулятивного политиканства, литературного аморализма и порой настоящего хулиганства.

Нужен дискуссионный клуб

Отдавая себе отчет в том, что дальнейший ход событий может привести к полной деградации пл. Маяковского, что непрерывно прогрессирующие факты спекулятивного политиканства и литературного аморализма неизбежно ведут к дискредитации серьезного литературного и политического движения и что поэтому в интересах движения и то и другое необходимо отсечь, мы стали настойчиво требовать от горкома комсомола разрешения на открытие дискуссионного клуба. Ибо такой клуб привлек бы к себе все лучшее из того, что было на площади — автоматически ликвидировал бы тот ажиотаж, который там все более и более разрастался. Диспут учит правильно думать, проверяет правильность выводов и поднимает политическую активность людей, а это, в свою очередь, приведет к сознательности поступков, к твердости взглядов и поможет молодежи совершить очень важный идеологический переход от слепого недоверия ко

всему официальному к вполне сознательной деятельности в рамках официальных организаций.

Но работники горкома, и в частности секретарь по агитации тов.Харламов, отказали нам в этом⁶. Они, видимо, испугались взять на себя личную ответственность за клуб, они, видимо, боятся широкой литературно-политической дискуссии, о пользе которой в свое время говорил Ленин и необходимость которой с каждым днем становится все более ощутимой. Работники горкома комсомола не хотят с этим считаться, они слишком заботятся о своем спокойствии, но жизнь заставит их услышать трезвые голоса и она сломает тех, кто слышать ничего не хочет. Для начала жизнь заставила секретаря выбраться из стен горкома и лично явиться на площадь. Сам тов.Харламов и другие работники горкома соизволили явиться на площадь и лично руководить действиями распоясавшихся дружинников, методы работы которых стали от этого почему-то еще грубее. Почему?

КГБ и комсомол

Как мы думаем (и, видимо, думаем правильно), что в процессе разбора следственными органами КГБ дела о группе «террористов» и дела Бокштейна, когда КГБ вопросы, не относящиеся к его компетенции, передает на рассмотрение в комсомольские и учебные организации, то руководство этих организаций, якобы от имени КГБ, совершенно не вникая в сущность дела, — рубит направо и налево.

Эти мелочные репрессии именем КГБ озлобляют людей, дискредитируют КГБ и новый курс партии. Поэтому иногда приходится думать, что было бы лучше, если бы всеми этими делами занимался только КГБ, а не чрезмерно услужливые и очень беспокоящиеся за свою карьеру комсомольские и учебные (Так! — Л.П.) обыватели.

Что же делает в настоящее время горком ВЛКСМ? Совсем недавно тов.Харламов заявил, что чтения на пл.Маяковского будут прекращены всеми средствами, а мы как организаторы и участники антисоветских выступлений будем выселены из Москвы, исключены из комсомола, институтов и т.д.

В связи с этим хочется сказать тов. Харламову: не торопитесь с выводами, тов.Харламов, жизнь однажды

вытащила вас из кабинета на площадь, теперь, видимо, она должна научить вас — как нужно на площади командовать дружиной и как нужно подходить к вопросам пропаганды и агитации среди молодежи.

Покончить с режимом политической олигархии

XXII съезд партии подверг критике и решительно пресек всякие поползновения в сторону реставрации режима политической олигархии.

Теперь партия займется вопросами поднятия деловой и политической активности среди масс и особенно среди молодежи. А это, в свою очередь, зависит от того, насколько быстро и правильно будут предприняты меры по устранению нарушений законности на местах, меры ликвидации на местах консерватизма, догматизма и политического центропулизма, но, видимо, работники горкома сомневаются в этом — ведь они разучились видеть жизнь, они ждут циркуляров на этот счет, а пока циркуляров нет — они выжидают, они хотят сбалансировать. Что ж, мы вполне понимаем работников горкома, мы понимаем их боязнь взять на себя ответственность, мы понимаем их беспокойство за свое благополучие, но нам нечего балансировать, и поэтому мы не хотим ждать. Мы говорим: дайте нам клуб. В нем мы будем заниматься литературой, искусством, наукой и политикой. Страна почувствовала освежающий ветер демократии, и эта демократия должна говорить совершенно новым литературным языком. Эта демократия должна выдвинуть совершенно новые научные, эстетические и этические ценности. Эта демократия должна полностью восстановить законность и обеспечить конституционные свободы для граждан, только таким образом она сможет достигнуть сознательного движения масс.

Исходя из всего вышеизложенного, мы утверждаем, что позиция, занятая горкомом ВЛКСМ, и действия, предпринимаемые им в настоящее время, являются ошибочными и вредными.

Расширение мелких репрессий, мелочные ущемления человеческого достоинства, натравливание дружинников на молодежь (вплоть до физической расправы, вплоть до унижительных допросов и личных обысков), — все эти мелочные нарушения законности могут привести только к

озлобленности, к естественному желанию уйти от удара и действовать нелегально, к полной дискредитации горкома.

Поэтому горком ВЛКСМ должен открыть дискуссионный клуб. И он не должен навязывать молодежи свою волю, не должен пытаться втиснуть молодые и большие сердца в свои жесткие рамки, рассчитанные на узколобость и консерватизм. Ибо молодежь в такой клуб не пойдет; она опять будет бушевать на площадях и задыхаться в литературных салонах. Полная самостоятельность, свободная инициатива — вот требование молодежи, а она уже как-нибудь позаботится о законах и этике. У нее достаточный опыт борьбы, опыт поражений и побед, опыт ошибок и опыт самостоятельного исправления этих ошибок. У нее достаточно сознательности и чувства ответственности. Мы обращаемся в ЦК КПСС, как в единственный абсолютно авторитетный для нас орган, и имеем смелость надеяться на быструю и действенную помощь.

Евгений Евтушенко

ИЗ РЕЧИ НА ЗАСЕДАНИИ ИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ КОМИССИИ ПРИ ЦК КПСС¹

Между выше опубликованными письмами и речью Евтушенко прошло более года. Судьба арестованных была решена. С «Маяковкой» покончено. Е.Евтушенко не пытается ни смягчить участь осужденных (знал ли он о них?), ни реанимировать «Маяковку». Его волнует другое: как бы методы, которыми была ликвидирована площадь, не были экстраполированы на иные сферы культурной жизни. Ибо там — как и на площади Маяковского — действуют хорошие советские люди, которые, конечно, могут ошибаться, но которые не заслуживают того, чтобы с ними поступали так грубо и беззастенчиво, как дружинники на «Маяке». Наверное, и такая речь на Идеологической комиссии при ЦК КПСС звучала невероятно дерзко и смело...

[Декабрь 1962 г.]

Сколько бы они (идеологические враги советской власти. — Л.П.) ни старались представить нас (творческую интеллигенцию — Л.П.) как людей, якобы при помощи эзоповского языка, при помощи других методов нападающих на то святое, что было у нас в прошлом, это им не удастся. Есть подонки, есть подонки вроде Есенина-Вольпина, сочинившего эту грязную, отвратитель-

ную книжечку². После того как мне подсунули под дверь в Лондоне эту книжку, я мыл руки с мылом и мне все казалось, что исходит гнилостный запах от этой книжки. Есть подонки, привлекающие к себе иногда глупых, заблуждающихся парней, которые издают книжки, вроде «Синтаксиса», «Коктейля» – два поэтических сборничка с несколькими статьями, которые пытаются доказать, что они литературоведческие³. Но они не определяют подлинное лицо нашей молодежи. Не они! <...>

Я приведу другой пример. Вот мы сейчас должны бороться за души нашей молодежи. Но опять-таки я хочу вам показать, как иногда не доверяют нам, молодым писателям, бороться за эти души.

· Может быть, и доверяют, но опасаются. Я приведу пример с площадью Маяковского. Вы знаете, что на площади Маяковского было традицией, что устраивались поэтические вечера. Там собирались разные люди в прошлом и позапрошлом годах, они спорили о поэзии, читали стихи, читали Есенина, Маяковского, Блока, Брюсова, Щипачева, стихи самых различных советских поэтов, читали свои собственные стихи какие-то мальчишки. Я никогда не забуду, как один суворовец, с такими яблочно-красными щеками, читал трагическую поэму Маяковского «Облако в штанах». Он старался придать себе трагический вид, но у него ничего не получалось, так как настолько он был краснощек, настолько лицо его было детским.

Иногда к этому, естественно, присоединялись всякие хлюпки, которые читали пасквильные стихата и дурно пахнущую лирику, хотя в общем это явление было очень хорошим, нашим, советским. Просто собирались у памятника Маяковскому.

Так что сделали с площадью Маяковского? Получилось так, что некоторые товарищи из райкома, по-моему, восприняли это как тревожный сигнал и вместо того, чтобы создать здоровую обстановку, в которой не могли бы читаться такие стихи, они поступили по-другому. Мне удавалось быть несколько раз на площади Маяковского. Я стоял, подняв воротник, и слушал. Если бы читались там стихи с душком, они всегда немедленно встречали бы отпор со стороны самой аудитории. Так что сделали товарищи из райкома, товарищи с красными повязками на рукавах?

Они несколько вечеров подряд приезжали и очищали аудиторию, вытаскивали читающих стихи. Одну девочку вытащили, которая читала «Люблю» Маяковского. Они решили, что это она сама написала и что такие стихи нам не нужны. И вообще на площади Маяковского вечера прекратились.

Это уже немножко попахивает мирным сосуществованием различных идеологий, потому что это не форма борьбы. А формой борьбы, настоящей, революционной, коммунистической было бы сделать так, чтобы поэтические вечера на площади Маяковского стали традицией нашего замечательного города, чтобы каждую субботу наши поэты приезжали на площадь Маяковского и читали настоящие советские стихи нашему народу. А что же случилось? Где же борьба? Капитулировали перед этими слюнявыми хлюпиками. Это положение нужно исправить...

Я хочу заверить нашу партию, наш народ, что молодежь наша «не вся прогнившая»⁴, а молодежь наша здоровая, цельная и что она будет с чистым сердцем, с чистыми руками бороться за самое чистое, что есть на земле, — за идею революции. (Аплодисменты).

ВМЕСТО ЭПИЛОГА

Времена не выбирают,
В них живут и умирают.

А. Кушнер

6 октября 1961 года не только перестала существовать «Маяковка» (площадь), но и распалось «восторженное братство» людей общей судьбы — «маяковцев» Кто-то ушел в частную жизнь, кто-то — скрывая грехи молодости — пытался делать карьеру, кто-то продолжал издавать самиздатские журналы, кто-то — спустя несколько лет — пришел в народившееся правозащитное движение

ИНТЕРВЬЮ С УМЕРШИМ ПОЭТОМ

Одним из активнейших деятелей правозащитного движения стал Юрий Галансков — самая светлая фигура «Маяковки», поэт-«политик», чьи политические убеждения и действия никогда не расходились с общечеловеческой моралью — ибо шли не от ума, но от сердца

Читатель, наверное, уже заметил почти все главные фигуры «Маяковки» представлены в этой книге обширными интервью-биографиями от детских лет до нынешнего дня Побеседовать с Юрием Галансковым, увы, уже невозможно Найти же кого-нибудь, кто рассказал бы мне о Юре так, чтобы этот разговор хотя бы в какой-то степени заменил разговор с ним самим, — не удалось Каждое свидетельство ценно, но штрихи, даже самые точные и характерные, остаются штрихами — в цельный образ, во всей его сложности и полноте, они, к сожалению, не складываются С ролью alter ego Галанскова не справился никто И тогда я решила поискать ответы на мои традиционные вопросы в текстах Юрия Тимофеевича — ведь известно жизнь поэта в его стихах

Вопрос о детстве.

Ответ: На старой кровати заснула мать,
Нутро больное играет в звуки.
Я знаю, ей через час встать,
Встать, принимать муки.

Я знаю, она на работу пойдет,
Положит мне деньги на сигареты,
Хлеба кусок с собою возьмет,
Оставит сыну две лишних котлеты!

<...>

Папа спит, как щепка худой,
С дивана упали рабочие руки,
Густо обросший седой бородой,
За день навидавшийся муки.

А завтра будут машины опять
Сосать исхудавшее тело,
И он мне сможет одно сказать:
Работа — воловье дело.

Рабочему счастье дано одно —
Побольше, погорче, почаще хлебнуть,

И пьем мы, уставшие, злое вино,
Чтоб выпить и крепко заснуть.

<...>

Спит, покоряясь проклятой судьбе,
А я в темноте стою,
Стою и слагаю песни борьбе
И гимны борьбе пою¹.

Вопрос об общественно-политических взглядах.

Ответ: С последней трибуны
торжествующему палачу,
отделившему туловище от меня,
я,
разрубленный,
прокричу:
«Пролетарии всех стран, соединя...»
Но ваше фальшивое счастье,
ваши лозунги,
ваши плакаты —
я разрываю на части
и бросаю в камин заката².

(1961)

Вопрос о смысле и назначении поэзии вообще и современной поэзии в частности.

Ответ: Предвоенно-мозговой психоз!
Водородная язва! Привилегияльно-денежный жировик!
Это ли не сфера современной поэзии?
«Да, но где же человек?», — скажете вы.
Где человеческие страсти?
Где любовь?
Где жизнь?
Где смерть?
Где детский смех?
Где вспышка мака, кисть сирени?
Удар друзей, удар ножа...

Все здесь. Здесь человек страстей, но здесь и другой человек. Его тело устало. Его душа пережевана железными челюстями машины. Здесь любовь, необузданная, как дикая лошадь; но здесь и другая любовь, когда уже не умеешь любить. Здесь жизнь, но здесь и другая жизнь, когда человек уже умер. Здесь смерть, но здесь и другая смерть, когда ее носят в груди вместе с чахоткой или язвой. Здесь смех детей, но здесь и другие дети, которые уже не могут смеяться, и большая улыбка лишь изредка появляется на детском личике.

Не нужно бояться социального в поэзии, но бойтесь, чтобы ваша поэзия не превратилась в поэтическую социологию.

Война должна исчезнуть, как когда-то исчезло людоедство. Мы считаем, что современные правительства не способны осуществить полного и всеобщего разоружения. Поэтому современная поэзия должна *влиять* на формирование новейших общественных сил, которые навсегда покончат с войной, а заодно и с паразитизмом современных государств, в недрах которых война столь успешно развивалась и с изобретением ядерных средств уничтожения была доведена до абсурда.

Воюют, чтобы победить. В современной войне единственным победителем будет Смерть. Но для человеческой личности ужасы войны — это всего лишь возможные ужасы будущего. Предположим лучше — войны не будет. Но будет ли легче от этого человеку? Нет! Ведь человеческая личность ежедневно, ежечасно поставлена перед необходимостью «наслаждаться» ужасами предвоенными. И естественно, что измученная человеческая личность кричит:

Хотят человечьей кожей
обтягивать тело ракет³.

Крайне эстетствующие группировки, возможно, будут возражать против столь социальной поэзии. Пусть. Может быть, это поможет, им создать поэзию в сфере не социального. Из сказанного следует, что новейшая современная поэзия нисколько не будет походить на беззубую собаку, которую все гладят потому, что она никого не кусает. Время и действия — и можно будет коллекционировать желающих надеть на нее намордник.

Но мы знаем, что делаем.

Мы будем писать жизнь, ее различные проявления, и самыми разными красками. Мы будем писать о человеке и для человека. Мы будем писать человеческое. Мы будем бороться за человека. Ибо человек рождается не для того, чтобы в процессе жизни стать жертвой духовного и физического уродства и умереть в конце концов сволочью, оставив горы грязных дел, в которых погразнет и потомство⁴.

Вопрос о будущем.

Ответ: Суд
Закрытые двери.
Судьи-звери
рычали,
сжимая лапы;
подсудимые молчали
— во рту торчали кляпы.
<...>

Чиновник четко читал приговор —
и весь разговор⁵.

ВЕНОК ЮРИЮ ГАЛАНСКОВУ

Ах, моя дуэль — нет дурней.
Семь шагов не пройдено.
Это жуть — дуэль, это гром — дуэль:
Мне стреляться с родиной.

Л.Губанов¹

Геннадий Кагановский

Я НАЙДУ СЕБЕ СВОЕ ПРЕКРАСНОЕ...²

Юрий Галансков — уроки судьбы, силуэт времени

<...> Кто он — Юрий Галансков? Неистовый сторонник свободы — в урочный час он как должное воспринял стальные решетки и застенки. Влюбленный в жизнь, он дорожил каждым ее мгновением и расстался с ней, не колеблясь. Он был поэт, самобытный, яркий, но — наступив на горло собственной песне, ушел в политику, в гражданское сопротивление тоталитаризму. <...>

Можно назвать его наивным мечтателем, но ... он был и удивительный реалист-провозвестник. Его мечты всегда сопрягались с конкретным действием. От стихийного бунтарства, мятежности своих поэтических опытов он неуклонно шел к осмыслению и организованной борьбе с беззаконием, бесчеловечностью, с воинствующей тиранией лжи и демагогии. <...>

Чистая цельная душа, гармоническая личность, но не икона, не образец для подражания. <...>

Он не наживал себе политический капитал дешевыми и самоочевидными спекуляциями. Арсенал антикоммунизма, как и прочие «анти» и «контра», был ему ни к чему. В школьные годы свои убежденный и активный комсомолец, штудировавший Ленина, Плеханова, Короленко, да и позднее выступавший вроде с позиций социализма, он интуитивно сознал: корень социальной жизни не в тех или иных «измах», а в глубинной и конкретизированной сущности идеологий, политических режимов, экономических систем, нравственных канонов. <...>

Евгений Кушев

ПОДПОЛЬНЫЙ ЛИТЕРАТОР — ЧЕЛОВЕК ЧЕСТИ³

«Подпольный литератор — обязательно гражданин России и человек чести, поэтому он никак не может пройти мимо издевательства над своей Родиной и над ее лучшими сынами».

Так писал и так думал Юрий Галансков. Так думал он обо всех тех, кто в невероятно тяжелых условиях сохранял, собирал и создавал свободную русскую речь: бесцензурную литературу, так называемый самиздат. Эти слова в полной мере относятся и к самому Юрию Галанскову, который сам был подпольным литератором, а следовательно, человеком чести.

Я услышал о нем задолго до нашего знакомства. Поэт, один из вожаков «Маяковки», <...> редактор подпольного поэтического сборника «Феникс», один из организаторов демонстрации в защиту Синявского и Даниэля — первой неофициальной демонстрации за долгие годы советского режима⁴. <...> Мы познакомились в начале августа 1966 года. У Владимира Буковского собралась большая и разношерстная компания <...> [которая] обсуждала возможность создания на основе СМОГа другого, более широкого объединения. Разумеется, не политического, а скорее дискуссионного. Вот молодые «гении» и горячились. Они хотели назваться пышным именем «Авангард русского искусства», хотели провозгласить какой-нибудь сенсационный литературный манифест. <...>

Но вот слово взял худощавый юноша в очках, с коротко подстриженными волосами. Скорее брюнет, чем шатен. И очень бледный. Юрий Галансков.

Он был признанным авторитетом у смогистов, их постоянным советником. Правда, смогисты мало прислушивались к его советам, но постоянно тянулись к нему — потому что Юрий никого не отталкивал. Находил общий язык с каждым и помогал любому, если это только было в его силах.

«Не тем вы занимаетесь сейчас, — глухо сказал Галансков, — у вас стукачи под окнами стоят, а вы всерьез говорите о создании замаскированной подпольной организации». <...>

Буковский пробормотал что-то про скепсис и пессимизм, но Юрий махнул рукой: «Да не в этом сейчас дело <...> Все дело в личном примере и в личных усилиях». <...>

Вскоре Юрий посвятил меня в свои планы создания легального бесцензурного журнала, посвященного общественным проблемам. «Понимаешь, — говорил он, — сейчас самое время выступить открыто. После процесса над писателями общество разделилось на два лагеря. Прямо как во Франции после дела Дрейфуса⁵. Но я не переоцениваю общественное мнение. Оно слишком еще беззубо, слишком унижено. <...> Нужен решительный шаг».

Сказано было крепко. Но стояло ли за этими словами что-нибудь реальное? Или это были просто слова, да и только?

Нет, стояло. Юрий Галансков был из той немногочисленной категории людей, у которых слова не расходятся с делами, и из еще более малочисленной категории тех, у кого слово и есть дело.

Свой решительный шаг Юрий готовил тщательно. И феникс возродился из пепла и золы. В течение полугода Юрий собирал материалы для сборника «Феникс-66», который должен был явиться ответом русской оппозиции на попытки властей задушить и без того полудохлое общественное брожение в Советском Союзе⁶. В редакционном заявлении Юрий писал: «...Сам факт издания настоящего журнала, уж конечно, — достаточный повод для применения какого-нибудь антидемократического закона или указа. Можете начинать... Вы можете выиграть этот бой, но все равно вы проиграете эту войну. Войну за демократию и Россию. Войну, которая уже началась и в которой справедливость победит неотвратимо...»⁷ <...>

19 января 1967 года Юрия Галанкова арестовали. <...> в последний раз я видел его в зале Московского городского суда. Там, где ему вынесли страшный террористический приговор — семь лет лагерей строгого режима.

У Юрия была язва желудка в очень острой форме. Он сидел, содрогался от жутких болей, опираясь на спинку стула. Вершители правосудия милостиво дозволили такое. Я сказал Юре: «Здравствуй, товарищ. Держись». Он улыбнулся, кивнул.

Я уверен, что в зале суда Юрий думал не о себе, не о своей участи. Он думал о товарищах, о людях, о родине, о свободе. А сквозь стену, сквозь охрану, прорывая пропагандистскую ложь, поднимался голос честных людей, протестующих против позорного судилища. Сотни людей собрались у закрытых дверей суда. Большинство не знало Юрия. Но эти люди верили в него. Совесть России, как феникс, возрождалась из пепла и золы.

Юрий Галанков боролся всю свою жизнь. Боролся за свободу, которую искал, боролся за справедливость, в которую верил. Ни в тюрьме, ни на суде, ни в лагере он не прекращал своей борьбы. Он не сказал ничего лишнего, никого не оговорил, ни в чем не покался. Что мог — брал на себя. Мог бы взять все — сделал бы так.

Он участвовал в голодовках протеста⁸, помогал товарищам-политзаключенным, выступал против произвола лагерной администрации. Он помогал и тем, кто на воле пал духом или заколебался. Помогал теплым словом, советом, напутствием.

Юрий Галанков пожертвовал собой. И, быть может, еще не настало время, чтобы мы до конца могли почувствовать и понять все значение его подвига. <...>

Ему было тридцать три года. Шесть лет из них он провел за колючей проволокой.

В Евангелии сказано: «Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих»⁹.

Сказано это и про Юрия Галанкова.

МОЛОДОЙ РУССКИЙ ПОЭТ СИДИТ ОДИН НА ТРОТУАРЕ ПЕРЕД ПОСОЛЬСТВОМ США¹⁰

На пыльном тротуаре перед посольством США сегодня вечером произошла политическая демонстрация, в которой участвовал один-единственный человек.

Этот худой молодой человек в черном пуловере с высоким воротником прислонил к растущим на тротуаре деревьям три плаката и, севши рядом с ними на край тротуара, сапогами на мостовой, просидел так четыре часа. Когда вечерний ветерок повалил один из плакатов, он встал и снова поставил его. Остальное время он сидел, не двигаясь.

Сотрудники постоянного подразделения милиции, дежурящие перед девятиэтажным зданием посольства на улице Чайковского, потребовали, чтобы он удалился, но он отказался. Тогда они сообщили о его действиях по имеющемуся в их распоряжении телефону и оставили его в покое.

Плакаты были написаны от руки и протестовали против американской политики в Доминиканской Республике¹¹. На одном говорилось: «Только Кааманьо!» На другом: «Генерал Имберг — убийца!» На третьем: «Джонсон — зазнавшийся петух!»¹²

Но факт, что точка зрения демонстранта соответствовала официальной кремлевской политической оценке, бледнел перед тем, как он объяснил подошедшему к нему корреспонденту свое поведение. Он заявил, что пришел, чтобы в качестве индивидуального советского гражданина сделать политическое заявление по вопросу, который его очень волнует и по которому он хочет непосредственно выразить свои чувства.

Гражданин этот — Юрий Галансков, двадцати пяти лет от роду, бывший студент Московского университета, а теперь работник какого-то предприятия, которое он отказался назвать¹³.

Он сказал, что он поэт, стихи которого «публиковались в Германии, Англии¹⁴, и я не знаю, где еще, но не в России». «Я не хочу печататься официально», — заявил он.

Он сказал, что редактировал «Феникс». Это — сборник рассказов и стихов, размноженный при помощи мимеографа¹⁵ и распространенный в Москве четыре-пять лет назад. Часть этого сборника попала затем на Запад¹⁶ и носила столь индивидуалистическое содержание, что было ясно, почему сборник не мог быть официально напечатан в Москве.

Каштановые волосы Галанскова падали на его глаза в очках в роговой оправе. Он сидел на какой-то книге и курил длинные русские

папиросы, в то время как прохожие удивленно смотрели на него и на его плакаты. Мимо проезжали машины, а милиционеры стояли метрах в пяти-семи и как будто не обращали на него внимания.

Последняя демонстрация у американского посольства состоялась 4 марта и вылилась в беспорядки, во время которых китайские и вьетнамские студенты штурмовали посольство и устроили перепалку с милицией и войсками, охранявшими его.

Раз к демонстранту подошла миловидная шатенка и, поговорив с ним, оставила его¹⁷. Несколько других людей подходили к нему.

Поэт отвечал на вопросы вежливо, но очень определенно. Он сказал, что полковник Кааманьо — «защитник достоинства» и что именно из-за этого он симпатизирует ему. Сказал, что свои познания о положении в Доминиканской Республике он черпает из советской печати и из передач «Голоса Америки».

Он признался, что не знает, назвать ли его действия демонстрацией или чем-то другим, и добавил: «Я только выражаю свое мнение. У меня нет доступа к широкой общественности или к печати, и это — моя единственная возможность выразить свою точку зрения».

Он сказал, что принадлежит к большой группе «левой молодежи», которая считает, что во внешних сношениях одна страна не должна вмешиваться в дела другой. Сказал, что не желает сейчас выражать точку зрения группы на внутренние советские дела.

«Мы в Советском Союзе не привыкли к таким индивидуальным политическим актам, как мой», — заметил он, улыбаясь.

Он добавил, что ни с кем не обсуждал своих планов, чтобы одному отвечать за возможные последствия. На вопрос, каких «последствий» он ожидает, он лишь пожал плечами.

В 10 часов вечера он встал вместе с женщиной и мужчиной, которые примкнули к нему незадолго до этого, и спокойно пошел к расположенной неподалеку станции метро. Один из милиционеров поднял трубку своего телефона. Через несколько минут из машины, которая все время стояла за углом, вылез какой-то блондин в гражданском платье, погрузил в машину оставленные демонстрантом плакаты и влился в поток пешеходов, идущих мимо посольства.

Владимир Батшев

ЖИВАЯ ЛЕГЕНДА¹⁸

— Вон, видишь, сидит? Да нет, а рядом, с книжкой?

— С беломориной?

— Как ты рассмотрел, что он курит? Он действительно курит «Беломор»! Пошли, познакомлю...

— Неудобно.

— Что значит неудобно! — Губанов начал сердиться. — Подумаешь — вождь! Кто его так назвал? Его никто не помнит! — с кем-то спорил Губанов. — Он — вчерашний вождь. А я — вождь сегодня!

Я хмыкнул.

— Угу, Сталин — это Ленин сегодня. А ты, Леня, — Галансков сегодня.

Губанов оценил хохму, засмеялся, и мы пошли знакомиться, наискосок, через весь психодром¹⁹. Через майскую, теплую, чужую нам студенческую мельтешню²⁰.

Чтобы ОН нас заметил сразу, чтобы оценил, что мы не прячемся, не маскируемся, не конспирируем, а идем смело, гордо, наплевав на вся и всех, и на него, бывшего лидера «Маяковки», которую мы, конечно, уважаем, но...

— Привет, Юра! Знакомься, это — Батшев.

— Юрий.

Рука его, сухая и узкая, цепко схватила мою ладонь, и мы всмотрелись друг в друга с вопросом: какое ты «племя молодое, незнакомое» — читал я, «поделись опытом» — верно, читал он.

Был ли уже тогда, весной 1965 года Галансков легендой?

Да. Несомненно.

Во всех рассказах о площади Маяковского фигурировало несколько фамилий.

Обычно в таком порядке: Осипов, Кузнецов, Бокштейн — «они сейчас сидят», гордо заявлял рассказчик, Щукин — «он сейчас стихов не пишет»²¹, Буковский — «вы еще все гордиться знакомством с ним будете» и — Галансков.

— «Человеческий манифест»!

— «Феникс»!

— Он залез на памятник Маяковскому!

— Его поэмы мы знали наизусть!

— Юрий Тимофеевич — это человек!

Когда такие характеристики вы слышите не от одного, а от многих «старых маяковцев» или «фениксовцев» (как их называло предшествующее НАМ литературно-политическое поколение — я даже не знаю, правильно ли я называю *сегодня*, из далекого будущего, когда официально считается, что поэтические поколения делятся иначе, а я рассматриваю здесь не только политическое, но и литературно-диссидентский слой наших, смогистских предшественников — хотя, да, извините, тогда и слова такого «диссиденты» еще не было), особенно от циничного Каплана или изысканного Ковшина, то хочется непременно узнать обладателя их.

Губанов завидовал популярности Галанскова.

Юра повел нас с психодрома через полуподвальную арку во двор, где находился тогда истфак, но и здесь толпились студенты, и мы пошли в глубь корпусов, мимо геологоразведочного и медицинского институтов — куда-то за мокрые коричневые сараи.

Вот странная штука — память! Я удивительно четко помню, что заборы Москвы (тогда их оставалось множество) красили в середине 60-х годов в коричневый, цвета ваксы цвет, но, иногда, когда глаза привыкали и свыкались с ботиночной раскраской, неожиданно все преображалось и заборы дышали ядовитым зеленым оттенком, почти таким же, как стены камер Лефортовской тюрьмы (весной 1966 года — позднее не был, не знаю позднего цвета²²).

Мы шли, и фанаберия слетала, наступала серьезность — по крайней мере на меня! — я ждал серьезных откровений и деловых советов, конкретики вместо болтовни, то есть всего того, что уже тогда отделяло его — деятеля, от нас — поэтов.

— Да, — признавался он, — я давно стихов не пишу.

Он писал статьи — писал их вдумчиво, долго, отдаваясь им как чисто литературному произведению²³.

Семья жила бедно. Однажды я заночевал у него — тоска настолько захлестнула, что домой идти абсолютно не хотелось, и я, толкнувшись к одному-другому приятелю, получив вежливый или не очень — отказ, вдруг залетел в Голутвинский²⁴.

Он показал на большой письменный стол, за которым работал.

Зеленое сукно. Старинные толстые, резные, вычурные ножки. Костяной письменный прибор и две чернильницы, подставка для карандашей, плита с желобами для ручек, стакан для них же, нож для разрезания книг (с такой же, костяной, такого же цвета слонового клыка — ручкой), тупой, разумеется, как все подобные ножи.

Он аккуратно снял прибор со стола. Мы пили чай и ели хлеб с колбасным сыром. Голодному, продрогшему за весь день, еда казалась, как всегда кажется в таких случаях, удивительно вкусной. Потом я читал ему стихи, но слушал он вяло. Морщился. Не хотел обижать, но было видно, что ему не нравится. Он привык к другой образной системе, к другим поэтам.

— Давай спать, — сказал он.

Тут я заметил, что он сильно устал — верно, весь день работал.

Между нами, смогистами, и Галансковым никогда не было той близости, как с Капланом. Никогда я с ним не переступал порога откровенности в разговорах на политические темы. Может, потому, что моим кумиром был тогда Буковский — человек более яркий?

Но я всегда помню его осторожную улыбку и насмешливый взгляд из-под очков.

Елена Пономарева

ПАМЯТИ ЮРИЯ ГАЛАНСКОВА²⁵

Одичалая осень,
К нему ты всех ближе была.
Погребальную песнь
Ты пропела ему, как могла.
Прорыдала в березах,
Вспугнув по крестам воронье.
Ой ты, сын человеческий!
Ой-е-ей! Ох, ты, горе мое!

Простучала поспешно земля
По могиле твоей,
Проводили тебя...
Только взглядом все шесть лагерей.
Даже смерть не вольна
Долгожданной свободы добыть.
Даже смерть здесь должна
Срок оставшийся точно отбыть.
Как душа только терпит!?
Онемела ль она:
Слишком горькая чаша
На помин подана.

15 ноября 1972 г.

Владимир Жильцов

ПОМИНАНИЕ²⁶

Шел дождь,
Монотонный и нудный,
По стеклам оплывшим скользя.
Тебя,
мы узнали с полудня,
Живым больше встретить нельзя.

А мы еще были с тобою,
Махоркой нелепой клубя,
В тот день,
когда с этой землею
Навек разлучило тебя.

Закончились смертные брани.
Как плакал твой названный брат

В угрюмо скорбящем собрание,
Где каждый сидел виноват...

За окнами тени мелькали,
Но мы не тревожились,
нет!
За тех, кто летел мотыльками
На сердце сжигающий свет.

И вечную память подъявши,
Пытаясь себя превозмочь,
За ныне живых и пропавших
Глотали российскую ночь.

Прости.
Мы с тобой попрощались
Бесслезно.
На слезы нет сил...
И сумерки грозно сгущались,
И дождик скользил и скользил.

4 февраля 1973 г.

Михаил Каплан

МОЯ РОССИЙСКАЯ СУДЬБА

Михаил Каплан — в отличие от Юрия Галанскова и Владимира Буковского — после разгрома «Маяковки» не стал правозащитником. Но и — в отличие от других членов группы АМАНЪ — не ушел в частную жизнь. Он продолжал не только писать стихи, но и издавать самиздатские журналы. Именно он первым из «маяковцев» пришел к смогистам и постарался передать им свой опыт.

Сумасшедший, шумный, стремительный... Невозможный баловень потаенной богемы, <...> он звонко комментировал истоки любых начал, светился и возбуждал физиков-теоретиков, концептуальных художников и поэтов, входивших в моду диссидентов и выходивших из нее сексуальных мистиков.

Б.Козлов¹

Л.П. Начнем с вопроса вначале анкетного: кто были твои родители?

М.К. Папа из крестьян (удивительно для еврея). В 39-м году вместе с Западной Белоруссией присоединился к Советскому Со-

юзу. А мама — обычная русская женщина. Тоже коммунистка. В юности комсомолка.

Л.П. Как же они познакомились, если он жил в Белоруссии, а она в Москве?

М.К. Думаю, что мама познакомилась с ним по чьей-то просьбе.

Л.П. Ты хочешь сказать, что она имела отношение к неизвестной организации?

М.К. Думаю — да.

Л.П. А почему твой отец интересовал эту организацию?

М.К. ...Не знаю. Он был каким-то коммунистическим функционером. Может быть, выполнял какие-то поручения московского центра. В ночь с 30 на 31 января 1950 года его арестовали. Мне было тогда семь лет. И я его практически не помню.

Л.П. Семь лет — возраст не бессмысленный. Так уж ничего и не помнишь?

М.К. ...Он очень мало бывал дома. Приходил, ложился спать, а утром уходил на работу. Как я теперь думаю, он делал это намеренно, чтобы поменьше общаться с матерью. Он, по-моему, что-то подозревал. И не любил ни ее, ни меня.

По профессии отец был инженер-строитель (он что-то кончал в Англии, за что ему потом и «пришили» шпионаж), специалист по устройству скверов, дач и прочего. Он часто обустроивал дачи «на югах». Иногда брал меня с собой, но редко. Практически он мною не занимался.

Л.П. Ты помнишь, как его арестовали?

М.К. Пришли ночью. Я проснулся. Меня приподняли, смотрели под подушки. Мать впала в истерику, кричала, а отец погладил меня по голове и совершенно спокойно ушел с какими-то людьми... Они были не злые, эти люди, не кричали... Мать вывела меня на лестницу, и мы смотрели, как его уводили. Я даже не понял, что отца арестовали.

Соседи (мы, естественно, жили в коммунальной квартире) сразу же стали по-другому к нам относиться. Мать была в ступоре, три дня не причесывалась. Опухшее лицо. Слезы. Но потом она, очевидно, дала какие-то показания, которые утяжелили участь отца. Я сужу по тому, что родственники тогда порвали с ней отношения и не поддерживают до сих пор.

Л.П. Через какое-то время ты понял: отец арестован. Ты не задался вопросом: почему? Что он сделал плохого?

М.К. Это был мой отец, и я знал, что он ничего плохого не сделал.

...Я, очевидно, был не слишком развитым ребенком. Не думал о причинах. Но, с другой стороны, у меня не было мысли, что произошла ошибка, я принял это как рок.

А 12 февраля 1951 года арестовали мать. Сначала я был в Москве, на Даниловке (здесь был приемник, специально для детей репрессированных), а потом — на Урале, в Тавде — в обычном детском доме, но там тоже было много детей репрессированных.

Л.П. К ним относились хуже, чем к сиротам, или нет?

М.К. Думаю, дело было не столько в том, что мы были детьми «врагов народа», сколько в том, что мы были москвичи. Чисто быдловское отношение: ели вы на золоте-серебре, а теперь понюхайте, как дерьмо пахнет.

Л.П. Как ты учился?

М.К. Никак. Все, чему там учили, я уже знал. Уроков я практически не делал — это меня в конце концов и погубило: привык к безделью...

Л.П. Ты там с кем-нибудь подружился?

М.К. Нет. Один как перст. Сам себе песенки сочинял. На какую-нибудь мелодию... Как восточный караванщик: что вижу, о том и пою. Ритм как-то сам собой получался, но формы, конечно, никакой не было... Думал о смерти...

Л.П. ???

М.К. Все говорили, что мой отец умер, моя мать умерла, я никогда их больше не увижу. Вот я и думал, что же это такое?

...И еще думал, почему меня в пионеры не принимают. Наверное, я нехороший... То есть не то чтобы совсем нехороший, но какой-то не такой... ближе к нехорошему.

Л.П. То есть, несмотря ни на что, советская идеология каким-то краем в тебе все-таки сидела?

М.К. Конечно, лет до тринадцати-четырнадцати крепко сидела.

Л.П. Ты скучал по прошлому: по родителям, по Москве?

М.К. По ласке... И по Москве, конечно, тоже: снились метро, трамваи, наш двор...

Л.П. Отца расстреляли?

М.К. Да. А мама вышла в 55-м году. Я тогда уже жил у дяди Гриши — фронтового товарища моего отца. (Они друг другу несколько раз жизнь спасали.) После смерти Сталина его жена меня выхлопотала.

Я приехал из детского дома с каким-то жутким заболеванием и ужасно тощий. Они меня лечили, отпаивали козьим молоком, словом, относились ко мне со всей душой. Как я сейчас понимаю, иногда даже в ущерб своим детям. (У них были две девочки: одна — младше меня, а другая — лет на десять старше.) Но я не дружил с их детьми... был по-прежнему кустарем-одиночкой... Все время кусок какого-то твердо-го горя внутри. Я никого не обвинял, — но власть не любил.

...Приехала мать, отсудила комнату в той же квартире, где мы жили раньше... Но никакой близости не получилось. Она была еще

не старая женщина и сразу же занялась своими личными делами. Я же считал, что нужно прежде всего заняться мной. Мне было тринадцать лет, я многого еще не мог понять — и потому был жесток...

Я пытался найти каких-то людей, которые хорошо бы ко мне относились. Тянулся к ним совершенно по-щенячьи. Но как-то никого и не было вокруг.

...Я много читал, хотя и абсолютно беспорядочно (совсем уж дерьма все-таки не читал). «Программных» писателей не любил — школа отвратила. Но вот Блок в школе не преподавался — и я упивался Блоком. Дядя Гриша подарил мне двухтомник Есенина (он тогда только что вышел²) — Есениным, как и Блоком, я буквально зачитывался. Очень любил Лермонтова. Из прозаиков — Зоценко...

Л.П. XX съезд помнишь?

М.К. Помню, конечно. Но никакого впечатления он на меня не произвел. Вся правящая партия — сволочи. Это внутри меня уже давно сидело. Если я и удивился, то только тому, что они сами про себя все рассказали. Они же сами все и творили!.. Противно было, что такое быдло опять нами правит.

Л.П. Даже в самом начале «оттепели» у тебя не было никаких надежд на лучшую жизнь?

М.К. Какие надежды, если уже в 56-м году была Венгрия? Помню, как я услышал по Би-Би-Си: «На сторону венгерских революционеров перешли три советских танка», — и вступила глушилка. Было радостно на душе: молодцы, ребята! Но я же понимал, что три танка перешли на сторону восставших, а остальные тридцать три (наверное, больше) дают венгров. Это было ужасно.

...Все было ужасно. Помню, иду я как-то по своему Хлебному переулку, там бордюр у тротуара был из гранита. А тут как раз появилось не то постановление, не то указ, не то просто Никита Сергеевич грянул какую-то речь о развитии бетонного строительства — и смотрю: выковыривают эти вечные, гранитные бордюры, вставляют бетонные. Меня, пятнадцатилетнего, это просто убило.

Я тогда уже понимал, что коммунизм и фашизм — это одно и то же. И даже коммунизм еще более страшен... И уже тогда у меня не было выбора: я знал, что никогда не стану делать карьеру, потому что для этого надо непременно поступиться своей совестью.

Л.П. А друзья-единомышленники у тебя были?

М.К. Тогда — нет. Хотя я и вернулся в свой класс, но он стал для меня чужим. А через год нас соединили с девочками³ — опять-таки чужой класс... Мы, конечно, иногда собирались (особенно после того, как ввели смешанное обучение), но не для того, чтобы выяснять, кто что думает о советской власти... Патефон (магнитофоны

были тогда еще большой редкостью), пластинки на костях⁴, Лещенко⁵, рок-н-ролл, буги-вуги.

...А потом меня выгнали из школы. За хулиганство. Я и еще двое парней покрасили волосы в рыжий цвет.

Л.П. Что вы хотели этим сказать?

М.К. Тогда шло сокращение армии, и всех полковников-политработников надо было куда-нибудь пристроить. А у нас как раз умер директор, знаменитый Новиков⁶. И на эту должность назначили, как сейчас помню, некоего Докукина. Он преподавал историю и еще что-то. Удивительная была личность! Некоторые его фразы я до сих пор помню: «Первобытные люди охотились на мамонтов через посредство кидания кирпича», «Карл Маркс был немец, а равно и еврей» и т.п. Этот Докукин был страшный бабник. Свои седые волосы он красил в жгучий черный. А мы взяли и покрасились хной. Он понял намек.

...Я пошел работать учеником печатника в типографию издательства «Советский художник» (взяли по знакомству — мне не было еще шестнадцати лет и устроиться на сокращенный рабочий день было трудно⁷) и учиться в школу рабочей молодежи.

Л.П. Шла «оттепельная» жизнь: поэтические вечера, вроде бы официальные, но фрондирующие поэты: Евтушенко, Вознесенский, Рождественский.

М.К. Эти имена меня совершенно не интересовали. А вот когда в 56-м году вышел «День поэзии», и там подборка Пастернака⁸, — это меня убило наповал... Понравилась «Литературная Москва»: Яшин, Паустовский, Казакевич (к Казакевичу расположение осталось на всю жизнь)... Но за что я, действительно, могу сказать спасибо Никите Сергеевичу, так это за то, что при нем открылись многие фонды. В эти годы я прочитал Мандельштама, Цветаеву, Булгакова, в «Историчке» напал на «Русский литературный архив»⁹. Ницше, Шопенгауэр... В библиотеке Музея Маяковского можно было прочитать всю поэзию 20-х годов. И не только поэзию, — я набирал подшивки периодики тех лет.

Л.П. Какие у тебя были планы, когда ты кончил школу?

М.К. Никаких. Но я все-таки поступил в Плехановский¹⁰ (тогда это не было так престижно, как сейчас). По сути, без экзаменов. Я был спортсмен. Поэтому я только заходил в аудиторию, что-то бормотал — неважно что, я знал, что меня все равно возьмут... Но учиться я не стал, даже первого курса не окончил... — в это время я уже вовсю писал стихи, был влюблен... Институт не интересовал меня совершенно.

Л.П. А друзья у тебя так и не появились?

М.К. Когда я кончал школу, у меня уже был друг — Толя Щукин... Толька был обаятельный, но чувствовалось, что у него

что-то расколото внутри. Он тоже тогда уже писал стихи. Причем, если я — исключительно лирику, то Толя уже затрагивал общественные темы. Даже когда мы встречались в какой-то большой компании, мы все равно уединялись и читали друг другу стихи. Как-то хорошо разговаривали. Были и другие люди, но менее близкие.

...Как-то Толя сказал мне, что у него появились новые друзья (он познакомился с ними в «Историчке»), которые читают стихи на «Маяковке» и организывают журнал¹¹. Но меня он долго с ними не знакомил. Я просился, а он: «Потом. Придет время. Давай стихи почитаем». Он, по-моему, меня берег. Я по сравнению с ними был ребенок... Но потом все-таки познакомил с Аполлоном. Я стал у него бывать — и там перезнакомился со всеми.

Мне очень понравился и сам Аполлон — и внешне и своими стихами, и та атмосфера, которая сложилась у него дома. Я раньше ведь всегда был один. Ну, с Толей почитаем мы стихи, а тут столько интересного народа — и со всеми можно серьезно поговорить.

Очень заинтересовал меня Галансков. Он был в то время пацифист. Но сторонник твердой руки. Преклонялся перед де Голлем.

Вызывал уважение Слава С. — задорный, вихрастый, шапка волос на голове. Помню, как он очень аргументированно, с математическими выкладками доказывал, какой вред принесла коллективизация. Если Осипов любил порассуждать о судьбах России, то С. всегда говорил без лишних слов, четко, аргументированно... Впрочем, у Осипова была своя сформировавшаяся точка зрения. Он был монархист.

Л.П. Уже тогда?

М.К. Почему я так думаю: как-то он пытался узнать, что я из себя представляю, как смотрю на будущность России. Я сказал: «Не монархизм, не социализм». — «Не монархизм?!» — переспросил он и потерял ко мне всякий интерес.

Л.П. А славянофильские идеи у него тогда уже были?

М.К. Не замечал... Хотя припомнить можно. Но тогда я это воспринимал как любовь к России.

Очень понравились Витя Хаустов и Эдик Кузнецов — они были как-то похожи друг на друга... Нас всех объединяла, говоря тогдашними словами, борьба против социальной несправедливости.

Л.П. Не просто недовольство, а именно борьба?

М.К. Конечно. Каким способом и как бороться — об этом все разговоры. Хотя лично я считал всякую борьбу бессмысленной: либо само все вымрет, либо... ну, не знаю что. И Аполлон, по-моему, думал так же. Щукин считал, что политикой должны заниматься «политики», а поэтов надо беречь. Среди нас было четыре поэта: Щукин, Каплан, Ковшин и Шухт. (Галансков всегда говорил: «Я не поэт, я политик».) Мы, как ты знаешь, назвали нашу группу АМАВЪ —

Анатолий, Михаил, Аполлон, Владимир. Твердый знак указывал на конец аббревиатуры и, стало быть, на законченность группы — принимать кого-то еще мы не хотели.

Конечно, мы стремились к борьбе, но нас в какой-то степени берегли. Конечно, мы выступали на «Маяковке», конечно, мы тоже принимали участие в издании самиздатских журналов. Но «борцы» занимались чем-то еще, во что они нас не посвящали... Хотя, разумеется, скрыть ничего невозможно, о чем-то мы догадывались... Не думай, что разделение на «политиков» и «поэтов» было таким уж жестким.

Л.П. Я не думаю.

М.К. Журналы «Бумеранг», «Феникс» делали «политики», но печатались-то в них в основном «поэты». Помню эпитафию к «Бумерангу» (он потом почему-то не появился): «Дайте только срок»¹². А ведь в журнале были почти исключительно стихи. Но их содержание как-то соотносилось с этим эпитафием.

...Когда Галансков отбирал материалы для «Феникса», он прежде всего определял их политическую ценность... По Москве тогда ходили стихи Кушнера, — Юра их не взял (потом я в своем журнале напечатал¹³). Хорошие были стихи... Аронзон не напечатал.

...Не знаю, что произошло у Юрки с Горбовским. У Глеба была прекрасная поэма «Квартира № 6» — не напечатал. (Я вытащил — потом напечатал¹⁴.)

Мое самое любимое лирическое стихотворение Галансков переделал на гражданское. У меня было так:

Утро сияет как медное,
Окна штормами жмурятся,
Кто-то выписал мелом
Имя твое на улице.

Солнцем стороны скошены,
День, задыхаясь, встает.
Толстый дядя галошами
Топчет имя твое.

Что делает Юрка? Меняет последние строчки на «Толстые дяди галошами топчут имя твое»... Редактор!

Л.П. Когда делался «Феникс», вы уже знали, что он будет напечатан за границей?

М.К. На это и рассчитывали. Выход к «курьерам» уже был. Помню по крайней мере двух, которые передали Галанскову литературу и, очевидно, деньги — купить машинку, бумагу. Они же могли и увести «Феникс»¹⁵.

Л.П. А здесь вы распространяли сам- и «тамиздат»?

М.К. Конечно. Это было одно из наших главных дел. Мы хотели даже «тамиздатскую» библиотеку создать. Передвижную. Юрка был удивительный человек, у него в голове все время крутились какие-то странные проекты. То он вдруг решал, что мы все должны поместиться и жить в одном доме, и даже не в доме, а где-нибудь в избе. Не в Москве. И обязательно — подземный ход. Длин-н-ный. И там — библиотека.

Л.П. Но библиотека не состоялась. Как вы реально распространяли литературу?

М.К. Не знаешь? Давали знакомым, а те, в свою очередь, своим знакомым.

...И не обязательно самиздат. Помню, как мы распространяли воспоминания Черчилля — четырехтомник¹⁶. По мемуарам Черчилля мы однажды даже семинар устроили... Вообще, мы часто устраивали какие-то семинары на квартирах, бегали и по институтам, на выступления Зиновьева, Померанца... Мне это казалось неинтересным, чем-то напоминало школу. Я любил ходить только на читки стихов. Я ведь уже сказал, что я считал бессмысленным бороться с этой властью. Во всяком случае словом. Надо либо — к стенке, либо ждать пока все эти сволочи умрут.

Л.П. В прямом смысле «к стенке»?

М.К. Конечно. Я был тогда глупый радикальчик. Не понимал, что свято место пусто не бывает: придут новые. Сам я не стремился участвовать в таких действиях, но, если бы мне сказали: пойдешь убей Хрущева или какого-нибудь начальника КГБ, — я бы сделал это с большим чувством удовлетворенности... Молодость!

Л.П. А о том, что на Хрущева готовится покушение, ты что-нибудь слышал?

М.К. Что-то очень туманное... Какие-то разговоры по этому поводу, наверное, были, но, думаю, не более того... Как-то мы с Володькой Буковским (работали тогда кровельщиками в Музее им. Пушкина) сидели на крыше, смотрели на Дворец съездов и размышляли: хорошо бы во время съезда КПСС пустить по системе вентиляции удушающий газ. Думаю, что все «дело» о покушении на Хрущева похоже на этот бредок.

Л.П. Буковский был как раз против террора. У него тогда были другие идеи.

М.К. Да. Помню, он пригласил нас всех в Киевский райком комсомола — «Там будет большая литературная секция. Делайте все, что угодно». Обещал, что там все будет, пользуясь современной терминологией, либерально. Мы посоветовались и пошли... Как-то из этой затеи ничего не вышло.

Л.П. Стихов Володя не писал?

М.К. Писал. У меня до сих пор где-то хранятся его стихи той поры — о России.

Л.П. Почему же он никогда не читал их на «Маяке»?

М.К. Считал, что не это его дело... Володя всегда знал, чего он хочет, и шел к этому по самой прямой дороге. В отличие от Галанскова, который признавал и обходные пути.

Л.П. А что читал на «Маяке» ты? Ведь у тебя были лирические стихи, а там полагалось читать гражданские.

М.К. Во-первых, и у меня были гражданские стихи¹⁷, во-вторых, ты не права: лирику там тоже читали.

Л.П. На «Маяке» было много разных компаний?

М.К. Конечно. Пришла группа ребят из МИФИ: Алик Скуратовский, Леня Прихожан¹⁸, Яша Синий — рижский мальчик, он снимал угол недалеко от «Маяка», в Настасьинском переулке. Поэтому мы у него часто бывали.

Была еще компания Александровского. Он был неплохой поэт, у него не было одного глаза, и он страшно этого стеснялся. Он возглавлял кружок, как сейчас сказали бы, русофильского склада. Там собирались «кухаркины дети» (хоть и нехорошо так говорить). Мы, в нашей компании, конечно, не разбирались, кто из какой семьи, у кого какие родители, но определенные знания, полученные в детстве, какое-то воспитание — все это приветствовалось. А там культивировалось обратное. Выражаясь нынешним языком, это был «заныр» — у Александровского всегда было дикое количество водки. Постоянно приходила милиция... Помню, как Витя Калугин однажды удирал по крышам... Ребят из этой группы мы напечатали, по-моему, в каком-то из номеров «Бумеранга».

...Была группа, в которую входили Юра Стефанов и Володя Ковенацкий. С Володей Буковским пришли Сережа Гражданкин (Володька с ним учился в школе) и Сева Абдулов — сокурсник Сережи Гражданкина по Школе-студии МХАТ. Была группа с Южинского переулка, так называемые сексуальные мистики... Хотя там ни мистики, ни секса не было. Все они вились вокруг Мамлеева.

Потом я от Аполлона часто стал бегать к Мамлееву на Южинский (благо недалеко). Здесь можно было выпить, проговорить всю ночь. Володя Ковенацкий читал там свои стихи, пьесы — удивительно смешные, пел свои песенки, вешал картинки. Тут же рисовал Саша Харитонов — в духе русского Бердслея¹⁹, — таких картинок (он их делал карандашом) я не видел ни на одной выставке. Мы с ним газету выпускали «Вечная женственность», «Великий старец — Максим Горький» и т.п.

Весной 1961 года я, Аполлон и Володька Буковский, дабы спастись от армии, пошли в психдиспансер и признали себя душев-

нобольными, дураки. Консультировал нас Мамлеев (его отец был крупный психиатр).

В психушке я встретил Скуратовского. Он ко мне подошел: «Это не вас я видел на “Маяковке”?» Там же оказался и Саша Казачинский — тоже мальчик с площади Маяковского... Вообще там было много интересных людей.

Л.П. Летом и осенью 61-го, когда шли аресты, ты был уже «на свободе»?

М.К. Да. Но я был отлучен от «Маяковки». В мае я женился на Рубине Аругюнян, а в нее был влюблен Щукин. Ребята сочли, что я поступил аморально: убил музу Щукина — и устроили надо мной товарищеский суд. Шухт, Галансков и кто-то третий вызвали меня к сидячему памятнику Гоголя (он тогда уже был не на бульваре, а в скверике). Я им объясняю: «Я люблю Рубину» — они мне: «Щукин тоже любит». И присудили меня на какое-то время к бойкоту.

...Прожили мы с Рубиной всего три месяца. Виновником своего развода я — незаслуженно — счел одного из моих судей — Галанскова. Я бежал за ним ночью от площади Маяковского, у меня на руку был намотан электрический утюг — хотел убить. Но у Крымского моста мы помирились.

Л.П. Бойкот — бойкотом. Но об арестах ты все-таки, наверное, узнал?

М.К. Конечно. От Володьки Буковского. Я тогда практически жил у него (он не присоединился к бойкоту). Мы писали стихи, играли в преферанс, занимались какими-то парапсихологическими опытами — Володька тогда увлекался ими...

Все были поражены не столько арестами, сколько стукачеством С. Как ни странно, это переживалось больше, чем аресты. Свои ребята — и вдруг кто-то кого-то подводит под монастырь! В молодости такое в голове не укладывается. Ужас! Кошмар!

Л.П. Были какие-то планы наказания С.?

М.К. Зная Буковского, не могу сказать, что таких планов не было. Но они не осуществились. Полагаю, что сначала С. охраняло КГБ, а потом пошли уже другие дела. Сволочь человек — ну и сволочь...

М.К. Думаешь, С. был единственным виновником?

М.К. Конечно, нет. Не исключено, что какую-то неблагоприятную роль сыграл мой однофамилец Эрик Каплан. Кроме того Дима Гладилин — его Володька тоже хотел как-то наказать.

После арестов «Маяковка» практически закончилась. Спонтанно еще приходили какие-то случайные люди, читали Маяковского — «Стихи о советском паспорте», но «Маяковки» уже не было. Потом ее пытались реанимировать смогисты...

Л.П. А ты продолжал какую-то диссидентскую деятельность?

М.К. Я издавал самиздатские журналы. Сделал два номера «Сирены». Первый был почти исключительно из «маяковцев». Стихи Яши Синего, фантастический рассказ Алика Скуратовского о том, как советские бомбардировщики сбросили атомную бомбу на Париж. Мой школьный приятель Виталий Комар по моей просьбе очень интересно проиллюстрировал оба номера — карандашами в восковой технике.

Второй номер — я догадался напечатать: все произведения публикуются без согласия авторов — был уже более серьезный. Там тоже, конечно, были «маяковцы»: Щукин, Ковшин, Шухт, Скуратовский, два рассказа Володьки Буковского, но были и Кушнер, Горбовский, Миша Юпп, Аронзон, Недгар..., какие-то странные прозаики, уж не помню какие и откуда... Толстый получился номер.

Мы сделали четыре экземпляра. Один отправили в Ригу, один — на Украину, один пустили по Москве... Надеялись, конечно, что кто-то перепечатает.

...Потом мы с Валерой Кононенко сделали «Фонарь». Это единственное нелегальное издание тех лет (во всяком случае из известных мне), где были литературоведческие и искусствоведческие работы²⁰. В том числе работа самой Валерки Кононенко о кубизме.

...60-е годы — это время расцвета салонов. Были салоны первого класса, например, у балерины Лепешинской. Я там был один раз. Выступали Окуджава... гитара на бечевочке, Сапгир (он меня, кажется, и привел).

Был удивительный салон мадам Фриде. Там были люди старой закваски, аристократы и совсем зеленая молодежь.

Салон Лены Строевой. Очень хороший, приятный, там не пили, там можно было поговорить. И там часто читали вслух. Сама Лена, помню, читала «Войну и мир».

...Ходили к вдове Фалька²¹... Совершенно удивительные работы... Появились и меценаты: Костаки²², Леня Галочкин, Аида²³ что-то покупала. Знаешь, сколько стоило заказать Саше Харитонову свой портрет? Рублей тридцать... Шли выставки по кафе. Помню, в 65-м году в «Синей птице» на улице Медведева выставлялся Боря Козлов, кто-то еще...²⁴

Потом вернулся Володька из Ленинграда²⁵, мы снова задружились. И вот как-то сажу я у него, а он мне говорит: «По моим сведениям, есть группа молодых людей — “СМОГ”. Надо им помочь. Прошу тебя, Миша, это сделать». (Дело в том, что я четыре года работал пионервожатым, Володька приезжал ко мне в лагерь и видел, как я работаю с детьми. Он называл меня «наш Аксман²⁶»). В это время в другой комнате проснулся Мамлеев, который был похмелен и тоже направлен на усиление СМОГа.

Приехали мы в квартиру Лени Губанова... Кто-то сидит, печатает на машинке почасовой план взятия Кремля: 12 ч. 10 мин. — Спасские ворота, 12 ч. 15 мин. — Боровицкие... (По-моему, это Бат²⁷ печатал). На стене висит афиша: в такой-то библиотеке читают стихи смогисты. (Это выступление уже состоялось²⁸.)

...Помню там были, кроме самого Губанова и Батшева, Пахомов, Сережа Морозов, Алейников... кто-то еще. Они дали мне почитать стихи свои и некой Юлии Вишневской, которые мне понравились, пожалуй, больше всех, кроме разве что Алейникова.

Поговорили: как да что, как будем им помогать. Рассказали, как мы организовывали чтения на «Маяке». Нас с Мамлеевым кооптировали в заместители председателя СМОГа.

Дальше я вместе с Батом стал делать журнал «Сфинксы». Бат умел доставать и вытягивать рукописи. «Сфинксы» — на восемьдесят процентов его заслуга. Но и я кое-что подкинул из оставшегося от «Сирены» и «Фонаря».

Сделали мы и второй номер (вместе с макетом) и отдали его Юрке Галанскову, чтобы он прошелся рукою мастера. А тут вскоре вышел из лагеря Алик Гинзбург²⁹, у Юрки с ним затеялось что-то свое, а с «Сфинксами» как-то застопорилось. Я сказал: «Юра, если ты не будешь делать второй номер «Сфинксов», отдай, пожалуйста, портфель, — мы сами сделаем». — «А Алик уже переплавил на Запад». ...Потом я увидел наших «Сфинксов» в «Гранях», даже макет был сохранен.

...Больше я журналов не издавал и не пытался этого делать... Пару раз я был на «Маяке», когда там читали смогисты, помню, как один раз дружинники схватили Бата — и он кричал: «Русские люди! Поэта ведут! Что же вы, вашу мать...»

Л.П. Ты одинаково хорошо знал и «маяковцев» и смогистов. Чем, по-твоему, одни отличались от других? В основном. Как сказали бы сейчас, в чем разница менталитетов?

М.К. Разница существенная. СМОГ — это прежде всего литературная группа. Из политических моментов они интересовались только свободой творчества.

Л.П. Да. Из смогистов вышли крупные поэты — Губанов, Кублановский, прозаик Саша Соколов, публицист Юля Вишневская. «Маяковцы» же не дали таких крупных литературных имен. Но я — о другом: «маяковцы», как и все наше поколение, — это самые молодые, самые последние шестидесятники. На нас-то, по-моему, шестидесятичество и кончилось. Смогисты, будучи всего несколькими годами моложе нас, были уже «апофигистами»³⁰, во всяком случае в социально-нравственном плане. Ты так не считаешь?

М.К. Конечно. Глобальные вопросы их, по-моему, совершенно не занимали. Нами правят сволочи — и все тут... Они были «повернуты» на Запад: безумное преклонение перед «битлами», вообще перед современной западной музыкой... И они были гораздо циничнее. Мне, например, никогда не приходила в голову мысль: любыми путями надо пролезть в официальную литературу. А у них это уже сидело в голове. Особенно у Бата... Да и у других.

Л.П. А взаимоотношения среди них...

М.К. ...были совсем не такими, как у нас. Мы как-то шире понимали друг друга, у нас была даже какая-то общинность. СМОГ же был организацией, но не общиной.

Л.П. У нас не было грани между личной жизнью и общественной деятельностью.

М.К. Конечно. Я же тебе рассказывал про суд надо мной. А у них моральным обликом друг друга никто не интересовался — это считалось неприличным... Если хочешь, мы были религиознее. Разумеется, не в смысле принадлежности к каким-то конфессиям, а в чисто нравственном.

Л.П. У «маяковцев» были любовные стихи, но я что-то не помню стихов эротических.

М.К. Их и не было. Мне не хочется брюзжать по-стариковски, но смогисты ко всему относились по-другому. Мы любили женщин, они — «трахались»... Они были гораздо более раскрепощенные. Когда я познакомился со смогистами, меня это сразу удивило, но поначалу я подумал: они все в основном с Кутузовского проспекта, то есть дети высокопоставленных родителей. Но потом я понял, что не в этом дело... Просто время уже было другое. Я их не обвиняю.

Зато они были намного образованнее нас. Многие из них довольно свободно читали по-английски. Знали имена, которые мы вытягивали из каких-то примечаний³¹, из воспоминаний Эренбурга «Люди, годы, жизнь».

Л.П. А с кругом московских правозащитников ты был как-то связан?

М.К. «Связан» я с ними не был. Я их видел — в основном у Нины Ивановны³². Я с ними разговаривал, выпивал... Себя я никогда к диссидентам не причислял. Я просто считал, что власть эта — не моя власть, государство — не мое государство, и если мои друзья попадут в беду, я постараюсь им помочь...

В 67-м году я должен был идти свидетелем по процессу Володьки Буковского³³. Я приходил в ГБ практически каждый день в течение месяца — и всегда пьяный. До суда меня не довели, поскольку я был, очевидно, не тот свидетель, который им требовался. Но потеряли меня изрядно.

...До 72-го я был забит своим... не лечением (меня, слава Богу, почти не лечили), а тем, что меня регулярно (минимум три раза в год) помещали в больницу... Ужасно это было... Постоянный контроль, постоянно приходят домой, беседуют... Я, правда, беседовать с гэбэшниками отказывался, они разговаривали в основном с мамой. Она письменно просила ГБ наставить меня на путь истинный.

Последний раз меня взяли в больницу во время суда над Володькой³⁴. Когда я вышел, Нина Ивановна сказала мне: «Миша, уезжай. Иначе или сопьешься, или сломаешься». Но я тогда не одобрял отъезды. Ради детей — это я еще мог понять, а так... если ты считаешь себя носителем русской культуры...

С 1973 года меня перестали брать в больницы, но регулярно вызывали, регулярно приходили... Вызывают, допустим, в прокуратуру — а там сидит гэбэшник: «Что вы делали такого-то числа такого-то месяца?»

...Происходят в Москве какие-то события, к которым я никакого отношения не имел, например «бульдозерная выставка»³⁵, обязательно вызывают.

...Потом стали подталкивать уезжать. Тогда я перестал являться во все эти прокуратуры, военкоматы и прочее. (Один раз вызвали даже в районную поликлинику, якобы по поводу снимка, — а там сидит человек в белом халате, который имеет к медицине такое же отношение, как я.) Но от меня не отвязывались — приходили, звонили: «Не надумали еще, Михаил Михайлович, уехать?»

...Пару раз, перед Олимпиадой³⁶, меня на улице побили — думали, скорее уеду.

Была у ГБ идея заставить меня написать нечто вроде мемуаров, разумеется, с соответствующих позиций. Подкатывались они ко мне с этим даже году в 84-м — 85-м, уже при Горбачеве. Забрали меня наглым образом, привезли в особнячок напротив Дома звукозаписи — угол Садовой и Качалова. И опять давай приставать: «Напишите». Надо бы просто отказаться с ними разговаривать, а я сдуру спросил: «О чем я могу написать? Чего вы хотите?» — «Напишите о психической ненормальности Владимира Константиновича Буковского. Он ненормально относится к матери. И мать к нему. Заметили?» — «Нет, не заметил. Кроме того, я не умею писать». — «Об этом не беспокойтесь, наши товарищи вам помогут... Они ездили за границу, встречались с деятелями НТС, так что книга будет объективная, документ эпохи. Вы должны помочь...» И т.д. Намекали, что один из тех, кто должен был бы мне «помочь», — знаменитый журналист Колосов³⁷.

...Все время мне не давали работать. Устроюсь, допустим, библиографом, на шестьдесят пять рублей, — через три дня мне говорят:

«Михаил Михайлович, должность сокращается»... Потом я нашел способ зарабатывать. Помогал московской мафии.

Л.П. ???

М.К. Они очень любили западные детективы, которые тогда здесь не издавались. А поскольку иностранных языков они не знали, частным образом заказывали переводы всех этих Чейзов и прочих. Мой знакомый переводчик переводил прямо на машинку, а я правил. Платили за это, как ты понимаешь, очень неплохо.

Началась перестройка — появились официальные переводы — дело заглохло. А жить-то как-то надо. Решил пойти в диспансер и восстановить инвалидность. (Это был уже 87-й год.) Я-то думал, что мне там обрадуются — раньше-то ведь силком приводили. А мне говорят: «Газеты читаете? Вялотекущая шизофрения теперь болезнью не считается. Вы здоровый человек». Так я и остался без социального статуса... Но и милиция больше не приходит, телефон нормально работает... так что я особенно не жуюсь...

В Париже вышла моя книжка³⁸. Она была здесь на международной книжной ярмарке и на выставке «Другое искусство»³⁹.

В общем, с началом эры Горбачева я стал нормальным человеком. Живу своей жизнью. Никто не лезет. А как живу?... Как уж получится.

Стихи, звучавшие на площади

Михаил Каплан

* * *

И тени нет. И нет столба...
Видать, она боится света,
Моя российская судьба,
Моя московская примета.

Но что же делать?
Выпить, спеть
И разом бросить все печали?
А может, выйти посмотреть,
О чем всю ночь грачи кричали?

ЗОЛОТАЯ ЧЕРЕПАШКА

Я не бегал по соломе,
Не ловил я бабочек.
Каждый вечер в полудреме
Мне шептала бабушка:

«Мысли ужасом не пачкай,
А не то рассердится
Золотая черепашка,
Розовое сердце».

Я тянулся к облакам,
Увлекался кодами,
Бил девчонок по рукам,
Расплетал им косы.

И почти не веря в сказки,
Крикнул силой меряться
Золотую черепашку —
Розовое сердце.

Черепашка не пришла,
Значит, сказки — липа.
И дорога привела
На распутье линий.

Что ни сделаю — все баста!
Счастье в третьей серии...
Золотая черепашка —
Розовое сердце.

Владимир Батшев

ОНИ ПЕРЕДАЛИ НАМ СВОЙ ОПЫТ

Владимир Батшев — один из тех, кто попытался возродить площадь через несколько лет после ее разгрома. Нельзя сказать, что попытка была очень удачной. Во всяком случае, по размаху, по продолжительности существования «новая» оказалась несопоставима со «старой». Но сама попытка симптоматична — наверное, та, оттепельная «Маяковка» все-таки чего-то стоила. Наверное, кому-то ее очень не хватало.

В детстве я жил на 1-й Брестской — это улица между Белорусским вокзалом и площадью Маяковского. И вот однажды, в 60-м году, мне тогда было тринадцать лет, подхожу я к «Маяковке» — а там стихи читают. Я был потрясен. Не официальные поэты, а просто пишущие люди читают свои стихи на площади! Что они читали — не помню, но сам факт был так необычен, что запомнился мне надолго.

К сожалению, я тогда не понял, что чтения эти происходят регулярно, и не был на площади больше года — до 14 апреля 1961 года. 12-го полетел в космос Гагарин, и в Планетарии, где работала моя мама, намечалось по этому поводу какое-то интересное меро-

приятие. Я шел к маме в Планетарий — смотрю: на площади опять читают стихи. Но все было не так, как в прошлый раз. Тогда одни читали — другие спокойно слушали. А теперь толпу разгоняли, читающих хватили, заталкивали в машины и куда-то увозили. (Как я узнал через несколько лет, в тот день схватили Осипова и Щукина.) Я совершенно не понимал: в чем дело, почему разгоняют? Как же можно поэтов разгонять? Они же у памятника Маяковскому стихи читают, не по карманам же шарят! Помню ощущение страшной несправедливости и обиды за этих, еще совершенно не знакомых мне людей.

Вскоре мы переехали в Измайлово, и я уже больше никогда не видел старую «Маяковку».

...В начале 1965 года, когда уже был создан СМОГ и мы выступали повсюду: в Театре на Таганке, в Литинституте, в редакции журнала «Юность» — где только не выступали, Москва была буквально взята смогистами, — я как-то сказал Губанову: «Почему мы все в залах читаем? Давай устроим выступление на площади. В свое время люди читали на площади Маяковского — я это с детства помню, давай и мы будем там читать».

Он отнесся к этой идеи без энтузиазма: «Кто там ходит, кто там услышит?!» «Да что ты?! — говорю. — Там три театра: “Современник”, Моссовета и Сатиры, концертный зал, кинотеатр “Москва”. Вечером, когда оттуда пойдет народ, и начнем...»

Но дело было не в этом. Губанову просто не хотелось читать на площади, он был камерный поэт, боялся площади. И он с нами не пошел, а мы, человек десять смогистов, пошли и провели выступление. Народу собралось много, мы читали очень политизированные стихи, но все прошло тихо, спокойно, никаких дружинников, никто нас не трогал. А мы говорили, что мы — молодые гении, приглашали на наше ближайшее выступление в библиотеке на Беговой¹.

На площади к нам подошел какой-то парень нашего возраста и сказал, что он тоже пишет стихи. «Ну почитай, послушаем, что это такое». Он что-то прочитал. «Годится? Возьмем его в СМОГ?» — «Возьмем!». Мы дали ему адрес и телефон Губанова и сказали прийти завтра. Он пришел, и мы приняли его в СМОГ. Это был Саша Соколов.

В марте мы делали наш первый сборник — «Чу!» И примерно тогда же «Авангард», более толстый, с большим количеством авторов, но и там и там были только стихи. А хотелось сделать настоящий журнал, с прозой, со статьями. ... И как раз в это время Губанов привел Каплана. (Их, кажется, Алена Басилова познакомила².) И вот Каплан показал мне «Феникс», «Коктейль», «Сирену» и рассказал, как их выпускали. Каплан научил нас, как листом картона обнять машинописные, в полстранички, листочки, пробить гвоздем две дырки, скрепкой соединить, заклеить корешок, сверху сделать

суперобложку — довольно красиво получалось. Он отдал мне весь свой архив, все, что у него осталось, что не вошло ни в «Феникс», ни в его журналы, и мы стали выпускать «Сфинксы». (Лично я видел около ста экземпляров.) До этого были альманахи, а «Сфинксы» были задуманы как регулярное издание. Там был представлен весь спектр независимого андеграунда: и СМОГ и старая «Маяковка» (то, что дал Каплан, новые стихи Ковшина, стихи Стефанова), неопубликованные стихи официальных поэтов: Слуцкого, Самойлова, Галича (на первой странице сообщалось, что все произведения печатаются без согласия авторов).

Каплан много рассказывал про старую «Маяковку», про то, какие выдающиеся личности там были: сейчас кто-то в армии (Щукин), кто-то сидит (Кузнецов, Осипов, Бокштейн), кто-то уже вышел (Буковский), а Галансков все время в Москве, все время предпринимает какие-то политические акции, вроде демонстрации у американского посольства.

...Прихожу я как-то к Губанову, он читает Мариенгофа³ «Роман без вранья», а там рассказывается, как имажинисты в 19-м году устроили демонстрацию в защиту левого искусства. «Надо бы и нам устроить», — говорит Ленька. «Гениальная мысль» — я сел, набросал текст листовки: «Монархи правого старья хотят задушить СМОГ, новую молодую поросль, зеленую траву... новое искусство, которое уже заставило о себе говорить...» Губанов что-то подправил, и мы тут же стали печатать. Весь март печатали, больше тысячи сделали, расклеивали их в университете, в институтах, в учреждениях, в почтовые ящики разбрасывали.

Мы решили провести демонстрацию 14 апреля — продолжить традицию старой «Маяковки» отмечать день смерти «агитатора, горлана-главаря». Начать ее на площади Маяковского, пройти с плакатами до ЦДЛ, там вручить Союзу писателей петицию, где мы требовали, чтобы нас признали самостоятельным творческим союзом молодежи, дали помещение и свой печатный орган. Мы, конечно, понимали, что ничего нам не дадут, но надо было заявить о себе.

Накануне Губанов нервничал, смотрел на бумажку с текстом будущих лозунгов, что-то шептал.

— Надо позвонить иностранным корреспондентам, — вдруг сказал он. — Иначе о демонстрации никто не узнает.

— Ты знаешь английский язык? — поинтересовался я у Толи Калашникова — он считался у нас полиглотом.

— Знаю.

— Сможешь сказать по-английски: «Приходите на площадь Маяковского, где будет происходить литературная демонстрация общества «СМОГ»?»

Он пошевелил губами.

— Смогу.

— Тогда позвони в американское посольство...

— А какой телефон?

Телефон нашли у кого-то в записной книжке.

— А кому сказать?

— Пресс-атташе. Неважно, как его зовут! Скажи — и все.

— Да у них все телефоны, наверно, прослушиваются!

— А ты позвони утром, перед демонстрацией... Из телефона-автомата...

...Утром приехали Урусов и Янкелевич. Мы сели за машинку сочинять Программу СМОГа и петицию в адрес Союза писателей. Тогда-то Урусов и вписал знаменитое «сумеречное состояние души», над которым всю издевался в своем фельетоне некто Лиходеев⁴.

В петиции от СП требовалось (всего-то!):

1. Признать СМОГ самостоятельной творческой организацией молодых писателей вне СП СССР.

2. Предоставить СМОГу помещение для собраний и выступлений.

— Пора ехать, — сказал Марк⁵.

Мы взяли лозунги, засунули их под плащи и куртки и поехали на «Маяковку».

У памятника уже толпились люди, привлеченные нашей рекламой.

Наши знакомые — помню Наташу Гончарову — тонкую, улыбающуюся, страшно красивую! — кто в нее не был влюблен?! — братьев Разумовских, Лику Новолаеву, Аню Данцигер (будущего автора популярных песен Анну Саед-Шах), наших было мало — ни Алейникова, ни Губанова.

Мы ждали их минут пятнадцать, а люди все подходили — <...> Миша Панов (в будущем он женится на дочери Черненко), Толя Калашников, мой кореш Саша Васютков, Реброва, <...> Валерий Кононенко, а Губанова и Алейникова так и не было.

— Надо начинать, — подтолкнул меня к памятнику Урусов. — Народ собрался.

— Ты позвонил в посольство? — спросил я у Калашникова.

— Позвонил, — кивнул он.

Губанова не было. Алейникова не было. Да и понятно — он же отбывал пятнадцать суток за пивной бар!

Но Губанов-то! Губанов...

Я залез на постамент и стал говорить речь.

Не помню точно про что, но Васютков мне напомнил (1988 год), что я говорил так: «Чтобы нас не убили, как Маяковского, идем к Дому литераторов и предъявим писателям петицию».

Не помню.

Я говорил без бумажки, экспромтом.

Реброва утверждает, что я еще читал стихи.<...>

Потом рядом со мной оказался Калашников, я вынул из-под плаща плакат и дал ему.

Плакат был: «ОТОРВЕМ ОТ СТАЛИНСКОГО МУНДИРА ПУГОВИЦЫ ИДЕЙ И ТЕМ!»

Толя повесил его на шею — как на картинке «Ищу работу!» — и пошел рядом.

Урусов и Янкелевич развернули свой плакат: «БУДЕМ ХОДИТЬ БОСЫМИ И ГОРЯЧИМИ!»

Остальные плакаты несли другие смогисты.

Когда мы шли мимо «Пекина», я подсчитал, сколько нас — оказалось мало, двенадцать человек, а обещали быть ВСЕ.

Но я надеялся, что подойдет по пути, позже (всегда хочется думать о людях лучше)...

Вокруг нас шли человек сорок-пятьдесят наших знакомых и «малых шефов» — так придумал называть их Губанов — тех людей, что держали салоны, устраивали вечера смогистов, помогали.

Человек двести было студентов — университета, пединститута, других вузов (я знал многих).

Но пока мы шли по Садовой (по правой стороне улицы, почему-то не смогли пойти по проезжей части), сквозь толпу вокруг нас стали просачиваться спортивные пареньки со сжатыми челюстями и крепкими кулаками.

Неожиданно они набросились на Урусова и Янкелевича и вырвали у них лозунг.

— Вперед! Не останавливаться! — закричал я. — Не поддавайтесь на провокацию!

На гэбушников зашумели студенты, те несколько десятков метров не проявляли активности, но когда Васютков повесил себе на шею плакат: «РУСЬ, ТЫ ВСЯ ПОЦЕЛУЙ НА МОРОЗЕ!» — то снова накинулись на него.

Саша оттолкнул одного, спрятался за спину Урусова, студенты завопили, образовалась чуть ли не свалка, Васютков прикрывал свой плакат руками, мы шли вперед...

У Филатовской больницы гэбушники снова набросились на несущих плакаты, как по команде. Были изорваны все лозунги.

Но я знал, что Янкелевич еще не выгацил крамольного лозунга «ЛИШИМ СОЦИАЛИЗМ ДЕВСТВЕННОСТИ!», он его, видно, берег для Дома литераторов.

Мы подошли к переходу у улицы Качалова.

— Дальше! Дальше идем! Там перейдем! — раздались крики.

Кричали не наши, чужие, мы стали кричать, что перейдем здесь, но нас заглушали криками, и часть толпы, уведенная стукачами, пошла дальше, а мы начали переход.

Перейдя улицу, я посмотрел назад — людей стало еще меньше.

Кто испугался, кто отстал — я видел, как они спокойно шли по тротуару, смеялись, переговаривались, не принимая происходящего всерьез...

Куда идти дальше — на Воровского в Союз писателей или на Герцена к Дому литераторов, в здании которого находилась Московская писательская организация?

— В Союз, в Союз! — закричали опять в толпе.

И еще часть людей пошла на Воровского.

— К Дому литераторов! — кричал Михаил Панов, и мы пошли туда, нас уже нес поток, и краем глаза я видел, как два гэбушника набросились на Васюткова и сорвали у него с груди плакат.

Но еще один плакат оставался у Марка, я помнил, а у меня была петиция и программа СМОГа, которые мы должны были обязательно вручить советским писателям.

Вокруг меня шли уже пятеро гэбушников, и я понимал, что мне не уйти безнаказанно, как две недели назад.

Арабы выглядывали из своего посольства — потому что мы запрудили улицу и троллейбус встал в горле Герцена, как кость, и арабы подумали, что пришли громить их, но нет — оказалось, что соседей напротив.

Мы остановились у Дома литераторов.

Я огласил петицию.

Раздались аплодисменты.

На секунду показалось, что обойдется, ничего не будет, что я спокойно доеду до дома...

Я понес петицию в Дом литераторов.

В дверях столкнулся с поэтом Виктором Уриным.

— Виктор Аркадьевич! — сказал ему. — Вот петиция... Московской писательской организации... Передайте! Вы же меня знаете!

Урин что-то ответил, взял петицию, пошел в кулуары...

Я вышел на улицу.

Я еще успел что-то сказать, как сильным толчком меня сбили со ступенек и стали заламывать руки.

Неизвестно откуда появился Володя Морозов — здоровый высокий парень из литобъединения при Нефтяном институте.

Он ударом кулака опрокинул гэбушника, не ожидавшего этого, и крикнул мне: — Беги, Володя!

Я рванулся в сторону Садовой, но на меня снова набросились, потащили к машине, втолкнули в нее, я видел, как Урусов пытается

открыть заднюю дверь, но его отшвыривают, машина резко взяла с места, меня прижали к сиденью, я не пытался вырваться — бесполезно.

...Сначала привезли в одно отделение милиции, потом в другое, наконец — в третье, почему-то на улице Гриневец, недалеко от Музея изобразительных искусств. На другой день в суде за пять минут мне вклеили 5 суток исправработ. Вероятно, так мало я получил по малолетству — мне еще не исполнилось восемнадцати лет.

Через несколько месяцев в Кодексе появилась ст. 190-3, согласно которой запрещались чтения на улицах и площадях⁶. Мы, однако, еще раз — 28 сентября — выступили на площади Маяковского (10 сентября уже посадили Синявского и Даниэля). Меня тогда крупно избили, и мы решили больше не выступать.

...Так закончилась вторая, смогистская «Маяковка». Но дружба с «маяковцами» продолжалась. Каплан познакомил меня практически со всеми оставшимися на свободе персонажами старого «Маяка»: Щукиным, Галансковым, Ковшиным, а чуть позже с Буковским и Мамлеевым.

По отношению к нам они все вели себя как мэтры — что страшно бесило Губанова, он говорил: «Все они живые покойники, живые памятники, отстали от жизни, не понимают, что сейчас делается». Тем не менее именно благодаря их влиянию СМОГ перестал быть тем СМОГОм, которым он был до весны 1965 года, — чисто эстетическим союзом. Конечно, оставались и сторонники принципа искусства ради искусства, но многие, и я в том числе, отстаивали гражданскую поэзию, звали на улицы, на площади, к массам, к занятию не только искусством, но и политикой. (Позже многие смогисты стали диссидентами⁷.)

«Маяковцы» передали нам не только свой опыт публичных выступлений, опыт самиздата, но, главное, опыт поведения, общения, опыт толерантности и, не побоюсь этих слов, — опыт гражданского мужества.

28 сентября 1965 года «Маяковка» кончилась. На этот раз навсегда. Через два с небольшим месяца — 5 декабря 1965 года — на площади Пушкина состоялась первая правозащитная демонстрация. В ее подготовке участвовали и «старые маяковцы» Ю.Галансков, В.Буковский, и смогисты В.Батшев, Ю.Вишневская... В этот день на площадь — теперь уже Пушкинскую — пришли Аполлон Шухт, Всеволод Абдулов, Алена Басилова, Леонид Губанов, автор этих строк и многие другие, чьи имена встречались на предыдущих страницах. То, что происходило на площади Пушкина, было уже не «предчувствием», не «предтечей», а началом осознанного и организованного правозащитного движения, — но тут я кладу свое перо — моя летопись окончена.

Андрей Зорин

СЕКТА ПЯТИДЕСЯТНИКОВ

Сегодняшний день русской культуры — идеальное время для подведения итогов. Какие бы катастрофы ни ждали нас впереди, — даже весной 1996 года, когда пишутся эти строки, ясно: никакой коммунистический реванш уже не вернет нас в прошлое. Дороги назад нет ни политику, ни правозащитнику, ни поэту, ни обывателю. События осени 1991 — зимы 1992 годов провели по ткани российской жизни столь резкую разделительную черту, что вся советская эпоха с ее политическим, бытовым и языковым реквизитом сразу же отодвинулась куда-то в прошлое, на глазах покрывающееся замораживающей патиной истории. Наступило время археологов и собирателей, авторов энциклопедий и составителей антологий, сборников мемуаров и документов.

Впрочем, материалы, включенные в книгу, отделены от сегодняшнего читателя не только недавней революцией, но тем сдвигом общественного сознания, который произошел на рубеже 60-х — 70-х годов. Уже для автора этих строк, родившегося через двадцать дней после XX съезда и начинавшего сознательную жизнь после 1968 года, собранные здесь документы — преданья старины глубокой. Причем описанные здесь события, уже недоступные актуальному переживанию современника, в то же время лишены того обаяния экзотики, которое сообщает факту историческая дистанция. В известном смысле советская история послесталинского периода сегодня доступна нашему восприятию куда в меньшей степени, чем дворянская эпоха или даже время Большого террора, для которых худо-бедно, но уже наработаны механизмы исторического понимания. Эти годы как бы висят в мертвой зоне общественного интереса. Между тем сегодня еще не поздно вспомнить. Потом, когда за изучение этого парадоксального и драматического времени возьмутся коллективы историков, уже никого и ничего не останется.

В романе Милана Кундеры «Бессмертие» один персонаж, стареющий женолюб, заводит интрижку со студенткой из Австралии, которая рассказывает ему, что изучает семиотику искусства в Цюрихе, а в свое время зарабатывала на жизнь в Австралии, танцуя топлесс в ночном клубе. «Все это было интересно, но в то же время казалось ему чужим и непонятным, — комментирует автор реакцию героя, — почему она танцевала топлесс в Австралии? почему она

изучает семиотику искусства в Швейцарии? и вообще, что такое семиотика?» Не то чтобы все эти вопросы были так сложны сами по себе, но кундеровский персонаж чувствует, что утратил бессознательное, почти биологическое ощущение понятности окружающего мира, дающееся чувством укорененности в нем. Барьер между поколениями вдруг становится непреодолимым, и начинающимся отношениям не суждено продлиться.

Читая «Площадь Маяковского», вопросами подобного рода задаешься бесконечно. Зачем столько людей с таким постоянством собирались слушать довольно невнятные стихи? Чего именно они все-таки хотели от власти? И вообще, при чем тут Маяковский? Трудно вообразить себе, что в этом странном ритуале участвовали хорошо знакомые и во всяком случае социально близкие люди, в сущности, наши старшие братья и сестры. Возможно, время для подлинного исторического анализа всех этих событий еще не наступило, но чтобы судить о них хоть с какой-то степенью осмысленности, историческая дистанция должна быть отрефлектирована.

Насколько трудна такая рефлексия, видно из многих публикуемых воспоминаний. В особенности именно из тех, авторы которых пытаются отделить себя от рассматриваемых событий, взглянуть на них глазами человека, умудренного ходом времени. Из всех участников книги, не исключая даже авторов приведенных публикаций из официальной печати, с наибольшим пренебрежением говорит о встречах у памятника Н.Котрелев. Автор книги даже считает необходимым вступить с ним в полемику и не без почтительного раздражения напомнить, что каждому свое: одному место в архиве, а другому — на площади. Между тем суть спора, кажется, лежит в несколько иной плоскости. «Я занимался тогда письмами Лозинского к Дживелегову», — с еще не остывшей гордостью противопоставляет себя мемуарист диковатым авторам «Феникса» и «Бумеранга». Перед нами драгоценный в своей простодушии отзвук давно забытых споров между сторонниками противостояния режиму и ревнителями культурного возрождения, считавшими, что на фоне великих теней разница между советским и антисоветским, в сущности, не так велика. Н.Котрелев еще полностью во власти этой изматывающей дискуссии, этого счета, позднее выставленного «промотавшимся» отцам, и считает нужным оправдываться в том, что бывал на «Маяковке», доказывать, что возненавидел коммунизм раньше, чем Буковский, и с уже, кажется, ничем не мотивированным ожесточением обвинять своих былых собеседников в «тупости, пошлости, запредельной бездарности».

Между тем, как написал в одном своем позднейшем сочинении автор стихотворения «Коммунисты, вперед!», — «перегорело все и

перетлело», и, в этой перспективе, между письмами Лозинского к Дживелегову и, скажем, стихами Аполлона Шухта нет решительно никакой разницы. И то и другое — в равной степени документы отшумевших эпох, интересные только для того, кто соответствующими эпохами занимается. Спорить давно уже не о чем.

Еще один любопытный пример. Сегодняшнему читателю, маломальски интересующемуся недавней историей, собрания у памятника Маяковского известны преимущественно по книге В.Буковского «И возвращается ветер...». Эти исключительной силы воспоминания отчетливо ориентированы на хорошо известный жанровый образец романа о несгибаемом борце, заданный позднеромантической радикальной прозой XIX века, в свою очередь, модифицировавшей житийный канон. Для читателей, переживших советскую эпоху, эта литература была безнадежно скомпрометирована давящей традицией соцреалистического монументализма, которую открыла не вовсе бездарная «Как закалялась сталь». Автобиографический персонаж Буковского и стал диссидентским Оводом или Павкой Корчагиным. До какой степени жива и продуктивна эта модель и с каким литературным блеском она воспроизведена Буковским, автор этих строк смог убедиться, когда «И возвращается ветер...» читал его собственный сын, для которого героическая эпопея правозащитного движения, в общем-то, звук пустой.

Однако в жанровой структуре воспоминаний Буковского всякое событие обретает свой смысл только в ретроспективе, как этап большого пути. Соответственно, чтения у памятника оказываются звеном в предыстории диссидентства, стихийным протестом, умело направленным в нужное русло твердой рукой политического организатора. Стихи становятся здесь как бы ранней, еще незрелой формой общественного противостояния. Интересно, что в недавно опубликованных в журнале «Новое литературное обозрение» воспоминаниях Льва Лосева о подпольных ленинградских поэтах того же времени мы видим противоположный способ интерпретации. Лосев усматривает в лозунге «Свободу Венгрии!», вынесенном на индивидуальную демонстрацию поэтом Михаилом Красильниковым, сугубо эстетическое неприятие тупости и безобразия советского официоза (НЛО. № 14. С.212).

В этих двух полярных трактовках отчетливо заметно свершившееся уже в 70-е годы раздвоение противостоящей режиму среды на артистический андеграунд и диссидентское движение. Неминуемый тактический союз этих миров против общего врага не мог замаскировать взаимные подозрительность и отчужденность. Диссиденты глядели на «художников» как на безответственную богему, с эгоистической беспечностью проматывающую свободы, нажитые чужими сроками, те же в ответ считали своих квазисобратьев унылыми

догматиками, бессмысленно жующими надоевшую жвачку о преступлениях КГБ. Отсюда в одной перспективе лозунг «Свободу Венгрии!» оказывается своего рода перфомансом, а в другой — чтение стихов оборачивается политической демонстрацией. По-видимому, и то и другое совершенно верно.

Надо сказать, что по многочисленным свидетельствам мемуаристов, зафиксированным в книге, участники маяковских сборищ уже различали в своей среде «политиков». И все же отделить в происходившем эстетическое от политического невозможно. Самый ритуал чтений — с драками с «агаджановцами», выводом читающих с площади, привлечением внимания обывателей, выходящих из кинотеатра «Москва», нарочито эпатажными строками — очевидным образом предстает как игра, не утрачивающая своей природы оттого, что многие ее участники заплатили за эту игру искалеченными (порой бессмысленно искалеченными) судьбами. А сама игра с неконтролируемостью результата, с резкой сменой отведенной участнику социумом роли, с небывало острым ощущением полноты бытия есть первичная форма и свободы (в том числе политической), и искусства. Дух этой игры не вовсе иссяк и с наступившими позднее заморозками — достаточно вспомнить любовь свободомыслящей технической интеллигенции к КСП, альпинизму и байдарочным походам, или же вполне разделенную интеллигенцией гуманитарной страсть к футболу с карнавальным сменой социальной роли и непременно болением за чужих, радостное деклассирование с почти обязательным погружением на алкогольное дно, и многое другое. И все же, кажется, никогда после эта игра не была столь радостно завораживающей и столь экзистенциально самозабвенной. О пьянящем чувстве свободы, охватывавшем на площади, вспоминают в этой книге практически все, за исключением разве тех, кто готов отказаться от собственной молодости.

В этом свете становится понятен и пресловутый вопрос о теракте, едва ли не самый драматический в книге. Речь идет о замысле нескольких завсегдагаев собраний убить Хрущева, замысле, давшем власти долгожданный и, надо сказать, вполне серьезный повод разгромить чтения. С политической (да и с моральной) точки зрения абсурдность и вредоносность этой затеи вполне очевидна. Однако надо учесть, что молодые люди, обсуждавшие абсолютно неосуществимое покушение, жили в насквозь литературном мире, где поэзия героического тираноубийства, пробуждающего сонного обывателя, отдавала романтикой вырожденного шиллеризма, дошедшего до наших дней в революционной поэзии и блатном фольклоре. По-видимому, стоит обратить внимание и еще на один контекст. Шаг от собраний на площади к индивидуальному террору соответствовал

переходу от декабристской к народовольческой стадии освободительного движения в России по ленинской схеме — единственной доступной в те годы интерпретации революционной борьбы. Интересно, что критика террористических замыслов их противниками («не этот царь, так другой, а движение разгромят») вполне соответствовала претензиям, которые — по официальной агиографии — Володя Ульянов выдвигал в свое время к методам, избранным «братом Сашей».

При этом игровой характер имели не только замыслы террористов, но и действия их оппонентов — вспомним хотя бы идею под гипнозом выведать сокровенные планы злоумышленников. С другой стороны, в истории площади есть эпизод, к которому все участники этой книги обращаются не реже, чем к пресловутому теракту, — это «Тезисы о развале комсомола» Буковского. Интересно, что в «И возвращается ветер...» Буковский вспоминает обо всей этой истории вскользь и с неохотой — железному борцу с системой как бы не пристало обращаться с прожекторами в райком. И сегодня истолкование, которое он дает этому эпизоду собственной биографии, напоминает известную полемику о ликвидаторах и отзовистах, когда было решено, что при безусловном приоритете антисистемной борьбы необходимо использовать и возможности, предоставляемые системой. Создается впечатление, что материалы этой книги подсказывают несколько иное истолкование.

Атмосфера праздничного избытка сил, которая господствовала на площади, как бы давала участникам игры возможность одновременно примерять различные роли, попеременно надевая маски сурового подпольщика и прагматичного реформатора. Судьба, как всегда, востребовала лишь одну из этих ипостасей, — другая навсегда осталась нереализованной возможностью, вроде тех, которые конструировал Пушкин над телом убитого Ленского. Некогда В.В.Розанов сетовал, что русское самодержавие не оценило государственного дара Чернышевского и загнало его в ссылку вместо того, чтобы сделать министром или губернатором. Конечно, к советской власти такие претензии даже смешно предъявлять: для того чтобы укорениться в ней, требовалось такое отсутствие нравственного и эстетического чувства, которого в сколько-нибудь думающем человеке ожидать невозможно. И все же в случае с Буковским трудно подавить в себе легкую досаду: учитывая масштаб и артистизм личности, не приходится сомневаться, что и с другой исторической задачей он справился бы получше Горбачева.

Что до терроризма, то время, миновавшее со времен площади Маяковского, и, в особенности, наступившая эра телевидения только обнажили зрелищную природу этого явления. Не зря последний

настоящий авангардист нашей словесности Эдуард Лимонов, вполне исчерпав внутрилитературные возможности эстетики эпатажа, подался в боевики. При этом неважно, насколько достоверны его рассказы о военных подвигах, — важнее воплощенная в них поэтическая программа. Эпоха «Маяковки», конечно, не могла да и не стремилась дорефлектировать логику этой жестикуляции, — и «Человеческий манифест» гуманиста и правозащитника Юрия Галанскова, который, если верить воспоминаниям, был еще к тому же добрейшим человеком, оказывается переполнен террористическими призывами «доложить гнилую тюрьму государства», «тащить черные бомбы» и т.д. Опять-таки не стоит ловить автора на противоречиях между стихами и политической деятельностью. «Горлан-главарь», взывающий к толпе из-под памятника любимого поэта, — это одно, а идеолог политического и нравственного протеста — другое. Впрочем, то, что именно ему суждено было первым погибнуть, не выглядит случайным, ибо именно он был поэтом, а ранняя смерть — это судьба *поэта* даже в большей степени, чем *борца*.

Было бы пределом безвкусицы распространяться о поэтических достоинствах «Человеческого манифеста». И вообще, стихи, читавшиеся на площади, слишком легкая добыча для иронии, чтобы ее себе позволять. Не требуется быть особенно тонким ценителем поэзии, чтобы заметить, что тексты эти, мягко говоря, не слишком совершенны. Их достоинство в абсолютной адекватности своим задачам и воплотившемуся в них ощущению времени.

Пожалуй, из всех поэтических произведений, звучавших под памятником, мемуаристы чаще всего цитируют восемь строк из стихотворения А. Орлова:

Нет, не нам разряжать пистолеты
В середину зеленых колонн!
Мы для этого слишком поэты,
А противник наш слишком силен.

.....

Нет, не нам поднимать пистолеты!
Но для самых торжественных дат
Создавала эпоха поэтов,
А они создавали солдат.

Этот крошечный текст действительно поразителен по едва ли осознанной автором гипертрофии смыслового разрыва между первой и последней строками. Все начинается с предельного эстетизма: автор представляет себе сопротивление наступающим колоннам как жест одиночки, стреляющего в них из пистолета, но отказывается даже от этого картинно-символического сопротивления — для него он «слишком поэт». Итогом же оказывается столь же предельный

утилитаризм: поэтов создает эпоха, чтобы они создавали солдат. Очевидный советизм «торжественные даты» только подчеркивает резкость этого перехода. Впрочем, справедливости ради надо заметить, что уже в первой строфе эстетский индивидуализм поэтического жеста оказывается несколько подорван вполне неуместными здесь местоимениями «мы» и «наш». При этом автор чувствует себя вполне органично на обоих краях этого непомерного диапазона. Он одновременно и «одинок, как последний глаз у идущего к слепым человека», и счастлив, что он «этой силы частица». И здесь надо на время оторваться от чтений, чтобы сказать несколько слов об их патроне.

То что местом описанных в этой книге собраний стала именно площадь Маяковского, можно объяснять по-разному. С одной стороны, здесь просто достаточно места для большого скопления людей (горсточке диссидентов впоследствии хватило и сквера на Пушкинской). С другой — в отличие от остальных давно стоявших монументов московского центра, памятник Маяковскому был открыт в 1958 году и мог служить символом обновления. И все же между бронзовым кумиром конца пятидесятых и поколением, собиравшимся у его подножия, существовала достаточно глубинная связь.

«Это, в общем, удачно сложилось, что Сталин назвал Маяковского “лучшим, талантливейшим”, — пишет Лев Лосев в уже цитированных нами воспоминаниях. — Если бы в 1930 году застрелилась Ахматова и к власти затем пришел бы Бухарин, и А.А. была бы названа “лучшей, талантливейшей поэтессой нашей советской эпохи”: станция метро “Ахматовская” (мозаика с сероглазыми королями), танкер “Ахматова”, переиздания вплоть до “Библиотеки пионера и школьника” — это был бы более трудный путь для выживания культуры <...> Русский футуризм заражал приобщавшихся воинственностью, установкой на эпатаж, то есть необходимыми душевными качествами...» (НЛО. № 14. С.209). Все эти душевные качества сполна проявились уже в самом начале «оттепели».

Присутствие Маяковского в нашей культурной и общественной жизни, конечно, куда глубже и значимей, чем это выглядело из 70-х годов, с успехом выписавших автора «Владимира Ильича Ленина» и «Я люблю смотреть, как умирают дети» из Великой Традиции русской поэзии. Недавно М.Л.Гаспаров опубликовал статью «Рифма Бродского», где с помощью самых изощренных статистических методов продемонстрировал, что стихотворной технике будущий Нобелевский лауреат учился не у Ахматовой, подле которой провел свою молодость, не у Цветаевой или Мандельштама, о которых писал проникновенные английские эссе, а именно у «лучшего и талантливейшего». Удивляться этому не приходится: во второй

половине 50-х, когда Бродский формировался как поэт, первенство Маяковского в русской поэзии было неоспоримым фактом. Еще до Гаспарова на родство Бродского с Маяковским пронизательно указывал в своей книге «Воскрешение Маяковского» Юрий Карабчиевский. Цель этой пронзительной и во многом автобиографической книги — развенчать поэта, но самый счет, предъявляемый Маяковскому, свидетельствует, что перед нами акт изживания былой любви, любви властной и сжигающей. Здесь нет и следа того брезгливого отвращения, с которым писали о Маяковском, скажем, Бунин или Ходасевич, чьи тамиздатские книжки сформировали литературное сознание следующих поколений. Трагическая гибель Карабчиевского обнаружила, что до конца изжить первоначальную приверженность к своему герою он так и не смог.

Едва ли есть необходимость доказывать, что приведенные в этой книге стихи написаны под преобладающим, если не абсолютным воздействием Маяковского. Интересней другое. Из приведенных материалов не вполне ясно, противостоял ли (и если да, то до какой степени) в сознании людей того времени Маяковский «Стихов о советском паспорте» Маяковскому «Облака в штанах». Конечно, ранний, менее официальный Маяковский привлекал своих почитателей гораздо сильнее, и все же похоже, что советский период его творчества также оказал на них немалое влияние. Можно осторожно предположить, что различные воплощения личности поэта ощущались участниками сборищ (быть может, не до конца осознанно) как свидетельства богатства личности, своего рода поэтического протезизма. В этой перспективе дистанция между желтой кофтой и советским паспортом уже не будет казаться непреодолимой.

Впрочем, для молодежи позднесталинской и послесталинской эпох Маяковский оставался значимой фигурой на протяжении по меньшей мере полутора десятилетий. Между тем поколенческие сдвиги происходили в ту пору много быстрее. Поэтому необходимо задаться вопросом: о каком, собственно, поколении идет речь в этой книге? Заметим, что наш историко-общественный словарь, в сущности, не знает термина «пятидесятые годы». «Сороковые» — обозначают военное время, затем следуют «послевоенные годы», а потом — с XX съезда — сразу начинаются «шестидесятые», продолжавшиеся до оккупации Чехословакии в августе шестьдесят восьмого. Однако в эти несколько растянутые «шестидесятые», а также в предшествующий им краткий отрезок между смертью Сталина и XX съездом на историческую сцену вышли разные возрастные группы. Дело в том, что те, кого обычно называют шестидесятниками, — это люди, запомнившие по сознательному детству и отрочеству тяготы и воспитанные на героике побед (старшие из них успели даже побы-

вать на фронте). Ледяной абсурд конца сороковых—начала пятидесятых вызвал у них боль и растерянность, а «разоблачение культа личности» — крушение иллюзий и надежду на обновление. Именно эта генерация в значительной степени сформировала язык и ментальность свободомыслящей советской интеллигенции, сохранившие свое приоритетное положение практически до последних лет перестройки.

На страницах этой книги читатель знакомится с несколько другим, младшим, поколением. Дети последних предвоенных и первых военных лет, они вышли в жизнь с единственным воспоминанием о безысходной мертвечине последней фазы сталинского режима, лишённой даже вампирического обаяния тридцатых годов. Отсюда несколько неожиданное для сегодняшнего читателя невнимание авторов публикуемых воспоминаний к ГУЛАГу, о котором они говорят мало и как бы вскользь, хотя многие из них — дети, братья и племянники арестованных и сосланных. И дело здесь не в том, что они мало знали о тюрьмах и лагерях. Скорее, наоборот. Общеизвестно, что реабилитированные в 50-е годы не любили рассказывать о своем лагерном опыте. И дело здесь не только в страхе вернуться туда, где довелось побывать, или в нежелании возвращаться к годам унижений и страданий. Для передачи этого опыта еще не существовало языковых и мыслительных конструкций. Он как бы еще не обрел словесной формы. Солженицын избавил миллионы людей от этой немоты, но для того чтобы его слово было услышано, феномен ГУЛАГа должен был быть прочувствован как уникальное событие, как проблема и трагедия. Эту перспективу и дал советскому сознанию XX съезд. Не боясь повторить старинные пропагандистские клише о партии и художнике, скажу, что публикация «Одного дня Ивана Денисовича» стала ответом общества на вопрос, поставленный хрущевской речью. Точно так же «Москва — Петушки» и «Архипелаг ГУЛАГ» стали позднее для общества опытом осмысления катастрофы Пражской весны и возобновления политических процессов. Но это уже другая история.

Поколение площади Маяковского не чувствовало потребности говорить о ГУЛАГе, потому что это был воздух, которым они дышали с детства, нечто столь же естественное и рядовое, как жизнь, прожитая в коммуналке, или невозможность привести домой иностранца. Именно поэтому этот малый сегмент шестидесятников в сущности не был, в отличие от своих старших братьев, поколением XX съезда. Почти все, кто участвует в этой книге, единодушно утверждают, что исторический съезд не стал для них ни открытием, ни объяснением мучительной загадки. Они и так не то чтобы всё знали, но как-то чувствовали кожей. И общее единодушие и совер-

шенная ненапряженность интонации, с которой это говорится, не позволяют увидеть здесь желание задним числом показаться умным. Очень похоже, что так оно и было. Парадоксальным образом это поколение заявило о себе одновременно со старшим (и даже чуть раньше него) и выпало из исторического процесса, отнесенное напором шестидесятников и частично растворившись в их рядах.

Слово «пятидесятники» обозначает сегодня не поколение, а только членов религиозного объединения. Между тем такая генерация существовала. В феврале пятьдесят шестого она испытала не столько крушение иллюзий или рождение надежд, сколько конец Великой скуки. И они вышли к памятнику Маяковского и стали играть в поэзию и политику, будучи оглушительно невежественными и в том и в другом. Потом они стали диссидентами, учеными, инженерами, обывателями. В поэты, кажется, почти никто не выбился. А тогда они просто были очень молоды. Хуже ли эта молодость той, которая была проведена за стаканом водки и дискуссией о Серебряном веке?

Была компания пьяна.
К тому ж, друг дружку ухайдакав,
Как чушки рвали имена —
Бердяев, Розанов, Булгаков —

выразительно описал эти позднейшие обыкновения Олег Чухонцев.

Кто может судить, чья молодость лучше, чья хуже? На сегодняшний вкус, та, старая, на бывшей и нынешней Триумфальной даже как-то веселей.

КОММЕНТАРИИ

В.Буковский. Гайд-парк по-советски

- ¹ Из неопубликованной поэмы А.Щукина «В пасти неба» (Гл. IV. «Приговор творчества»).
- ² Открывающее цикл «Моим друзьям» стихотворение А.Орлова, напечатанное в самиздатском журнале «Феникс» (1961) под псевдонимом Н.Нор.
- ³ Оперотряды стали активно создаваться после Постановления ЦК КПСС и СМ СССР от 2 марта 1959 «Об участии трудящихся в охране общественного порядка в стране» и последовавшего за ним Постановления ЦК ВЛКСМ от 20 марта 1959 «Об участии комсомольских организаций в охране общественного порядка в стране». В Москве под эгидой горкома комсомола действовал Оперативный отряд по борьбе с уголовной преступностью и нарушениями общественного порядка. (Подробности см.: Лавров А., Лаврова О. Молодежный оперативный. М., 1961). Аналогичные оперотряды были и при райкомах комсомола. Формально именно они и «наводили порядок» на площади.
- ⁴ В обвинительном заключении по делу Э.Кузнецова (1961) «Тезисы о развале комсомола» не фигурируют. Текст «Тезисов» см. с.153 наст.изд.
- ⁵ *Мирза* Дмитрий Георгиевич (р.1921) — врач-психиатр, в 1960-е сотрудник Лаборатории высшей нервной деятельности; занимался гипнозом.
- ⁶ Буковский здесь не вполне точен. И.Бокштейну, Э.Кузнецову и В.Осипову действительно не предъявили ст.66 («террористический акт»); однако кроме ст.70 («антисоветская агитация и пропаганда») они были признаны виновными еще и по ст.72 («участие в антисоветской организации»).
- ⁷ В 1963 Буковский был арестован в первый раз. Кроме старого дела о «Маяковке» ему инкриминировалось «хранение и изготовление с целью распространения антисоветской литературы» двух фотокопий книги М.Джиласа «Новый класс». Психиатрическая экспертиза послушно признала В.Буковского невменяемым, и он был отправлен в Ленинградскую тюремную психиатрическую больницу.
- ⁸ XXII съезд партии открылся 17 октября 1961.
- ⁹ У Буковского фамилия Вячеслава С. названа полностью. Однако мы (по причинам, суть которых станет ясна читателю дальше) будем здесь и далее пользоваться лишь первой буквой его фамилии.
- ¹⁰ Ошибка. См. прим. 8.
- ¹¹ На XXII съезде было сказано о «странных» обстоятельствах убийства С.М.Кирова, о самоубийстве С.Орджоникидзе, а также о прочих преступлениях времен «культы личности».
- ¹² См. статью В.Талицкого в наст.изд.

«Как живой с живыми говоря...»

Московская правда. 1958. 29 июля.

- ¹ *Маяковская* Людмила Владимировна (1884–1972) — старшая сестра В.В.Маяковского, автор воспоминаний о нем. Поддерживала наиболее ортодоксальную трактовку его творчества.
- ² *Кибальников* Александр Павлович (1912–1987) — скульптор, член Академии художеств. За памятник Маяковскому получил Ленинскую премию (1959).

³ В Ливане в мае 1958 началось восстание против правительства Шамуна, которое обратилось к США с просьбой ввести войска.

Н.Зацепина. **В гости к Маяковскому**

Московский комсомолец. 1958. 13 августа.

¹ *Маяковская* Л.В. — см. прим.1 к статье «Как живой с живыми говоря».

К.Латин. **О «клубе» на площади и клубах, которых нет**

Московский комсомолец. 1958. 21 сентября.

¹ Имеются в виду строки из стихотворения В.Маяковского «Верлен и Сезан»: «Бывало —/ сезон,/ наш бог — Ван-Гог,/ другой сезон —/ Сезан».

² Неологизм Маяковского из стихотворения «Любовь».

³ Из поэмы «Во весь голос».

⁴ С сентября 1955 в Москве, Ленинграде, Киеве и др. городах ежегодно проводился День поэзии. В этот день поэты не только приходили в книжные магазины, но и выступали в клубах, на площадях, собирая — в разгар «оттепели» — аудиторию иногда в тысячи человек. К этому дню выпускался и альманах «День поэзии» (с 1956), куда включались произведения как известных, так и «забытых» (т.е. репрессированных или долгое время не печатавшихся), и молодых поэтов. К концу 1960-х — началу 1970-х Дни поэзии становились все менее и менее значительным явлением и постепенно сошли на нет.

⁵ Музей Маяковского, с его уникальной по тем временам библиотекой и, быть может, еще более уникальным коллективом, играл значительную роль в общественной жизни Москвы конца 1950-х. Сотрудники музея Л.Шилов, И.Правдина, Л.Огинская, Л.Руднева (Фейгельман) регулярно читали лекции о творчестве Маяковского, не укладывающиеся в русло казенной идеологии. Многие постоянные посетители и друзья музея стали завсегдатями «Маяковки» (А.Шукин, А.Орлов и другие). А из молодежи, собиравшейся на площади (Ю.Ольшванг — известный ныне кинорежиссер, В.Менакер, А.Шахов и другие), сформировался семинар под руководством Л.Рудневой — «Творчество Маяковского в контексте культуры XX века». Связующим звеном между площадью и музеем поначалу была и сестра поэта Людмила Владимировна.

⁶ Вечер прошел 23 октября 1958. Выступали К.Ваншенкин, Е.Евтушенко, А.Николаев, Л.Озеров, А.Парнис, Р.Рождественский, Д.Самойлов, Б.Слуцкий.

Игорь Волгин. **На площади Маяковского материализовалось время**

¹ Стихотворение опубликовано в кн.: Волгин И. Шесть утра. М., 1975.

² Кинотеатр, примыкающий к дому правительства («Дому на набережной»).

³ Из мемуарного очерка: Волгин И. Имеющий право //Воспоминания об Антокольском. М., 1987.

⁴ В речи на XIX съезде Сталин довольно прозрачно намекал на то, что коммунистические партии капиталистических стран «при братской помощи» КПСС должны свергнуть свои правительства, — скорее всего именно эта мысль и понравилась юному И.Волгину.

⁵ В одной из резолюций XX съезда говорилось: «Формы перехода стран к социализму в дальнейшем будут все более разнообразными. При этом не

- обязательно, что осуществление форм перехода к социализму при всех условиях будет связано с гражданской войной <...> рабочий класс <...> имеет возможность <...> завоевать прочное большинство в парламенте и превратить его из органа буржуазной демократии в орудие действительно народной воли». (КПСС в резолюциях и решениях съездов. Т.7. М., 1978. С.102).
- ⁶ В июне 1956 Г.А.Насер объявил о национализации Суэцкого канала. После этого войска Англии, Франции и Израиля вошли в Египет. Дипломатическое вмешательство СССР привело к выводу этих войск с территории страны. В результате позиции Насера, проводившего антизападную политику, усилились, а влияние СССР на Ближнем Востоке возросло.
- ⁷ Порт у входа в Суэцкий канал.
- ⁸ Речь Семичастного на торжественном пленуме ЦК ВЛКСМ транслировалась по радио и телевидению и была на следующий день (30 октября 1958) опубликована в «Комсомольской правде». Главный комсомолец страны говорил: «Пастернак прожил 41 год в социалистической стране, 41 год он питался хлебом и солью народа. <...> Этот человек жил в нашей среде и был лучше обеспечен, чем средний труженик, который работал, трудился и воевал. А теперь этот человек взял и плюнул в лицо народу. Как это можно назвать? Иногда мы, кстати совершенно незаслуженно, говорим о свинье, что она такая-сякая и прочее. Я должен вам сказать, что это наветы на свинью. Свинья <...> никогда не гадит там, где кушает, никогда не гадит там, где спит. Поэтому, если сравнить Пастернака со свиньей, то свинья не сделает того, что он сделал. <...> Он нагадил там, где ел, он нагадил тем, чьими трудами он живет и дышит. (Аплодисменты). <...> А почему бы этому внутреннему эмигранту не изведать воздуха капиталистического, по которому он так соскучился <...> (Аплодисменты)».
- ⁹ Имеется в виду: Переписка Председателя Совета Министров СССР с Президентами США и Премьер-Министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т.1–2. М., 1957.
- ¹⁰ После публикации стихов М.Цветаевой в альманахе «Литературная Москва» (Т.2. М., 1956) в прессе появился ряд статей, объявляющих ее поэзию чуждой советскому читателю. «Крокодил» (1957. № 5) поместил посвященный этой публикации фельетон И.Рябова «Про смертяшкиных». Готовившуюся в издательстве «Художественная литература» книгу Цветаевой направили на повторное рецензирование, и работа над ней была прекращена.
- ¹¹ Из стихотворения М.Цветаевой «Прокрасться». После слов «на урну» пропущена строка: «Может быть — обманом».
- ¹² Московский комсомолец. 1959. 7 января.
- ¹³ Известия. 1961. 1 сентября.
- ¹⁴ Стихотворение «Мое поколение».
- ¹⁵ Волгин И. Волнение. М., 1965.
- ¹⁶ Из стихотворения Б.Слуцкого «Бог».
- ¹⁷ Из стихотворения Е.Евтушенко «В бою за советскую власть»: «И пусть не в «свинцовой метели»,/ и пусть не на «грозном ветру»,/ в обычной гражданской постели/ нешумно и к сроку умру, —/ хочу, чтобы все повторяли,/ у гроба печалью делясь:/ «Товарища мы потеряли/ в бою за советскую власть»».
- ¹⁸ «Санкюлот» — стихотворение П.Антокольского (1925).
- ¹⁹ Волгин И. Имеющий право //Воспоминания об Антокольском. М., 1987.

- ²⁰ И. Волгин познакомился с А. Заурихом и М. Шлаиным в литературном объединении при газете «Московский комсомолец» в 1959 (руководитель — М. Максимов).
- ²¹ *Бригадой Маяковского* было принято называть группу молодежи, которая помогала В. Маяковскому устраивать выставку «20 лет работы Маяковского». Многие из них (например, С. Гринберг, Л. Фейгельман-Руднева, присоединившаяся к бригаде несколько позже) посвятили всю свою последующую жизнь пропаганде творчества поэта и, в разное время, работали в музее В. Маяковского. Бывали они и на площади, но уже не как бригада, а индивидуально. Очевидно, под *бригадой Маяковского* Волгин подразумевает не собственно «бригаду», а ребят из семинара Л. Фейгельман-Рудневой. См. также прим. 5 к статье К. Лапина «О «клубе» на площади и клубах, которых нет».
- ²² Юность. 1962. № 7.
- ²³ Слово «самиздат» введено в русский язык Н. И. Глазковым (1919–1979), поэтом «изустной славы». Он в 1940–1950-е перепечатывал свои стихи на машинке, сам их переплетал — на обложке писал «самсебиздат». В дальнейшем слово редуцировалось в «самиздат».
- ²⁴ Литературная газета. 1962. 24 июля.
- ²⁵ Октябрь. 1962. № 9.
- ²⁶ Полемика между «левым» «Новым миром» и «правым» «Октябрем» — одно из самых заметных явлений общественной жизни 1960-х. За критическими баталиями этих журналов следила едва ли не вся российская интеллигенция.
- ²⁷ Новый мир. 1967. № 12.
- ²⁸ В конце 1962 в Манеже проходила выставка московских художников, где экспонировались работы «левых».
- ²⁹ В декабре 1962 Хрущев посетил выставку в Манеже. Ср.: «Никита Сергеевич улыбался и, поднимаясь по лестнице и обращаясь к нам, произнес: “Так вот вы и есть те самые, которые мазню делают, ну, что же, я сейчас посмотрю вашу мазню”. <...> Никита Сергеевич молчал около двух минут, а затем громко и с ненавистью произнес: “Говно!” И, подумав, добавил — “Пидарасы!” И тут все сопровождавшие его государственные люди, как по команде, указывая пальцем то на одного, то на другого из нас, закричали: “Пидарасы” <...> Члены правительства с возбужденными и злыми лицами, одни бледнея, другие краснея, хором кричали: “Арестовать! Уничтожить! Расстрелять!” <...> “Всех членов партии исключить из партии, — сказал Хрущев, — всех членов Союза — из Союза”, — и направился к выходу. <...> Весь день ждали арестов». (Рабичев Л. // Другое искусство. Т. 1. М., 1991. С. 100–107).
- ³⁰ Снимок, очевидно, был сделан на встрече Хрущева с творческой интеллигенцией в декабре 1962.
- ³¹ Повесть «Один день Ивана Денисовича» — первое опубликованное произведение А. И. Солженицына — была напечатана в ноябрьском номере «Нового мира» за 1962.
- ³² Самая большая аудитория в здании старого университета (на Моховой ул.), где размещались гуманитарные факультеты.
- ³³ Письмо-завещание Н. И. Бухарина «Будущему поколению руководителей партии», написанное в ожидании ареста. В СССР впервые опубликовано: Знамя. 1988. № 12.

- ³⁴ Ошибка: «Автобиография» Е.Евтушенко была опубликована во французском еженедельнике «Экспресс» (1963). Сам факт опубликования и отдельные положения этого текста были резко осуждены на IV пленуме Правления СП СССР (март 1963).
- ³⁵ *Бердяев* Николай Александрович (1874–1948) и *Франк* Семен Людвигович (1884–1950) — русские религиозные философы. В 1922 оба высланы из России.
- ³⁶ В защиту И.Бродского выступили А.Ахматова, К.Чуковский, К.Паустовский, С.Маршак, Д.Шостакович, Л.Копелев, Е.Эткинд и другие.
- ³⁷ Суд над И.Бродским был записан журналисткой Фридой Абрамовной Вигдоровой (1915–1965) — это по существу первый подобный документ в самиздате (если не считать анонимной стенограммы собрания московских писателей, обсуждавших «дело» Б.Пастернака в 1958).
- ³⁸ Юность. 1990. № 12.
- ³⁹ *Сопровский* Александр Александрович (1953–1990) — поэт. Учился на филфаке и истфаке МГУ, отчислен за публикации в «тамиздате». Работал в бойлерной, церковным сторожем, ездил в экспедиции. Печатался в США, во Франции, Италии, Австрии. Один из основателей группы «Московское время» (начало 1970-х). Первые публикации в России — посмертные. Первая книга — «Начало прощания» (М., 1991). *Цветков* Алексей Петрович (р.1947) — поэт. Учился на журфаке и истфаке МГУ. В СССР практически не печатался. В 1975 эмигрировал в США. В 1976–1977 был одним из редакторов газеты «Русская жизнь» (Сан-Франциско), печатался в журналах «Континент», «Эхо», «Время и мы». *Бунимович* Евгений Абрамович (р.1954) — поэт, учитель математики, в настоящее время член Союза писателей Москвы, обозреватель «Новой газеты». *Гандлевский* Сергей Маркович (р.1952) — поэт, прозаик. Участник самиздатского альманаха «Московское время». В доперестроечные времена в официальной советской печати не публиковался. *Витковский* Евгений Владимирович (р.1950) — поэт, переводчик. *Шарапова* Алла Всеволодовна — поэтесса, переводчица, в настоящее время член Союза писателей Москвы. *Кенжеев* Бахыт (р.1951) — поэт, прозаик, участник самиздатского журнала «Московское время». До перестройки в официальной советской прессе не печатался. Эмигрировал в США. *Быков* Дмитрий Львович (р.1967) — поэт, прозаик, критик. В настоящее время член поэтической группы «Куртуазные маньеристы». В 1995 арестовывался за нецензурные выражения в печати. *Казинцев* Александр Иванович (р.1953) — критик, публицист. В 1970-е поэт, соредатор и автор самиздатского альманаха «Московское время». В настоящее время заместитель главного редактора журнала «Наш современник». *Нерлер* (Полян) Павел Маркович (р.1952) — ныне географ и литературовед. *Нарбикова* Валерия Спартаковна — ныне прозаик, член Союза писателей Москвы. *Петрова* Оля (Татьяна Михайловна) — поэт. *Кабьш* Инна Александровна — поэт, член Союза писателей Москвы.
- ⁴⁰ Ленинские горы /Сост. И.Волгин. М., 1977.
- ⁴¹ Стихи Ю.Кублановского были опубликованы ранее в «Дне поэзии» (М., 1970).
- ⁴² *Дмитриев* Сергей Сергеевич (1906–1991) — литературовед, историк книги, преподаватель журфака МГУ.
- ⁴³ См.: Волгин И. Достоевский — журналист: «Дневник писателя» и русская общественность. М.: Изд-во МГУ, 1982.

⁴⁴ *Шестов Лев* (1866–1938) — философ-экзистенциалист. С 1920 в эмиграции. В СССР до перестройки не издавался.

⁴⁵ *Катков Михаил Никифорович* (1818–1887), *Суворин Алексей Сергеевич* (1834–1912), *Розанов Василий Васильевич* (1856–1919), *Флоренский Павел Александрович* (1882–1937; расстрелян) — видные деятели отечественной культуры. Советское литературоведение числило их в ряду «реакционных мракобесов», в доперестроечные времена труды их не переиздавались.

Игорь Волгин. Кануны

Опубликовано: Волгин И. Волнение. М., 1965.

¹ Из стихотворения Николая Петровича Майорова (1919–1942) «Мы» (1940).

² *Коган Павел Давыдович* (1918–1942) — поэт, погиб на фронте. В 1950–1960-е большой популярностью пользовалась песня на его слова «Бригантина». Цитируемые строки взяты из стихотворения, написанного в апреле 1941.

Игорь Волгин. Горит Ян Гус

Опубликовано: Юность. 1965. № 6.

Елена Заславская. Глоток свободы

Литературная запись.

¹ Литвак А.М. и Заславская Д.Г.

² Вероятно, имеется в виду «Дискуссионный листок» (1921), издававшийся ЦК РКП(б), в передовой статье которого говорилось: «Редакция считает своей обязанностью печатать по возможности все статьи, которые были получены». На страницах этого издания шла дискуссия о профсоюзах. «Дискуссионный листок» был выпущен также и к XI съезду партии (1922).

³ А.В.Луначарский в 1920-е часто выступал на публичных диспутах со священнослужителями.

⁴ Дом творчества писателей в Московской области.

Всеволод Абдулов. Замечательное было время!

Литературная запись.

¹ Имеется в виду стихотворение Б.Пастернака (1953) из романа «Доктор Живаго».

² На площади чаще и агрессивнее других действовал оперотряд Ленинградского РК ВЛКСМ, возглавляемый Р.А.Агаджановым.

³ Из стихотворения А.Орлова (Н.Нора) «Нет, не нам разряжать пистолеты...». См. с.11 наст.изд.

⁴ Буковский.

Аполлон Шухт. Эти чтения были очень полезны и очень важны

¹ Гонения начались на представителей тех национальностей, которые были коренными в граничащих с СССР государствах, — в этих людях видели потенциальных шпионов.

- ² *Ежов Николай Иванович* (1895–1940) — генеральный комиссар госбезопасности (1937), нарком внутренних дел (1936–1938).
- ³ Серия политических дел, сфабрикованных в конце 1940-х–начале 1950-х против ряда партийных, государственных и хозяйственных работников Ленинграда.
- ⁴ *Попов Георгий Михайлович* (1906–1968) — в 1944–1950 председатель Мосгорисполкома и 1-й секретарь МК КПСС. С 1951 директор завода в Куйбышеве.
- ⁵ Отмена карточек сопровождалась грабительской денежной реформой (1947); снижение цен при Сталине носило чисто пропагандистский характер: товаров не было ни по каким ценам, особенно вне Москвы, Ленинграда и еще нескольких крупных городов. При Хрущеве «*ежегодное снижение цен*» прекратилось.
- ⁶ *Грамини Антонио* (1891–1937) — основатель и руководитель итальянской коммунистической партии. В 1922–1923 жил в СССР.
- ⁷ *Ракоши Матяш* (1892–1971) — венгерский коммунист. С 1948 возглавлял ЦК ВПГ. За «допущенные ошибки» (просталинский политический курс) в июле 1956 решением ЦК ВПГ освобожден от должности. В августе 1962 исключен из партии.
- ⁸ Театр «*Современник*» (первоначальное название «Студия молодых актеров»), созданный в 1956, был типичным детищем «оттепели». Здесь ставились запрещенные ранее пьесы (например «Гольф король» Е.Шварца) и произведения драматургов «оттепельной волны» (В.Розова и других).
- ⁹ Соснина М.М.
- ¹⁰ *Курант Рихард* (1888–1972) — немецкий математик, иностранный член АН СССР.
- ¹¹ В.Буковский в своей книге «И возвращается ветер...» действительно вспоминает о некой «организации», в которой он состоял школьником, и о ее руководителе: «В сущности, мы ничего не делали. Вся наша деятельность состояла в конспирации и вовлечении новых членов. Даже нелегальная литература не распространялась, и не рекомендовалось ее доставать. <...> Наконец меня представили руководителю всей нашей “ветви” <...>. Ему было тогда лет 27. Учился он в аспирантуре <...>. Он умел быть очень настойчивым, убедительным и ни разу не нарушил того стиля таинственной двусмысленности, который царил у нас в организации. <...> С его младшим братом <...> мы сошлись гораздо ближе. Он был всего на два года старше меня, значительно живее и понятливее».
- ¹² «*Литературная Москва*» — альманах, вышедший в 1956 (Т. 1–2) под редакцией Э.Казакевича. Среди авторов «ЛМ» было много опальных поэтов и прозаиков: А.Ахматова, Н.Заболоцкий, М.Цветаева и другие. Советская печать обрушилась на альманах с идеологическими обвинениями (см. также прим. 10 к интервью с И.Волгиным). Выпуск альманаха был прекращен. «*Тарусские страницы*» — литературно-художественный сборник (Сост. Н.Оттен. Калуга, 1961). Таруса в конце 50-х–начале 60-х гг. была своеобразным центром художественной жизни. Там постоянно жили и работали А.Штейнберг, К.Паустовский, Н.Оттен, Н.Заболоцкий, А.Эфрон; часто приезжали Ю.Казаков, В.Максимов, Б.Окуджава, Б.Слудский, Б.Балтер, Н.Панченко. Они-то и стали инициаторами и основными авторами этого необычного по тем временам альманаха, как и «Литературная Москва», разгромленного советской критикой.

- ¹³ Венгерская революция зародилась в кружке будапештской интеллигенции им.Ш.Петефи. Первые демонстранты выступили под пение национального гимна и запрещенного «Воззвания» поэта Кёльчеи — «Никогда не быть рабами — такова наша клятва!»
- ¹⁴ Традиция устраивать просветительские семинары была заложена в этом кругу Г.С.Померанцем. Подробнее см.: Померанц Г. Эксперимент подполья (с.161 наст.изд.).
- ¹⁵ Подробнее об этом см.: Галансков Ю.Т. К проекту программы Всемирного союза сторонников всеобщего разоружения // Юрий Галансков. Ростов-на-Дону, 1994.
- ¹⁶ Галанскова Е.А.
- ¹⁷ Мы не располагаем документами, которые бы подтверждали или опровергали эту версию.
- ¹⁸ Найти газетное сообщение об арестах «маяковцев» нам не удалось. Скорее всего, его и не было: А.Шухт мог догадаться о случившемся по газетным фельетонам, обрушившимся на его друзей.
- ¹⁹ А.Шухт имеет в виду следующий текст:

ЮРИЙ ТИМОФЕЕВИЧ ГАЛАНСКОВ Некролог

Умер Юрий Галансков. Умер в неволе, в лагере для политзаключенных в пос. Барашево Мордовской АССР. Это случилось 4 ноября 1972 года в тюремной больнице. Ему было 33 года.

Галансков попал в лагерь потому, что он был честным поэтом и честным человеком. Его стихи и статьи никогда не находили себе места на страницах официальной печати. В них слишком много правды и подлинной любви к людям, к справедливости и свободе.

Галансков был непримиримым и бесстрашным врагом всякого насилия, всякой фальши, всякого надругательства над человеческим достоинством.

Издание свободных бесцензурных журналов «Синтаксис», «Бумеранг», «Феникс», активное участие в молодежном движении конца пятидесятых — начала шестидесятых годов (пл. Маяковского), издание «Белой книги» с материалами судебного процесса Синявского и Даниэля, выступления с демонстрациями протеста против произвола властей в защиту прав человека — таковы этапы его деятельности до ареста 19 января 1967 года.

И в лагере Галансков не прекратил своей деятельности, постоянно выступал в защиту политзаключенных. Он и не мог смириться.

Зная о тяжелой болезни желудка, обострившейся в результате голодовок протеста против нарушения законов, чинимого лагерной администрацией, начальство бросило Галанскова в помещение камерного типа на хлеб и воду. В результате — операционный стол и заражение крови.

Была его смерть случайной или неслучайной — так вопрос стоять не может. Вся история короткой и яркой жизни Юрия была историей добровольного бесстрашного восхождения на крест.

Вечная память тебе, Юрий! Свет, бывший в тебе, не угаснет, ибо это свет добра, истины, жизни.

Арутюнян Р.Р., Болтрукевич А.В., Бочеваров Г.И., Викторов А.В., Вишняков В.П., Гаенко В.Н., Галанскова-Шматович Е.Т., Гинзбург А.И., Горячев П.М., Горбаневская Н.Е., Зайцев В.В., Иванов А.И., Иванов А.М., Иофе В.В., Калугин В.И., Камышова М.А., Каплан М.М., Лашкова В.И., Максимов В.Е., Машкова В.Е., Найденович А.П., Осипов В.Н., Радыгин А.В., Репников В.А., Сахаров А.Д., Синяевский А.Д., Топешкина А.М., Темин Г.Н., Хаустов В.А., Хмелев Е.И., Шухт А.Б., Щукун А.И.

Москва, 11 ноября 1972 года

Основной автор этого текста — В.П.Вишняков. Опубликовано: Юрий Галансков. Ростов-на-Дону, 1994.

²⁰ «Маяковку» пытались возродить смогисты. См. с.315–321 наст.изд.

Аполлон Шухт. Звуки

Напечатано в «Фениксе» под псевдонимом А.Шуг. Публикуется по рукописи, где имеется посвящение — Т.Щ. [Толе Щукину].

Аполлон Шухт. «В ответ на это...»

Напечатано в «Фениксе» под псевдонимом А.Шуг. Публикуется по рукописи.

Аполлон Шухт. «Бей брешь...»

Из самиздатского сборника А.Шухта (1961). Публикуется впервые, по рукописи, где имеется посвящение — «Семнадцатому году».

Владимир Вишняков. Все мы в молодости смотрим революционерами

¹ Вишняков П.И. и Федорова (Пудалова) К.В.

² Федоров Владимир Рафаилович (1896–1948) — дед В.П.Вишнякова, воронежский адвокат. В 1938 был арестован, приговорен к 5 годам лагерей с последующей ссылкой. В ссылке покончил с собой. Реабилитирован посмертно. Подробнее о В.Р.Федорове см.: Проторчин А. Дело адвокатов // Из небытия. Воронеж, 1992.

³ «Синяя блуза» — театральные коллективы в СССР (1923–начало 1930-х), работавшие в жанре агитэстрады и выступавшие в красных уголках, клубах, Домах культуры, на заводах во время обеденного перерыва и т.д.

⁴ Журавлев Дмитрий Николаевич (1900–1991), Кочарян Сурен Акимович (1904–1979) — популярные актеры-чтецы.

⁵ Индийский фильм (реж. Р.Капур), демонстрировавшийся в советском прокате в середине 1950-х и пользовавшийся большой популярностью.

⁶ Пятисерийный телефильм с участием В.Высоцкого. Сценарий бр.Вайнеров, реж. С.Говорухин (1979).

⁷ КПМ — коммунистическая партия молодежи, антисталинская организация в Воронеже. *Стиро (Радкевич-Стиро) Владимир* (1933–1962) — член КПМ. Осужден к 3 годам лагерей. В тюрьме стал душевнобольным, покончил жизнь самоубийством. Подробно об этом см. в документальной повести А.Жигулина «Черные камни» (М., 1990.).

- ⁸ Пудалов Александр Михайлович (1911?–1976) — отчим В.П.Вишнякова. Театровед, зав. литчастью Малого театра, главный редактор Шестого творческого объединения Мосфильма, собиратель и распространитель самиздата. Пудалов Федор Моисеевич — двоюродный брат А.М.Пудалова. Писатель, автор популярной в 1950-е детской книжки «Лоцманы кембрийского моря».
- ⁹ Васильевы, братья — коллективный псевдоним однофамильцев — Васильева Георгия Николаевича (1899–1946) и Васильева Сергея Дмитриевича (1900–1959) — кинорежиссеров и сценаристов. Наиболее известен их фильм «Чапаев» (1934).
- ¹⁰ В доме А.Васильева постоянно бывали В.Яковлев, И.Ворошилов, В.Пятницкий, А.Харитонов, В.Ситников, В.Свешников и другие.
- ¹¹ Неточно воспроизведенная цитата из стихотворения В.Вишнякова «Мне говорили “не надо”...».
- ¹² В.Вишняков приводит первые строки четверостишия А.Шухта: «Я выдолбил узкую щель/ в холоде долгого камня./ Сюда не придет будущее./ Амен».
- ¹³ Имеется в виду «Человеческий манифест».
- ¹⁴ Скорее всего, В.Вишняков здесь путает Ю.Галанскова с В.Буковским.
- ¹⁵ НТС — Народно-трудовой союз — антибольшевистская эмигрантская организация. В 1927 из состава Российского общевойскового союза — эмигрантской организации, объединявшей служивших в Добровольческой армии, — выделился Союз национальной молодежи — СНМ. В 1929 преобразован в НСНП — Национальный союз нового поколения. Имел центр в Белграде. С 1941 — НТС — Национально-трудовой союз. Многие члены НТС сотрудничали с нацистами. Название с 1946 — Народно-трудовой союз. Печатные органы — журналы «Посев» и «Грани», тайно ввозившиеся в СССР. Позднее Ю.Галансков стал членом НТС. См.: Галансков Ю. Мысли об НТС //Юрий Галансков. Ростов-на-Дону, 1994.
- ¹⁶ На титульном листе «Феникса» имя главного редактора не фигурировало, но по существу эти функции исполнял Ю.Галансков.
- ¹⁷ Имеется в виду психиатрическая больница им. П.Б.Ганушкина в Москве.
- ¹⁸ Имя В.Вишнякова было упомянуто в фельетоне Л.Лавлинского «Обнаглевший нуль». Полный текст см. на с.266.
- ¹⁹ Женой В.Вишнякова в описываемое время была Л.Г.Рыжкова.
- ²⁰ А.Шукин ушел в армию намеренно, чтобы избежать допросов.
- ²¹ Время подпольных журналов вовсе не миновало. После разгона «Маяковки» в Москве были сделаны «Фонарь», «Сирена», «Сфинксы» (в двух последних, кстати, печатался и В.Вишняков) и др., в Ленинграде — «Колокол», «Эхо» и др. Появились журналы общественно-политические: «Сеятель», «Демократ», «Политический дневник». Новая эпоха самиздатской журналистики началась в 1968 «Хроникой текущих событий».
- ²² Речь идет о первом аресте Буковского в 1963.
- ²³ В.Буковский какое-то время учился на биологическом факультете МГУ.
- ²⁴ Есин Сергей Николаевич (р.1935) — журналист, писатель. В настоящее время ректор Литературного института.
- ²⁵ Мельниченко Борис Тарасович (р.1927) — журналист, в 1960-е заведующий отделом жизни СССР Главной редакции пропаганды на зарубежные страны Всесоюзного радио.

²⁶ «Феникс» был перепечатан в журнале «Грани» в 1962 (№ 52).

²⁷ КМО — Комитет молодежных организаций СССР.

²⁸ *Дудко* Дмитрий Сергеевич (р.1922) — священник, церковный писатель. За стихи о Сталине приговорен к 10 годам лагерей. В начале 1970-х служил в Никольском храме в Москве, где проводил беседы на нравственно-религиозные темы. В 1974 власти запретили эту деятельность, и Дудко был уволен за штат. Участвовал в самиздатском сборнике «Из-под глыб», в тамиздате опубликовал книгу «О нашем уповании» (Париж, 1975). В 1978 издавал церковную самиздатскую газету «В свете преображения», где солидаризировался с правозащитниками в случаях, выходящих за рамки чисто религиозных проблем. В 1979 арестован по политическому обвинению. После покаянного выступления по телевидению освобожден.

²⁹ *Кравченко* Леонид Петрович (р.1938) — журналист, занимал номенклатурные должности. С поста председателя Гостелерадио снят после августа 1991. В настоящее время первый заместитель главного редактора «Российской газеты».

³⁰ «*Чучело*» — фильм Р.Быкова по одноименной повести В.Железнякова (1984); «*Жестокий романс*» — фильм Э.Рязанова по мотивам пьесы А.Островского «Бесприданница» (1984).

Владимир Вишняков. «Мне говорили “не надо”...», «Мы с тобою почти калеки...»

Оба стихотворения напечатаны в «Фениксе» под псевдонимом В.Ковшин. Публикуются по тексту перепечатки в «Гранях» (1962. № 52), исправленному автором.

Анатолий Шукин. **Надо понимать**

Впервые напечатано в самиздатском журнале «Бумеранг». Публикуется по рукописи.

Анатолий Шукин. **Кредо**

Публикуется впервые по рукописи.

¹ *Чомбе* Муаз — политический противник «прогрессивного» премьер-министра Республики Конго П.Лумумбы. *Мобуту Сесе* — с 1961 главнокомандующий армией Республики Конго. В 1965, после того как власть в стране взяла армия, был провозглашен президентом. *Касаубу* Жозеф — политический деятель Республики Конго, в 1960 был избран президентом.

² *Клиберн* (Клайберн) Харви Ливан (Ван) (р.1934) — американский пианист, получивший 1-ю премию на 1-м Международном конкурсе им. П.Чайковского в Москве (1958).

Анатолий Шукин. **Репортаж с Красной площади**

Напечатано в «Фениксе» под заглавием «Люди, слушайте!» с пропуском нескольких строк. Публикуется по рукописи, где имеется впоследствии снятое автором посвящение — «Жертвам 37-го года».

Юрий Галансков. **Человеческий манифест**

Написано в 1960. Впервые напечатано в «Фениксе». Опубликовано в кн.: Юрий Галансков. Франкфурт-на-Майне, 1980; Юрий Галансков. Ростов-на-Дону, 1994. Текст выверен по рукописи.

Алиса Гадасина. «Маяковка» дала нам внутреннюю свободу
Литературная запись.

- ¹ Очевидно, дело происходило на выставке Н.Рериха, в мае 1958; первая послевоенная выставка А.Тышлера прошла только в 1964 в ЦДЛ.
- ² *Кандинский* Василий Васильевич (1866–1944) — художник, поэт. Один из основоположников и теоретиков абстрактного искусства.
- ³ *Бутягина* Варвара Александровна (1901– ?) — поэтесса. Ее стихи пронизаны религиозными мотивами.
- ⁴ *Аполлинер* Гийом (1880–1918) — французский поэт, сюрреалист.
- ⁵ Строчки не В.Ковшина, а М.Каплана из стихотворения «Ноктюрн».
- ⁶ Из стихотворения Ю. Галанскова.
- ⁷ Пьеса Э.Ионеско.

Алиса Гадасина. Кто-то, «То ли горе, то ли скука...»

Оба стихотворения напечатаны в «Фениксе» под псевдонимом Эфа. Публикуются по самиздатскому сборнику: Эфа. Стихи / Составитель Г.Недгар [Ю.Виленский].

Аида Топешкина. Московское золото

Напечатано в «Фениксе» под псевдонимом А.Онежская. Публикуется по тексту перепечатки в «Гранях» (1962. № 52).

Юлий Головатенко. «Эх, романтика, синий дым...»

Напечатано в «Фениксе» под псевдонимом А.Петров. Публикуется по тексту перепечатки в «Гранях» (1962. № 52).

Виталий Скуратовский. Коктейль «Маяковки»

Статья написана специально для настоящего издания.

- ¹ Повесть И.Эренбурга «Оттепель» впервые была опубликована в № 5 журнала «Знамя» за 1954.
- ² Летом 1957.
- ³ Французский драматург Эжен *Ионеско* (1912–1994) и ирландский драматург Самюэл *Беккет* (1906–1989) — основоположники авангардистского «театра абсурда».
- ⁴ «Клуб веселых и находчивых» — популярная в 1960-е–1970-е телеигра.
- ⁵ Игра слов: английское «bread» (хлеб) по-русски звучит как «бред».
- ⁶ Повесть А.Платонова «Котлован» впервые опубликована в 1987.
- ⁷ Имеется в виду автор верноподданических стихов, казахский поэт-акын Джембул.
- ⁸ Мальцев Ю. Вольная русская литература 1955–1975 гг. Франкфурт-на-Майне, 1976.
- ⁹ См. фельетон Л.Лавлинского в наст.изд.
- ¹⁰ К 1960 вышло два сборника Б.Окуджавы: Лирика. Калуга, 1956; Острова. М., 1959.
- ¹¹ Имеются в виду строчки А.Орлова (Н.Нора): «...для самых торжественных дат/ Создавала эпоха поэтов,/ А они создавали солдат».
- ¹² Имеется в виду знаменитая «бульдозерная выставка»: 28 сентября 1974 художники-авангардисты О.Рабин, Л.Мастеркова, В.Немухин, В.Комар,

А.Мелаид, М.Одноралов и другие устроили выставку на одном из пустырей в Беляево. Власти уничтожили выставку бульдозерами (отсюда и название). Некоторые работы погибли. Были арестованы художники О.Рабин, А.Рабин (сын О.Рабина), Н.Эльская и другие.

Вадим Помещиков. Аполлон и Юра

Литературная запись.

- ¹ Располагавшиеся в тылу воюющей армии спецподразделения войск НКВД, в задачу которых входило (среди прочего) препятствовать самовольному отступлению войск — вплоть до применения оружия.
- ² Из стихотворения А.Шухта «В ответ на это/ Вам на зависть...».
- ³ Из стихотворения А.Шухта «Звуки».
- ⁴ Из «Человеческого манифеста» Ю.Галанскова.
- ⁵ В нашей книге восстановлен подлинный текст. См. с.73.
- ⁶ «Бешеным мальчикам» посвящено стихотворение: «Я — за!/ За я-/ сность! / За снос/ Я — за! За я-/ рост!/ За рост/ Я — за!» (Из самиздатского сборника А.Шухта).
- ⁷ Из поэмы А.Шухта «Репортаж с Красной площади».
- ⁸ Галанскова Г.В.
- ⁹ Галансков Т.С. и Галанскова Е.А.
- ¹⁰ Из «Человеческого манифеста».
- ¹¹ В «Фениксе» напечатано шесть стихотворений С.Красовицкого: «Импровизация», «И кончено барсучье лето...», «О весна...», «Отражаясь в собственном ботинке...», «Птичьи крики детей на снегу...», «Вброд».
- ¹² Имеется в виду Минна Стефановна Попенкова (Сергеенко).
- ¹³ В «Фениксе» напечатано четыре стихотворения В.Хромова: «Запылили жиром складки дома...», «Колокольня внахлест отсчитала число...», «Тем не менее темнеет...», «Пустынный череп космогона...». Стихов О.Гриценко в «Фениксе» нет.
- ¹⁴ Нам известно о трех обысках у Ю.Галанскова: весной 1961 — после выхода «Феникса», 6 октября 1961 — в день арестов В.Осипова, Э.Кузнецова и А.Иванова и в конце 1966 — незадолго до ареста его самого.
- ¹⁵ Галанскова Г.В.
- ¹⁶ К.Бабицкий, Л.Богораз, Н.Горбаневская, В.Делоне, В.Дремлюга, П.Литвинов, В.Файнберг, Т.Баева.
- ¹⁷ См. с.268 наст.изд.

Евгений Штеренфельд. Я выполнял функции охранника

Литературная запись.

- ¹ В конце 1950-х — начале 1960-х в кафе «Артистическое» собирался советский андеграунд.
- ² Родители Ю. Галанскова и Е. Штеренфельда жили рядом и дружили семьями.
- ³ Шляпников Александр Гаврилович (1885–1937) — партийный и профсоюзный деятель. В 1920–1922 участвовал в «Рабочей оппозиции». Расстрелян. Реабилитирован в 1988. Преображенский Евгений Алексеевич (1886–1937) — партийный и государственный деятель, экономист. Расстрелян. Посмертно реабилитирован.

⁴ Топешкина (Осипова).

Алена Басилова. Как они смеют бить поэта!

Литературная запись.

¹ Рустайкис А.А.

² Губанов Л.Г.

Зинаида Эскина. Это была обычная, каждодневная жизнь...

Литературная запись.

¹ В частности, из МГУ исключили Л.Рыжкову, И.Мотобривцеву, В.Постовалова, В.Жучкова, М.Лейкина, из «Гнесинки» — Б.Авксентьева, из МИФИ — В.Скуратовского. Были исключенные и из других вузов.

Николай Котрелев. Эпатажные сборища мне были чужды.

Литературная запись.

¹ Стихи Н.Котрелева были напечатаны в «Синтаксисе».

² *Лозинский* Михаил Леонидович (1886–1955) — переводчик, поэт. *Дживелегов* Алексей Карпович (1875–1952) — историк, литературовед, театровед.

Юрий Стефанов. Они были художники, а не бунтари

Литературная запись.

¹ Имеется в виду строчка «В Будапеште советские танки» из стихотворения Ю.Головатенко «Ах, романтика, синий дым...». См. с.108 наст. изд.

² Четверостишие А.Ахматовой (1937).

³ Имеется в виду строчка «Наши души пошли на портянки» из названного стихотворения Ю.Головатенко.

⁴ Некоторые НТСовские издания, предназначенные для нелегального провоза в СССР, издавались в карманном формате на тонкой бумаге. Ксерокопию такого издания «Феникса» видел и А.Щукин в 1963, когда служил в армии: «Меня допрашивали в спецотделе округа и все время спрашивали: “Какие каналы? Кто мог передать?” Но я ничего не знал». (Из беседы составителя с А.Щукиным).

⁵ В «Заметках о журнале “Феникс”» (Грани. 1962. № 52) Н. Тарасова писала: «Размышления над миром и Вселенной Ю.Стефанова вылились в поэму “Песня о пауке”. Она проникнута глубочайшим пессимизмом. Из века в век на земле ничего не меняется. Человеку нет ответа на его вопросы. “Молчание мира — извечный обычай”. И эта “загадка” мироздания мучает поэта. <...> И поэт делает необычное открытие:

Правят миром не Бог, не случай,

Не ученые, не глупцы, —

Только в этой сети паучьей

Все начала и все концы».

Юрий Стефанов. «Рушатся цепи прогресса...»

Напечатано в «Фениксе». Публикуется по тексту перепечатки в «Гранях» (1962. №52).

¹ В 1954 войска США вошли в Республику Гватемала.

² В 1956 Египет в очередной раз воевал с Израилем; в Алжире в 1954–1962 шла война за независимость.

³ После образования КНР (1949) остров Формоза (Тайвань) стал самостоятельным государством. Между ним и континентальным Китаем (где протекает река Янцзы) шла «холодная война».

Владимир Осипов. Площадь Маяковского, статья 70-я

Фрагменты. Впервые опубликовано: Грани. 1971. № 80. Печатается по тексту Архива самиздата: Собрание документов самиздата. Т.7. № 527.

¹ Квартирные выставки — неотъемлемый атрибут художественной жизни конца 1950–1960-х. Искусствовед И.Цирлин у себя дома выставлял работы Л.Мастерковой, Д.Плавинского и других; в квартире молодого репатрианта из Франции А.Волконского прошла выставка В.Яковлева; натюрморты Д.Краснопевцева экспонировались на квартире С.Рихтера и т.д. Предоставляли свое жилье под такие выставки и ребята с «Маяковки». В комнате А.Шухта прошла выставка Л.Кропивницкого, на квартире В.Мартенса — О.Рабина.

² В 1960 в Музее им. Пушкина экспонировалась выставка «Живопись Великобритании: 1700–1960», где были представлены работы современных английских художников всех направлений. На выставке порой завязывались бурные дискуссии.

Роман Карпель. Жрецы «Помойки № 8»

Московский комсомолец. 1960. 29 сентября.

¹ Ю.Рерих не был живописцем. Очевидно, имеется в виду Н.Рерих. См. прим.1 к тексту А.Гадасиной «“Маяковка” дала нам внутреннюю свободу».

² Одна из самых известных картин О.Рабина «барачного» периода.

³ *Малевиц* Казимир Северинович (1878–1935) — художник, теоретик искусства; основоположник супрематизма — одного из видов абстрактного искусства.

⁴ В.Калугин бросил школу в восьмом классе.

⁵ В 1960-е картины О.Рабина уже были известны на Западе и довольно охотно покупались иностранцами.

⁶ В отличие от некоторых других завсегдаев площади В. Осипов никогда не был «тунеядцем».

⁷ А.Г.Васильев был исключен из ВГИКа. Нам неизвестно, произошло это до или после публикации фельетона Р.Карпеля.

Игорь Губерман. Все мы были тогда молодые щенки...

Литературная запись.

¹ Ю.Галансков состоял на психиатрическом учете, и это обстоятельство, по законам того времени, позволяло забирать его в психиатрические больницы всегда, когда это было угодно властям.

² *Оскар* — О.Рабин; *тесть* — Л.Кропивницкий.

³ *Герасимов* Александр Михайлович (1881–1963) — живописец, народный художник СССР. За картины на историко-революционную тему неоднократно награждался Государственными премиями.

Леонид Прихожан. Поступило такое указание...

Литературная запись.

¹ См. прим. 3 к тексту В.Буковского «Гайд-парк по-советски».

² Из стихотворения П.Когана «Поэту» (1937).

³ Имеется в виду рассказ В.Скуратовского «Крышка». Впоследствии опубликован: Скуратовский В. Гримасы нового: Сатирические рассказы и афоризмы. М., 1994.

⁴ Это подтверждается также не вошедшим в книгу свидетельством Б.Авксентьева.

⁵ В этот день были арестованы и получили по 15 суток В.Осипов и А.Щукин.

⁶ Ошибка: Тамара Голубцова была сотрудницей горкома, а не Киевского райкома ВЛКСМ.

⁷ На собрании партактива Москвы прозвучало утверждение, будто в брошюре информационного агентства США «Что срabатывает и что не срabатывает при общении с советскими людьми» говорилось: «Для того, чтобы охватить по возможности наибольшее число советских граждан, агент должен вступать где только возможно в длительные и свободные дискуссии с советскими людьми. Наиболее крупные и интересные толпы собираются по вечерам (после работы) или по воскресеньям. Площадь Маяковского в Москве стала теперь площадью массового скопления публики и является превосходным местом, где можно найти вдумчивых и заинтересованных свидетелей». Цит. по: Стенограмма собрания актива Московской городской партийной организации, 11 января 1962 // Центральный архив общественных движений г.Москвы (ЦАОДМ). Ф.4. Оп.126. Ед.хр.127. Л.181–182.

⁸ Среди дружинников были и студенты.

⁹ Псалом Давида, 1:1.

¹⁰ В.Осипов появился на площади значительно раньше Л.Прихожана.

Владимир Галицкий. О том, как клуб на площади пытались перенести в клуб под крышей

Литературная запись.

¹ Пьеса В.Розова.

² З.Шухова.

³ Никто из других участников нашей книги ничего не знает об этом собрании.

Владимир Буковский. [Тезисы о развале комсомола]

Название условно. Так, по свидетельству В. Буковского, текст был окрещен в КГБ. Копия этого документа находится в Центре хранения документации молодежных организаций (ЦХДМО. Ф.1. Оп.3. Ед.хр.1062. Л.91-93).

¹ Этот абзац обведен красной шариковой ручкой.

² В.Буковский еще в школе сам состоял в юношеской нелегальной организации, не исключено, что он кое-что слышал и о других. Однако «огромное количество» — явное преувеличение.

³ О каких событиях идет речь, неясно.

⁴ Это предложение отмечено на полях документа.

Справка МГК ВЛКСМ, направленная в ЦК ВЛКСМ

ЦХДМО. Ф.1. Оп.32. Ед.хр.1026. Л.39–40. Датируется по содержанию (архивная датировка — 1960 — ошибочна). Пунктуация приведена в соответствии с нормой, ошибки в написании фамилий исправлены без оговорок.

- ¹ Очевидно, имеется в виду участие И.Харабарова в журнале «Синтаксис».
- ² О «пятерках» говорится также и в не вошедшем в наст.изд. интервью с Вячеславом С. Однако, по его сообщению, «пятерки» были созданы на собрании в Измайловском парке в июне 1961. Публикуемый же документ, судя по всему, следует датировать более ранним временем — весной 1961.
- ³ Речь идет об А.Иванове (Рахметове).

Александр Орлов. Тоталитаризм сидел во всех

Литературная запись.

- ¹ Псевдоним, которым впоследствии пользовался А.Иванов (Новогодний) в журнале «Вече».
- ² «Площадь Маяковского, статья 70-я». См. с.136 наст. изд.
- ³ А.Иванов (Рахметов) стихи писал. Одно из них было напечатано в «Фениксе» — «Вечерами, когда за окном...».
- ⁴ В «Фениксе» напечатан стихотворный цикл А.Орлова (под псевдонимом Н.Нор) «Моим друзьям»: «Нет, не нам разряжать пистолеты...», «Если вдруг за мною явитесь вы...», «Нас очень мало. Мы очень слабы...», «Нам не дано поездить по Европе...».
- ⁵ В.Осипов, действительно, передал Ю.Галанскову материалы, оставшиеся от «Бумеранга».
- ⁶ Ответ написал А.Щукин. Приводим его текст:

Нет, и нам разряжать пистолеты,
Нет, идею в тачанку впрячь.
Мы не только апологеты,
Мы поэтами мчимся вскачь.

<...>

Заряжать, заряжать пистолеты.
Только так, истории в такт.
Кто сказал: не борцы поэты?
То ли дело, поэт-солдат.

- ⁷ В первый раз А.Иванов (Новогодний) был арестован в январе 1959. См. с.236 наст.изд.

Григорий Померанц. Эксперимент подполья

Текст представляет собой контаминацию из статьи Г.Померанца «Корзина цветов для Нобелевского лауреата» (Октябрь. 1990. № 11) и интервью, данного составителю весной 1995.

- ¹ *Муравьева* Ирина Игнатьевна (1920–1959) — жена Г.С.Померанца, автор книги «Андерсен» (М., 1959); далее в тексте упоминаются ее сыновья: *Муравьев* Владимир Сергеевич (р.1939) — в настоящее время литературовед, переводчик, сотрудник ВГБИЛ. В 1950-е посещал подпольный кружок В.Н.Осипова, дружил с В.В.Ерофеевым, перепечатал и сохранил его повесть «Москва-Петушки»; *Муравьев* Леонид Сергеевич (1941–1995) — художник-реставратор. В конце 1950-х — начале 1960-х завсегда даей многих московских салонов.

- ² *Муравьев* Владимир Игнатьевич (1912–1953) — брат И.И.Муравьевой, узник сталинских лагерей.
- ³ Имеются в виду волнения в Венгрии и Польше в 1956 г.
- ⁴ «Массовые беспорядки» в Грозном вспыхнули на почве национальной розни, а в Темир-Тау — из-за тяжелых бытовых условий. Во втором случае был организован комитет из восставших рабочих, который вел переговоры с властями. События в Темир-Тау по своим масштабам близки к новочеркасским. См.: Хроника бунтов в СССР от XX съезда до смерти Брежнева // Столица. 1991. № 4; Община: Независимый вестник конфедерации анархо-синдикалистов. 1992. № 40; «О массовых беспорядках. с 1957 года...» // Источник. 1995. № 6.
- ⁵ В «Правде» 4 апреля 1953 появилось сообщение МВД СССР об освобождении и реабилитации врачей, а также об аресте «лиц, виновных в неправильном ведении следствия».
- ⁶ *Гензель* Карл — немецкий экономист, сотрудничавший с Гитлером.
- ⁷ *Хайек* Фридрих фон (р.1899) — английский экономист и философ, противник всякого вмешательства государства в экономику.
- ⁸ Персонаж водевиля Д.Т.Ленского «Лев Гурыч Синичкин» (1839).
- ⁹ *Григоренко* Петр Григорьевич (1907–1987) — генерал Советской Армии, правозащитник, участник Международной Хельсинкской группы. Арестовывался в 1964 и 1969, оба раза отправлен на принудительное лечение в психбольницу. В 1978 лишен гражданства. Умер в США. В 1982 в Нью-Йорке вышла его автобиографическая книга «В подполье можно встретить только крысы» (Журнальный вариант: Звезда. 1990. № 1–12).
- ¹⁰ Л.И.Гинзбург.
- ¹¹ В.Осипов и А.Иванов (Рахметов) бывали на площади еще до знакомства с Г.Померанцем.
- ¹² *Андротов* Юрий Владимирович (1914–1984) — в 1953–1957 посол СССР в Венгрии; в 1967–1982 председатель КГБ СССР; с 1982 Генеральный секретарь ЦК КПСС, одновременно (с 1983) Председатель Президиума ВС СССР.
- ¹³ Имеется в виду общественно-политический Союз «Христианское Возрождение».

Владимир Осипов. Даже Платон воспринимался тогда антисоветски

- ¹ Речь идет о массовых репрессиях, начавшихся после убийства С.М.Кирова (1934).
- ² На самом деле на закрытых партийных и комсомольских собраниях, а также на закрытых собраниях беспартийных сотрудников идеологических учреждений зачитывалось Письмо ЦК КПСС, составленное на основе доклада Н.С.Хрущева на XX съезде партии.
- ³ *Надь* Имре (1896–1958) — в 1953–1955 и в октябре–ноябре 1956 председатель Совета Министров Венгрии. В 1958 осужден за «организацию заговора, направленного против народно-демократического строя в Венгрии, предательство Родины». Казнен. Реабилитирован в 1989.
- ⁴ В книге И.Л.Меера «Как погибла царская семья» (Лос-Анджелес, 1977), представляющей собой «показания бывшего австрийского военнопленного, члена Уральского облисполкома», приводятся документы, из которых следует, что в расстреле царской семьи участвовал некто Имре Надь.

Был ли то будущий вождь венгерских повстанцев — об этом в книге ничего не говорится. Кроме того, большинство исследователей считают, что документы, приведенные в этом издании, — фальшивки.

⁵ С 1950 государственными предприятиями в Югославии руководили выборные рабочие советы, которым предоставлялось право решать вопросы, связанные с организацией производства, выпуском и сбытом продукции, распределением части дохода, оставшейся в распоряжении предприятия. Многие виды продукции могли сбываться по рыночным ценам. Размеры зарплаты рабочих и служащих ставились в зависимость от рентабельности предприятия.

⁶ *Монтан* Ив (1921–1991) — французский актер и шансонье. В 1956 выступал в Москве.

⁷ С помощью создававшихся в деревнях в 1918 комитетов бедноты большевики проводили политику проразверстки.

⁸ Об отсутствии в СССР политзаключенных Хрущев заявлял в это время неоднократно, но не на XXI съезде, а в беседах с иностранными корреспондентами.

⁹ Ср. с хранящимся в ЦАОДМ (Ф.6083. Оп.1. Ед.хр.19. Л.41–43) документом: Из Протокола № 23 заседания бюро комитета ВЛКСМ МГУ от 17 марта 1959 г.

Слушали: Персональное дело студента исторического факультета ОСИПОВА ВЛАДИМИРА НИКОЛАЕВИЧА, 1938 г.р., член ВЛКСМ с 1952 г., к/б №0020095, об исключении из рядов ВЛКСМ. <...>

КОСТИКОВА: Что Вас связывало с Ивановым?

ОТВЕТ: Меня сразу привлекла к нему начитанность и его увлечение философией. <...>

Постановили: За нарушение трудовой дисциплины, систематический пропуск занятий без уважительных причин и поведение, несовместимое со званием советского студента, исключить из рядов ВЛКСМ.

¹⁰ В.Осипов имеет в виду только наиболее известные самиздатские журналы. На самом деле их было значительно больше. В наст.изд. упоминаются журнал «Наша мысль», журнал «Мученик», издававшийся В.Буковским в школьные годы. Безусловно, были и другие.

¹¹ Выставка самодеятельных художников экспонировалась в Манеже в 1961.

¹² «Маяковцы» присутствовали в редакции журнала «Знамя» на обсуждении поэмы А.Вознесенского «Лонжюмо»; вломились они и в ЦДЛ на вечер памяти В.Хлебникова — на вопрос вахтера «По какому вы списку?» кто-то ответил: «По списку Ежова». Пропустили.

¹³ По другим сведениям, листовки все-таки появились.

¹⁴ Выступая 7 августа 1961 по Московскому радио и телевидению по поводу Западного Берлина, Н.С.Хрущев сказал: «Мы будем следить за дальнейшим ходом событий и действовать в зависимости от того, как будет складываться обстановка». После этого было приостановлено сокращение вооруженных сил и принято решение о проведении испытаний ядерного оружия. В заявлении советского правительства, опубликованном 31 августа в «Правде», говорилось, что оно «не выполнило бы своего священного долга перед народами своей страны, перед народами социалистических стран <...> если бы перед лицом угроз и военных подготов-

лений, охвативших США и некоторые другие страны НАТО, оно не использовало бы имеющихся у него возможностей для совершенствования наиболее эффективных видов оружия, способных охладить горячие головы в столицах некоторых держав НАТО».

- 15 А.Шукин объясняет этот эпизод так: «Разговоры о террористическом акте висели в воздухе, Осипов ходил в коричневой рубашке — поэтому, когда он сказал “акция”, я был подготовлен к тому, чтобы воспринять это вполне определенно. И я сказал ребятам — Галанскову, С., Шухту, Ковшину, может быть, кому-то еще, не помню — “Если Осипов задумывает теракт, то я пойду в КГБ и донесу”. Потому что я понимал, что даже попытка теракта может свергнуть страну в катастрофу похуже 1937 года. Но я ничего не сделал. Все ограничилось словами». (Из беседы с составителем).
- 16 В интервью, хранящемся в архиве НИПЦ «Мемориал», Вячеслав С. излагает события по-другому: он пришел к Майданику посоветоваться; Майданик записал все, что ему сообщил С., и через своего знакомого передал эти сведения в КГБ. С. утверждает, что его *привели* в КГБ и там он подтвердил информацию Майданика.
- 17 В сентябре 1961 прошли советско-американские переговоры по разоружению, более-менее удовлетворившие обе стороны. После этого западные державы смирились с существованием Берлинской стены, а Хрущев «забыл» о своей угрозе подписать до конца года мирный договор с ГДР.

Илья Бокштейн. Площадь Маяковского — Тель-Авив.

- 1 Из популярной песни «Широка страна моя родная...». Слова В.Лебедева-Кумача, музыка И.Дунаевского.
- 2 Роман немецкого писателя Т.Манна, основное действие которого протекает в туберкулезном санатории.
- 3 Из стихотворения П.Тычины «Цвети, красуйся, отчизна дорогая» (1940). Перевод Н.Ушакова.
- 4 Больница скорой помощи им. Н.В.Склифосовского в Москве.
- 5 *Гартман* Эдуард (1842–1906) — немецкий философ, представитель «философии бессознательного». Согласно Гартману, всякое желание порождает несчастье, и только отказ от всех желаний ведет к лучшему из возможных состояний — безбоязненности. *Хайдеггер* Мартин (1889–1976) — немецкий философ, один из основоположников экзистенциализма. В СССР труды Хайдеггера не издавались. *Ясперс* Карл (1883–1969) — немецкий философ-экзистенциалист. В доперестроечные времена не издавался.
- 6 «Возможно, с сегодняшней точки зрения, та выставка не была первоклассной. Но сам дух свободной коммуникации, всеобщей раскованности, который царил там, сам факт того, что на стенах висели картины, которых у нас в стране мы до этого не видели и в принципе не могли видеть, — все это оказалось очень важным». (Соболев Ю. //Другое искусство. Т.1. М.,1991. С.38).
- 7 «*Восход*» — сионистский «учено-литературный и политический» журнал, издававшийся в России в 1881–1906.
- 8 *Ренан* Жозеф Эрнест (1823–1892) — французский писатель. Изображал Христа как проповедника, отрицал мистическую сторону христианства.
- 9 Русская газета, издающаяся в Париже.

- ¹⁰ *Гурджиев* Георгий Иванович (1872–1949) — писатель-мистик. *Блаватская* Елена Петровна (1831–1891) — русская писательница и теософ.
- ¹¹ Из стихотворения А.Белого «Родина» (1908).
- ¹² *Алексей Николаевич*, вел.кн. (1904–1918) — сын Николая II.
- ¹³ *Миллюков* Павел Николаевич (1859–1943) — лидер партии кадетов, историк, публицист. *Родзянко* Михаил Владимирович (1859–1924) — один из лидеров октябристов, председатель Государственной Думы III и IV созывов. *Меицкерский* Владимир Петрович, кн. (1839–1914) — писатель, публицист консервативного толка. Автор антиинигилистических романов. Издавал журнал «Гражданин», в котором сотрудничал Ф.М.Достоевский.
- ¹⁴ *Каплан* Фаина Ефимовна (1887–1918) — анархистка; расстреляна по обвинению в покушении на В.И.Ленина.
- ¹⁵ Речь идет о постройках архитектора Афанасия Григорьевича Григорьева (1782–1868), которому приписывается, в частности, создание церкви Большого Вознесения у Никитских ворот в Москве (1820-е гг.).
- ¹⁶ Из неопубликованного стихотворения Л.Губанова «Золотая фреска Вадиму Делоне».
- ¹⁷ *Лавут* Павел Ильич (1898–1979) — организатор лекционных поездок В.В.Маяковского по СССР.
- ¹⁸ «Наша древняя столица» — поэма Н.Кончаловской (1947), посвященная 800-летию Москвы. Неоднократно издавалась «Детгизом».
- ¹⁹ Строчки из поэмы Ю.Галанскова «Человеческий манифест» и из поэмы А.Щукина «Репортаж с Красной площади» (См., соответственно, с. 97 и 94).
- ²⁰ Эту мелодию вызывали куранты Московского Кремля.
- ²¹ *Федоров* Николай Федорович (1828–1903) — религиозный мыслитель.
- ²² *Джойнт* — международная сионистская организация.
- ²³ Вероятно, В.А.Жучков, который был инвалидом, но все-таки как-то мог ходить.
- ²⁴ Иванов (Рахметов) и Иванов (Новогодний).
- ²⁵ Скорее всего, И.Бокштейн ошибается: по-видимому, то были не особмилыбы (члены особых бригад содействия милиции), а комсомольцы из оперотрядов. В Постановлении ЦК КПСС и СМ СССР от 2 марта 1959 «Об участии комсомольских организаций в охране общественного порядка в стране» говорилось: «Народные дружины отличаются от бригад содействия милиции <...> прекративших свое существование в связи с созданием народных дружин. <...> Бригады милиции непосредственно подчинялись милиции, а методы их работы ничем не отличались от методов сотрудников милиции. Народные дружины имеют более широкие задачи. Здесь речь идет <...> о передаче отдельных функций по охране общественного порядка представителям общественности, народным дружинам».
- ²⁶ Институт судебной психиатрии им.В.П.Сербского в Москве.
- ²⁷ Статья 72 УК РСФСР «Организационная деятельность, направленная к совершению особо опасных преступлений, а равно участие в антисоветской организации» не предусматривала отдельной санкции, но — на практике — усугубляла ответственность по другим статьям обвинения.
- ²⁸ Очевидно, имеются в виду члены кружка Л.Краснопевцева. Состоял из *выпускников* (а не профессоров) исторического факультета МГУ.
- ²⁹ В книге А.Шифрина «Четвертое измерение» (Франкфурт-на-Майне, 1973), очевидно, тот же самый эпизод излагается иначе: «Приехали к нам

из Ленинграда студенты-фашисты <...> эти “фашистенки” <...> решили, что <...> они легко устроят еврейский погром. <...> у нас было создано совещание и распределены роли <...> Но Илюшу мы не пригласили: зачем тревожить человека, не могущего участвовать в физическом сопротивлении? А он узнал от кого-то об очередном сборище фашистов, явился к ним один и заявил: “Вы, мерзавцы! Посмейте только устроить провокацию! Костей не соберете!” Мне потом рассказывал один из очевидцев: “Мы просто опешили. Думали, что это вы подослали малыша этого...” А Илья, произнеся свое грозное предупреждение, вышел и побрел погруженный в свои отвлеченные рассуждения» (С.372–373).

³⁰ Начальная строфа стихотворения Г.Черепова «Братьям». Полный текст см.: Шифрин А. Четвертое измерение. Франкфурт-на-Майне, 1973. С.209.

³¹ В перестроечные времена в печати появлялась лишь одна подборка стихов В.Соколова — в кишиневском журнале «Кодры» (1992. № 6).

³² Владимирская тюрьма — одна из самых страшных советских тюрем. Из политлагерей заключенных переводили туда «за систематическое нарушение режима».

³³ *Якунин* Глеб Павлович (р.1932) — священник. В 1965 направил (совместно с Н. Эшлиманом) открытое письмо патриарху, епископам и Председателю Президиума ВС Н.В.Подгорному с требованием прекратить вмешательство Совета по делам религий во внутрицерковную жизнь. В 1976 основал Христианский комитет защиты прав верующих в СССР. Члены комитета неоднократно выступали с протестами против арестов участников правозащитного движения. В 1979 арестован и осужден на 5 лет строгого режима и 5 лет ссылки. В 1990-е — депутат российского парламента, в настоящее время сопредседатель движения «Демократическая Россия».

³⁴ Один из эвфемизмов для обозначения советской власти.

[Тезисы]. Из изъятого при обыске у И.В. Бокштейна

Этот документ был приложен к записке Н.Соловьева и Л. Керестеджиянца в ЦК ВЛКСМ (см. с.249 наст. изд.) и хранится вместе с ней в ЦХДМО (Ф.1. Оп.3. Ед.хр.1062).

Эдуард Кузнецов. Я родился на Земле...

¹ Кузнецов Э. Дневники. Париж, 1973; Кузнецов Э. Мордовский марафон. Иерусалим, 1979.

² *Лишенцами* называли людей, которые в 1918–1936 были лишены в СССР избирательных (а как следствие и ряда других) прав.

³ Повесть А.Мусатова (1948) — советский детский бестселлер.

⁴ Согласно Указу Президиума ВС от 12 сентября 1957 «О вовлечении в промышленное и сельское производство молодежи, оканчивающей средние общеобразовательные школы», имеющим «производственный стаж» отводилось 80% мест в вузах, школьникам — только 20%.

⁵ Имеется в виду отказ Б.Пастернака от Нобелевской премии и его письма по этому поводу к Хрущеву и в «Правду» (ноябрь 1958).

⁶ *«Курьер ЮНЕСКО»* — ежемесячный журнал ООН по вопросам образования, науки и культуры. На русском языке выходил с 1957. Журнал *«Иностранная литература»* был возобновлен в 1955. На его страницах впервые были опубликованы некоторые произведения Г.Грина, Г.Белля, Ж.-П.Сартра, А.Моравиа, Э.Хемингуэя и др.

- ⁷ Ганди Мохандас Карамчанд (1869–1948) — один из лидеров индийского национально-освободительного движения, философ, идеолог ненасильственных политических действий.
- ⁸ Котов Михаил Иванович (р.1914) — журналист, писатель, общественный деятель, ответственный секретарь Советского комитета защиты мира, в настоящее время член Союза российских писателей.
- ⁹ В СССР существовала практика: «вредные народу» книги издавались ограниченными тиражами для партийной элиты (каждый экземпляр был пронумерован).
- ¹⁰ «Закон о новом значительном сокращении Вооруженных Сил СССР» был принят 15 января 1960. Ст.1 гласила: «Провести <...> сокращение Вооруженных Сил СССР на 1 200 000 человек».
- ¹¹ На площади действовали поочередно оперотряды райкомов и горкома комсомола. Некоторые из них (Краснопресненский, Ленинградский), по отзывам очевидцев, отличались особой свирепостью.
- ¹² Защита выступавших не всегда была стихийной.
- ¹³ Очевидно, имеется в виду Владимир Жучков.
- ¹⁴ Вероятно, это была квартира Владимира Мартенса — друга А.Щукина и Вячеслава С.
- ¹⁵ В.Вишняков не подтверждает это сообщение.
- ¹⁶ Очевидно, речь идет о Викторе Рафальском.
- ¹⁷ А.Щукин вспоминает, что «дачей» был лианозовский барак, где жил Осипов.
- ¹⁸ См. прим. 14 к тексту В.Осипова «Даже Платон воспринимался тогда антисоветски».
- ¹⁹ На побережье Карибского моря (Куба) были размещены советские ракеты, нацеленные на США. В 1962 правительство США в ультимативной форме потребовало от СССР вывезти их с Кубы. Создалась угроза вооруженного конфликта с непредсказуемыми последствиями. К счастью, стороны сумели договориться.
- ²⁰ В обвинительном заключении сформулировано так: «Обсуждали возможность совершения террористического акта в отношении Главы Советского правительства». См. с.241 наст.изд.
- ²¹ Очевидно, Э.Кузнецов имеет в виду ст.66 УК РСФСР. См. прим. 6 к тексту В.Буковского «Гайд-парк по-советски».
- ²² Е.Строева.
- ²³ Лагерь особого режима.
- ²⁴ Например, тагуировка на лбу «Раб КПСС» квалифицировалась как политическое преступление.
- ²⁵ Из ст. 107 ИТК РСФСР: «За освобожденными из мест лишения свободы особо опасными рецидивистами и лицами, отбывающими наказания за тяжкие преступления <...> если их поведение в период отбывания наказания в местах лишения свободы свидетельствует об упорном нежелании встать на путь исправления и приобщения к истинной трудовой жизни, устанавливается административный надзор органов милиции». Статья ставила заключенных в полную зависимость от произвола лагерной администрации, которая могла дать или не дать заключение о необходимости надзора.

- ²⁶ Поселок по Ярославской железной дороге, расположенный за сотым километром от Москвы, — поэтому там имели право селиться вышедшие из лагерей.
- ²⁷ *Максимов Владимир Емельянович* (1932–1995) — писатель. В 1974 эмигрировал во Францию. В том же году начал издавать и редактировать журнал «Континент».
- ²⁸ *Максвелл Роберт* (1923–1991) — предприниматель и финансист, издатель. Погиб при невыясненных обстоятельствах.

Из протокола обыска у Кузнецова Э.С.

Архив НИПЦ «Мемориал». Орфография, а также ошибки в фамилиях и инициалах исправлены.

- ¹ Статьи, где излагаются правила проведения обыска.
- ² Далее перечисляются различные записные книжки.
- ³ Далее перечисляются тетради с записями, типа «Понедельник. Встаю в 7 часов...», «Я буду рад...» и т.п.
- ⁴ Очевидно, это и был экземпляр так называемых «Тезисов о развале комсомола», написанных В.Буковским. См. с.153 наст.изд.
- ⁵ *Соболев Леонид Сергеевич* (1898–1971) — писатель. В 1957–1970 председатель правления Союза писателей РСФСР, в 1958–1971 депутат Верховного Совета СССР. Герой документальной повести В.Тендрякова «Охота».
- ⁶ *Пересветов И.* — предположительно псевдоним Ю.Т.Галанскова. Под этим псевдонимом в «Фениксе» напечатано публицистическое эссе «Людям нужен кумир...».
- ⁷ Стихотворение Ю.Головатенко. Полный текст см. на с.108 наст.изд.
- ⁸ Краткая рецензия на «Коктейль» была напечатана в «Фениксе». Приводим ее сокращенный текст: «В начале декабря в Москве вышел новый поэтический сборник “Коктейль”. <...> Небольшой по объему, “Коктейль” собрал стихи семи родственных по стилю поэтов. Их сближает общность мироощущения, очень удачно выраженная поэтом Шарлем: “Все, что вокруг —/ это грустный коктейль/ из истины, лжи,/ снов и желаний...”. Во многих стихах звучат нотки усталости, отрешенности от серых, тусклых будней. Это заметно сказывается на тональности сборника в целом. Нередко протест авторов проявляется в уходе в мир вольного искусства, в богему. <...> Упадочны, на наш взгляд, этюды поэта С.К. “Озеро” и особенно “Город”. В “душном запахе городской осени” поэт видит “яд однообразия”, признаки умерщвления, “оскудения личности”. В отдельных стихах (“Символ”, “Видение” и др.) чувствуется интонация подражания поэтам предреволюционного периода, что, впрочем, находит глубокое и естественное объяснение. В заключение короткой аннотации хочется отметить приятное оформление сборника, прекрасно гармонирующее с его содержанием. “Коктейль” выпущен небольшим тиражом».
- ⁹ Ошибка: стихотворение «Репортаж с Красной площади» принадлежит А.Щукину, а не И.Харабарову.
- ¹⁰ В переводе А.Орлова. Напечатано в «Фениксе» под псевдонимом Н.Нор.
- ¹¹ Ни тексты этих стихов, ни их авторы нам неизвестны. Возможно, это материалы, собранные для не увидевшего свет «Феникса—62».
- ¹² У Сергея Михайловича Третьякова нет стихотворения «Скрябин». Вероятно, речь идет о ком-то другом. Возможно, это псевдоним.

¹³ Далее перечисляются различные листы копировальной бумаги, чистые и с неразборчивым текстом.

Анатолий Иванов. Гаврило Принцип наоборот

- ¹ *Принцип* Гаврило (1894–1918) — сербский революционер, член радикальной организации «Молодая Босния», один из организаторов убийства в Сараево 28 июня 1914 эрцгерцога Франца Фердинанда. Приговорен к 20 годам заключения, умер в тюрьме. Убийство стало поводом к военному нападению Австро-Венгрии и Германии на Сербию, положившему начало первой мировой войне.
- ² Стихотворение написано в 1944 (рус. перевод В.Цвелева). Раскритиковано в «Правде» 2 июля 1951 в передовой статье — «Против идеологических извращений в литературе».
- ³ Имеется в виду Трубная площадь.
- ⁴ Солдаты на грузовиках не только вытягивали из толпы живых людей, но и складывали в машины трупы.
- ⁵ Посмертное Собрание сочинений С.Есенина со вступительной статьей А.К.Воронского (Т.1–4. М.; Л., 1926–1927).
- ⁶ Имеется в виду популярная песня «Моя Москва» (1941) на музыку И.Дунаевского.
- ⁷ «*Мечта сбылась*» («Митря Кокоря») — румынский кинофильм (1952) по роману М.Садовяну; режиссеры В.Илиу и М.Садова. Фильм о крестьянине, который становится «сознательным строителем социалистического общества».
- ⁸ Контрреволюционные силы: Из Белой книги Венгерского правительства / Изд. Информационного бюро Совета Министров ВНР / Пер. с венг. Ч.1–4. М., 1956–1957.
- ⁹ СПБ — спецпсихбольница — так официально назывались тюремные психиатрические больницы.
- ¹⁰ *Мартыновиче* Александр — политзаключенный, в конце 1950-х содержался в Ленинградской спецпсихбольнице.
- ¹¹ 22 января 1969 «во время торжественной встречи летчиков-космонавтов» мл. лейтенант Виктор Иванович *Ильин* (р.1947) предпринял попытку покушения на Генерального секретаря ЦК КПСС Брежнева, убил шофера правительственной машины, ранил мотоциклиста из сопровождающего кортежа. Был признан невменяемым и отправлен в Казанскую тюремную психбольницу, где провел около 20 лет.
- ¹² Имеется в виду Казанская СПБ.
- ¹³ Всесоюзное общество охраны памятников истории и культуры (ВО-ОПИК). Здесь зародилось движение «Память».
- ¹⁴ *Михайлов* Олег Николаевич (р.1933) — критик, литературовед. В своих работах придерживается почвеннической ориентации.
- ¹⁵ *Янов* Александр Львович (р.1930) — историк, публицист, политолог. В 1972 эмигрировал в США. Автор многих книг, в главной из которых — «Русская идея и XXI век» — рассматривается история и перспектива российского почвенничества. Популярностью пользуется его книга «После Ельцина» (М., 1995).
- ¹⁶ Речь идет о дискуссии «Литературная критика ранних славянофилов» (Вопросы литературы. 1969. № 5–12). Статья А.Иванова «Отрицательное

достоинство» была опубликована в № 10. В 1989 в «Молодой гвардии» (№ 8) появилась его статья «Это начиналось так» — глава из работы «Триумф самоубийц», впервые опубликованная в 1975 в самиздатском журнале «Московский сборник» (редактор-составитель Л.Бородин).

¹⁷ «Память» — общественная организация националистического толка.

¹⁸ Имеется в виду самиздатский документ «Программа демократов России, Украины и Прибалтики» (1969), содержавший анализ мирового национально-освободительного движения, а также ряд программных положений общедемократического характера.

¹⁹ В «Слове нации» говорилось: «Демократические институты не несут с собой исцеления, скорее наоборот, углубляют болезнь. <...> Мы стремимся к возрождению национального чувства <...> Национальная революция начинается с личности. Кончиться она должна появлением мощного национального государства, служащего центром притяжения для здоровых элементов всех братских стран. В этом государстве русский народ на самом деле, а не по ложному обвинению, должен стать господствующей нацией, не в смысле угнетения других народов, а хотя бы в том, чтобы русские не становились жертвами дискриминации и даже террора в отдельных частях своей собственной страны. Когда мы говорим: “Русский народ”, — мы имеем в виду действительно русских людей, по крови и духу. Беспорядочной гибридизации должен быть положен конец. <...> **ДА ЗДРАВСТВУЕТ ПОБЕДА ХРИСТИАНСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ НАД ВЗБУНТОВАВШИМСЯ ХАОСОМ! ДА ЗДРАВСТВУЕТ ВЕЛИКАЯ ЕДИНАЯ И НЕДЕЛИМАЯ РОССИЯ! С НАМИ БОГ!**»

Обвинительное заключение

Публикуется в сокращении. Исключены повторы в констатирующей части. Ошибки в написании известных нам фамилий и в инициалах исправлены.

¹ В воспоминаниях И.Мотобрицевой, не вошедших в наст. изд., содержится утверждение, что приглашенные ею ребята говорили о необходимости связей с мировой общественностью — и ничего другого.

² Имеется в виду Эрик Каплан.

³ В Измайловскую группу, обсуждавшую план антисоветской организации, И.Бокштейн не входил и не знал о ее существовании.

Н.Соловьев, Л.Керестеджияни. Докладная записка в Бюро ЦК ВЛКСМ; Сопроводительное письмо

ЦХДМО. Ф.1. Оп.3. Ед.хр.1062. Здесь и далее тексты документов в самых необходимых случаях приведены в соответствие с нормами орфографии и пунктуации. Стилистические особенности сохранены.

¹ Против этих строк рукописная помета: «Вот их кредо! Вот и ясен источник!»

² Неточная цитата из стихотворения А.Орлова (Н.Нора). Полный текст см. с.11 наст. изд.

³ Из стихотворения «Ты, которому девятнадцать лет...», напечатанного в «Фениксе» за подписью В.Нильский. Очевидно, псевдоним.

⁴ Имеется в виду текст, который мы публикуем под условным названием «Тезисы о развале комсомола». См. с.153 наст.изд.

⁵ «Профилактикой» назывался вызов человека в КГБ для предупредительной беседы или «проработка» его на партийном, комсомольском собрании, воздействие на него через администрацию и т.п.

⁶ Студенты в этом оперотряде были в основном из МАИ.

⁷ Автор статьи Л. Архипова.

Из протокола № 42 заседания Бюро ЦК ВЛКСМ

ЦХДМО. Ф.1. Оп.3. Ед.хр.1062

¹ Журнал «Смена» не «выступил» с материалами, «разоблачающими и высмеивающими» поэтов плл.Маяковского. Отсутствие в этом перечне «Московского комсомольца» понятно: он «выступил» в тот же день — см. следующий материал.

А.Нагайцев, Ю.Некрасов. За спиной у поэта

Московский комсомолец. 1961. 16 ноября.

¹ Утверждение о том, что «поэты-маяковцы» пытались печататься в официальной советской прессе, кочевало из фельетона в фельетон. Журналисты не представляли себе, что возможна принципиально иная жизненная позиция.

² Из стихотворения А.Шухта «Я сел писать поэму...», которое не было напечатано ни в одном из самиздатских журналов. Вероятно, оно было отобрано при обыске или попало в редакцию «оперативным» путем.

³ Имеются в виду строчки из стихотворения В.Маяковского «Птичка божья»: «Вы, мусье,/ из канареек,/ чижик вы, мусье,/ и дрозд».

⁴ Нам известна только одна нейтрально-благожелательная статья о чтениях на площади — К.Лапина (см. с.28 наст.изд.). «Леон Гаррос ищет друга» — советско-французский фильм (1961) по сценарию С.Михалкова и других, где кадры чтений на площади Маяковского использованы для доказательства свободы слова в СССР.

⁵ Народу на площади становилось все больше и больше, пространство же между постаментом и проезжей частью было невелико. А «за спиной у поэта» находился довольно большой сквер, поэтому чтения переместились туда.

⁶ Очевидно, имеются в виду строчки не Галанскова, а А.Шукина «В небо спутники запускаючи, По коровам Америку обгоняючи». Из поэмы «Репортаж с Красной площади». Полный текст см. на с.94 наст.изд.

⁷ Подробнее см.: Буковский В.К. И возвращается ветер... М., 1990. С.95–101.

⁸ Буковский никогда не читал на площади своих стихов — не считал их достойными.

⁹ Имеется в виду попытка В.Носова перейти границу.

¹⁰ Цитата почти дословно совпадает с той, что приводят в своей докладной записке Н.Соловьев и Л.Керестеджиянц. Это указывает на их общий источник — показания И.Бокштейна на следствии.

¹¹ «Стихи о происхождении» (1959).

¹² Лидеры «Маяковки» были арестованы за сорок дней до появления этого фельетона. Тогда же были прекращены и чтения, о чем А.Нагайцев и Ю.Некрасов не могли не знать.

Из протокола № 3 заседания бюро комитета ВЛКСМ МГУ им. Ломоносова

ЦАОДМ. Ф.2907. Оп.2. Ед.хр.315. Л.98.

Из доклада Л.Г.Андреева на закрытом заседании партбюро филологического факультета МГУ

ЦАОДМ. Ф.78. Оп.4. Ед.хр.18.

Из справки о подготовке кадров и идейно-воспитательной работе в Московском государственном университете

ЦАОДМ. Ф.4. Оп.135. Ед.хр.21. Л.19. Справка предназначалась для МГК КПСС. Согласно архивной пометке, датируется 24 апреля 1962.

Из справки секретаря партбюро механико-математического факультета МГУ В.Г.Карманова

ЦАОДМ. Ф.4. Оп.135. Ед.хр.18. Л.39–41.

¹ Любопытно, что описанный здесь эпизод со студентом М.Лейкиным еще долго обсуждался в комсомольских верхах. Об этом свидетельствует следующий фрагмент из доклада «Некоторые вопросы коммунистического воспитания молодежи и задачи комсомольских организаций» на Пленуме ЦК ВЛКСМ 26 апреля 1963(!): «Наши идейные противники на Западе сделали серьезную ставку на ослабление идейных позиций наших молодых художников, писателей, поэтов. Начиная с площади Маяковского, где молодые “вихляющие таланты” показывали свое “левое”, “непризнанное” искусство, буржуазная пропаганда всегда использовала шатание идейных позиций молодых авторов. Мы помним еще собрания на площади Маяковского и помним, что среди простых “присутствовавших” там были и студенты Московского университета, не сумевшие правильно оценить события. Комсомольский актив еще помнит, как долго пришлось убеждать комсомольцев III курса механико-математического факультета в том, что ЛЕЙКИН допускает серьезные политические ошибки. Вместе с ЛЕЙКИНЫМ так или иначе “Маяковкой” связан бывший студент V курса ЭНГВЕР, исключенный из рядов ВЛКСМ. <...> ЭНГВЕР и ЛЕЙКИН начинали с того, что не в группе, не в своем коллективе отыскивали себе друзей, а нашли их в “единомышленниках” с площади Маяковского». (ЦАОДМ. Ф.6083. Оп.1. Ед.хр.54).

Из протокола № 3 заседания районного партактива Ленинградской партийной организации г.Москвы

ЦАОДМ. Ф.74. Оп.47. Ед.хр.23. Л.101–102.

¹ Очевидно, имеется в виду Чернышев, член комитета ВЛКСМ «Моспроекта».

А.Елкин. Кубарем с Парнаса

Комсомольская правда. 1962. 14 января.

¹ Заголовок намеренно переключается с названием фельетона А.Ивашенко о А.Гинзбурге «Бездельники карабкаются на Парнас», опубликованного в 1960 в «Известиях».

² Из стихотворения А.Щукина «День, что ни день — праздник...», неоднократно читавшегося на площади.

³ Начальные строки стихотворения В.Хромова, напечатанного в «Фениксе».

⁴ Из несохранившегося стихотворения А.Щукина.

⁵ Первые строки стихотворения В.Вишнякова.

⁶ Первые строки стихотворения В.Вишнякова. Полный текст см. на с.90.

⁷ О реальных отношениях с отцом В.Буковский написал в книге «И возвращается ветер...» (М., 1990. С.121–122).

⁸ У «мадам Фриде» никто комнату не снимал. Туда приходили, а если кто-то какое-то время и жил (напр., Г.Сапгир), то бесплатно; о бананово-лимонном Сингапуре поется в песне А.Вертинского.

⁹ Галансков читал и сам, но, так как за ним шла непрерывная охота, часто его стихи читали другие.

¹⁰ «Плесьень» — название получившего большой общественный резонанс фельетона Б.Протопопова и И.Шатуновского (Комсомольская правда. 1953. 19 ноября) о «золотой молодежи», докатившейся до убийства.

Вл.Котов. Пигмеи

Молодой коммунист. 1962. № 1.

¹ В кругу «маяковцев», действительно, существовало разделение на «поэтов» и «философов». См. интервью с В.Вишняковым на с.75 наст. изд.

² Возможно, намек на статью К.Лапина «О “клубе” на площади и клубах, которых нет». См. с.28 наст. изд.

³ См. прим.10 к фельетону А.Елкина «Кубарем с Парнаса».

Л.Лавлинский. Обнаглевший нуль

Молодой коммунист. 1962. № 2.

¹ Напечатано в самиздатском журнале «Коктейль».

² Из прозаической миниатюры В.Вишнякова (Ковшина). Без названия. Напечатано в «Фениксе».

³ Стихотворение напечатано в «Фениксе» за подписью В.Нильский. Очевидно, псевдоним.

⁴ Из стихотворения А.Шухта «Я сел писать поэму». См. также прим.2 к фельетону А.Нагайцева и Ю.Некрасова «За спиной у поэта».

⁵ У Шухта жили и Шукин, и Вишняков, и М.Каплан.

⁶ Такие художественные произведения сейчас называют инсталляциями.

⁷ Из стихотворения В.Вишнякова «Мне говорили “не надо”...». Полный текст см. на с.90 наст.изд.

⁸ Имеется в виду салон «мадам Фриде»; намек на журнал «Коктейль», который читали в этом салоне.

⁹ В протоколе № 3 заседания районного партактива Ленинградской партийной организации г.Москвы от 19 января 1962 (ЦАОДМ. Ф.74. Оп.47. Ед.хр.23. Л.35–36) говорится о некоем Дайчике, «который распространял порнографические открытки и соответствующего содержания статьи». Этот же Дайчик, согласно докладной записке Н.Соловьева и Л.Керестеджиянца (см. с.249 наст.изд.), читал на площади «стихи, воспевающие разврат». Очевидно, на эти источники (или, скорее, некий общий первоисточник) и опирается Л.Лавлинский, экстраполируя компромат на всех завсегдаев площади.

¹⁰ Подробности об исключении В.Буковского из университета см.: И возвращается ветер... М., 1990. С.117–118.

¹¹ См. с.153 наст.изд.

Юрий Галансков. Письмо в Комитет государственной безопасности
Впервые опубликовано: Русская мысль. (Париж). 1968. 20 апреля. Публикуется по тексту: Юрий Галансков. Ростов-на-Дону, 1994. С.47–52.

- ¹ Письмо обращено к генералу КГБ В.Белоконову.
- ² Имеется в виду XXII съезд, открывшийся 17 октября 1961.
- ³ См.: Галансков Ю. К проекту программы Всемирного союза сторонников всеобщего разоружения //Юрий Галансков. Ростов-на-Дону, 1994. С.52–58.
- ⁴ Имеется в виду памятник героям Плевны в Москве.
- ⁵ См. с.17, 179 и 223 наст.изд.
- ⁶ Имеется в виду «антипартийная группа» Г.Маленкова, В.Молотова, Л.Кагановича и «примкнувшего к ним» Д.Шепилова.
- ⁷ А.Шелепин в речи на XXII съезде сказал: «...они (органы госбезопасности. — Л.П.) стали широко применять предупредительные и воспитательные меры в отношении тех советских граждан, которые совершают политически неправильные поступки, порой граничащие с преступлением, но без всякого враждебного умысла, а в силу своей политической незрелости или легкомыслия».
- ⁸ *Шейнин* Лев Романович (1906–1967) — следователь, писатель. В 1923–1950 работал в судах и прокуратуре. Участвовал в фабрикации многих политических дел в сталинские времена. Автор «Записок следователя» и др. советских детективов. Прототип Романа Львовича Штерна в романе Ю.Домбровского «Факультет ненужных вещей». Здесь имеется в виду его очерк «Сила и вера» (Шейнин Л. Человек и закон. М., 1960).
- ⁹ Имеются в виду вызовы на так называемые профилактические беседы.

Приложение

Публикуется впервые по тексту из архива Ю.Галанскова, хранящегося у А.Викторова. В рукописи — приписка: «Аналогичные приложения необходимо написать для копии в ЦК, в Контрольную комиссию при ЦК и в Центральное управление КГБ».

Э.А. В ЦК КПСС по поводу публичных чтений и дискуссий на площади Маяковского

Впервые опубликовано: Русская мысль. (Париж). 1968. 20 апреля. Печатается по тексту: Архив самиздата // Собрание документов самиздата. Т.4. № 243.

- ¹ XXII съезд принял постановление «О Мавзолее Владимира Ильича Ленина»: «признать нецелесообразным дальнейшее сохранение в Мавзолее саркофага с гробом И.В.Сталина, т.к. серьезные нарушения Сталиным ленинских заветов, злоупотребление властью, массовые репрессии против честных советских людей и другие действия в период культа личности делают невозможным оставление гроба с его телом в Мавзолее В.И.Ленина».
- ² Чтения возникли сразу же после открытия памятника в июле 1958, но с осени 1960 они приняли явно оппозиционный характер.
- ³ Имеется в виду СОЧ. Подробности см.: с.196 наст.изд.
- ⁴ Имеются в виду: В.Осипов, Э.Кузнецов, А.Иванов (Новогодний). По крайней мере один из них — В.Осипов — оказывал очень большое влияние на площадь.
- ⁵ «Репортаж с Красной площади». Полный текст см. на с.94 наст.изд. После своего ареста на 15 суток 14 апреля 1961 А.Шукин перестал читать «Репортаж» на «Маяке». Но он никогда не отказывался от этой поэмы.

- ⁶ Возможно, речь идет о попытке создания «Клуба любителей искусства» (см. С.150–152 наст.изд.), натолкнувшейся на запрет Харламова.

Евгений Евтушенко. Из речи на заседании идеологической комиссии при ЦК КПСС

Опубликовано: Известия ЦК КПСС. 1990. № 11. С.199–203. Текст в стенографической записи.

- ¹ Поводом для данного заседания послужило посещение Н.Хрущевым выставки московских художников 1 декабря 1962 и состоявшаяся 17 декабря 1962 встреча руководителей партии с деятелями литературы и искусства.
- ² Имеется в виду книга А.Есенина-Вольпина «Весенний лист» (Лондон, 1961). Е.Евтушенко, по сути, повторяет то, что сказал о Есенине-Вольпине секретарь ЦК КПСС Л.Ф.Ильичев на встрече с деятелями литературы и искусства (декабрь 1962).
- ³ Литературоведческих статей ни в «Синтаксисе», ни в «Коктейле» не было.
- ⁴ Выражение, которое употребил А.Дейнека в выступлении на этом заседании.

Интервью с умершим поэтом

- ¹ Стихотворение из личного архива Ю.Галанскова. (Хранится у А.Викторова, копия в НИПЦ «Мемориал»).
- ² То же.
- ³ Из поэмы Ю.Галанскова «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»
- ⁴ См.: Мое человеческое, или Удар в заспанную рожу равнодушия: Поэтический манифест (1961). Хранится в личном архиве Ю.Галанскова.
- ⁵ Из стихотворения «Убийство» (1956 или 1957), хранящегося в личном архиве Ю.Галанскова.

Венок Юрию Галанскову

- ¹ Из поэмы Л.Губанова «Дуэль с Родиной», посвященной *светлой памяти Юрия Галанскова*. Опубликовано в кн.: Губанов Л. Ангел в снегу. М., 1994.
- ² Опубликовано полностью: Юность. 1993. № 5.
- ³ Название дано составителем. Опубликовано: Кушев Е. О Юрии Галанскове //Юрий Галансков. Ростов-на-Дону, 1994. С.181–184.
- ⁴ В организации демонстрации кроме Ю.Галанскова участвовали А.Есенин-Вольпин, В.Буковский, В.Батшев, Ю.Вишневская и другие.
- ⁵ *Дрейфус* Альфред (1859–1935) — офицер французской армии, еврей. В 1894 г. был приговорен к пожизненной каторге по ложному обвинению в шпионаже в пользу Германии. Под давлением общественности был сначала помилован, а затем и оправдан (1906).
- ⁶ «Феникс-66» был закончен в декабре 1966. На титуле стояли фамилия и адрес главного редактора и издателя Юрия Галанскова.
- ⁷ Под заглавием «Можете начинать...» опубликовано в кн.: Юрий Галансков. Ростов-на-Дону, 1994. С.64–66.
- ⁸ Несмотря на тяжелое состояние здоровья Ю. Галансков принял активное участие в голодовке протеста заключенных лагпункта 17а Дубравлага (поселок Озерный, Мордовия) в ноябре 1969 и в других.
- ⁹ Иоанн, 15:13.

- ¹⁰ Статья опубликована: Washington Post. 1965. 12 July. Рус. пер. печатается по кн.: Батшев В. Записки тунейдца. М., 1994.
- ¹¹ В 1965 войска США вошли в Доминиканскую Республику.
- ¹² *Кааманьо* Франсиско (р.1933) — полковник, возглавивший борьбу против вторжения США в Доминиканскую Республику. *Имберт* Антонио — генерал, в 1965 возглавил борьбу за установление проамериканского режима в Доминиканской Республике. *Джонсон* Линдон (1908–1973) — президент США (1963–1969). В его президентство войска США вторглись в Доминиканскую Республику (1965).
- ¹³ В 1965 Галансков работал в Литературном музее рабочим.
- ¹⁴ В Германии, в журнале «Грани» (1962. № 52) был перепечатан «Феникс». Публикации Ю.Галанскова в Англии (до 1965) нам неизвестны.
- ¹⁵ «Феникс» тиражировался только на пишущих машинках, и там не было рассказов.
- ¹⁶ На Запад «Феникс» попал целиком.
- ¹⁷ Очевидно, это была Татьяна Смеян (ныне Братусь), помогавшая Ю.Галанскову сделать транспаранты.
- ¹⁸ Название дано составителем. Печатается по: Батшев В. Записки тунейдца. М., 1994. С.149–152.
- ¹⁹ Так молодежь называла скверик у гуманитарных факультетов МГУ.
- ²⁰ Ни Губанов, ни Батшев в описываемое время не были студентами. Галансков учился на вечернем отделении исторического факультета МГУ.
- ²¹ А.Щукин продолжал писать стихи еще и через двадцать лет после «Маяковки».
- ²² В апреле 1966 В.Батшев был арестован, обвинен в тунейдстве и выслан в село Большой Улуй Красноярского края.
- ²³ Статьи Ю.Галанскова собраны в кн.: Юрий Галансков. Ростов-на-Дону, 1994. С.47–109.
- ²⁴ В Голутвинском переулке Ю.Галансков жил вместе с родителями.
- ²⁵ Хранится в личном архиве Ю.Галанскова.
- ²⁶ Там же.

Михаил Каплан. Моя российская судьба

- ¹ Эпиграф взят из предисловия к кн.: Каплан М. Предчувствие беды. Москва; Париж, 1988.
- ² Есенин С. Сочинения. Т.1–2. М., 1958 — первое за несколько десятилетий представительное издание С.Есенина. Автор вступительной статьи (К.Л.Зелинский) пытался отделить в поэзии Есенина «полезное» для советского человека от «вредного».
- ³ Совместное обучение было введено в 1954.
- ⁴ «Патефонный самиздат» в 50-е записывался на рентгеновских пленках — как правило, использованных: на такой «пластинке» зачастую можно было разглядеть снимки костей человека и т.п.
- ⁵ *Лещенко* Петр Константинович (1898–1954) — эстрадный певец. Исполнял собственные песни и песни других композиторов. С 1918 г. жил в основном в Румынии. В СССР его произведения не исполнялись, но были распространены в «патефонном самиздате».

- ⁶ *Новиков Иван Кузьмич* (1891–1959) — педагог, заслуженный учитель РСФСР, чл.-корр. АПН РСФСР (с 1950). В 1925–1952 директор московской школы № 110.
- ⁷ Указом Президиума ВС СССР от 15 августа 1955 для подростков от 15 до 16 лет устанавливался четырехчасовой рабочий день.
- ⁸ В 1956 в первом выпуске альманаха «День поэзии» были опубликованы два стихотворения Б.Пастернака из романа «Доктор Живаго»: «Рассвет» и «Белая ночь».
- ⁹ «Русский литературный архив» — альманах под редакцией М.Карповича и Дм.Чижевского (Нью-Йорк, 1956). Здесь были опубликованы неизвестные стихи и письма В.Маяковского к Т.Яковлевой, письма М.Цветаевой к Ю.Иваску и др.
- ¹⁰ Институт народного хозяйства им.Г.В.Плеханова. Ныне Экономическая академия им. Г.В.Плеханова.
- ¹¹ Имеется в виду «Бумеранг».
- ¹² Из стихотворения А.Н.Плещеева «Старик».
- ¹³ Имеются в виду стихотворения А.Кушнера «Два мальчика, два тихих обормотика...», «Где царствует петрушка и лопух...», «Два стакана», «К двери припаду одним плечом...», которые М.Каплан поместил в № 2 журнала «Сирена».
- ¹⁴ В № 2 «Сирены».
- ¹⁵ «Феникс» передала на Запад А.М.Топешкина.
- ¹⁶ Вероятно, имеются в виду воспоминания Черчилля о второй мировой войне. Издание вышло не в четырех, а в шести томах (The Second World War. V.1–6. Lnd., 1948–1954).
- ¹⁷ Например, напечатанное в «Фениксе» под псевдонимом М.Вербин стихотворение «Война» («Бред раненого»).
- ¹⁸ Ошибка: Л.Прихожан был студентом медицинского института. Со Скуратовским он учился не в одном вузе, а в одной школе.
- ¹⁹ *Бердслей* (Бердсли) Обри (1872–1898) — английский рисовальщик и поэт.
- ²⁰ Были и другие. Например журнал, издаваемый во ВГИКе при участии А.Васильева, да и в «Бумеранге», согласно воспоминаниям В.Осипова, были «размышления художника Ситникова».
- ²¹ *Фальк* Роберт Рафаилович (1886–1958) — художник-авангардист, член группы «Бубновый валет» (1910–1916). В 1928–1938 жил во Франции. Первая персональная выставка после многолетнего перерыва прошла Москве в 1966, в небольшом выставочном зале на ул.Жолтовского. *Щекин-Кротова* Ангелина Васильевна (1910–1992) — вдова Р.Р.Фалька.
- ²² *Костаки* Георгий Дионисович (1912–1990) — коллекционер авангардной живописи.
- ²³ Топешкина.
- ²⁴ В 1965 в кафе «Синяя птица» была проведена совместная выставка Б.Козлова, И.Шелкова и Ю.Новикова.
- ²⁵ В.Буковский был выписан из Ленинградской тюремной психиатрической больницы на попечение матери 28 февраля 1965.
- ²⁶ *Аксман* Артур — приближенный Гитлера, возглавлял фашистскую молодежную организацию «Гитлерюгенд».

- ²⁷ Батшев В.С.
- ²⁸ Имеется в виду афиша, приглашающая на выступление смогистов 19 февраля 1965 в библиотеке на Беговой (зав.библиотекой М.Шур одна из первых сумела оценить дарование Л.Губанова). Афиши были расклеены в МГУ и других людных места.
- ²⁹ Свой первый срок А.Гинзбург закончил в 1962.
- ³⁰ Слово вошло в русский язык после публикации повести В.Полякова «Апофигей» (Юность. 1989. №5).
- ³¹ Комментарий, как нечто помещаемое в конце книги мелким шрифтом, считался чем-то не очень важным, и потому цензура к нему особенно не придиралась. Этим пользовались комментаторы, давая в примечаниях информацию, «непроходимую» в других местах, а иногда и публикуя здесь какие-то «крамольные» вещи. Так, например, в примечаниях к кн. Л.С.Выготского «Психология искусства» (М., 1968) Вяч.Вс.Иванов впервые напечатал стихотворение Б.Пастернака «Гамлет».
- ³² Речь идет о матери В.Буковского — Н.И.Буковской.
- ³³ 22 января 1967 В.Буковский был арестован во время демонстрации на Пушкинской площади. Демонстранты протестовали против произведенных несколькими днями раньше арестов Ю.Галанскова, В.Лашковой, А.Добровольского и П.Радзиевского.
- ³⁴ Имеется в виду суд над В.Буковским в 1972. Центральным пунктом обвинения была передача на Запад документов, свидетельствующих о том, что в СССР психиатрия используется в качестве орудия борьбы с инакомыслием.
- ³⁵ См. прим.12 к тексту В.Скуратовского «Коктейль “Маяковки”».
- ³⁶ Летом 1980 в Москве проводились XXII Олимпийские игры. Перед этим событием город старательно очищали от «нежелательных элементов».
- ³⁷ *Колосов* Леонид Сергеевич (р.1926) — журналист-международник, сотрудник «Известий».
- ³⁸ Каплан М. Предчувствие беды: Стихи 60-х гг.: Текст воспроизведен факсимильно с самиздатского экземпляра, пришедшего из Москвы / Предисловие И.Дудинского, послесловие Б.Козлова, обложка А.Харитоновна, рис. А.Путова. Москва; Париж: Вивризм, 1988.
- ³⁹ Выставка «Другое искусство» экспонировалась в Третьяковской галерее в 1991.

Михаил Каплан. «И тени нет. И нет столба...», Золотая черепашка
 Оба стихотворения впервые напечатаны в кн.: Каплан М. Предчувствие беды. Москва; Париж: Вивризм, 1988.

Владимир Батшев. Они передали нам свой опыт

Текст представляет собой контаминацию главы из книги В.Батшева «Записки ту-неядца» и нашего с ним интервью.

¹ А.Басилова вспоминает, что на этом выступлении смогисты были в холщовых мешках и с петлей на шее, символически изображая тем самым свое положение в обществе.

² М.Каплан приводит другую версию своего знакомства с Л.Губановым. Ср.: с.311 наст.изд.

- ³ *Мариенгоф* Анатолий Борисович (1897–1962) — поэт, драматург, мемуарист. Один из имажинистов.
- ⁴ Лиходеев Л.И. Отраженная гипербола: О самом молодом обществе гениев //Комсомольская правда. 1965. 20 июня.
- ⁵ Янкелевич.
- ⁶ Ст.190-3 — «Организация или активное участие в групповых действиях, нарушающих общественный порядок» — введена Указом Президиума ВС РСФСР от 16 сентября 1966.
- ⁷ Из смогистов в диссидентском движении уже тогда участвовали Е.Кушев, Ю.Вишневская, художник И.Недбайло, сам В.Батшев и другие.

**Краткие сведения
об участниках чтений на площади Маяковского,
их наставниках, друзьях и недругах,
а также о самиздатских журналах
и самодеятельных объединениях, упомянутых в книге**

Абдулов Всеволод Осипович (р.1942) — сын известного актера О.Н.Абдулова, завсегда́тай пл. Маяковского, в 1960-е студент школы-студии МХАТ. В настоящее время актер.

«*Авангард*» — «журнал авангарда левого искусства», самиздатский сборник поэтов-смогистов (М., 1965). Под ред. Л.Г.Губанова. Перепечатан: Грани. 1966. № 61.

Авдеев Игорь Васильевич (1934—начало 1990-х) — инженер, поэт. В 1958 осужден на 6 лет лагерей «за антисоветскую агитацию». В лагере эволюционировал к идеям национал-патриотизма. После освобождения жил в Николаеве. Стихи Авдеева публиковались в журнале «Вече» (1971. №1).

Авксентьев Борис Евгеньевич (р.1941) — завсегда́тай пл. Маяковского, сын известного балалаечника Е.Г.Авксентьева. В настоящее время музыкант.

Агаджанов Р.А. — член штаба (по другим сведениям, руководитель) оперативного отряда при Ленинградском РК ВЛКСМ, разгонявшего участников чтений на пл. Маяковского.

Агол Владимир — переводчик, один из «*Замоскворецких Сократов*». В 1970-е эмигрировал.

Айги Геннадий Николаевич (р.1934) — поэт, переводчик, пишет на русском и чувашском языках. В 1958 «за формализм» исключен из комсомола и Литинститута непосредственно перед защитой диплома. В 1959 получил разрешение закончить институт. В СССР единственная книга стихов («Именем отцов», на чувашском языке) вышла в 1958. Печатался в «тамиздате».

Алейников Владимир Дмитриевич (р.1946) — поэт, один из основателей СМОГа. Участвовал в самиздатских сборниках «Чу!», «Авангард», «Сфинксы», «Феникс-66». Быстро отошел от СМОГа и от неофициальной литературы. В 1980-е редактор в издательстве «Молодая гвардия».

Александровский Александр Александрович (1941–1996) — поэт, завсегда́тай пл. Маяковского. В его комнате часто собирались некоторые «маяковцы». Впоследствии работал в библиотеке К.И.Чуковского в Переделкине, затем преподаватель литературы в школе.

«*Альянс*» — самиздатский журнал. Редактор-составитель В.Кочанов. М., 1960 или 1961. Ни одного экземпляра найти не удалось.

АМABЪ — поэтическая группа: Аполлон (Шухт), Михаил (Каплан), Анатолий (Шукин), Владимир (Вишняков). Распалась в 1961.

Андреев Леонид Григорьевич (р.1922) — литературовед, в начале 1960-х доцент кафедры зарубежных литератур филофака МГУ, секретарь партбюро. Впоследствии декан этого факультета.

Аннинский Лев Александрович (р.1934) — литературный критик. Выступает в печати с 1956. Статьи Л.Аннинского уже тогда привлекли внимание российской интеллигенции.

- Антокольский** Павел Григорьевич (1896–1978) — поэт. Печататься начал в 1921. Его стихи пользовались большой популярностью в среде собиравшихся на пл. Маяковского.
- Аркин** Владимир — завсегдатай пл. Маяковского. По неуточненным данным, ныне в эмиграции.
- Аронзон** Леонид Львович (1939–1970) — поэт. При жизни в официальной советской прессе напечатано несколько детских стихотворений. Участник самиздатского журнала «Сирена» № 2, публиковался в «тамиздате». Покончил жизнь самоубийством. В 1979 в приложении к самиздатскому журналу «Числа» (Л.) опубликовано его «Избранное» (сост. Е.Шварц). Переиздано в 1985 в Иерусалиме.
- Аронов** Александр Яковлевич (р.1934) — поэт, участник «Синтаксиса». С 1960-х — журналист, сотрудник газеты «Московский комсомолец». Первая книга стихов: Островок безопасности. М.,1987.
- Арутюнян** Рубина Рубеновна — первая жена М.Каплана, адресат многих стихов А.Щукина — «Прекрасная Дама» «Маяковки». В настоящее время в эмиграции.
- Ахмадулина** Белла Ахатовна — поэт. Одна из четырех самых популярных поэтов «оттепели». Печаталась как в официальной печати, так и в самиздате («Синтаксис»).
- Балтер** Борис Исаакович (1919–1974) — писатель. Печатался с 1953. Наибольшую известность ему принесла повесть «До свидания, мальчики», первая часть которой — «Трое из одного города» — была опубликована в сборнике «Тарусские страницы» (1961).
- Барашков** Лев Петрович (1924–1995) — бродячий философ. Работал гардеробщиком. В романе Ю.Мамлеева «Московский гамбит» выведен под фамилией Смолин.
- Басилова** Елена Николаевна (Алена) — поэт, у нее собирались «маяковцы», литераторы и художники. Жена Л.Губанова. Ей посвящены многие его стихотворения.
- Батшев** Владимир Семенович (в советской прессе 'псевд. Латушев; р.1947) — поэт, киносценарист, издатель. Один из основателей СМОГа. Участник самиздатских журналов и сборников «Чу!», «Авангард», «Сфинксы», «Феникс-66», редактор-составитель и один из авторов журналов «Рикошет» и «На переломе». Принимал участие в подготовке первой правозащитной демонстрации на Пушкинской площади 5 декабря 1965. В 1966 осужден на 5 лет ссылки «за тунеядство». Под давлением международной общественности освобожден досрочно в 1968. Автор автобиографического романа «Записки тунеядца» (М., 1994). Первый историограф СМОГа. В 1995 эмигрировал в Германию.
- Белелюбский** Феликс Борисович (р.1934) — историк, журналист. В 1957 за участие в группе Л.Краснопевцева отчислен из аспирантуры МГУ. Несколько лет работал на заводе фрезеровщиком. В настоящее время обозреватель газеты «Правда».
- Белоконев** Владимир Семенович (1907–1974) — генерал-майор КГБ, в 1956–1962 начальник УКГБ по Москве и Московской обл.
- Боикштейн** Илья Вениаминович (р.1937) — поэт. В 1961 приговорен к 5 годам лагерей. В 1972 эмигрировал в Израиль. Автор книги «Блики волны» (Тель-Авив, 1986).
- Болтрукевич** Анатолий Васильевич (р.1936). В настоящее время преподаватель математики в одном из московских вузов.

- Борисенков* Прокофий Филиппович (р.1914) — в 1956–1962 зам. начальника Следственного отдела УКГБ по Москве и Московской обл., полковник.
- Бородин* М.М. — член штаба оперативного отряда Ленинградского РК ВЛКСМ, давал показания по делу И.Бокштейна и других.
- Бочеваров* Георгий Николаевич (1935–1987) — востоковед. Сын видного болгарского коммуниста, расстрелянного во времена Большого террора. Член ВСХСОН — Всероссийского социал-христианского союза освобождения народа — одной из самых крупных оппозиционных подпольных организаций 1960-х. В 1967 арестован, приговорен к 2 годам и 6 месяцам лагерей. Впоследствии участвовал в журнале «Вече».
- Бродский* Иосиф Александрович (1940–1996) — поэт. В официальной советской прессе практически не печатался. Участник «Синтаксиса», «Эха» и др. самиздатских журналов. В 1964 приговорен к 5 годам ссылки «за тунеядство». В 1972 эмигрировал в США. Лауреат Нобелевской премии (1987).
- Буковская* Нина Ивановна — мать В.Буковского. Активно боролась за освобождение сына из советских тюрем и психбольниц.
- Буковский* Владимир Константинович (р.1942) — общественный деятель, публицист, мемуарист. Во второй половине 1960-х–начале 1970-х — активный участник правозащитного движения. Был четырежды арестован: за распространение самиздата (1963 — год принудления в спецпсихбольнице), за участие в подготовке митинга 5 декабря на Пушкинской площади (1965 — 8 месяцев принудления в психбольнице), за организацию митинга 22 января 1967 на Пушкинской площади (3 года лагеря), «за антисоветскую деятельность» (1971 — 2 года тюрьмы, 5 лет лагеря и 5 лет ссылки). В 1976 освобожден и выслан из СССР в обмен на освобождение и высылку из Чили 1-го секретаря чилийской компартии Луиса Корвалана. В настоящее время живет в Кембридже (Великобритания).
- «*Бумеранг*» — самиздатский журнал. Редактор-составитель В.Осипов. М., 1960. Авторы — поэты и прозаики «Маяковки». Искусствоведческая статья В.Ситникова. Обложка Валерия Быкова. Журнал, по-видимому, не сохранился.
- Васильев* Александр Георгиевич (1939–1993) — меценат, хозяин салона, распространитель самиздата, подпольный коммерсант. Отчислен из ВГИКа за статью «Секс и кинематограф» в самиздатском журнале. Впоследствии восстановлен.
- Васютков* Александр Григорьевич (р.1946) — поэт-смогист. Работал пожарным, экскурсоводом. Ныне член СП Москвы.
- Вейсберг* Владимир Григорьевич (1924–1985) — художник, теоретик искусства, участник неофициальных выставок.
- Верченко* Юрий Николаевич (1930–1994) — в начале 1960-х член ЦК ВЛКСМ, затем секретарь Союза писателей СССР.
- «*Вече*» — самиздатский журнал национально-патриотического направления, один из первых «толстых» журналов самиздата. Редактор-составитель 9 номеров В.Осипов (М., 1971–1974), номера 10 — И.Овчинников. Среди авторов — А.М.Иванов (псевд. В.Скуратов).
- Визбор* Юрий Иосифович (1934–1984) — бард, журналист, сценарист, актер, драматург.
- Викторов* Анатолий Вячеславович (р.1936) — двоюродный брат Ю.Галанскова.

- Виленский* Юрий Михайлович (1944–1989) — поэт, бывал на пл. Маяковского. При жизни печатался только в самиздате («Сирена», «Сфинксы», «Квалитизм»). Покончил с собой.
- Вишневская* Юлия Иосифовна — поэт, участница СМОГа, одна из авторов «Сфинксов», участвовала в подготовке первой правозащитной демонстрации 5 декабря 1965. С 1971 в эмиграции. Работала на радиостанции «Свобода», выступает с публицистическими статьями на Западе, а с перестроечных времен и в России.
- Вишняков* Владимир Петрович (псевд. Ковшин; р.1941) — один из поэтов «Маяковки», участник самиздатских сборников «Бумеранг», «Феникс», «Сирена», «Сфинксы». В настоящее время заместитель главного редактора газеты «Правда».
- Вишняков* Петр Ильич (1911–1988) — актер, чтец-декламатор. Работал в ЦТСА, выступал на эстраде. Отец В.Вишнякова.
- Вознесенский* Андрей Андреевич (р.1933) — поэт. Один из четырех самых популярных поэтов «оттепели». Участвовал в альманахе «Метрополь».
- Волгин* Игорь Леонидович (р.1942) — поэт, участник чтений на пл. Маяковского. В настоящее время писатель, литературовед, член Союза писателей Москвы.
- Волконский* Андрей Михайлович (р.1933) — композитор, из семьи репатриантов. Организатор и художественный руководитель ансамбля старинной музыки «Мадригал» (1969–1973). В 1973 уехал из СССР.
- Володин* Виктор Васильевич (р.1928) — командир молодежного оперативного отряда при МК ВЛКСМ в конце 1950-х — начале 1960-х.
- Воронов* Юрий Петрович (1926–1993) — журналист, поэт. В 1960-е главный редактор «Комсомольской правды».
- Ворошилов* Игорь Васильевич (1939–1989) — художник-авангардист. Участник многих неофициальных выставок.
- Гадасина* Алиса (настоящее имя Алла Давыдовна; псевд. Эфа) — участница чтений на пл. Маяковского, поэт, одна из авторов «Феникса», машинистка, печатавшая «Синтаксис», «Феникс». В настоящее время журналистка в газете «Российские вести».
- Гаенко* Владимир Николаевич (р.1937) — член подпольной марксистской группы «Союз коммунаров» («Колокол»). С 1965 по 1969 — политзаключенный (ст. 70-1 и 72 УК РСФСР). Впоследствии инженер-химик.
- Галансков* Тимофей Сергеевич (1913–1985) — отец Ю.Галанскова, рабочий.
- Галансков* Юрий Тимофеевич (1939–1972) — поэт, публицист. Составитель, редактор и один из авторов «Феникса» и «Феникса-66». В январе 1967 арестован; в январе 1968 на «процессе четырех» (Галансков, Гинзбург, Добровольский, Лашкова) приговорен к 7 годам лагерей. Погиб в лагере в результате неудачной операции язвы желудка. Поэтическое, публицистическое и эпистолярное наследие Ю.Галанскова собрано в кн.: Юрий Галансков. Франкфурт-на-Майне, 1980. Переиздание (дополненное): Ростов-на-Дону, 1994.
- Галанскова-Шматович* Елена Тимофеевна (1948–1995) — сестра Ю.Галанскова.
- Галанскова* (в настоящее время Симонова) Галина Владимировна — первая жена Ю.Галанскова.
- Галанскова* Екатерина Алексеевна (1910–1983) — мать Ю.Галанскова, рабочая на шорно-кожевенной фабрике, уборщица.

- Гацкевич* Владимир Семенович (1917– ?) — актер, журналист, репатриант, солагерник И.Бокштейна. Осужден в 1963 по ст.70 на 7 лет лагерей.
- Герасимова* Татьяна Николаевна — в конце 1950-х участница подпольного кружка А.Иванова(Рахметова). Ныне кандидат технических наук.
- Гинзбург* Александр Ильич (Алик; р.1936) — журналист, общественный деятель. Редактор-составитель первого самиздатского периодического издания, имевшего широкий общественный резонанс, — поэтического журнала «Синтаксис». Арестован в 1960, 2 года провел в заключении. В 1966 составил «Белую книгу» — документальный сборник по делу А.Синявского и Ю.Даниэля. Арестован в январе 1967; на «процессе четырех» (январь 1968) приговорен к 5 годам лагерей. В 1974 стал первым распорядителем основанного А.И.Солженицыным общественного Фонда помощи политзаключенным и их семьям; с 1976 — член Московской Хельсинкской группы. Арестован в феврале 1977, приговорен к 8 годам лагерей особого режима. В 1979 вместе с другими политзаключенными выслан из СССР в обмен на освобождение и высылку советских шпионов. В настоящее время сотрудник газеты «Русская мысль» (Париж).
- Гинзбург* Людмила Ильинична (1907–1981) — мать А.Гинзбурга. Ее комната в коммунальной квартире на Полянке в 1960-х–1970-х стала одним из главных центров диссидентского общения, своеобразным диссидентским салоном.
- Гладилин* Дмитрий — завсегдагай пл.Маяковского, друг В.Буковского.
- Головатенко* Юлий Петрович (1934–1976) — участник чтений на пл.Маяковского, поэт, один из авторов «Феникса» (под псевдонимами А.Петров, М.Мерцалов), друг А.Иванова (Новогоднего). Впоследствии сотрудник Министерства просвещения СССР.
- Голубцова* Тамара Васильевна — в начале 1960-х сотрудница горкома комсомола, впоследствии зав.школьным отделом МК КПСС, 1-й секретарь Гагаринского райкома партии.
- Гольцберг* Ефим Борисович (1910– ?) — политзаключенный, солагерник И.Бокштейна. Осужден в 1958 по ст.58-10 на 6 лет лагерей.
- Гончарова* Наталья — в 1960-е студентка пединститута, была близка к смогистам.
- Горбаневская* Наталья Евгеньевна — поэт, переводчик, филолог-полонист. Участвовала в «Фениксе» и «Фениксе-66». Основатель самиздатского информационного правозащитного бюллетеня «Хроника текущих событий» и редактор-составитель первых ее выпусков (1968–1969). Участница демонстрации на Красной площади в знак протеста против ввода советских войск в Чехословакию (25 августа 1968). Член Инициативной группы по защите прав человека — первой в СССР открыто действовавшей независимой правозащитной ассоциации (1969). В 1969 арестована. Признана невменяемой и отправлена в Казанскую спецпсихбольницу. В 1975 выехала из СССР. Сотрудничала с газетой «Русская мысль» (Париж). Автор нескольких сборников стихов.
- Горбовский* Глеб Яковлевич (р.1931) — поэт. С 1954 печатался как в официальной печати, так и в самиздате («Синтаксис», «Сирена» и др.). Стихи Горбовского часто читали на «Маяковке». Автор песни «Когда качаются фонарики ночные...».
- Горкин* Александр Федорович (1897–1988) — председатель Верховного суда СССР в 1957–1972.

- Горячев* Петр Максимович — оперативный работник КГБ, затем адвокат. В 1966 за попытку перехода границы осужден по ст.64 УК РСФСР. Размножал и распространял журнал «Вече». В 1974 эмигрировал в Италию.
- Гражданкин* Сергей Алексеевич (р.1942 или 1943) — активный участник чтений на пл. Маяковского, студент школы-студии МХАТ. В настоящее время оставил сцену.
- Гринберг* Савелий Соломонович (р.1913) — один из помощников В.Маяковского в устройстве выставки «20 лет работы Маяковского» (1930), пропагандист его творчества. Впоследствии сотрудник Музея Маяковского в Гендриковом переулке. После открытия памятника неоднократно бывал на пл. Маяковского. В настоящее время живет в Израиле.
- Гриценко* Олег Федорович (р.1938) — поэт. В конце 1950-х член литобъединения при газете «Московский комсомолец». Стихи О.Гриценко распространялись только в самиздате. Окончил Институт рыбного хозяйства. В настоящее время врач доктор наук.
- Гришаенков* Федор Архипович (р.1914) — в 1960–1962 заместитель начальника УКГБ по Москве и Московской обл., полковник.
- Губанов* Леонид Георгиевич (1946–1983) — поэт, основатель СМОГа. Единственная прижизненная публикация в официальной советской прессе — 12 строк из поэмы «Полина» (под назв. «Художник» — Юность. 1964. № 6). Участник всех смогистских изданий («Чу!», «Авангард», «Сфинксы» и др.). Единственная ныне вышедшая книга: Ангел в снегу. М., 1994. Собрание сочинений, подготовленное автором к печати, хранится у А.А.Рустайкис и ждет издателя.
- Губерман* Игорь Миронович (псевд.Миронов, Абрам Хайям и многие др.; р.1934) — поэт, участвовал в составлении «Синтаксиса». В 1970-е один из редакторов самиздатского журнала «Евреи в СССР». В 1979 приговорен к 5 годам лагерей. В настоящее время живет в Израиле. Автор книг «Прогулки вокруг барака» (М., 1993), «Гарики на каждый день» (сборник афористических шуточных четверостиший) (М., 1992) и др.
- Гусев* Иван Трофимович (1917–1981) — в начале 1960-х проректор по учебной работе МИФИ.
- Даниэль* Юлий Маркович (псевд. Николай Аржак; 1925–1988) — поэт, прозаик, переводчик. В 1965 арестован и в 1966 приговорен к 5 годам лагерей за публикацию на Западе художественных произведений (См.: Белая книга по делу А.Синявского и Ю.Даниэля / Сост. А.Гинзбург. Франкфурт-на-Майне, 1967; Цена метафоры, или Преступление и наказание Синявского и Даниэля / Сост. Е.Великанова. М., 1989).
- Данцигер* (Саед-Шах) Анна Юдковна — поэт, член СМОГа. Ныне автор эстрадных песен.
- Делоне* Вадим Николаевич (1947–1983) — поэт, член СМОГа, участник правозащитного движения. Потомок коменданта Бастилии, казненного во время Французской революции, внук известного математика, члена-корреспондента АН СССР Б.Н.Делоне. За участие в правозащитной демонстрации на Пушкинской площади 22 января 1967 осужден на 1 год условно. Один из восьми вышедших 25 августа 1968 на Красную площадь в знак протеста против ввода советских войск в Чехословакию, за что осужден на 2 года и 10 месяцев лагерей. В 1975 эмигрировал, написал мемуарную книгу «Портреты в колючей раме» (Лондон, 1980).
- Демичев* Петр Нилович (р.1918) — с 1959 1-й секретарь МК, затем МК КПСС. С 1961 секретарь ЦК КПСС. В 1974–1986 министр культуры СССР.

- Друц* Ефим Адольфович (р.1937) — драматург, прозаик. В 1960-е руководитель неофициального литобъединения «Спектр». В настоящее время член Союза писателей Москвы.
- Дудинцев* Владимир Дмитриевич (р.1918) — писатель. Его роман «Не хлебом единым» (1956) стал знаменем «оттепели» и вызвал огромный общественный резонанс.
- Дунаевский* Валерий Абрамович (р.1937) — поэт, политзаключенный. Арестован в 1958 после того, как в библиотеке (Тбилиси) прочитал стихи о Маяковском «антисоветского содержания». Осужден на 4 года «за участие в антисоветской группе». В настоящее время живет в Израиле.
- Евтушенко* Евгений Александрович (р.1933) — поэт. Один из четырех самых популярных поэтов «оттепели». Его «Автобиография» и некоторые стихи широко распространялись в самиздате.
- Елкин* Анатолий Сергеевич (1929–1975) — журналист и критик, автор фельетонов-доносов.
- Ентин* Леонид (р.1936?) — поэт, приятель многих «левых» поэтов и художников 1960-х, «футурист жизни». В настоящее время живет в Париже.
- Еремин* Анатолий Федорович (р.1935?) — в начале 1960-х 1-й секретарь Киевского райкома ВЛКСМ.
- Есенин-Вольгин* Александр Сергеевич (р.1924) — математик, философ, поэт, правозащитник; сын С.А.Есенина. Впервые арестован в 1949 «за антисоветские стихи», заключен в спецпсихбольницу в Ленинграде. Осенью 1950 отправлен в ссылку в Караганду на 5 лет. Освобожден по амнистии в 1953. Летом 1959 передал за границу рукопись сборника стихов «Весенний лист» и «Свободный философский трактат». В сентябре того же года арестован, вторично заключен в психбольницу. Вышел на свободу в 1960. Инициатор и один из организаторов первой правозащитной демонстрации 5 декабря 1965 на Пушкинской площади. В 1968 в третий раз насильственно помещен в психбольницу. Благодаря активному вмешательству ученых освобожден через 3 месяца. Автор самиздатского руководства «Как вести себя на допросах». В 1970 стал экспертом Комитета прав человека в СССР — независимой общественной организации. В 1972 эмигрировал.
- Жильцов* Владимир Иванович (р.1946) — ныне журналист, живет в Нижнем Новгороде. В 1969, будучи студентом Горьковского университета, арестован по так называемому горьковскому делу, приговорен к 4 годам лагерей.
- Журавлев* Юрий Иванович (р.1935) — в 1960-е аспирант мехмата МГУ, комсомольский активист. В настоящее время член-корр. РАН.
- Жучков* Владимир Александрович (р.1940) — участник чтений и семинаров, проводившихся «маяковцами», студент-заочник философского факультета МГУ. После исключения из ВЛКСМ (декабрь 1961) отчислен и из университета. Свидетель на процессе И.Бокштейна и других. Давал откровенные показания.
- Зайцев* Валерий Владимирович (р.1942) — корабельный механик. Во время стоянки у берегов Аляски пытался уйти в Америку. В 1963 осужден на 10 лет лагерей. Впоследствии один из авторов журнала «Вече». В 1974 эмигрировал в Италию.
- «*Замоскворецкие Сократы*» — неформальное объединение лиц, занимавшихся эзотерическими проблемами (Ю.Мамлеев, Л.Барашков, В.Агол, И.Модель и другие).

Заславская Дора Григорьевна (1904–1970) — мать Е.Заславской, в молодости была близка к эсерам. В 1949 арестована. Освобождена по амнистии в 1953.

Заславская Елена Аркадьевна — библиограф ВГБИЛ, часто бывала на пл.Маяковского.

Заурих Алексей (Альфред) Александрович (1941–1983) — поэт, переводчик. В конце 1950-х член литобъединения при газете «Московский комсомолец», участник чтений на пл.Маяковского (в 1958–1959). Печатался в «Дне поэзии», «Октябре» и др.

Зимин — инженер Института биофизики АН СССР, читал стихи на пл.Маяковского.

Зимин-Ковалев В.И. — член оперотряда, разгонявшего чтецов на пл.Маяковского, свидетель по делу И.В.Бокштейна.

Зиновьев Александр Александрович (р.1922) — философ, писатель. В 1960-е руководитель полуофициальных философских семинаров. В 1970-е в «тамиздате» были опубликованы его романы («Зияющие высоты», «Желтый дом» и др.), рисующие советскую действительность как царство абсурда. В 1978 эмигрировал. В настоящее время выступает с публицистическими статьями, направленными против буржуазных ценностей.

Иванов Анатолий Иванович («Рахметов»; р.1935) — один из организаторов и активных участников «Маяковки». Теоретик искусства, коллекционер авангардной живописи, поэт, по образованию юрист. Один из авторов «Феникса», участник подпольного политического кружка (конец 1950-х).

Иванов Анатолий Михайлович («Новогодний»; псевд. Манулин, В.Скура-тов; р.1935) — один из инициаторов проекта «Космонавт» (замысел тракта против Н.С.Хрущева). Историк, политзаключенный. Участвовал в самиздатских журналах «Вече» и «Московский сборник». Арестовывался в 1959 по делу И.Авдеева и в 1961 по делу И.Бокштейна и других. Оба раза признан невменяемым и отправлен в спецпсихбольницу. В 1981 арестован в третий раз за национал-патриотические статьи в самиздате. В 1982 диагноз шизофрении снят, и в этом же году осужден по ст.70 к 1 году заключения и 5 годам ссылки. Вернулся в Москву в 1985. В настоящее время близок к национал-патриотическим кругам («Память»).

Иодковский Эдмунд Феликсович (1932–1994) — поэт, публицист. Автор популярных в 1950–1960-е песен «Едем мы, друзья...», «Юность верит в чудеса». Руководитель литобъединений (в 1960-е официальных, затем — «квартирных»). В последние годы жизни главный редактор газеты «Литературные новости».

Иофе Вениамин Викторович (р.1938) — член подпольной марксистской группы «Союз коммунаров» («Колокол»). В 1965 осужден по ст.70-1 и 72 УК РСФСР к 3 годам лагерей. В настоящее время один из руководителей петербургского Общества «Мемориал».

Кагановский Геннадий Григорьевич (р.1937) — поэт, друг Ю.Галанскова, автор воспоминаний о нем. Ныне редактор, литературовед.

Казакевич Эммануил Генрихович (1913–1962) — писатель, поэт, общественный деятель. Его повесть «Звезда» (1946) — одно из первых подлинно художественных произведений об Отечественной войне. Составитель и редактор альманаха «Литературная Москва» (1956), прекращенного властями по идеологическим соображениям после второго выпуска.

Калашиников Анатолий — поэт, член СМОГа.

Калугин Виктор Ильич (р.1943) — один из выступавших на «Маяковке», поэт и прозаик. Участник «Феникса». Впоследствии в СССР вышло несколько его книг. В настоящее время главный редактор журнала «Золото России», член Союза российских писателей.

Камышова Маргарита Алексеевна — вторая жена В.Вишнякова.

Капиев Рустем (р.1938) — друг А.Гинзбурга, сын дагестанского писателя Эфенди Капиева.

Каплан Михаил Михайлович (псевд. М.Вербин; р.1943) — один из поэтов «Маяковки», лирик. Завсегдатай салона Ю.Мамлеева. Участник самиздатских журналов «Феникс», «Сфинксы» (№ 1, 2), составитель и редактор журналов «Сирена» (№ 1, 2) и «Фонарь». В советской прессе не печатался. В 1988 вышел сборник его стихов «Предчувствие беды» (Москва; Париж).

Каплан Эрик — в конце 1950-х—начале 1960-х друг В.Осипова и А.Иванова (Рахметова). На процессе «маяковцев» давал «откровенные» показания.

Карпель Роман Александрович (1911–1993) — журналист. С 1950-х и до выхода на пенсию работал в газете «Московский комсомолец».

Кац Владимир — в начале 1960-х сотрудник Киевского райкома ВЛКСМ, затем горкома.

Керестеджиянц Леонид Владимирович (р.1931) — в 1959–1961 инструктор Отдела по работе среди рабочей молодежи, ответственный Отдела комсомольских органов ЦК ВЛКСМ по РСФСР. Ныне на дипломатической работе.

Кирьянов Борис Никитич (р.1924) — литератор, работал в Ленинградской епархии архивариусом. Арестован в 1957 по ст. 58-10 (антисоветская агитация), в 1959 осужден на 4 года лагерей.

Ковенацкий Владимир Абрамович (1938–1986) — художник-сатирик, коллажист, поэт. Участник чтений на пл.Маяковского, завсегдатай салона Ю.Мамлеева. Покончил с собой. В официальной советской печати первая публикация стихов — посмертная (Огонек. 1989. № 47).

Коган Эмиль Исаакович (р.1941) — один из авторов школьного журнала «Наша мысль». Впоследствии журналист, литературный критик. В 1968 уехал во Францию, преподает в Институте восточных языков и цивилизаций при парижском университете «Новая Сорбонна». Публиковался в «Континенте», «Синтаксисе» и др. эмигрантских изданиях. Автор книги «Соляной столп, или Политическая психология А.Солженицына» (Париж, 1982).

Кожин Вадим Валерианович (р.1930) — литературовед, критик. В конце 1950-х на его квартире проходили выставки «левых» художников. С середины 1960-х один из лидеров «почвенничества».

Козлов Борис Николаевич (р.1937) — художник-авангардист. Его выставки проходили на квартирах и в кафе «Синяя птица» (1965). Автор послесловия к книге стихов М.Каплана «Предчувствие беды» (Москва; Париж, 1988).

«*Коктейль*» — самиздатский сборник. Редактор-составитель В.Скуратовский. М.,1960. Авторы В.Скуратовский и Г.Якобсон (под псевдонимами).

Комар Виталий Анатольевич (р.1943) — художник. Иллюстратор «Сирены». С 1965 работает вместе с А.Меламидом. В 1967 прошла выставка их работ в кафе «Синяя птица». В 1988 эмигрировал в Израиль. В настоящее время живет в США.

Кононенко Валерий Витальевич (р.1939) — художник. Иллюстратор и один из авторов самиздатских журналов «Фонарь» и «На переломе».

- Коржавин* Наум (р.1925) — поэт. В 1948 за антисталинские стихи получил 3 года ссылки. В СССР вышел лишь один его сборник — «Годы» (М., 1963). Стихи Коржавина широко распространялись в самиздате, печатались в «тамиздате». В 1973 эмигрировал в США.
- Коржиков* Борис Владимирович (1922–1972) — судья, приговоривший в феврале 1962 В.Осипова и Э.Кузнецова к 7, а И.Бокштейна к 5 годам лагерей. Вскоре после процесса стал членом Верховного суда СССР.
- Котлов* Валерий Михайлович (1939–1982) — друг юности Э.Кузнецова. Впоследствии журналист-международник.
- Котов* Владимир Петрович (1928–1975) — поэт, автор верноподданнических стихов и стихотворных фельетонов.
- Котрелев* Николай Всеволодович (р.1941) — участник чтений на пл.Маяковского, завсегдагой салонов А.Басиловой и З.Эскиной. Один из авторов «Синтаксиса». В настоящее время литературовед, заведующий редакцией «Литературного наследства» в ИМЛИ.
- Кочанов* (Качанов?) Валерий — участник чтений на пл.Маяковского, поэт. Редактор-составитель самиздатского журнала «Альянс». Дальнейшая его судьба неизвестна.
- Кочетов* Всеволод Анисимович (1912–1973) — писатель, с 1961 редактор журнала «Октябрь», непримиримый борец с либеральными настроениями интеллигенции, автор охранительных романов. Один из них — «Чего же ты хочешь?» (1969) — стал объектом многих самиздатских пародий.
- Краснопевцев* Лев Николаевич (р.1930) — аспирант кафедры марксизма-ленинизма истфака МГУ, организатор подпольного марксистского кружка. Арестован в 1957. В 1958 осужден на 10 лет лагерей. В настоящее время хранитель Музея российских меценатов и благотворителей (Москва).
- Красовицкий* Станислав Яковлевич (р.1935) — поэт, переводчик. Участник «Феникса». В настоящее время священник.
- Кропивницкий* Евгений Леонидович (1893–1974) — художник-авангардист, глава Лианозовской школы.
- Кропивницкий* Лев Евгеньевич (1922–1994) — художник-абстракционист, поэт, член «Лианозовской группы». Сын Е.Л.Кропивницкого. В 1946 арестован за участие в кружке, объединявшем потомков дворян. В 1955 реабилитирован. В доперестроечные времена его работы экспонировались на квартирных выставках.
- Кублановский* Юрий Михайлович (р.1947) — поэт, один из основателей СМОГа. Участник всех смогистских изданий («Чул», «Авангард», «Сфинксы» и др.), в 1970-е — альманаха «Московское время». После публикации в альманахе «Метрополь» эмигрировал (1982). В 1983 в Париже выпустил книгу стихов «С последним солнцем», предисловие к которой написал И.А.Бродский. В эмиграции издал четыре книги стихов. В 1991 вернулся в СССР, активно печатается. Выступает и как публицист, стоящий на позициях, близких к А.И.Солженицыну.
- Кузнецов* Эдуард Самуилович (р.1939) — диссидент, участник чтений на пл.Маяковского, один из предполагавшихся исполнителей покушения на Н.С.Хрущева. В октябре 1961 арестован, в феврале 1962 приговорен к 7 годам лагерей. В 1970 вновь арестован за попытку угнать самолет в Израиль. Приговорен к расстрелу. Под давлением международной общественности смертную казнь заменили 15 годами заключения. Автор двух тюремных книг — «Дневники» и «Мордовский марафон». В 1979 вместе с другими политзаключенными обменян на советских шпионов. В настоящее

- время живет в Израиле, главный редактор русскоязычной газеты «Вести».
- Курганцев* Михаил Абрамович (1931–1989) — переводчик, специалист по африканской «Лениниане». В конце 1950-х участник чтений на пл. Маяковского.
- Кушев* Евгений Игоревич (1947–1994) — поэт, прозаик, публицист. В 1960-е член СМОГа, один из авторов «Сфинксов» и «Феникса-66», участник подпольного кружка, издававшего журнал «Тетрадь социализма и демократии». За сотрудничество в этом журнале, а также за участие в демонстрации в защиту Снявского и Даниэля исключен из МГУ и посажен на полтора месяца в психбольницу (1966). В том же году напечатал стихи в подпольном журнале «Русское слово». Вместе с В.Буковским, В.Делоне, В.Хаустовым и И.Габаем арестован за участие в митинге 22 января 1967 и приговорен к 1 году заключения условно. В 1974 эмигрировал. С 1982 комментатор Русской службы радио «Свобода», а с 1987 главный редактор ее тематических программ.
- Кушнер* Александр Семенович (р.1936) — поэт. Публикуется с 1957. В «оттепельные» времена его стихи публиковались и в самиздате («Синтаксис», «Сирена» и др.).
- Лавлинский* Леонард Илларионович (р.1930) — критик. В начале 1960-х инструктор МГК ВЛКСМ. Печатается с 1958. В настоящее время главный редактор журнала «Литературное обозрение».
- Лавров* Александр Сергеевич (р.1933) — журналист, автор книги (совместно с О.Лавровой) «Молодежный оперативный» (М., 1961) — об оперативном отряде при МГК ВЛКСМ.
- Лаврова* Ольга Александровна — журналист, автор книги (совместно с А.Лавровым) «Молодежный оперативный».
- Лашкова* Вера Иосифовна — участница демонстрации 5 декабря 1965 на Пушкинской площади в защиту Даниэля и Снявского; в 1966 перепечатывала материалы для «Белой книги» А.Гинзбурга и «Феникса-66» Ю.Галанскова. В январе 1967 арестована, в январе 1968 на «процессе четырех» приговорена к 1 году заключения. Впоследствии активная участница правозащитного движения, занималась организацией помощи политическим заключенным, сотрудничала в «Хронике текущих событий». В 1983 административно выслана из Москвы. Вернулась в Москву в 1990.
- Лейкин* Михаил Семенович — в 1962 студент мехмата МГУ, исключен за «антисоветские высказывания» и распространение «Человеческого манифеста» Ю.Галанскова.
- Лернер* Александр Яковлевич (р.1913) — кибернетик, доктор технических наук, в 1960–1970-е деятель движения за свободу еврейской эмиграции, поддерживал тесные отношения с правозащитниками, руководитель неофициального научного семинара.
- «*Лианозовская группа*» — художники Е.Кропивницкий, Л.Кропивницкий, О.Рабин, Н.Вечтомов, В.Немухин, Л.Мастеркова, поэты И.Холин, Г.Сапгир, В.Некрасов и другие. С конца 1950-х–начала 1960-х становится одним из центров культурно-художнического диссидентства.
- Литвак* Аркадий Моисеевич (1903–1958) — журналист, отец Е.Заславской. В молодости был близок к партии эсеров. В 1949 был арестован и приговорен к 8 годам лагерей.
- Лиходеев* Леонид Израилевич (1921–1994) — литератор. Начинал как поэт, с 1957 журналист, фельетонист. Автор фельетона «Отраженная гипербо-

ла», направленного против «смогистов» (Комсомольская правда. 1965. 20 июня).

Лобанов Алексей Федорович (р.1940?) — участник чтений на пл.Маяковского. В настоящее время священнослужитель.

Луц Даниил Романович (ум.1977) — психиатр, доктор медицинских наук, заведовал отделением в Институте судебной психиатрии им.Сербского; один из самых исполнительных проводников политики КГБ, направленной на признание инакомыслящих душевнобольными; руководитель или участник многих скандально известных судебно-психиатрических экспертиз, в результате которых были заключены в спецпсихбольницы видные диссиденты.

Майданик Кива Львович (р.1929) — в конце 1950-х преподавал историю в 498-й московской школе, в том числе и в классе, где учились Вячеслав С. и А.Шукин. Автор книги «Испанский пролетариат в национально-революционной войне, 1936–1937» (М., 1960). В настоящее время доктор исторических наук, сотрудник Института мировой экономики и международных отношений.

Мальков — прокурор Москвы, государственный советник юстиции II класса, утвердивший обвинительное заключение по делу И.Бокштейна, В.Осипова, Э.Кузнецова.

Мальцев Лев — в 1961 старший следователь УКГБ по Москве и Московской обл., капитан.

Мамлеев Юрий Витальевич (р.1931) — писатель. С конца 1950-х хозяин салона, где собиралась творческая интеллигенция, интересующаяся эзотерическими и оккультными учениями. Дом Ю.Мамлеева был центром распространения оккультного самиздата. В самиздате распространялись также тексты произведений самого Мамлеева и магнитофонные записи его чтений. В 1974 эмигрировал. Первая публикация в 1975 в «Новом журнале» (Нью-Йорк). После выхода американского сборника «The Sky above Hell» («Небо над адом») (1980) принят в ПЕН-клуб. Автор романа «Московский гамбит» (1985) — о подпольных московских эзотерических кружках 1960-х. В настоящее время живет в Москве.

Марьян Борис Тихонович (р.1936) — поэт, журналист. В 1957 осужден «за антисоветскую агитацию и пропаганду». Освобожден в 1962. Реабилитирован в 1990. В настоящее время член Союза журналистов Молдавии.

Машин Юрий Дмитриевич (р.1932) — в 1959–1961 2-й, затем 1-й секретарь Калининского РК ВЛКСМ Москвы; секретарь, 1-й секретарь МГК ВЛКСМ.

Машкова Валентина Ефимовна (урожд. Цехмистер) — активистка русского национального движения. В 1958 за пропаганду анархо-коммунизма осуждена на 7 лет лагерей, затем в 1966 за попытку перехода границы (вместе со своим первым мужем Ю.Т.Машковым) на 6 лет лагерей. Впоследствии жена В.Осипова.

Меламид Александр Данилович (р.1945) — художник. С 1965 работает вместе с В.Комаром. В 1977 эмигрировал в Израиль. В настоящее время живет в США.

Мельникова Светлана Александровна — участница чтений на пл.Маяковского, приятельница Э.Кузнецова и В.Осипова. Впоследствии активная участница журнала «Вече». В настоящее время преподаватель физики.

Механиков Владимир — в начале 1960-х сотрудник Киевского райкома ВЛКСМ Москвы, затем горкома.

- Могилевский* Владимир Юзезович (р.1943) — студент ГИТИСа, завсегда-тай пл.Маяковского. В настоящее время в эмиграции.
- Модель* Игорь Леонидович (Гарик; р.1938?) — один из «Замоскворецких Сократов», мистик; сын профессора-фтизиатра Л.М.Моделя. В конце 1950-х отчислен из МГУ за религиозные настроения. В настоящее время в эмиграции, ксендз.
- Молочков* Валентин Иванович (1928–1989) — прокурор на процессе И.Бокштейна, В.Осипова и Э.Кузнецова.
- Мориц* Юнна Петровна — поэт. Начала печататься в 1954. О ее выступлении против смогистов см. в кн.: Сенкевич А. Показания свидетелей защиты. М., 1992.
- Морозов* Александр (Павлович?; р.1940?) — поэт, завсегда-тай пл.Маяковского.
- Морозов* Владимир — член СМОГа, в 1960-е студент Института нефти и газа им.И.М.Губкина.
- Морозов* Сергей Петрович (1946–1985) — поэт, член СМОГа, участник «Авангарда», «Сфинксов», «Феникса-66». Покончил с собой.
- «*Московское время*» — самиздательский альманах. Редакторы-составители А.Сопровский и А.Казинцев. М., 1973–1977. Вышло пять выпусков. Среди авторов С.Гандлевский, Б.Кенжеев, Ю.Кублановский, А.Цветков и другие.
- Мотобривцева* Ирина Константиновна — свидетельница по делу «маяковцев». Давала показания в пользу осужденных, после чего ей пришлось уйти из МГУ. В настоящее время специалист по японскому языку и литературе.
- «*Мученик*» — школьный журнал, издававшийся в конце 1950-х В.Буковским с группой друзей.
- Найденевич* Адель Петровна — автор самиздата, жена В.Осипова. В 1961 за «за антисоветскую агитацию» арестована и приговорена к 2 годам лагерей. В более поздние годы ее подпись стоит под многими документами правозащитного характера.
- «*Наша мысль*» — неофициальный школьный журнал, выпущенный учениками 122-й московской школы зимой 1957/1958. Редакторы-составители П.Захаров и А.Шухт. Среди авторов В.Вишняков (Ковшин), Э.Коган и другие.
- Никонов* Анатолий Васильевич (1923–1983) — в 1959–1961 заместитель главного редактора, главный редактор журнала ЦК ВЛКСМ «Смена».
- Новиков* Николай (1925–1990?) — слесарь. Печатал стихи в «Смене», альманахах «Истоки», «Подвиг», «Поэзия» и др.
- Новолаева* Лика — приятельница В.Батшева и других смогистов, участница демонстрации 14 апреля 1965.
- Носов* Виктор — участник чтений на пл.Маяковского. Пытался перейти государственную границу. Сидел в «психушке». Работал в Саратовском университете. Ныне в эмиграции.
- Одноралов* Михаил Николаевич (р.1944) — художник, ученик Р.Фалька. В 1980 эмигрировал. В настоящее время живет в США.
- Окуджава* Булат Шалвович (р.1924) — бард, поэт, прозаик. Его песни были первым «магнитофонным самиздатом».
- Орлов* Александр Никифорович (р.1932) — поэт, переводчик. Один из авторов «Феникса» (под псевдонимом Н.Нор). Впоследствии научный сотрудник Фундаментальной библиотеки общественных наук.
- Орлов* Сергей Дмитриевич — в начале 1960-х секретарь МГК КПСС.

- Осипов* Владимир Николаевич (конспиративная кличка Скворцов; р.1938) — один из организаторов чтений на пл.Маяковского. В 1961 арестован, в 1962 приговорен к 7 годам лагерей. В 1971–1974 редактор-составитель самиздатского журнала «Вече». Из-за разногласий внутри редакции в 9-м номере опубликовал заявление, где говорилось, что он слагает с себя обязанности редактора и прекращает выпуск журнала. Начал издавать другой самиздатский журнал — «Земля». В 1979 вновь арестован, приговорен к 8 годам лагерей. В настоящее время лидер Союза «Христианское Возрождение», автор газеты «Завтра».
- Павлов* Сергей Павлович (р.1929) — в 1959–1968 1-й секретарь ЦК ВЛКСМ.
- Панов* Михаил (псевд.М.Шелгунов) — прозаик, член СМОГа.
- Пастернак* Борис Леонидович (1890–1960) — поэт и прозаик. В 1958 за «существенные достижения как в современной лирической поэзии, так и в области великой русской эпической традиции» был удостоен Нобелевской премии, от которой вынужденно отказался. В октябре 1958 исключен из Союза писателей СССР. В сообщениях о его кончине, опубликованных в советской печати, говорилось о смерти «члена Литфонда». Похороны Пастернака в Переделкине вылились в манифестацию любви и глубочайшего уважения к нему.
- Паустовский* Константин Георгиевич (1892–1968) — писатель. Один из составителей альманаха «Литературная Москва».
- Пахомов* Аркадий Дмитриевич (р.1944) — поэт, член СМОГа.
- Петросян* Маргарита Ефремовна — в конце 1950-х — начале 1960-х приятельница А.Гинзбурга и А.Иванова (Рахметова). В настоящее время юрист, работала в Комиссии по правам человека при Президенте РФ.
- Пинский* Леонид Ефимович (1906–1981) — писатель, литературовед, доктор филологических наук, член Союза писателей СССР. В начале 1950-х — политзаключенный. После возвращения в Москву стал знаменит прежде всего тем, что добился временного исключения из СП Я.Эльсберга — одного из наиболее известных доносчиков сталинской эпохи. Был близок к «лианозовской группе»; некоторые его книги и статьи распространялись в самиздате. Его подпись стоит под многими петициями правозащитного характера 1960–1970-х.
- Плавинский* Дмитрий Петрович (р.1937) — художник-авангардист. Участник многих неофициальных выставок. Член горкома графиков. С 1991 живет в США.
- Поликарпов* Дмитрий Алексеевич (1905–1965) — в конце 1950-х зав. отделом ЦК КПСС.
- Полищук* Трофим Никитич — в 1950-е директор 122-й московской школы. Фигурирует в книге В.Буковского «И возвращается ветер...»
- Поляков* Сергей Михайлович — следователь КГБ, допрашивавший В.Осипова в 1961–1962.
- Померанц* Григорий Соломонович (р.1918) — философ и публицист. Был арестован в 1949, в 1950 осужден на 5 лет лагерей. Освободился в 1953 по амнистии. Реабилитирован в 1956.
- Помещиков* Вадим Алексеевич (р.1941) — участник чтений на пл.Маяковского. В настоящее время искусствовед, сотрудник Царицынского историко-архитектурного и художественного музея.
- Попенкова* (в настоящее время Сергиенко) Минна Стефановна — первая жена В.Хромова, приятельница Ю.Галанскова.

- Попов Виктор Михайлович* (р.1940) — солагерник И.Бокштейна. Осужден в 1960 по ст.64 УК РСФСР («измена Родине») на 6 лет лагерей.
- Постовалов Василий Михайлович* (р.1938) — в начале 1960-х студент-заочник философского факультета МГУ, участник чтений на пл.Маяковского. В 1961 исключен из комсомола и из МГУ, какое-то время работал дворником, затем поступил в Духовную семинарию в Загорске.
- Прихожан Леонид Михайлович* (р.1938) — участник чтений на пл.Маяковского. В настоящее время санитарный врач.
- Рабин Оскар Яковлевич* (р.1928) — художник-нонконформист. Входил в «Лианозовскую группу». Участник многих неофициальных выставок. В 1978 лишен советского гражданства. Живет во Франции.
- Радыгин Анатолий Владимирович* (1934–1984) — капитан рыболовного судна, поэт, член Союза писателей СССР. В 1962 арестован за попытку бежать в Турцию, приговорен к 10 годам лагерей. После освобождения публиковался в журнале «Вече». В 1973 эмигрировал в Израиль, затем в США.
- Разумовский Андрей Вадимович* (р.1948) — прозаик, член СМОГа. Ныне кинорежиссер, продюсер.
- Разумовский Владимир Вадимович* (р.1950) — актер, член СМОГа. Ныне актер и кинопродюсер.
- Рафальский Виктор Парфентьевич* (р.1918) — приятель А.Иванова (Новогоднего). С начала 1950-х трижды арестовывался по политическим мотивам и каждый раз признавался невменяемым. Содержался в спецпсихбольницах. Известно, что в 1981 переведен в психбольницу общего типа.
- Реброва Татьяна Анатольевна* — поэт, член СМОГа. Ныне член Союза российских писателей.
- Ременцов Виталий Ильич* (1935–1965?) — в 1958 арестован за попытку бегства за границу, приговорен к 10 годам лагерей; в 1959 признан невменяемым, переведен в Ленинградскую спецпсихбольницу и вскоре освобожден. Предполагаемый исполнитель проекта «Космонавт» — тракта против Н.С.Хрущева. Был вновь арестован и отправлен в Казанскую спецпсихбольницу, где и умер.
- Ретников Вячеслав Алексеевич* (р.1935) — переводчик. В 1953–1955 содержался в Ленинградской спецпсихбольнице. В 1959 осужден на 10 лет лагерей «за измену Родине» и «антисоветскую агитацию и пропаганду». В 1970-е принимал участие в правозащитной деятельности, входил в правозащитные ассоциации. В 1980 эмигрировал в США.
- Резницкий Андрей Леонидович* (р.1939?) — художник, завсегдаей кафе «Артистическое». В настоящее время в Израиле.
- Рождественский Роберт Иванович* (1932–1994) — поэт. Один из четырех самых популярных поэтов «оттепели».
- Розенкрац Сима Соломоновна* (1914–1988) — адвокат, защищала И.Бокштейна.
- Розенфельд Стефан* — американский журналист, в 1960-е корреспондент газеты «Вашингтон пост» в Москве.
- Рустайкис Алла Александровна* — певица, поэтесса, в 1950–1960-е хозяйка одного из московских салонов. Мать Е.Басиловой.
- Рыбкин Ростислав Леонидович* (р.1934) — переводчик-полиглот, поэт. Арестован в 1959. Приговорен к 7 годам лагерей. В настоящее время член Союза писателей Москвы.

- Рыжкова* Людмила Геннадьевна — первая жена В.Вишнякова.
- Самойлов* Давид Самойлович (1920–1990) — поэт. Некоторые его стихи распространялись в самиздате.
- Сагир* Генрих Вениаминович (р.1928) — поэт. Входил в «Лианозовскую группу». Основатель и завсегдатай салона «мадам Фриде». В СССР печатались только детские его стихи.
- Сахаров* А. — в конце 1950-х — начале 1960-х завсегдатай кафе «Артистическое».
- Свешников* Борис Петрович (р.1927) —художник-авангардист. С 1946 по 1953 узник сталинских лагерей. В 1960-е—1970-е участник многих неофициальных выставок.
- Семичастный* Владимир Ефимович (р.1924) — в 1958–1959 секретарь ЦК ВЛКСМ. Впоследствии (1961–1967) председатель КГБ.
- Сидоров* Евгений Юрьевич (р.1938) — в начале 1960-х сотрудник МГК ВЛКСМ. В настоящее время министр культуры РФ.
- «*Синтаксис*» — самиздатский журнал. Редактор-составитель А.Гинзбург. Иллюстратор Л.Кропивницкий. М.,1960. Вышло три номера. В каждом по 5 стихов десяти поэтов (только И.Холин удостоен большего числа). Среди авторов поэты Н.Глазков, В.Некрасов, М.Павлова, Б.Ахмадулина, И.Бялосинская, Э.Котляр, Д.Бобышев, М.Еремин, Е.Рейн, Н.Слепакова, В.Уфлянд и другие. Единственный прозаик — В.Голявкин. Первые два номера — москвичи, 3-й — ленинградцы. Был подготовлен и 4-й номер. Тираж каждого номера 200–300 экз. Все выпуски перепечатаны в журнале «Грани» (1965. № 58).
- Синявский* Андрей Донатович (псевд. Абрам Терц; р.1925) — писатель, литературовед. В 1965 арестован и в 1966 приговорен к 7 годам лагерей за публикацию на Западе художественных произведений (см.: Белая книга по делу А.Синявского и Ю.Даниэля / Сост. А.Гинзбург. Франкфурт-на-Майне, 1967; Цена метафоры, или Преступление и наказание Синявского и Даниэля / Сост. Е.Великанова. М., 1969). В настоящее время живет в Париже.
- «*Сирена*» — самиздатский журнал. Редактор-составитель М.Каплан. Художник В.Комар. М., начало 1960-х. Вышло два выпуска. Среди авторов М.Юпп (Смоткин), Г.Недгар (Ю.Виленский), А.Кушнер, Г.Горбовский, А.Щукин, В.Ковшин (Вишняков), В.Скуратовский и другие.
- Ситников* Василий Яковлевич («Васька-фонарщик»; 1915–1987) — художник-авангардист, теоретик абстрактного искусства, участник неофициальных выставок, учитель многих «левых» художников. Участник «Бумеранга». В 1975 эмигрировал в США.
- Ситников* Иван Дмитриевич (1895–1962) — адвокат. В 1962 защищал В.Осипова.
- Скуратовский* Виталий Яковлевич (Алик; псевд. Шарль, Борис Лидин, С.К. и др.; р.1939) — поэт, прозаик. Издатель и один из авторов сборника «Коктейль». Участник журнала «Сирена». Впоследствии, печатал юмористические рассказы в советской прессе. В настоящее время живет в Германии.
- Слепак* Владимир Семенович (р.1927) — инженер-физик, правозащитник, активист движения за свободу еврейской эмиграции, член Московской Хельсинкской группы. В 1978 арестован, приговорен к 5 годам ссылки. В настоящее время живет в Израиле.

Слуцкий Борис Абрамович (1919–1986) — поэт. Его антисталинские стихи широко распространялись в самиздате.

Смеян (ныне Братусь) Татьяна Николаевна — гражданская жена Ю.Галанскова.

Смирнова Наталья Анатольевна — жена А.Шухта.

СМОГ — неофициальное объединение творческой молодежи в середине 1960-х. Расшифровок было несколько: Самое Молодое Общество Гениев; Смелость, Мысль, Образ, Глубина; Сжатый Миг Отраженной Гиперболы. Инициатор СМОГа — Л.Губанов. Организаторы: Л.Губанов, В.Батшев, В.Алейников, Ю.Кублановский. Члены СМОГа: Ю.Вишневская, Б.Дубин, В.Бережков, И.Голубев, Н.Солнцева, С.Морозов, художник И.Недбайло и другие — всего несколько десятков человек. В 1965 на пл.Маяковского был оглашен «Манифест» СМОГа. Орган СМОГа — журнал «Сфинксы». Кроме того смогисты издали самиздатские сборники «Здравствуйте, мы гении», «Авангард», «Чу!», «Рикошет» и др. Подробнее о СМОГе см. в кн.: Сенкевич А. Показания свидетелей защиты: Из истории русского поэтического подполья 1960-х. М., 1992; Алейников В. Смелость, Мысль, Образ, Глубина // Другое искусство. М., 1991.

Снежневский Андрей Владимирович (1904–1987) — психиатр, действительный член Академии медицинских наук, Герой Социалистического Труда (1974), лауреат государственной премии (1976). Автор трудов по психиатрии, в том числе по организации психиатрической помощи в СССР. Глава медицинской школы, разработавшей теорию вялотекущей шизофрении. На основе этой теории многие инакомыслящие были признаны душевнобольными и насильственно госпитализированы.

Соколов Александр Всеволодович (псевдоним Саша Соколов; р.1943) — поэт, прозаик, в 1960-е член СМОГа. В смогистских изданиях печатался под псевдонимами Велигош и др. С 1975 в эмиграции. Особой популярностью пользуются его романы «Школа для дураков», «Между собакой и волком», «Палисандрия».

Соколов Валентин Петрович (псевд. Валентин Зэка; 1926–1982) — поэт. С 1947 провел в заключении в общей сложности 20 лет. Единственная книга стихов посмертная: Глоток озона. М., 1994.

Соловьев Николай Петрович (р.1928) — в 1959–1961 ответственный и зам.зав. Отделом комсомольских органов ЦК ВЛКСМ по РСФСР.

Сорока Степан Климентьевич (р.1932) — в 1952, будучи студентом Киевского мелиорационного института, арестован как член Организации украинских националистов. Осужден на 25 лет лагерей. Был освобожден в 1956; в 1957 вновь арестован по обвинению в подготовке покушения на Хрущева и отправлен досаживать предыдущий срок.

Стефанов Юрий Николаевич (р.1939) — поэт, переводчик, участник чтений на пл.Маяковского. Один из авторов «Феникса», «Сирены», «Сфинксов», «Феникса-66». В настоящее время член Союза российских писателей.

Стрובה Елена Петровна («Маркиза»; 1930–1973?) — жена художника Ю.Титова, хозяйка «салона», участница диссидентского движения, одна из организаторов демонстрации 5 декабря 1965 на Пушкинской площади. В 1972 эмигрировала. Покончила жизнь самоубийством.

Суперфин Габриэль Гаврилович (Гарик; р.1943) — участник чтений на пл.Маяковского, впоследствии литературовед, историк. Один из зачинателей литературоведческого самиздата. Помогал А.И.Солженицыну в со-

- бирании материалов для книги «Архипелаг ГУЛАГ», участвовал в издании «Хроники текущих событий» и был ее активным распространителем (как и вообще самиздата). С его помощью были переданы на Запад «Дневники» Э.Кузнецова. В 1973 арестован, приговорен к 5 годам лагерей и 2 годам ссылки. В 1983 эмигрировал. Работал на радио «Свобода». В настоящее время сотрудник Института Восточной Европы (Бремен).
- Сурина* Тамара — в начале 1960-х сотрудник МГК ВЛКСМ.
- «*Сфинксы*» — самиздатский журнал, выпускавшийся объединением СМОГ. Редактор В.Я.Тарсис. М., 1965. Вышло два номера. Один из них перепечатан в журнале «Грани» (1966. № 61). В числе авторов кроме смогистов и признанные советские поэты (Б.Слущкий и другие). На титуле значилось: «Все произведения публикуются без согласия авторов».
- Талицкий* Владимир Викторович (р.1939) — в начале 1960-х внештатный инструктор Киевского райкома ВЛКСМ. В настоящее время биофизик, сотрудник Российского государственного медицинского университета (бывший Второй медицинский институт).
- Талочкин* Леонид Прохорович (р.1936) — историограф советской «левой» живописи, коллекционер.
- Твардовский* Александр Трифонович (1910–1971) — поэт, общественный деятель. В 1950–1954, 1958–1970 редактор «Нового мира».
- Темин* Геннадий Михайлович — политзаключенный (из бывших уголовников), лагерный поэт, находился в заключении с 1945 по 1968.
- Тендряков* Владимир Федорович (1923–1984) — писатель. В «оттепельные» годы были изданы первые его повести о колхозной деревне, о духовно-нравственном воспитании молодежи.
- Тер-Погосян* (Тер-Ованесян?) — в 1961 зав. Отделом писем ЦК ВЛКСМ.
- Титов* Юрий Васильевич (р.1928?) — архитектор, художник. Муж Е.Строевой. Участник демонстрации 5 декабря 1965 на Пушкинской площади. В 1972 эмигрировал.
- Тихонов* Николай Семенович (1896–1979) — поэт. С 1940-х бессменный секретарь Союза писателей СССР, депутат ВС СССР и пр.
- Тоом* Андрей Леонович (р.1942) — в 1960-е студент мехмата МГУ. Сын поэта и переводчика Леона Тоома, внук поэта П.Г.Антокольского. В настоящее время живет в США.
- Топешкина* (ныне Сычева) Аида Моисеевна (псевд. А.Онежская, А.Ясколка) — поэтесса, одна из авторов «Феникса» и «Феникса-66», участница чтений на пл.Маяковского, впоследствии художница, коллекционер авангардной живописи, устроительница неофициальных выставок. Первая жена В.Осипова. Хранительница архива «Вече». В настоящее время живет в Париже.
- Труфанов* Анатолий (р.1938) — в конце 1950-х друг В.Осипова и В.Муравьева.
- Турбин* Владимир Николаевич (1927–1993) — литературовед, критик, публицист. Доцент кафедры русской литературы филфака МГУ.
- Турич* Алина (1941?–1970-е) — участница чтений на пл.Маяковского.
- Тышлер* Александр Григорьевич (1898–1980) — театральный художник, живописец и график, чья живопись долгое время относилась к категории «запрещенного искусства». Первая персональная выставка его работ — эскизов к шекспировским спектаклям — прошла в 1964 и была приуро-

- чена к 400-летию со дня рождения Шекспира. В 1966 — выставка живописи в Музее изобразительных искусств им. А.С.Пушкина.
- Урбанский** Евгений Яковлевич (1932–1965) — актер. (Фильмы «Коммунист», «Чистое небо» и др.) Погиб во время съемок.
- Урусов** Александр Иванович (р.1947) — прозаик, член СМОГа. В 1976 эмигрировал, ныне профессор Миланского университета.
- Ушаков** Виктор Георгиевич (р.1924) — сотрудник КГБ, производивший обыск у Э.Кузнецова 6 октября 1961.
- Федоров** Винцент М. — участник чтений на пл.Маяковского, свидетель по делу И.Бокштейна и других.
- Федорова** (Пудалова) Кира Владимировна (1919–1993) — мать В.Вишнякова. Актриса. С 1955 в Театре им. Пушкина, затем в Театре драмы и комедии на Таганке.
- Федянов** Виктор Петрович (псевд. Пролетарский) — рабочий, читал свои стихи на пл.Маяковского.
- «**Феникс**» — самиздатский сборник (задуман как журнал). Редактор-составитель Ю.Галансков. М., 1961. Перепечатан в журнале «Грани» (1962. № 52). В «Фениксе» напечатаны стихотворение «Гамлет» и глава из «Охранной грамоты» Б.Пастернака, стихи поэтов-«маяковцев», а также Н.Горбаневской, В.Хромова, И.Харабарова и других, лирические и публицистические эссе, критические статьи.
- «**Феникс-66**» — самиздатский сборник. Редактор-составитель Ю.Галансков. М., 1966. (Переиздано: Milano, 1968.) Галансковым же написаны редакционная статья «Можете начинать...» и «Открытое письмо депутату ХХIII съезда КПСС М. Шолохову». В сборнике публицистика Г.Померанца, стихи Ю.Галанскова, Е.Кушева, С.Морозова и других. На «процессе четырех» в январе 1968 Мосгорсуд признал «антисоветскими» четыре опубликованных в сборнике материала — «Открытое письмо...» Ю.Галанскова, статью «Российский путь перехода к социализму и его результаты» (возможно, принадлежавшую перу академика Е.Варги), повесть анонимного автора «Откровения Виктора Вельского» и статью А.Синявского «Что такое социалистический реализм?».
- «**Фонарь**» — самиздатский журнал (1960-е). Редакторы-составители М.Каплан и В.Кононенко. Ни одного экземпляра, по-видимому, не сохранилось.
- Фриде** Екатерина Сергеевна («мадам Фриде»; 1900?–1970-е) — хозяйка одного из самых известных московских салонов 1950–1960-х.
- Харабаров** Иван Митрофанович (1938–1969) — поэт. Окончил Литературный институт (1960). Печатался как в официальных изданиях, так и в самиздате. Участник «Синтаксиса», «Феникса».
- Харитонов** Александр Васильевич (1931–1993) — художник-авангардист, участник многих неофициальных выставок. Впоследствии член горкома графиков.
- Харламов** Юлий Федорович (р.1932) — в 1959–1961 1-й секретарь Ленинского РК ВЛКСМ Москвы, зав. лекторской группой Отдела пропаганды и агитации ЦК ВЛКСМ, секретарь и зав. Отделом агитации и пропаганды МГК ВЛКСМ.
- Хаустов** Виктор Александрович (р.1938) — участник чтений на пл.Маяковского, друг Э.Кузнецова, допрашивался по делу Бокштейна и других. 22 января 1967 был арестован за участие в демонстрации протеста на

- Пушкинской площади, приговорен к 3 годам лагерей. В 1973 вновь арестован — за участие в передаче на Запад «Дневников» Э.Кузнецова; приговорен к 4 годам лагерей и 2 годам ссылки. После освобождения принял священнический сан; служит в Иркутске.
- Хвас** Алиса Яковлевна (1894–1975) — сестра бабушки Е.Басиловой, врач.
- Хмелев** Евгений — скульптор, в начале 1970-х муж А.Топешкиной.
- Холин** Игорь Сергеевич (р.1920) — поэт, входил в «Лианозовскую группу», его «барачные» стихи распространялись в самиздате. Участник «Синтаксиса».
- Хромов** Валентин Константинович (р.1932) — поэт, один из авторов «Феникса» и «Феникса-66». В настоящее время переводчик.
- «*Хроника текущих событий*» («Хроника», ХТС) — анонимный самиздатский информационный бюллетень правозащитников (1968–1983). Вышло 63 номера (1–58 и 60–64). В «Хронике» в нейтральной, безоценочной стилистике фиксировались все известные издателям случаи нарушений властью прав человека в СССР, а также попытки осуществления гражданских свобод «явочным порядком». В редакцию (состав которой с 1970 не был четко очерчен и постоянно менялся) по цепочке поступала информация от сотен корреспондентов со всех концов страны; эти же люди были чаще всего и распространителями «Хроники». Издание стало стержнем всего правозащитного движения в СССР. Основатель и первый редактор-составитель «Хроники» (до декабря 1969) Н.Е.Горбаневская.
- Чанышев** Арсений Николаевич (псевд. Арсений Михайлов, Арсений Никитин, Арсений Прохожий; р.1926) — доцент философского факультета МГУ, доктор философских наук, поэт, публицист и философ сам- и «тамиздата» («Рикошет», «Грани», «Панорама» и др.), почетный член СМОГа, участник поэтической студии «Луч».
- Черепов** Геннадий (р.1930) — поэт, политзаключенный. Осужден в 1948 за убийство (или попытку убийства) партийного босса, затем вновь — за участие в восстании заключенных в Норильске. В настоящее время живет в Ставрополе, в доме инвалидов.
- «*Чу!*» — самиздатский сборник четырех поэтов-смогистов: В.Алейникова, В.Батшева, Л.Губанова, Ю.Кублановского. М., 1965.
- Шелепин** Александр Николаевич (р.1918) — в 1952–1958 1-й секретарь ЦК ВЛКСМ, в 1958–1961 председатель КГБ.
- Шипачев** Игорь — художник-авангардист, ученик В.Ситникова.
- Шлаин** Михаил Израилевич (1942–1992) — поэт. Выпускник филфака МГУ, в «оттепельные» годы часто выступал в институтах, кафе. С середины 1970-х редактор в Издательстве Московского университета. Кандидат филологических наук. Первая книга — «Вечные темы» (М., 1979). В 1992 вступил в Союз писателей Москвы.
- Шпунт** Борис (р.1935?) — участник подпольного школьного кружка, возглавляемого А.Ивановым (Новогодним). Впоследствии окончил технический вуз, уехал в Якутию.
- Штейнберг** Эдуард Аркадьевич (р.1937) — художник, один из признанных лидеров российского художественного авангарда, участник многих неформальных выставок. Сын А.А.Штейнберга, литератора и художника, близкого к «лианозовцам».
- Штеренфельд** Евгений Владимирович (р.1939) — друг Ю.Галанскова, участник чтений на пл.Маяковского. В настоящее время инженер.

- Шухова* Зинаида Ивановна — в конце 1950-х—начале 1960-х сотрудница отдела учета Киевского РК ВЛКСМ Москвы. В 1961 уволена (формально — «за развал работы», фактически — за перепечатку «Тезисов о развале комсомола»). В настоящее время госслужащая.
- Шухт* Аполлон Викторович (псевд. А.Шуг; р.1941) — один из поэтов «Маяковки», писал преимущественно в жанре политической лирики. Участник «Бумеранга» и «Феникса». Впоследствии закончил мехмат МГУ (заочно). В настоящее время госслужащий.
- Шукин* Анатолий Иванович (псевд. Ан. Ветер; р.1940) — один из поэтов «Маяковки», участник «Бумеранга», «Феникса», «Сирены». В настоящее время инженер.
- Эренбург* Илья Григорьевич (1891–1967) — писатель, общественный деятель. Название его романа — «Оттепель» — дало имя целой исторической эпохе.
- Эскина* Зинаида Александровна — участница чтений на пл.Маяковского, хозяйка салона. Впоследствии помогала в издании «Хроники текущих событий», участвовала во многих правозащитных акциях.
- Юнн* Михаил Евсеевич (р.1938) — поэт, критик. Его поэзия в СССР распространялась только в самиздате. В 1980 эмигрировал. Живет в США, сотрудничает в журнале «Новое русское слово», издал несколько сборников стихов: «Срезы» (1984), «Пространство» (1986) и др.
- Якобсон* Григорий Рафаилович (псевд. Яша Синий, Михаил С., М.Гог; р.1941) — участник чтений на пл.Маяковского, один из авторов «Коктейля». Окончил МИФИ. Дальнейшая его судьба неизвестна.
- Яковлев* Владимир Игоревич (р.1934) — художник-авангардист, участник многих неофициальных выставок. В настоящее время живет в лечебнице для душевнобольных, продолжает активно работать. Несколько его персональных выставок прошли в художественных галереях Москвы.
- Янкевич* Марк (псевд. Марк Эдвин; р.1945?) — прозаик, член СМОГа.
- Янушевский* Игорь Константинович — в 1960-е главный психиатр города Москвы.
- Яшин* Александр Яковлевич (1913–1968) — поэт, прозаик, один из авторов «Нового мира». Его рассказ «Рычаги», опубликованный в 1956 во втором сборнике «Литературной Москвы» и направленный против двоемыслия, неискренности и равнодушной исполнительности, был подвергнут официальной критикой своего рода литературной казни.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Абдулов В.О. **9, 52, 75, 143, 146, 308, 321, 337, 367**
Абдулов О.Н. **367**
«Авангард» **316, 367, 368, 372, 376, 379, 383**
Авдеев И.В. **174, 203, 235, 236, 238, 239, 367, 374**
Авксентьев Б.Е. **144–146, 149, 151, 158, 258, 345, 347, 367**
Авксентьев Е.Г. **367**
Агаджанов Р.А. **82, 122, 218, 244, 274, 337, 367**
Агол В. **196, 367, 373**
Айги Г.Н. **79, 85, 367**
Аксман А. **310, 364**
Алейников В.Д. **311, 318, 367, 383, 386**
Александровский А.А. **9, 11, 308, 367**
Алексей Николаевич, вел.кн. **193, 352**
Алешин **261**
Алигер М.И. **169**
«Альянс» **11, 144, 251, 367, 376**
АМАВЪ **55, 300, 305, 367**
Андреев Л.Г. **260, 359, 367**
Андропов Ю.В. **168, 269, 349**
Анинский Л.А. **46, 367**
Антокольский П.Г. **41, 42, 44, 143, 333, 334, 368, 384**
Аполлинер Г. **101, 343**
Аристотель **189**
Аркинд В. **27, 158, 258, 264, 368**
Аронзон Л.Л. **306, 310, 368**
Аронов А.Я. **141, 368**
Арутюнян Р.Р. **309, 340, 368**
Архипова Л. **358**
Асеев Н.Н. **40**
Ахмадулина Б.А. **126, 215, 368, 382**
Ахматова А.А. **40, 100, 102, 126, 130, 190, 215, 328, 336, 338, 345**
Бабадаев И.Д. **244**
Бабицкий К.И. **344**
Багрицкий Э.Г. **40**
Баева Т.А. **344**
Бакунин М.А. **234, 236**
Балтер Б.И. **338, 368**
Бальзак О., де **35**
Барашков Л.П. **191, 192, 368, 373**
Басилова Е.Н. **105, 110, 124, 316, 321, 345, 365, 368, 376, 381, 386**
Батшев В.С. **296, 297, 311, 312, 315, 321, 362, 363, 365, 366, 368, 379, 383, 386**
Бахревский **27**
Безыменский А.И. **29**
Беккет С. **109, 343**
Белелюбский Ф.Б. **79, 368**
Белль Г. **353**
Белов **256**
Белоконов В.С. **275, 361, 368**
Белый А. **101, 193, 352**
Бердслей О. **308, 364**
Бердяев Н.А. **45, 48, 331, 336**
Бережков В. **383**
Берия Л.П. **37, 59, 188, 203, 213**
Бермаков В.Г. **244**
Бетховен Л. ван **138**
Битов А.Г. **46**
Блаватская Е.П. **191, 352**
Блок А.А. **29, 39, 41, 42, 65, 192, 204, 285, 303**
Бобровников Н.Н. **25**
Бобышев Д.В. **382**
Богораз Л.И. **344**
Боде Б. **161**
Бокштейн И.В. **18, 20, 22, 110, 130, 148, 159, 177–182, 210, 218, 220, 236, 240–246, 249, 251, 253, 258, 264, 278, 282, 297, 317, 332, 351–353, 357, 358, 368, 369, 371, 373, 374, 376, 378, 379, 381, 385**
Болтрукевич А.В. **340, 368**
Бондаренко Э. **27**
Борисенков П.Ф. **246, 369**
Бородин А.П. **132**
Бородин Л.И. **357**
Бородин М.М. **244, 369**
Борхарт В.А. **244**
Боттичели С. **132**
Бочеваров Г.Н. **340, 369**
Братусь Т. см. Смяен Т.
Брежнев Л.И. **208, 237, 349, 356**
Бродский И.А. **8, 45, 127, 328, 329, 336, 369, 376**
Брюсов В.Я. **285**
Бувевич **261, 262**
Буковская Н.И. **312, 313, 365, 369**
Буковский В.К. **5, 6, 8, 33, 42, 43, 49, 54, 55, 61, 68, 82–86, 105, 110, 125, 126, 128–131, 135, 143–153, 157, 158, 175, 178–180, 196, 218, 223, 227, 236, 237, 239, 252, 258, 259, 264, 268, 275, 276, 293, 297, 298, 300, 307–310, 312, 313, 317, 321, 323, 324, 326, 332, 337, 338, 341, 346, 347, 350, 354, 355, 358, 360, 362, 364, 365, 369, 371, 377, 379, 380**
Буковский К.И. **252**
Булгаков М.А. **304, 331**
«Бумеранг» **66, 80, 127, 129, 175, 251, 306, 308, 323, 339, 342, 348, 364, 369, 370, 382, 387**
Бунимович Е.А. **46, 336**
Бунин И.А. **329**
Бутягина В.А. **100, 102, 343**
Бухарин Н.И. **45, 328, 335**
Быков В. **369**
Быков Д.Л. **46, 336**

- Быков Р.А. 342
 Бялосинская И. 382
- Вагнер Р. 205
 Вайнеры, братья 340
 Ван Гог В. 29, 333
 Ваншенкин К.Я. 333
 Варга Е.С. 385
 Васильев А.Г. 79, 85, 140, 341, 346, 364, 369
 Васильев Г.Н. 79, 341
 Васильев Д.Д. 239
 Васильев С.Д. 341
 Васильевы, братья 79, 341
 Васютков А.Г. 318–320, 369
 Вейсберг В.Г. 68, 136, 142, 194, 369
 Великанова Е.М. 372, 382
 Вербин М. см. Каллан М.М.
 Верлен П. 333
 Верн Ж. 35
 Веронезе П. 192
 Вертинский А.Н. 41, 360
 Верченко Ю.Н. 256, 369
 «Вече» 107, 160, 164, 168, 239, 348, 367, 369,
 372–374, 378, 380, 381, 384
 Вечтомов Н. 377
 Вигдорова Ф.А. 336
 Визбор Ю.И. 86, 369
 Викторов А.В. 340, 361, 362, 369
 Виленский Ю.М. 103, 104, 110, 310, 343, 370, 382
 Витковский Е.В. 46, 336
 Вишневецкая Ю.И. 311, 321, 362, 366, 370, 383
 Вишняков В.П. 9, 52, 54, 55, 62, 75, 90, 102, 105,
 108, 110, 117, 119, 125–129, 144, 146, 175, 218,
 220, 258, 264, 267, 297, 305, 310, 317, 321,
 340–343, 351, 354, 359, 360, 367, 370, 375, 379,
 382, 385
 Вишняков П.И. 76–78, 86, 340, 370
 Вознесенский А.А. 44–46, 126, 215, 304, 350, 370
 Волгин И.Л. 8, 33, 52, 65, 128, 333–338, 370
 Волконский А.М. 100, 103, 346, 370
 Володин В.В. 143, 145, 146, 370
 Волошин М.А. 143, 183
 Вольпин А.С. см. Есенин-Вольпин А.С.
 Воронов Ю.П. 256, 370
 Воронский А.К. 356
 Ворошилов И.В. 341, 370
 Вульф А.Я. 190
 Выготский Л.С. 365
 Высоцкий В.С. 117, 161, 340
 Вышинский А.Я. 35
- Габай И.Я. 377
 Гагарин Ю.А. 13, 65, 237, 258, 315
 Гадасина А.Д. 100, 101, 106, 108, 343, 346, 370
 Гаенко В.Н. 340, 370
- Галансков Т.С. 118, 344, 370
 Галансков Ю.Т. 6, 9, 11, 15, 17, 20, 21, 33, 52, 55,
 66, 67, 69, 70, 82–84, 97, 107, 108, 110,
 117–129, 135, 141, 142, 144, 158, 160, 166, 175,
 177, 179–181, 196, 218, 221, 223, 229, 236–238,
 241, 244, 252, 257, 265, 268, 269, 276, 278, 280,
 289, 292–300, 305–309, 311, 317, 321, 327,
 339–344, 346, 348, 351, 352, 358, 360–363, 365,
 369, 370, 374, 377, 380, 383, 385, 386
 Галанскова Г.В. 118, 120, 344, 370
 Галанскова Е.А. 68, 118, 339, 344, 370
 Галанскова Е.Т. 340, 370
 Галич А.А. 161, 317
 Гамсун К. 200
 Ганди М.К. 216, 354
 Гандлевский С.М. 46, 47, 336, 379
 Гартман Э. 189, 351
 Гаспаров М.Л. 328, 329
 Гацкевич В.С. 203, 371
 Гегель Г.В.Ф. 38, 89, 173, 190
 Гензель К. 165, 166, 349
 Герасимов А.М. 142, 346
 Герасимова Т.Н. 174, 371
 Герзон С.И. 212
 Герцен А.И. 131
 Гинзбург А.И. 100–102, 104, 110, 119, 128, 129,
 136, 141, 142, 166, 311, 340, 359, 365, 370–372,
 375, 377, 380, 382
 Гинзбург Л.И. 166, 349, 371
 Гиппиус З.Н. 5, 143
 Гитлер А. 160, 232, 349, 364
 Гладиллин Д. 144, 145, 148, 149, 151, 309, 371
 Глазков Н.И. 335, 382
 Говорухин С.С. 340
 Гогин В.Г. 254
 Гоголь Н.В. 35, 185
 Голь Ш., де 305
 Головатенко Ю.П. 108, 229, 232, 233, 239, 343,
 345, 355, 371
 Голубев И. 383
 Голубцова Т.В. 146, 347, 371
 Гольцберг Е.Б. 203, 371
 Голявкин В.В. 382
 Гончарова Н. 318, 371
 Горбаневская Н.Е. 141, 166, 340, 344, 371, 385,
 386
 Горбачев М.С. 313, 314, 326
 Горбовский Г.Я. 306, 310, 371, 382
 Горкин А.Ф. 181, 371
 Горький М. 40, 308
 Горячев П.М. 340, 372
 Гражданкин С.А. 9, 52, 75, 308, 372
 Грамши А. 60, 338
 «Грани» 5, 131, 311, 341–343, 345, 346, 363, 367,
 382, 384–386

- Григоренко П.Г. 165, 349
 Григорьев А.Г. 352
 Грин Г. 353
 Гринберг С.С. 42, 335, 372
 Гринблат 158
 Гриценко О.Ф. 119, 344, 372
 Гришаенков Ф.А. 246, 372
 Губанов Л.Г. 89, 126, 194, 292, 297, 311, 316–319, 321, 345, 352, 362, 363, 365, 367, 368, 372, 383, 386
 Губерман И.М. 140, 141, 346, 372
 Гумилев Н.С. 5, 10, 40, 52, 143
 Гурджиев Г.И. 191, 352
 Гуревич Б. 57, 58
 Гурьянова Г.И. 244
 Гус Я. 50, 51, 337
 Гусев И.Т. 115, 372
 Гюго В.М. 35, 161
- Д'Арк Ж. 199
 Давыдов А.П. 244
 Дайчик 254, 360
 Даниэль Ю.М. 45, 46, 70, 84, 293, 321, 339, 371, 372, 377, 382
 Данцигер А.Ю. 318, 372
 Дейнека А.А. 362
 Декарт Р. 189
 Делоне Б.Н. 372
 Делоне В.Н. 55, 344, 352, 372, 377
 Демичев П.Н. 372
 «Демократ» 341
 Джамбул Джабаев 343
 Дживелегов А.К. 129, 323, 324, 345
 Джилас М. 332
 Джонсон Л. 295, 363
 Дзержинский Ф.Э. 146, 239
 Дмитриев С.С. 48, 336
 Добровольский А. 365, 370
 Докукин А.И. 304
 Домбровский Ю.О. 361
 Достоевский Ф.М. 33, 48, 52, 133, 162, 191, 200, 223, 336, 352
 Драйзер Т. 213
 Дрейфус А. 293, 362
 Дремлюга В.А. 344
 Друц Е.А. 207, 373
 Дубин Б. 383
 Дудинский И. 365
 Дудинцев В.Д. 62, 215, 373
 Дудко Д.С. 87, 88, 208, 239, 342
 Дулуб В. 260, 261
 Дунаевский В.А. 204, 373
 Дунаевский И.О. 351, 356
 Дьяконов Э.Н. 239
- Евтушенко Е.А. 10, 41, 45, 55, 126, 179, 215, 220, 284, 304, 333, 334, 336, 362, 373
 Ежов Н.И. 57, 338, 350
 Елизавета, имп. 168
 Елкин А.С. 263, 359, 360, 373
 Ельцин Б.Н. 356
 Ентин Л. 119, 373
 Енько М.А. 244
 Еремин А.Ф. 150, 373
 Еремин М. 382
 Ерофеев В.В. 348
 Есенин С.А. 29, 173, 215, 285, 303, 356, 363, 373
 Есенин-Вольпин А.С. 21, 224, 276, 284, 362, 373
 Есин С.Н. 86, 341
- Жаббаров И. 228
 Железняков В. 342
 Жигулин А.В. 340
 Жильцов В.И. 299, 373
 Журавлев Д.Н. 77, 340
 Журавлев Ю.И. 261, 373
 Жучков В.А. 244, 259, 345, 352, 354, 373
- Заболоцкий Н.А. 11, 52, 338
 Зайцев В.В. 340, 373
 «Замоскворецкие Сократы» 191, 192, 367, 373, 379
 Заславская Д.Г. 337, 374
 Заславская Е.А. 51, 337, 374, 377
 Заурич А.А. 42, 335, 374
 Захаров П. 62, 379
 Зацепина Н. 27, 28, 333
 «Здравствуйте, мы гении» 383
 Зелинский К.Л. 363
 «Земля» 380
 Зепалова Т.С. 26
 Зимин 250, 257, 374
 Зимин-Ковалев В.И. 198, 199, 244, 374
 Зиновьев А.А. 307, 374
 Золя Э. 213
 Зощенко М.М. 303
- Ибсен Г. 200
 Иванов А.И. 11, 18, 110, 135–140, 142, 158–161, 163–167, 173–175, 180, 181, 198, 219, 235, 236, 239, 244, 340, 348–350, 352, 371, 374, 375, 380
 Иванов А.М. 18, 20, 33, 123, 135, 157–161, 173–175, 177, 178, 180, 181, 198, 211, 219, 221, 222, 231, 235, 238, 240, 241, 243, 245, 253, 268, 269, 271, 272, 340, 344, 348, 352, 356, 361, 369, 371, 374, 381, 386
 Иванов Вяч.В. 365
 Иваск Ю. 364
 Ивашченко А. 359
 Илью В. 356

- Ильин В.И. 237, 356
 Ильичев Л.Ф. 362
 Имберт А. 295, 363
 Иодковский Э.Ф. 116, 374
 Ионеско Э. 109, 343
 Иофе В.В. 340, 374
 Исаковский М.В. 101
- Кааманьо Ф. 295, 296, 363
 Кабыш И.А. 46, 336
 Каганович Л.М. 361
 Кагановский Г.Г. 292, 374
 Казакевич Э.Г. 304, 338, 374
 Казаков Ю.П. 338
 Казачинский А. 309
 Казинцев А.И. 46, 336, 379
 Калашников А. 317–319, 374
 Калининченко 238
 Калугин В.И. 9, 110, 128, 139, 146, 158, 175, 244, 258, 264, 308, 340, 346, 375
 Камышова М.А. 340, 375
 Кандинский В.В. 100, 343
 Кант И. 38, 173
 Капиев Р. 141, 375
 Капиев Э. 375
 Каплан М.М. 7, 9, 55, 80, 85, 110, 125, 146, 242, 297, 298, 300, 305, 314, 316, 317, 321, 340, 343, 360, 363–365, 367, 368, 375, 382, 385
 Каплан Ф.Е. 193, 352
 Каплан Э.С. 159, 244, 309, 357, 375
 Калур Р. 340
 Карабчиевский Ю.А. 329
 Карманов В.Г. 260, 359
 Карпель Р.А. 135–137, 141, 346, 375
 Карпович М. 364
 Карпухин В. 27
 Кархмазян 204
 Касавубу Ж. 93, 342
 Касумов 261
 Катков М.Н. 48, 337
 Кафка Ф. 203
 Кац В. 150, 152, 375
 Качанов В. см. Кочанов В.
 «Квалитизм» 370
 Кедрин Д.Б. 11, 52
 Кельчеи Ф. 339
 Кенжеев Б. 46, 47, 336, 379
 Керестеджиянц Л.В. 249, 255, 353, 357, 358, 360, 375
 Кибальников А.П. 25, 92, 332
 Киров С.М. 332, 349
 Кирсанов С.И. 25, 40
 Кирьянов Б.Н. 205, 375
 Клиберн Х.Л. 93, 342
 Ключев Н.А. 5, 173, 197
- Ковалев Ю. 27
 Коваленко 256
 Ковенацкий В.А. 131, 308, 375
 Ковшин см. Вишняков В.
 Ковшина Л.Г. см. Рыжкова Л.Г.
 Коган П.Д. 50, 143, 337, 347
 Коган Э.И. 62, 375, 379
 Кожин В.В. 46, 375
 Козлов Б.Н. 300, 310, 364, 365, 375
 «Коктейль» 11, 111, 113, 115, 144, 229, 251, 285, 316, 355, 360, 362, 375, 382, 387
 Колесников 235
 «Колокол» 341, 370, 374
 Колосов Л.С. 313, 365
 Комар В.А. 310, 343, 375, 378, 382
 Кононенко В.В. 310, 318, 375, 385
 Кончаловская Н.П. 352
 Копелев Л.З. 336
 Корвалан Л. 369
 Коржавин Н. 46, 376
 Коржилов Б.В. 181, 376
 Короленко В.Г. 292
 Костаки Г.Д. 310, 364
 Костикова 350
 Костюченко 261
 Котельников В.Ф. 244
 Котляр Э. 382
 Котов В.М. 217, 360, 376
 Котов В.П. 265, 376
 Котов М.И. 354
 Котрелев Н.В. 75, 125, 128, 130, 323, 345, 376
 Кочанов В. 11, 135, 146, 367, 376
 Кочарян С.А. 77, 340
 Кочетов В.А. 376
 Кравченко Л.П. 88, 342
 Кравченко Н.А. 7
 Красильников М. 324
 Краснов В. 173, 234
 Краснопевцев Д. 346
 Краснопевцев Л.Н. 234, 235, 352, 368, 376
 Красов 228
 Красовицкий С.Я. 119, 142, 344, 376
 Кропивницкий Е.Л. 14, 66, 100, 104, 136, 142, 147, 219, 376, 377
 Кропивницкий Л.Е. 346, 376, 377, 382
 Кублановский Ю.М. 47, 311, 336, 376, 379, 383, 386
 Кузнецов Э.С. 6, 11, 15, 20–22, 81, 84, 110, 123, 128, 129, 135, 157–159, 175, 177, 180, 181, 195, 196, 198, 200, 202, 211, 228, 230, 231, 236–238, 240–246, 253, 268, 269, 272, 297, 305, 317, 332, 344, 353–355, 361, 376, 378, 379, 384–386
 Кузовкин Г.В. 7
 Кун Н.А. 184
 Кундера М. 322

- Курант Р. **61, 338**
 Курганцев М.А. **42, 377**
 Кугузов В.М. **27**
 Кушев Е.И.; **292, 362, 366, 377, 385**
 Кушнер **262, 364**
 Кушнер А.С. **287, 306, 310, 364, 377, 382**
- Лавлинский Л.И. **266, 341, 343, 360, 377**
 Лавров А.С. **332, 377**
 Лаврова О.А. **332, 377**
 Лавуг П.И. **194, 352**
 Лалин К.К. **28, 333, 335, 358, 360**
 Ларошфуко Ф., де **189**
 Лашкова В.И. **8, 340, 365, 370, 377**
 Лебедев-Кумач В.И. **351**
 Лейбниц Г.В. **189**
 Лейбович Ю.Л. **232, 233**
 Лейкин М.С. **260–262, 345, 359, 377**
 Ленин В.И. **12, 17, 48, 64, 83, 146, 163, 169, 171, 174, 187, 192, 193, 228, 282, 292, 297, 326, 352, 361**
 Ленский Д. **349**
 Лепешинская О.В. **310**
 Лермонтов М.Ю. **170, 185, 189, 303**
 Лернер А.Я. **209, 377**
 Лесков Н.С. **223**
 Лещенко П.К. **304, 363**
 «Лианозовская группа» **376, 377, 381, 382, 386**
 Лидин Б. см. Скуратовский В.
 Лимонов Э.В. **327**
 Литвак А.М. **337, 377**
 Литвинов В. **27**
 Литвинов П.М. **344**
 Лиходеев Л.И. **318, 366, 377**
 Лобанов А.Ф. **378**
 Лозинский М.Л. **129, 323, 324, 345**
 Лондон Д. **35, 171**
 Лосев Л.В. **324, 328**
 Луговой Л.Л. **244**
 Луговской В.А. **228**
 Лука **208**
 Лумумба П. **342**
 Луначарский А.В. **51, 337**
 Лунц Д.Р. **206, 378**
 Любимов М.И. **244**
- Майданик К.Л. **179, 351, 378**
 Майоров Н.П. **49, 337**
 Макаев В. **61**
 Максвелл Р. **227, 355**
 Максимов В.Е. **227, 338, 340, 355**
 Максимов М. **335**
 Малевич К.С. **139, 346**
 Маленков Г.М. **361**
 Мальков **240, 378**
- Мальцев Л. **113, 246, 378**
 Мальцев Ю. **343**
 Мамлеев Ю.В. **116, 126, 192, 193, 195, 197, 207, 208, 308–311, 321, 368, 373, 375, 378**
 Мандельштам О.Э. **10, 45, 143, 190, 197, 304, 328**
 Манн Т. **351**
 Манулин см. Иванов А.М.
 Мариенгоф А.Б. **317, 366**
 Маркс К. **38, 39, 63, 171, 191, 234, 236, 304**
 Мартенс В. **346, 354**
 Мартыновиче А. **236, 356**
 Марченко И.Т. **25**
 Маршак С.Я. **336**
 Марьян Б.Т. **204, 378**
 Мастеркова Л. **343, 346, 377**
 Машин Ю.Д. **255, 256, 378**
 Машков Ю.Т. **378**
 Машкова В.Е. **340, 378**
 Маяковская Л.В. **25, 27, 332, 333**
 Маяковский В.В. **8, 13, 25, 26, 28–30, 39–41, 51, 52, 65, 92, 124, 125, 145, 167, 194, 218, 235, 257, 285, 286, 309, 318, 323, 328, 329, 332, 333, 335, 352, 358, 364, 372, 373**
- Меер И. **349**
 Межиров А.П. **150**
 Меламид А.Д. **344, 375, 378**
 Мельникова С.А. **218, 378**
 Мельниченко Б.Т. **87, 341**
 Менакер В. **333**
 Мережковский Д.С. **31, 48, 143**
 Мерцалов см. Головатенко Ю.П.
 «Метрополь» **370, 376**
 Механиков В. **149, 150, 378**
 Мещерский В.П. **193, 352**
 Мигачева Т.Ф. **61, 63, 64**
 Милюков П.Н. **193, 352**
 Мирза Д.Г. **17, 332**
 Митрохин Н. **168, 231**
 Михайлов **85**
 Михайлов Н.А. **25, 26**
 Михайлов О.Н. **239, 356**
 Михалков С.С. **358**
 Мобуту С. **93, 342**
 Могилев И.А. **244**
 Могилевский В.Ю. **102–104, 143–146, 258, 379**
 Модель И.Л. **192, 373, 379**
 Модель Л.М. **379**
 Молотов В.М. **361**
 Молочков В.И. **181, 379**
 Монтан И. **173, 350**
 Монтескье Ш. **216**
 Мопассан Г., де **90**
 Моравиа А. **353**
 Мориц Ю.П. **46, 379**
 Морозов А.П. **81, 244, 254, 260, 379**

- Морозов В. **320, 379**
 Морозов П.Т. **213**
 Морозов С.П. **311, 379, 383, 385**
 «Московское время» **47, 336, 376, 379**
 Мотобриццева И.К. **242, 345, 357, 379**
 Моцарт В.А. **138**
 Муравьев В.И. **162, 349**
 Муравьев В.С. **162, 164, 348, 384**
 Муравьев Л.С. **162, 348**
 Муравьева И.И. **162, 348, 349**
 Мурин Ю. **204**
 Мусатов А.И. **353**
 «Мученик» **258, 350, 379**
- «На переломе» **368, 375**
 Нагайцев А. **256, 358, 360**
 Надь И. **171, 349**
 Найденович А.П. **340, 379**
 Нарбикова В.С. **46, 336**
 Насер Г.А. **334**
 «Наша мысль» **62, 63, 350, 375, 379**
 Недбайло И. **366, 383**
 Недгар Г. см. Виленский Ю.М.
 Некрасов В. **377, 382**
 Некрасов Ю.М. **256, 358, 360**
 Немухин В. **343, 377**
 Нерлер П.М. **46, 336**
 Неру Д. **67, 178, 210**
 Никифоров **16**
 Никифоров Н. **236**
 Николаев А. **333**
 Николай II, имп. **171, 352**
 Никонов А.В. **256, 379**
 Нильский В. **357, 360**
 Ницше Ф. **172, 189, 304**
 Новиков И.К. **304, 364**
 Новиков Н. **26, 379**
 Новиков Ю. **364**
 Новогодний см. Иванов А.М.
 Новолаева Л. **318, 379**
 Нор Н. см. Орлов А.
 Носов В. **158, 252, 258, 264, 358, 379**
- Овчинников И. **369**
 Огинская Л. **333**
 Одноралов М.Н. **344, 379**
 Озеров Л.А. **333**
 Окуджава Б.Ш. **46, 71, 114, 182, 310, 338, 343, 379**
 Ольшванг Ю. **333**
 Онежская А. см. Топешкина А.
 Орджоникидзе С. **332**
 Орлов А.Н. **158–160, 164, 174, 229, 235, 327, 332, 333, 337, 343, 348, 355, 357, 379**
 Орлов С.Д. **25, 379**
 Орлова Н.М. **244**
- Осипов В.Н. **5, 6, 11, 13, 17, 18, 20, 22, 33, 65–69, 81, 84, 104, 105, 107, 110, 121–123, 128, 129, 135, 136, 140, 141, 148, 157–161, 163–168, 173, 179–182, 195, 196, 198, 200, 202, 209, 211, 219–223, 225, 231, 234–246, 253, 255, 268, 269, 272, 297, 305, 316, 317, 332, 340, 344, 346–351, 354, 361, 364, 369, 375, 376, 378–380, 382, 384**
 Осипова А.М. см. Топешкина А.М.
 Островский А.Н. **62, 76, 342**
 Оттен Н.Д. **338**
- Павлов С.П. **255, 380**
 Павлова М. **382**
 Панов М. **318, 320, 380**
 Панченко Н.В. **338**
 Парнис А. **333**
 Пастернак Б.Л. **10, 38–40, 52, 126, 141, 143, 162, 190, 215, 304, 334, 336, 337, 353, 364, 365, 380, 385**
 Пастухов **150**
 Паустовский К.Г. **304, 336, 338, 380**
 Пахомов А.Д. **311, 380**
 Пересветов И. **229, 355**
 Петефи Ш. **66, 339**
 Петров А. см. Головатенко Ю.П.
 Петрова Т.М. **46, 336**
 Петросян М.Е. **140, 141, 380**
 Пикассо П. **136**
 Пинский Л.Е. **142, 162, 276, 380**
 Плавинский Д.П. **14, 194, 346, 380**
 Платон **168, 172, 189, 349, 354**
 Платонов А.П. **343**
 Плеханов Г.В. **292**
 Плещеев А.Н. **364**
 Подгорный Н.В. **353**
 Поликарпов Д.А. **25, 380**
 Полищук Т.Н. **56, 380**
 Поляков В. **365**
 Поляков С.М. **380**
 Поляков Ю. **173, 174**
 Померанц Г.С. **142, 160, 161, 175, 180, 307, 339, 348, 349, 380, 385**
 Помещиков В.А. **66, 117, 344, 380**
 Пономарева Е. **299**
 Поленкова М.С. **119, 344, 380**
 Попов Г.М. **57, 338**
 Попов В.М. **202, 381**
 Постовалов В.М. **244, 260, 267, 345, 381**
 Правдина И. **333**
 Преображенский Е.А. **123, 344**
 Принцип Г. **231, 237, 356**
 Прихожан Л.М. **131, 143, 149, 308, 346, 347, 364, 381**
 Протопопов Б. **360**
 Проторчин А. **340**

- Прудон П.Ж. **10**
 Пруст М. **203**
 Пудалов А.М. **79, 341**
 Пудалов Ф.М. **79, 341**
 Путов А. **365**
 Пушкин А.С. **89, 185, 186, 189, 326**
 Пятницкий В. **341**
- Рабин А.О. **344**
 Рабин О.Я. **14, 136, 137, 139, 140, 142, 147, 166, 219, 343, 344, 346, 377, 381**
 Рабичев Л. **335**
 Радзиевский П. **365**
 Радыгин А.В. **340, 381**
 Разумовский А.В. **318, 381**
 Разумовский В.В. **318, 381**
 Ракоши М. **60, 338**
 Рафальский В.П. **236, 238, 354, 381**
 Рахметов см. Иванов А.И.
 Реброва Т.А. **318, 381**
 Резницкий А.Л. **267, 381**
 Рейн Е.Б. **382**
 Ременцов В.И. **18, 178, 180, 222, 236–238, 241, 381**
 Ренан Ж.Э. **191, 351**
 Репин И.Е. **139**
 Репников В.А. **159, 340, 381**
 Рерих Н.К. **100, 137, 343, 346**
 «Рикшот» **368, 383, 386**
 Рильке Р.М. **120**
 Рихтер С.Т. **346**
 Рогинский А.Б. **7**
 Родзянко М.В. **193, 352**
 Рождественский Р.И. **304, 333, 381**
 Розанов В.В. **48, 131, 193, 326, 331, 337**
 Розенкрац С.С. **201, 381**
 Розенфельд С. **295, 381**
 Розов В.С. **338, 347**
 Руднева Л. **333, 335**
 Рузвельт Ф.Д. **39**
 Рустайкис А.А. **124, 345, 372, 381**
 Рыбкин Р.Л. **203, 381**
 Рыжкова Л.Г. **66, 85, 341, 345, 382**
 Рытикова Б.Х. **244**
 Рябов И. **334**
 Рязанов Э.А. **89, 342**
- С. Вячеслав **21, 65, 67, 70, 80, 123, 175–180, 220, 237, 243, 305, 309, 332, 348, 351, 354, 378**
 Садова М. **356**
 Садовяну М. **356**
 Саед-Шах А.Ю. см. Данцигер А.Ю.
 Салтыков-Щедрин М.Е. **247**
 Самойлов Д.С. **52, 317, 333, 382**
 Салпир Г.В. **142, 310, 360, 377, 382**
- Салпир **202**
 Сартр Ж.-П. **203, 353**
 Сахаров А. **264, 267, 340, 382**
 Сахаров А.Д. **340**
 Свердлов Л.М. **244**
 Свешников Б.П. **382**
 Свешников В. **341**
 Сезанн П. **29, 333**
 Семичастный В.Е. **39, 334, 382**
 Сенкевич А. **379, 383**
 Сент-Экзюпери А. **33**
 Сенчагов В.К. **244**
 Сергиенко М.С. см. Поленкова М.С.
 «Сеятель» **341**
 Сидоров Е.Ю. **55, 146, 382**
 Синий Я. см. Якобсон Г.Р.
 «Синтаксис» **100, 101, 111, 119, 140–142, 166, 167, 175, 219, 285, 339, 345, 348, 362, 368–372, 375–377, 382, 385, 386**
 Синявский А.Д. **45–47, 70, 84, 293, 321, 339, 340, 371, 372, 377, 382, 385**
 «Сирена» **310, 311, 316, 341, 364, 368, 370, 371, 375, 377, 382, 383, 387**
 Ситников В.Я. **136, 141, 175, 194, 341, 364, 369, 382, 386**
 Ситников И.Д. **181, 382**
 Скворцов см. Осипов В.Н.
 Скуратов см. Иванов А.М.
 Скуратовский В.Я. **11, 108, 112, 113, 128, 135, 144, 244, 308–310, 343, 345, 347, 355, 364, 365, 375, 382**
 Слепак В.С. **209, 382**
 Слепакова Н. **382**
 Слуцкий Б.А. **41, 143, 317, 333, 334, 338, 383, 384**
 Смяян Т.Н. **363, 383**
 Смирнова Н.А. **144, 383**
 СМОГ **124, 293, 310–312, 316–318, 320, 321, 367, 368, 370, 372, 374, 376, 377, 379–381, 383–387**
 Снежневский А.В. **83, 383**
 Соболев Л.С. **229, 355**
 Соболев Ю. **351**
 Соколов А.В. (Саша Соколов) **311, 316, 383**
 Соколов В.П. **203, 353, 383**
 Солженицын А.И. **330, 335, 371, 375, 376, 383**
 Солнцева Н. **383**
 Соловьев В.С. **38**
 Соловьев Н.П. **249, 255, 353, 357, 358, 360, 383**
 Сопровский А.А. **46, 47, 336, 379**
 Сорока С.К. **205, 383**
 Сорокин С. **234**
 Соснина М.М. **338**
 Сосюра В.Н. **232**
 Спиноза Б. **189, 216**
 Сталин И.В. **22, 36, 37, 39, 56–60, 77–79, 81, 92, 109, 154, 155, 169–171, 185, 187, 188, 213, 215,**

- 232–234, 237, 260, 277, 297, 302, 328, 329, 333, 338, 342, 361
- Стариков Л. 236
- Степанов А.Н. 35
- Стерник Г. 28, 30
- Стефанов Ю.Н. 130, 308, 317, 345, 383
- Стиро В. 78, 340
- Строева Е.П. 201, 310, 354, 383, 384
- Стулов Е.И. 244
- Суворин А.С. 48, 337
- Суперфин Г.Г. 105, 110, 122, 127, 128, 131, 383
- Сурина Т. 146, 384
- Сурков А.А. 25
- Сустретов С.Л. 26
- Суханов Б.И. 169
- «Сфинксы» 311, 317, 341, 367, 368, 370, 372, 375–377, 379, 383, 384
- Талицкий В.В. 14, 15, 149, 153, 275, 332, 347, 384
- Талочкин Л.П. 310, 384
- Тарасова Н. 345
- Тарсис В.Я. 384
- Твардовский А.Т. 25, 44, 54, 101, 384
- Темин Г.М. 340, 384
- Тендряков В.Ф. 215, 355, 384
- Тер-Погосян 152, 384
- Тинторетто Я. 192
- Титов Ю.В. 14, 383, 384
- Тихонов Н.С. 25, 26, 384
- Тоом А.Л. 262, 384
- Тоом Л. 384
- Топешкина А.М. 107, 108, 110, 119, 123, 310, 340, 343, 345, 364, 384, 386
- Третьяков С. 229
- Третьяков С.М. 355
- Трошкин 62, 63
- Труфанов А. 163, 384
- Турбин В.Н. 260, 384
- Тургенев И.С. 185, 186
- Турич А. 144, 384
- Тычина П.Г. 187, 351
- Тышлер А.Г. 100, 343, 384
- Урбанский Е.Я. 41, 385
- Урин В.А. 320
- Урусов А.И. 318–320, 385
- Уфлянд В.И. 382
- Ушаков В.Г. 228, 385
- Ушаков Н.Н. 351
- Файнберг В.И. 344
- Фальк Р.Р. 310, 364, 379
- Федоров В.Р. 76, 340
- Федоров В.М. 244, 385
- Федоров Н.Ф. 196, 352
- Федорова К.В. 78, 340, 385
- Федянов В.П. 235, 385
- «Феникс» 11, 66, 83, 87, 100, 104, 107, 108, 118, 119, 123, 127, 129, 130, 142, 144, 157, 158, 160, 161, 175, 220, 229, 230, 232, 251, 293, 295, 297, 306, 316, 317, 323, 332, 339–345, 348, 355, 357, 359, 360, 363, 364, 368, 370, 371, 374–377, 379, 383–387
- «Феникс–62» 355
- «Феникс–66» 294, 362, 366, 368, 370, 371, 379, 383–386
- Фирсов 262
- Флоренский П.А. 48, 337
- «Фонарь» 310, 311, 341, 375, 385
- Франк С.Л. 45, 336
- Фриде Е.С. 66, 105, 126, 157, 158, 193, 194, 264, 310, 360, 382, 385
- Фурст Д.Б. 228
- Фурье Ш. 10
- Хайдеггер М. 189, 351
- Хайек Ф. 165, 166, 349
- Хаммаршельд Д.Я. 17
- Харабаров И.М. 157, 229, 348, 355, 385
- Харитонов А.В. 14, 116, 142, 159, 308, 310, 341, 365, 385
- Харламов Ю.Ф. 150–152, 253, 274, 275, 282, 362, 385
- Хаустов В.А. 11, 20, 123, 135, 175, 177, 180, 181, 214, 215, 218–223, 236, 244, 305, 340, 377, 385
- Хвас А.Я. 124, 386
- Хемингуэй Э. 353
- Хлебников В.В. 81, 101, 130, 350
- Хмелев Е. 340, 386
- Ходасевич В.Ф. 329
- Холин И.С. 142, 377, 382, 386
- Хромов В.К. 119, 344, 359, 380, 385, 386
- «Хроника текущих событий» 107, 341, 371, 377, 384, 386, 387
- Хрущев Н.С. 16, 17, 20, 21, 44, 69, 109, 110, 114, 121, 123, 129, 163, 168, 171, 174, 178, 181, 200, 213, 222, 223, 231, 234, 237, 260, 275, 279, 303, 304, 307, 325, 335, 338, 349–351, 353, 362, 374, 376, 381, 383
- Цвейг С. 229
- Цвелев В. 356
- Цветаева М.И. 5, 11, 39, 52, 100, 102, 173, 215, 304, 328, 334, 338, 364
- Цветков А.П. 46, 336, 379
- Цирлин И. 346
- Цуканова М.Ф. 228
- Цыпкин Б. 232
- Чайковский П.И. 138, 139
- Чанышев А.Н. 46, 386

- Чейз Д.Х. **314**
Черепов Г. **203, 353, 386**
Черненко К.У. **318**
Черный Саша **121, 173, 267**
Чернышев **359**
Чернышевский Н.Г. **48, 163, 326**
Черчилль У. **39, 307, 364**
Чехов А.П. **35**
Чижевский Д. **364**
«Числа» **368**
Чомбе М. **93, 342**
«Чу!» **316, 367, 368, 372, 376, 383, 386**
Чув Ф.И. **259**
Чуковский К.И. **336, 367**
Чухонцев О.Г. **207, 331**
- Шамун К. **333**
Шапиро **262**
Шаралова А.В. **46, 336**
Шатуновский И. **360**
Шахов А. **333**
Шварц Е.Л. **338, 368**
Шейнин Л.Р. **273, 361**
Шекспир В. **76, 78, 385**
Шелепин А.Н. **148, 181, 273, 361, 386**
Шелков И. **364**
Шемякин М. **107**
Шепилов Д.Т. **361**
Шестаков **199**
Шестов Л. **48, 337**
Шехтель Ф.О. **184**
Шибачев И. **137, 139, 141**
Шиллер И.Ф. **76, 77, 228**
Шилов Л. **333**
Шипачев И. **386**
Шифрин А. **352, 353**
Шлаин М.И. **42, 335, 386**
Шляпников А.Г. **122, 174, 344**
Шматович-Галанскова см. Галанскова Е.Т.
Шолохов М.А. **385**
Шопенгауэр А. **189, 304**
Шостакович Д.Д. **336**
Шпенглер О. **189**
Шпунт Б. **232, 386**
Штейнберг А.А. **338, 386**
Штейнберг Э.А. **159, 194, 386**
Штейнер Р. **191**
Штеренфельд Е.В. **121, 177, 243, 244, 344, 386**
- Штирнер М. **164**
Шуг см. Шухт А.В.
Шур М. **365**
Шухова З.И. **347, 387**
Шухт А.В. **9, 55, 56, 71, 80–82, 84, 85, 105, 108, 110, 115, 117–119, 122, 127–129, 144, 146, 148, 158, 175, 218, 264, 266, 267, 305, 308–310, 321, 324, 337, 339–341, 344, 346, 351, 358, 360, 367, 379, 383, 387**
- Щекин-Кротова А.В. **310, 364**
Щипачев С.П. **285**
Щукин А.И. **9, 13, 55, 80, 82, 85, 92, 100, 108, 110, 118, 119, 121, 123, 125, 128, 144, 157–159, 175, 179, 218, 237, 264, 266, 278, 297, 304, 305, 309, 310, 316, 317, 321, 332, 333, 340–342, 345, 347, 348, 351, 352, 354, 355, 358–361, 363, 367, 368, 378, 382, 387**
- Эдельштейн Б.И. **110**
Эльсберг Я.Е. **380**
Эльская Н. **344**
Энгвер **359**
Энгельс Ф. **38, 171**
Эпштейн **241, 242**
Эренбург И.Г. **109, 312, 343, 387**
Эскина З.А. **126, 345, 376, 387**
Эткинд Е.Г. **336**
Эфа см. Гадасина А.
Эфрон А.С. **338**
«Эхо» **341, 369**
Эшлиман Н. **353**
- Юпп М.Е. **7, 211, 310, 382, 387**
- Яacobсон Г.Р. **110–114, 116, 266–268, 308, 310, 375, 387**
Яковлев В.И. **341, 346, 387**
Яковлева Т. **364**
Якунин Г.П. **208, 353**
Янкеlevич М. **318–320, 366, 387**
Янов А.Л. **239, 356**
Янушевский И.К. **206, 387**
Ясколка см. Топешкина А.М.
Ясперс К. **190, 351**
Яценко В. **136, 137, 138, 141**
Яшин А.Я. **215, 304, 387**
Яшиш Е. **232**

СОДЕРЖАНИЕ

От автора	5
<i>Владимир Буковский</i> . Гайд-парк по-советски	8

ЭКСПОЗИЦИЯ

Как живой с живыми говоря... ..	25
<i>Николай Новиков</i> . На перекрестке главных магистралей	26
<i>Н.Зацепина</i> . В гости к Маяковскому	27
<i>К.Лапин</i> . О «клубе» на площади и клубах, которых нет	28

РАЗВИТИЕ ДЕЙСТВИЯ

<i>Игорь Волгин</i> . На площади Маяковского материализовалось время	33
Кануны	49
Горит Ян Гус	50
<i>Елена Заславская</i> . Глоток свободы	51
<i>Всеволод Абдулов</i> . Замечательное было время!	52
<i>Аполлон Шухт</i> . Эти чтения были очень полезны и очень важны	55
Звуки	71
«В ответ на это...»	73
«Бей брешь...»	74
<i>Владимир Вишняков</i> . Все мы в молодости смотрим революционерами	75
«Мне говорили “не надо”...»	90
«Мы с тобою почти калеки...»	91
<i>Анатолий Шукин</i> . Надо понимать	92
Кредо	93
Репортаж с Красной площади	94
<i>Юрий Галансков</i> . Человеческий манифест	97
<i>Алиса Гадасина</i> . «Маяковка» дала нам внутреннюю свободу	100
Кто-то	106
«То ли горе, то ли скука...»	106
<i>Аида Топешкина</i> . Московское золото	107
<i>Юлий Головатенко</i> . «Эх, романтика, синий дым...»	108
<i>Виталий Скуратовский</i> . Коктейль «Маяковки»	108
<i>Вадим Помещиков</i> . Аполлон и Юра	117
<i>Евгений Штеренфельд</i> . Я выполнял функции охранника	121
<i>Алена Баилова</i> . Как они смеют бить поэта!	124
<i>Зинаида Эскина</i> . Это была обычная, каждодневная жизнь... ..	126
<i>Николай Котрелев</i> . Эпатажные сборища мне были чужды	128
<i>Юрий Стефанов</i> . Они были художники, а не бунтари	130
«Рушатся цепи прогресса...»	131

КУЛЬМИНАЦИЯ

<i>Владимир Осипов.</i> Площадь Маяковского, статья 70-я	136
<i>Роман Карпель.</i> Жрецы «Помойки № 8»	137
<i>Игорь Губерман.</i> Все мы были тогда молодые щенки... ..	141
<i>Леонид Прихожан.</i> Поступило такое указание... ..	143
<i>Владимир Талицкий.</i> О том, как клуб на площади пытались перенести в клуб под крышей	149
<i>Владимир Буковский.</i> [Тезисы о развале комсомола]	153
Справка МГК ВЛКСМ, направленная в ЦК ВЛКСМ	157
<i>Александр Орлов.</i> Тоталитаризм сидел во всех	158
<i>Григорий Померанц.</i> Эксперимент подполья	161
<i>Владимир Осипов.</i> Даже Платон воспринимался тогда антисоветски	168
<i>Илья Бокштейн.</i> Площадь Маяковского — Тель-Авив	182
[Тезисы]	210
<i>Эдуард Кузнецов.</i> Я родился на Земле... ..	211
Из протокола обыска у Кузнецова Э.С.	228
<i>Анатолий Иванов.</i> Гаврило Принцип наоборот	231
Обвинительное заключение	240
Справка	246

РАЗВЯЗКА

<i>Н. Соловьев, Л. Керестеджиянц.</i> Докладная записка в бюро ЦК ВЛКСМ. .	249
<i>Н. Соловьев, Л. Керестеджиянц.</i> Сопроводительное письмо	255
Из протокола № 42 заседания Бюро ЦК ВЛКСМ	255
<i>А. Нагайцев, Ю. Некрасов.</i> За спиной у поэта	256
Из протокола № 3 заседания бюро комитета ВЛКСМ МГУ им. Ломоносова ..	259
Из доклада Л.Г.Андреева на закрытом заседании партбюро филологического факультета МГУ	260
Из справки о подготовке кадров и идейно-воспитательной работе в Москов- ском государственном университете	260
Из справки секретаря партбюро механико-математического факультета МГУ В.Г.Карманова	260
Из протокола № 3 заседания районного партактива Ленинградской партий- ной организации г.Москвы	262
<i>А. Елкин.</i> Кубарем с Парнаса	263
<i>Вл. Котов.</i> Пигмеи	265
<i>Л. Лавлинский.</i> Обнаглевший нуль	266
<i>Юрий Галансков.</i> Письмо в Комитет государственной безопасности	268
<i>Э. А.</i> В ЦК КПСС по поводу публичных чтений и дискуссий на площади Маяковского	275

<i>Евгений Евтушенко. Из речи на заседании идеологической комиссии при ЦК КПСС</i>	284
--	-----

ВМЕСТО ЭПИЛОГА

Интервью с умершим поэтом	289
Венок Юрию Галанскову	292
<i>Геннадий Кагановский. Я найду себе свое прекрасное...</i>	292
<i>Евгений Кушев. Подпольный литератор — человек чести</i>	292
<i>Стефан С. Розенфельд. Молодой русский поэт сидит один на тротуаре перед посольством США</i>	295
<i>Владимир Батшев. Живая легенда</i>	296
<i>Елена Пономарева. Памяти Юрия Галанскова</i>	299
<i>Владимир Жильцов. Поминание</i>	299
<i>Михаил Каплан. Моя российская судьба</i>	300
«И тени нет. И нет столба...»	314
Золотая черепашка	314
<i>Владимир Батшев. Они передали нам свой опыт</i>	315
<u>Вместо послесловия: взгляд из сегодня</u>	
<i>Андрей Зорин. Секта пятидесятников</i>	322
Комментарии	332
Краткие сведения об участниках чтений на площади Маяковского, их наставниках, друзьях и недругах, а также о самиздатских журналах и самодеятельных объединениях, упомянутых в книге	367
Именной указатель	388

Поликовская Людмила Владимировна

«МЫ ПРЕДЧУВСТВИЕ, ПРЕДТЕЧА...»

Площадь Маяковского
1958–1965

Редактор А.И.Добкин

Художник Д.А.Сенчагов

Корректоры Л.Е.Лохова, Н.П.Рачинская

Издательская программа общества «Мемориал» осуществляется
при поддержке Ассоциации «Дорога свободы»

Подписано в печать 23.12.1996. Формат 60*90/16

Бумага офсетная. Печать офсетная.

Усл.печ.л. 26,0. Тираж 1500.

Отпечано ООО Информполиграф. Заказ 660

Просветительско-издательский центр «Звенья»
103051, Москва, Малый Каретный пер., 12.

Эта книга о тех, чья юность пришлась на конец 1950-х—первую половину 1960-х, о поколении, которому суждено было стать «предчувствием, предтечей...»

Предтечей — чего? Свободы? Сформировавшегося в более поздние годы общественного идеала?

Однозначного ответа на эти вопросы нет. Ибо герои книги — известные ныне правозащитник Владимир Буковский, писатели Игорь Губерман, Игорь Волгин, лидер движения «Христианское Возрождение» Владимир Осипов, редактор израильской газеты Эдуард Кузнецов, актер Всеволод Абдулов и многие-многие другие — и тогда думали по-разному, стремились к разным целям. Их объединяло не мировоззрение, а площадь в центре Москвы, куда молодые люди приходили читать и слушать стихи. Впрочем, сказать, что участников чтений влекла на «Маяковку» только любовь к поэзии, — значит сказать не всю правду...

Московский литератор Людмила Поликовская взяла интервью у многих завсегдатаев «Маяка». Их рассказы о времени и о себе перемежаются в книге документами, многие из которых до сих пор не известны даже самим участникам тех давних событий. Это «справки»-доносы, отсылавшиеся руководителями вузов в партийные и комсомольские инстанции, протоколы обысков, составленные КГБ, выписки из обвинительных заключений... Тайное, став явным, дополнило картину. В пеструю мозаику этой книги вплетены и протоколы комсомольских собраний, и газетные фельетоны тех лет, и, конечно же, стихи — звучавшие на площади и распространявшиеся в самиздате.